Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

СЫКТЫВКАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА
ОПОРНЫЙ ВУЗ РЕГИОНА

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ
(8212) 390-308
(8212) 390-440

Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века

Международная научная конференция

9–10 сентября 2016 года
г. Сыктывкар, Республика Коми

Сборник материалов

Текстовое научное электронное издание на компакт-диске

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2018

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2018
© Оформление. Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2018

Титул Об издании Производственно-технические сведения Содержание

УДК 37.13
ББК 74.04
П32

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются
за организацией-разработчиком.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

Издается по постановлению научно-технического совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

Редакционная коллегия:
Л.В. Гурленова, д-р филол. наук, профессор, директор института культуры и искусства ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», ответственный редактор;
Н.Ф. Зюзев, д-р филос. наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
М.И. Бурлыкина, д-р культурологии, профессор ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

Ответственные за выпуск:
Н.И. Романчук, канд. с-х. наук, начальник управления научной и инновационной деятельности; ***В.В. Мазур***, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности.

П32 **Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века** [Электронный ресурс] : Международная научная конференция, 9–10 сентября 2016 года, г. Сыктывкар, Республика Коми : сборник материалов : текстовое научное электронное издание на компакт-диске / отв. ред. Л. В. Гурленова; Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». – Электрон. текстовые дан. (2,1 Мб). – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium III ; 256 Мб RAM ; не менее 1,5 Гб на винчестере ; Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2) ; Microsoft Office 2003 и выше ; видеокарта с памятью не менее 32 Мб ; экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек ;4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

Сборник научных трудов «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» создан на основе материалов Международной научной конференции, прошедшей в Сыктывкаре 9-10 сентября 2016 года. В статьях сборника представлены исследования жизни ученого и его трудов, посвященных актуальным современным аспектам, в том числе теории кризисов и глобализации, а также статьи, авторы которых изучают современное состояние общества и культуры в свете идей П. Сорокина.

Сборник предназначен специалистам, в том числе начинающим исследователям, в области социологии, философии, теории и истории культуры, политологии, образования.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

УДК 37.13
ББК 74.04

Титул Об издании Производственно-технические сведения Содержание

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наследие Питирима Сорокина в XXI веке (Н.Ф. Зюзев) 8

ВВЕДЕНИЕ

Кузиванова О.Ю., Ломоносова М.В.
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.А. СОРОКИНА В РОССИИ 12

Sergei Pitirimovitch Sorokin
PITIRIM SOROKIN AND THE MODERN WORLD:
'POWER AND MORALITY' REVISITED 18

РАЗДЕЛ 1. НАСЛЕДИЕ П.А. СОРОКИНА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Балакшин А.С., Серафимов М.М.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ П.А. СОРОКИНА 31

Буланова М.Б.
МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ П.А. СОРОКИНА 38

Гагаев А.А., Гагаев П.А.
ФАКТОРЫ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ В МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РАС И ЭТНОСОВ ПИТИРИМА СОРОКИНА 46

Долгов А.Ю.
ТЕОРИЯ АЛЬТРУИЗМА ПИТИРИМА СОРОКИНА:
МИКРО-, МЕЗО- И МАКРОУРОВНИ ИССЛЕДОВАНИЙ 52

Козлова Т.З.
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В РАБОТАХ ПИТИРИМА СОРОКИНА 61

Кочнев Д.С.
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА
В КОНЦЕПЦИИ П.А. СОРОКИНА 65

Лазебная К.П.
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ В ТЕОРИИ П.А.СОРОКИНА:
ОТ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЕДИНСТВ К ЭМПИРИЧЕСКИМ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ СИСТЕМАМ 71

Лойко А.И.
КОНТЕКСТ МОБИЛЬНОСТИ В РАБОТАХ Р. ПАРКА И П. СОРОКИНА:
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 76

Лойко Л.Е.
П. СОРОКИН О ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 84

Миронов Д.В.
СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ
ПИТИРИМА СОРОКИНА:
РУССКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА 91

Петров В.Н.
ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.А. СОРОКИНА 96

Русанова В.С.
П.А. СОРОКИН – Е.Д. КУСКОВА:
О ЧЕМ ОНИ ДИСКУТИРОВАЛИ В НАЧАЛЕ 1920-Х гг. 103

Суслов Е.В.
КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД П.А. СОРОКИНА
НА СОВРЕМЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕГО КОНЦЕПЦИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ 109

Тульпе И.А.
РЕЛИГИЯ И ФЛУКТУАЦИЯ ФОРМ ИСКУССТВА
(ЧИТАЯ П.СОРОКИНА) 116

Тюгашев Е.А.
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ П.А. СОРОКИНА 122

РАЗДЕЛ 2. СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В СВЕТЕ ИДЕЙ ПИТИРИМА СОРОКИНА

2.1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Бухнер Н.Ю.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ
АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ 130

Гаврилина Л.К.
О СУБЪЕКТИВНОМ ПЕРЕЖИВАНИИ ХУДОЖНИКОМ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 135

Грибанов В.В., Лукин М.В.
ПИТИРИМ СОРОКИН И ПРОБЛЕМЫ ОРИЕНТАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
НА ГАРМОНИЗАЦИЮ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА 142

Грошева И.А., Грошева Л.И.
ШАБЛОНЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(В СВЕТЕ ИДЕЙ П. СОРОКИНА) 148

Гужавина Т.А.
МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 159

Дарган А.А.
СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА
СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 169

Дементьева И.Н.
ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ
В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ П.А. СОРОКИНА 176

Красулина В.В.
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ
СВОБОДЫ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ 181

Курова Н.Н.
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ
И ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ 188

Лецко И.А., Бендрикова А.Ю.
ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВРЕМЕННОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ
И СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА 194

Лыскова И.Е.
ВЗГЛЯДЫ Н.И. КАРЕЕВА И П.А. СОРОКИНА ПО ВОПРОСАМ
МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В АСПЕКТЕ
СОВРЕМЕННОГО РЕИНЖИНИРИНГА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ 201

Максименко О.И.
ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
ПРИ АНАЛИЗЕ РЫНОЧНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ
ПУБЛИЧНЫХ КОМПАНИЙ 210

Минина О.Г.
СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ АЛЬТРУИЗМ П.А.СОРОКИНА,
«РУССКИЙ НОБЕЛЬ» Х.С. ЛЕДЕНЦОВ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЦЕНАТСТВА 221

Наймушин М.Е., Збаражский Н.В.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 230

Рязанцев С.В., Лукьянец А.С.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭМИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ РОССИИ 233

Силаева З.В.
СПЕЦИФИКА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ 243

Силина Т.А.
СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 249

Стеблева А.М.
ФЕНОМЕН МАРГИНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ П.А. СОРОКИНА 258

Теребихин В.М., Теребихин Н.М.
СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИИ:
ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ СОЦИОФИЛОСОФИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА 263

Толчинская Е.А.
МУЗЫКАЛЬНАЯ КОРРЕКЦИЯ СОСТОЯНИЯ ЛЮДЕЙ 274

Швецова И.Н. 315
ПИТИРИМ СОРОКИН И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ 280

2.2. СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Анурин В.Ф.
ЗАКОН ПЕРЕМЕНЫ ТРУДА И НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ 289

Болотова Г.В., Новикова Н.Н., Квашнева А.Е.
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВМЕСТНЫХ МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ
КАК КАНАЛОВ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ЦИРКУЛЯЦИИ 301

Гливенко И.И.
ИДЕИ ПИТИРИМА СОРОКИНА И ГУМАНИЗАЦИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 308

Канаева Л.В.
ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ
МОБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ 316

Прошина И.В.
ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 326

Уваровская О.В.
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА
НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ – ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ
РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ 330

Чупрова Е.Н.
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ ПИТИРИМА СОРОКИНА 336

ПОСЛЕСЛОВИЕ
Авдонин В.С., Васильев Д.И.
О РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРЕПИСКИ ЗЕМСКОГО УЧИТЕЛЯ ИВАНА ПАНОВА
С ПИТИРИМОМ СОРОКИНЫМ 344

Василенко В.В.
МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О П.А. СОРОКИНЕ И ИНТЕГРАЛЬНАЯ
МЕТОДОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ 352

Бурлыкина М.И.
МУЗЕЙ В ЖИЗНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА 367

ПРЕДИСЛОВИЕ

Один из крупнейших социологов XX века Питирим Сорокин занимает уникальное место в истории общественной мысли не только в силу того, что многие из его идей, например, концепция социальной мобильности, стали классикой социальной теории, но и потому, что его учение и сейчас не утрачивает актуальности, привлекает растущее внимание со стороны исследователей. Сорокин резко выделялся среди своих современников тем, что ставил перед собой задачи, далеко превосходившие амбиции подавляющего большинства коллег. Причиной его конфликта с американским социологическим сообществом (во всяком случае, со значительной и влиятельной ее частью) в 1940-50-е годы явилось его категорическое несогласие следовать общим курсом, требовавшим от ученых ограничиться исследованием тех общественных процессов, которые можно было свести к статистическим вычислениям и несложным обобщениям. Он выбрал совершенно иной, крайне рискованный путь научного «вторжения» в сферу, которая, по общему мнению, практически не поддавалась статистике и счету – сферу культурных и нравственных ценностей. В его выдающемся труде «Социальная и культурная динамика» реализована задача проследить самые общие тенденции, которые действуют на всем протяжении истории человечества и определяют наиболее глубокие и драматические события в ней.

По масштабу замысла и исполнения с этим проектом Сорокина в истории общественных наук могут сравниться лишь крайне немногие труды. Можно вспомнить «Протестантскую этику и дух капитализма» Макса Вебера, но выдающийся немецкий социолог все-таки ставил перед собой более узкую задачу – проанализировать связь между идеологией Реформации и капиталистическим способом производства, что не предусматривало «похода» в глубь столетий, в античность, и на другие континенты. Даже «Капитал» Карла Маркса ограничивался более узкими временно-историческими рамками. Ближе к Сорокину в этом смысле находятся Освальд Шпенглер с его «Закатом Европы» и Арнольд Тойнби с его 12-томным трудом «Постижение истории». Сорокин, впрочем, так и не получил при жизни того же признания своего шедевра, как перечисленные здесь авторы. Причина этого не в качестве его труда – он ничем не уступает в этом параметре ни Шпенглеру, ни Тойнби – и даже не в недоброжелательстве коллег. Скорее, книга так и не получила должного признания в свое время по причине ее «несвоевременности». В начале XX века исследования, пытавшиеся

проникнуть в «смысл истории», были крайне популярны. Традиция, отмеченная работами Дж. Вико, Гегеля, Маркса (Н. Данилевского, К. Леонтьева и В. Соловьева – если говорить о русской историософской мысли), продолжилась под впечатлением от событий первой мировой войны и русской революции. Но к тому времени, когда вышла книга Сорокина (1937-41), общественная и научная нужда в новых исследованиях была во многом уже утолена, и «Социальная и культурная динамика» попала на период иссякающего интереса к подобной проблематике, к тому же ей было трудно привлечь широкое читательское внимание, так как она не была занятным и легким чтением, наподобие «Постижения истории», а требовала серьезной социологической и общекультурной подготовки, без которой невозможно было пробиться через плотность специальных терминов и статистических выкладок. Поэтому монументальный сорокинский труд, хотя и получил ряд одобрительных откликов от авторитетных специалистов и вызвал довольно ожесточенную дискуссию в социологической прессе, в основном прошел мимо читателя, который не захотел глубоко вникать в его содержание и смысл на фоне многочисленных «философствований» на предмет истории.

Однако похоже, что период охлаждения для идей Сорокина постепенно проходит. Все более очевидным становится, что его теории и интуиции проникали в историю гораздо глубже и предсказывали будущее планеты гораздо точнее, чем это делали его коллеги. Одним из таких предсказаний было то, что сегодня принято называть популярным словом «глобализация». Сорокин, по-видимому, был первым, кто обнаружил этот процесс и правильно предсказал его неуклонное усиление и серьезность последствий. Более того, точнее, чем кто либо иной, он идентифицировал точку напряженности в этом явлении. Если подавляющее большинство авторов писали об экономике и о том, что именно экономические связи и взаимопроникновение международных корпораций и организаций будут главными факторами, определяющими международные отношения в будущие десятилетия, Сорокин, указывая на экономику как важный элемент текущих процессов, узловой точкой, вокруг которой будут концентрироваться главные конфликты и противостояния грядущих лет, называл ценностные различия между странами и регионами. Пока окружающие спорили об идеологическом конфликте коммунизма и капитализма, Сорокин уже ясно видел, что это разногласие, сводившееся, в конечном счете, к разнице между экономическими моделями, оказывалось второстепенным, а на передний план выходили столкновения, основанные на представлениях о мире, проистекающих из общефилософских и религиозных идей. Важность этой мысли стала очевидной для научного сообщества только в конце века, когда в центре научной дис-

куссии оказались известные работы «Конец истории» Френсиса Фукуямы и «Столкновение цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона.

Но если важность этой проблемы, поднятой Сорокиным, сегодня ясна всем – что хорошо видно на ценностной подоплеке самых разных политических явлений, включая терроризм и деятельность радикальных религиозных движений, то другая тема, о которой он неустанно говорил в конце своей карьеры ученого, еще, по-видимому, осознается не столь серьезно. Речь идет о коллективной ответственности за судьбу планеты и живущих на ней народов. Сорокин, прекрасно понимая, что мир драматическим образом изменился, что в нем уже нельзя изолироваться за полосой воды или горной грядой, призывал очень серьезно воспринимать то, что сегодня мы называем «глобальными проблемами». Обычно при этом подразумевают экологию, глобальное потепление, голод и нищету и, разумеется, угрозу ядерной войны и задачу поддержания мира. Сорокин фокусировал свое внимание на войне и революциях (последние он считал крайне негативными явлениями, безотносительно целей и содержания революций), но он, в отличие от современных политиков, главную проблему видел в том, чтобы устранить опасность конфликтов на фундаментальном уровне – через признание общих угроз и консенсус по поводу наиболее общих принципов организации жизни. Построение гармонического общества на местном и международном уровнях – вот что должно было, с его точки зрения, спасти положение. Трудно признать, что этот призыв Сорокина усвоен потомками. Думается, взгляд на сегодняшнюю ситуацию в мире убедил бы его еще раз в том, что его диагноз происходящего на планете остается верным: мир находится в состоянии кризиса, вызванного переходом от одной социокультурной системы к другой, и свидетельство тому – нескончаемые конфликты и войны в самых разных уголках планеты.

Призыв к отказу от мелкого эгоизма и индивидуализма в пользу новой этики, этики ответственности, был новым и решительным шагом Сорокина в развитии современного учения о морали. Раз мир стремительно консолидируется и границы между странами и континентами неуклонно сближаются, то ничья проблема далее не является локальной, проблемы одного региона становятся общими проблемами. В глобальном мире можно действовать, только учитывая интересы всех и только будучи готовыми жертвовать своими частными интересами и выгодой ради достижения общих целей – мира и благоденствия всех народов. Парадокс заключается в том, что классическая этика, говорим ли мы об этике Аристотеля, деонтологической или утилитаристской этике, до конца с этой задачей не справляется – она способны дать частные и частичные решения, но упускает из виду широкую картину реальности. Эту часть учения Сорокина еще предстоит заново открыть и усвоить.

Сорокин был действительно глобальным мыслителем – если не по влиянию, оказанному на социологию, то по характеру своего мышления. Поэтому вполне логично, что конференция его памяти посвящена парадигмам глобального развития XXI века. Его творческое наследие дает богатейший материал для осмысления текущих социальных процессов, позволяя лучше понимать настоящее и открывая нам окно в будущее. Работы, представленные на очередной сорокинской конференции, доказывают это со всей очевидностью. Самые разные темы и проблемы, затронутые здесь, еще раз свидетельствуют о глубине и проницательности мысли выдающегося социолога.

Большую работу по подготовке этого сборника проделали ученые Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина профессор И.Е. Фадеева и профессор В. А. Сулимов, к сожалению, безвременно ушедшие из жизни. Они внесли огромный вклад в организацию конференции. Данное издание является в некотором смысле данью их памяти.

Н.Ф. Зюзев,
доктор философских наук

ВВЕДЕНИЕ

О.Ю. Кузиванова,
канд. ист. наук, доцент, директор
ГБУ РК «Центр ”Наследие”» имени Питирима Сорокина

М.В. Ломоносова,
канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии
Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ П.А. СОРОКИНА В РОССИИ

В России популяризация трудов Питирима Сорокина и их изучение идут параллельно. Включение основных научных работ ученого в отечественную социологию преодолевало различные преграды, в первую очередь идеологического и языкового характера. В число трудностей восприятия научного наследия П. Сорокина можно отнести и период становления постсоветской отечественной социологии, когда потребовалось определенное время, чтобы признать за ученым высочайший теоретический уровень осмысления социальной реальности наряду с такими мыслителями XX века, как Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Поппер, А. Тойнби, Ф. Фукуяма и др.

Первые упоминания о П. Сорокине в советской литературе появляются только в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в связи с активизацией критики американской социально-политической мысли (А.И. Голосенко[1], С.С. Бормотова[2], К.Х. Момджян[3]). Работы этого периода посвящены, в основном, критическому анализу философско-исторических и социологических воззрений П.А. Сорокина. Принимая во внимание тот факт, что огромное научное наследие ученого до появления этих исследований было практически недоступно для отечественных специалистов, можно сделать вывод, что эти работы не затронули весь массив

[1] Голосенко И.А. Критика философско-исторических и социологических концепций П.Сорокина: автореф. дис. … канд. филос. наук. – Л., 1967.
[2] Бормотова С.С. Ленинская критика реакционных общесоциологических концепций П.Сорокина и других антимарксистов в первые годы советской власти (1917–1922 гг.): автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 1967.
[3] Момджян К.Х. Критический анализ теории социокультурных суперсистем в философско-исторической концепции П. Сорокина: автореф. дис. …канд. филос. наук. – М., 1974.

социологических проблем в трудах П.А. Сорокина, но послужили базой для дальнейших исследований.

Второй этап изучения творчества П.А. Сорокина связан с началом переиздания и перевода его трудов российского и американского периодов творчества в конце 1980-х – начале 90-х гг. В это время благодаря активной исследовательской работе Ю.А. Согомонова была издана книга, в которой была впервые осуществлена попытка дать целостное представление о творчестве Питирима Сорокина. Книга «Человек. Цивилизация. Общество», состоящая из переводов фрагментов крупнейших работ П. Сорокина[1], и сегодня остается своеобразным «путеводителем» в мир идей и научных теорий П. Сорокина. В этот же период времени в разных научных журналах стали публиковаться отдельные статьи и фрагменты работ П.А. Сорокина российского периода, например, «Социальный прогресс и принцип счастья», «Духовный облик М.М. Ковалевского как мыслителя» и ряд др. Изучением и переводом работ американского периода в это время занимались В.В. Сапов, И.А. Голосенко, Т.С. Васильева. Одновременно становятся доступными архивные материалы, связанные с научной и политической деятельностью П. Сорокина, а наиболее значимые историко-биографические исследования принадлежат социологу И.А. Голосенко и историку Ю.В. Дойкову. В целом же научные работы этого периода целенаправленно знакомили читателей с жизнью, интеллектуальной биографией и основными направлениями научного творчества выдающегося ученого.

Третий этап изучения наследия П.А. Сорокина связан с целым рядом событий. Во-первых, произошло определенное накопление объема исследовательских работ, что помогло вывести изучение научного творчества социолога на качественно новый уровень. Во-вторых, эти исследования получили институциональное подкрепление: с конца 1990-х гг. в российском социологическом сообществе стали проводиться международные конференции, посвященные научному наследию П. Сорокина. На Международном научном симпозиуме, посвященном 110-летию со дня рождения П. Сорокина (Санкт-Петербург, 1999 г.)[2] было объявлено о создании Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева. Одним из основных направлений деятельности Института стали перевод и издание работ П. Сорокина в России. Наиболее значимые труды, изданные при содействии Института – «Социальная и культурная динамика» (2000) и «Социология революции» (2005). На международном симпозиуме 1999 г. Ю.В. Яковец, будучи одним из организаторов и руководителем Международного института П. Сорокина – Н. Кондратьева, заявил о необходимости издания собрания сочинений П. Сорокина в России.

Политические преобразования начала 1990-х гг. не могли не сказаться на состоянии отечественной науки об обществе, причем не только в содержательном, но и в институциональном плане. После окончательного падения идеоло-

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. С.А. Сидоренко, А.Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992.

[2] Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени: Международный научный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина. – М.; СПб.: Изд-во СПбГУП, 1999. 390 с.

гических препон были открыты первые социологические факультеты в Московском и Ленинградском (Санкт-Петербургском) университетах, открылись десятки отделений, кафедр по подготовке социологов. При этом одна часть российского социологического сообщества принялась активно осваивать зарубежные теории, концепции, подходы. Другая же его часть обратилась к изучению дореволюционного отечественного наследия с целью восстановления его органической связи с современной социологией, понять, на каком уровне находится последняя, оценить реальный вклад отечественных ученых в мировую науку. И в связи с этим, фигура и научные труды Питирима Сорокина оказались в фокусе внимания социологов, культурологов, историков, философов и политологов. Поэтому именно на третьем этапе стали возможны защиты кандидатских и докторских диссертаций по творчеству П. Сорокина, публикации серьезных научных монографий. Стали интенсивнее переводиться и издаваться труды ученого, написанные в США.

В 2010 г. постановлением Правительства Республики Коми в Сыктывкаре было образовано государственное бюджетное учреждение «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина». Наряду с организацией научных мероприятий, посвященных творчеству П. Сорокина, Центр «Наследие» стал выпускать одноименный специализированный научный журнал, где публикуются научные статьи, развивающие методологию, основные идеи и концепции выдающегося социолога, размещаются материалы историко-биографического характера.

Важным направлением деятельности Центра является издание трудов П. Сорокина. В настоящее время реализуется крупный проект по изданию Собрания сочинений ученого, куда предположительно войдет 30 томов. К настоящему времени издано четыре тома[1]. В 2016 г. планируется издание тома, куда войдут художественные произведения П. Сорокина: роман «Предтеча», рассказы и стихи.

С момента присуждения имени П.А. Сорокина Сыктывкарскому государственному университету в марте 2015 г. Сыктывкар окончательно стал одним из российских центров изучения и популяризации научного наследия всемирно известного социолога. Уже с 2014 г. СГУ им. П. Сорокина регулярно проводит международные конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века», к настоящему времени их состоялось две – в 2014 и 2016 гг.[2] В 2016 г. в университете начал работать Международный центр социальных исследований, одним из направлений которого является систематизация, перевод и публикация архива П.А. Сорокина, находящегося в Саскачеванском университете (Канада).

[1] I том «Ранние сочинения. 1910–1914 гг.», II том «Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь», III том «Преступление и кара, подвиг и награда», IV том «Листки из русского дневника. Социология революции».

[2] Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21–22 августа 2014 г.: сборник научных трудов. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.

К настоящему времени обозначились основные направления изучения научного наследия П. Сорокина в отечественной науке, а вместе с тем и перспективные и актуальные темы дальнейших исследований его творчества.

Поскольку П. Сорокин чаще всего воспринимается как крупнейший макросоциолог, в центре внимания современных авторов находится его методология интегрализма, которая, по мнению Ю.В. Яковца, является «сердцевиной парадигмы общественных наук XXI века»[1]. Сегодня необходимо провести критический сравнительный анализ макросоциологической теории Питирима Сорокина с другими фундаментальными социологическими теориями XX и XXI вв. Тем более что в настоящий момент историографический анализ источников и научной литературы со всей очевидностью свидетельствует о разрыве, сложившемся в практике российских и американских историко-социологических исследований по вопросу изучения роли и вклада теоретико-методологического наследия П.А.Сорокина в мировую науку.

Очевидно, что П. Сорокин, будучи яркими представителем и наследником традиций русской культуры и науки, обогатил ими мировую социологию. Как и русские историки, оказавшиеся в США и именовавшие себя «учеными русско-американского мира», подчеркивая значимость культуры и академических традиций, унаследованных еще в дореволюционной России, так и Питирим Сорокин вошел в историю науки как «российско-американский» социолог[2]. В связи с этим изучение традиций российской национальной школы социологии приобретает особую актуальность и значимость, отвечая не только научным целям, но и способствуя сохранению культурного наследия и исторической памяти.

В большинстве работ П. Сорокина американского периода утверждается социокультурный подход, берущий начало от социологии М. Вебера. По мнению П. Сорокина, во всех социальных действиях проявляется триада взаимообусловностей: человек – общество – культура, а общество предстает как целостная социокультурная система. В настоящее время в отечественной социологии и культурологии активно используется методология социокультурного подхода и вместе с тем получают развитие отдельные ее составляющие.

Сегодня в большинстве современных публикаций и докладах о будущем звучат темы глобальной катастрофы и фатальности мирового развития, а в аналитических материалах представлен более драматичный, чем предполагалось, образ наступившего XXI века. В связи с этим, наследие П. Сорокина, его прогнозы оказались как никогда актуальными. Новое прочтение работ П. Сорокина с учетом их критического анализа в контексте реалий XXI века приобретает не только актуальность, но и в какой-то степени будет определять ход развития теоретических и эмпирических исследований. «Кризисная методология» Сорокина вполне может быть применена к проблемам современного общества как на глобальном, так и на региональном уровнях. По мере того, как будут продол-

[1] Яковец Ю.В. Интегрализм Питирима Сорокина – сердцевина парадигмы общественных наук XXI века // Наследие. 2011. № 1. С. 178–183.

[2] Ломоносова М.В. «Предтеча» Питирима Сорокина. Автобиографический роман социолога, вовлеченного в водоворот политики // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 134–140.

жать подтверждаться социологические прогнозы П. Сорокина, особенно эпохальные, относящиеся к всеохватывающему кризису, интерес к его наследию сохранится.

Конфликтные взаимоотношения между Россией и Западом уже воспринимаются как неслучайные, поворотные, когда происходит переформатирование существующей системы международных отношений из монополярного в многополярный мир. Совершенно очевидно, что конфликт происходит на фоне глубокого кризиса, который охватывает не только глобальную экономику, политику, но и ценностно-культурную сферу, о чем так много говорил П. Сорокин. Сегодня к наследию Питирима Сорокина все чаще обращаются гуманитарии стран восточно-азиатского региона в поисках альтернативных моделей развития и выхода из кризиса как экономического, так и морально-нравственного, в который все глубже скатывается современное общество. Можно с уверенностью сказать, что пока кризис не преодолен, работы П. Сорокина не потеряют особой актуальности.

Большую роль в развитии изучения трудов П. Сорокина будет играть перевод и публикация всех фундаментальных работ Сорокина, что уже осуществляется в рамках собрания сочинений П. Сорокина, издаваемом Центром «Наследие», Международным институтом П. Сорокина – Н. Кондратьева, другими научными центрами России. Особенно это касается такой работы П. Сорокина, как «Социальная и культурная динамика» (1937–1939 гг.)[1].

На очереди стоит такая задача, как систематизация, изучение и публикация архивных документов из частной коллекция семьи Сорокиных (Винчестер), специальной коллекции П. Сорокина, хранящейся в Саскачеванском университете в Канаде (Pitirim A. Sorokin Collection at the University of Saskatchewan Special Collection)[2].

---

[1] Этот фундаментальный труд П.А. Сорокина хвалили и критиковали с одинаковым энтузиазмом, но, очевидно, он ещё не оценен по достоинству. К работе над «Социальной и культурной динамикой» П. Сорокин привлек известных российских ученых, оказавшихся в изгнании, поэтому не случайно, что департамент социологии в Гарварде в то время в шутку называли «белогвардейским». Исследовательская группа, в которую входили Лосский Николай Онуфриевич, Лапшин Иван Иванович, Головин Николай Николаевич, Пушкарев Сергей Германович, Струве Петр Бернгардович, Савицкий Петр Николаевич, Тимашев Николай Сергеевич, Арсений Александрович Зайцов, Николай Львович Окунев и другие известные российские ученые, занималась подбором необходимого эмпирического материала, статистическим сбором и сравнением исторических данных по составленным П.А. Сорокиным исследовательским программам. К сожалению, на русский язык В.В. Саповым переведена только сокращенная версия «Социальной и культурной динамики», в настоящее время он работает над переводом полного четырехтомного издания этого фундаментального исследования. В связи с этим, в будущем перспективным направлением исследований будет анализ положений макросоциологической теории П.А. Сорокина как с точки зрения оценки ее эвристического потенциала, так и с точки зрения выявления и изучения вклада каждого из участников исследовательского проекта. Это представляется крайне важным, так как ученые, работавшие под руководством П.А. Сорокина, обозначили своим творчеством важность российского вклада в мировою науку и культуру.

[2] Часть этих архивных материалов уже опубликована: Питирим Сорокин: избранная переписка / под ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. 336 с.; Кротов П.П., Дол-

Во время работы над собранием сочинений исследователями жизни и творчества П. Сорокина были открыты многие неизвестные до сих пор архивные документы, а в первый том «Ранние сочинения. 1910–1914 гг.» были собраны все известные работы молодого П. Сорокина, публиковавшиеся во множестве периодических дореволюционных изданий. Работу по выявлению новых архивных документов продолжают ученые кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Также необходимо критически пересмотреть библиографическую информацию, связанную с творчеством П.А. Сорокина, поскольку это может привести к новым открытиям[1].

Сегодня научные наследие Питирима Сорокина имеет несомненный эвристический потенциал. С одной стороны, можно констатировать все более возрастающий интерес научного сообщества к теориям и концепциям Сорокина, что выражается в увеличении количества публикаций. С другой стороны, сами идеи выдающегося социолога становятся импульсом к дальнейшим научным изысканиям в рамках тех проблем, которые были им поставлены. Как писал американский ученый В. Старк, «современная социология нуждается в Сорокине. Она нуждается в его глубоких знаниях, столь контрастирующих с узостью многих социологов; она нуждается в его страстности, столь резко контрастирующих с холодностью подхода многих других; она нуждается в его приверженности гуманизму, без которого наука об обществе – лишь половина того, чем она должна быть»[2].

гов А.Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. – Сыктывкар; Вологда: Древности Севера, 2011. 400 с.

[1] Так, например, в результате анализа библиографического материала, произведенного М.В. Ломоносовой, была найдена статья Питирима Сорокина «Кое-что о современной беллетристике», опубликованная им в 1907 году в журнале «Огоньки», издаваемом Санкт-Петербургскими Общеобразовательными курсами. Ранее все исследователи начало его публикационной деятельности связывали с 1910 годом. Сегодня, зная о том, что первая статья Питирима Сорокина вышла в свет в 1907 году, можно предположить, что были и другие, неизвестные его работы, и это значительно расширяет хронологические рамки для будущих историко-социологических исследований.

[2] Зюзев Н.Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. – Сыктывкар: Эском, 2009. С.77.

Sergei Pitirimovitch Sorokin
Director, The Pitirim A. Sorokin Foundation, Inc.
8 Cliff Street, Winchester, Massachusetts, United States of America
Academic degrees:
A.B. *magna cum laude*, Harvard University
M.D. *cum laude et thesi propria admiserunt*, Harvard Medical School

PITIRIM SOROKIN AND THE MODERN WORLD: 'POWER AND MORALITY' REVISITED

Keywords: *Pitirim Sorokin, Walter Lunden, Sociological analysis of sociopolitical events, Power and morality in governments, Russia and the United States, China, Europe, ISIS, Resolving current world tensions, "Integral" leadership*

A human civilization achieves its greatest stability when most of its members agree to accept a common set of values under which to live. They may choose a set that recognizes "ultimate reality" to be "Sensate" (*worldly*, based on mankind), or another that affirms it as "Ideational" (otherworldly, based on God). Throughout history one or the other of these systems — of Sensate or Ideational order — has served for centuries effectively to influence or even regulate human behavior until large numbers of individuals in the population begin to question its underlying values. Consequently the support these values initially offered to human life and creative enterprise lessens, and the predominant order eventually loses influence and fades away, to be replaced by a new and different one. Human history has provided numerous examples where civilizations have moved away from an Ideational mentality to embrace another having Sensate characteristics, only to return to the former once again, and this suggests it is prone to cyclic changes. Nevertheless, even while popular approval for the Sensate order of values is at its peak, a small part of the population may still cling to Ideational values, and vice-versa, so that neither set of values is ever completely out of the picture. Rarely, influence from the two may strike just the right balance to give rise to a third, internally consistent "Integral" order whose characteristics fall somewhere between the "Sensate" and "Ideational" poles. Integral culture has flourished during certain past periods remembered as "golden ages," but it has seemed to endure for shorter periods than the other two. Transition from a dying order to accession by a new one may take many years to complete. Historical records show the transition periods are strife-ridden and seemingly haunted by lost souls looking for something to give purpose to their lives, or by human groups clashing with neighbors supporting a different set of values.

Turning to the present, much of the Modern World is still in the "last throes" of a decline in the Sensate order of civilization that has dominated Europe and rest of the Western world for close to 700 years. Already clearly apparent to Pitirim Sorokin during the 1930s and continuing through the '50s and '60s, its value system—that true reality and value are sensory—has been breaking down, accompanied by increases in wars, revolutions, and civil unrest. Sorokin concluded that "this crisis in-

volves all compartments of the Sensate culture and society and is, therefore, the greatest of all the crises of the Western world's history."*[1]* With little evidence that conditions prevailing in his day have materially improved since then, his thesis remains valid for the present. Critical evidence for the decline of the Sensate order was fully laid out in the 4-volume edition of Social and Cultural Dynamics (1937-41) as well as in an abbreviated, more popular but still comprehensive form in The Crisis of Our Age. (1941). Aspects of this decline and its consequences were singled out for further discussion in several shorter books written in later years but also based on the Dynamics. These include Social Philosophies of an Age of Crisis (1950), S.O.S: The Meaning of Our Crisis (1951), The American Sex Revolution (1956), Power and Morality (1959), and The Basic Trends of Our Times (1964). In sum, a large part of Sorokin's work centers on epic sweeps in sociocultural organization taking place throughout history, on factors in their causation, and on their consequences. All of these writings include critiques, prognoses, and advice germane to any discussion of major problems affecting our modern world. They argue that *a lasting solution to our present crisis can only be obtained after a new order takes hold, provided human beings do not destroy themselves in the interim.* Its arrival will bring promise for a more meaningful life because uncertainties of the transition would have passed, and mankind would be entering the initial, most creative phase of the new order.

Sorokin preferred that the succeeding order be an "Integral" one (also called "Idealistic" in the Dynamics) whose stabilizing influence tends to lower the level of interpersonal and international conflicts and to open our lives and those of nations to more altruistic behavior. He considered that its "true reality-value is an Infinite Manifold in which the super sensory, rational and sensory forms are inseparable."*[2](P* The super-sensory component of this "reality" is the most difficult of the three to conceptualize, but some associate it with "intuition," others with "divine inspiration," and still others with "a flash of enlightenment" that many of mankind's creative geniuses credit with setting them on the paths to their greatest achievements. At present no one can be sure whether or not this "inspiration" can come from outside or results from activity in circuits of the brain even while conscious thought is not taking place.

It is difficult to reconcile this functional concept with present-day neuroscience, except to say that (1) the classic five senses of sight, hearing, taste, touch, and smell are mediated by specific anatomical structures located on external surfaces of the body, to which may be added certain receptors located on internal surfaces (gastrointestinal tract, lungs) that are also in contact with the outside. (2) The nervous pathways that connect these sensory receptors to circuits in the central nervous system are also well known. (3) Reasoning processes take place within the cerebral cortex, but rather than being limited to neuronal elements confined to a specific structure or location, apparently are more widely dispersed to several regions of the cortex. Many complex phenomena: memory, decision-making, reasoning, and possibly integration of personality are now thought to involve many loci in the brain linked by complex circuitry. Such activities are not immediately dependent on sensory input, although they may be influenced by it. This topic currently interests many experimental neuroscientists. *[3]*.

(4) Little is known about how super sensory signals might reach the brain. Many instances of mental telepathy have been recorded, for example, by a sister in England claiming to have heard the voice of her brother in India, only to learn weeks later that he had called out to her from his deathbed at the very moment she heard it. *[4]* Such claims are hard to corroborate. Nowadays neuroscientists frequently make use of "transcranial magnetic stimulation" in experiments to map conduction pathways of neurons in the primary motor cortex, for inducing visual illusions in the occipital (visual) cortex, or to study memory and other cognitive functions in the brain. *[5]* And it is now recognized that certain individuals can be affected by induced magnetic fields surrounding high-tension power lines. None of these signals are known to be mediated by the usual sensory receptors, and whether synesthesia may play a role in producing some illusions is uncertain.

Power and Morality was written in 1958 when the Cold War and other conflicts made the threat of thermonuclear war seem very real. In today's world as in 1958 we are still living amidst the dying Sensate order. We face the same old problems as then and, retaining all the destructive tools from that time, the larger nations have added updated military hardware such as heat-seeking missiles carrying conventional or nuclear warheads, greatly improved piloted aircraft, unmanned drones intended for reconnaissance or combat, and so on. They have added specialized artillery capable of launching these missiles from aircraft carriers or silent (nuclear) submarines, as well as ones mounted on special railroad cars where they can be moved quickly once fired, to avoid being targeted. Sophisticated computer-mediated strategies have been developed to intercept email messages, disrupt internet communications, confuse battle orders, or to wreak havoc on electric power grids and other infrastructure in the lands of perceived enemies. Use of suicide bombers is now common; terrorists can surprise the enemy by sending the bombers off to populated places and detonating the explosives strapped on with devastating effects mainly suffered by civilians who happened to be gathered there.

All these things have notably added to warlike capability with nothing new being offered of pacific value, nor is there any light to be seen "at the end of the tunnel." The updates mentioned serve only to heighten and not lower the chances for conflagration because an increase in one side's military might brings compensatory measures by the opponents provided they can afford them. But large nations usually can. Short of the horrendous destruction of civilian lives that took place during sustained bombing raids in World War II and the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki, today's *regional wars* have tended to center on sites housing large civilian populations and use no effective restraint to check the maiming or utter destruction of the people living there. Indeed today's styles of warfare have only enormously increased the proportion of civilian victims killed as compared to the numbers in the military. And so present-day conflicts continue as the transitional period drags on. Meanwhile serious common threats like climate change come to the fore and do not receive the attention they deserve.

One consequence of the increased globalization of our world, the expansion of trade, instantaneous intercommunication, and so on, is that trading partners share common business practices for their deals regardless of whatever differences in value

systems that these trading nations may hold. But since the West has been under a dying Sensate cloud for decades, it will have spread all over by now and infested the world. In ancient times when countries were oceans apart and travel slow and arduous, it was possible for one nation to retain its Ideational mentality while a distant neighbor held to the Sensate. Beyond the Himalayas, Tibet survived as an Ideational theocracy until 1950 when the Chinese army invaded and eventually drove out the ruling Dalai Lama in 1959. In more recent years other dissenters from the Sensate world have managed, either by withdrawing to some remote jungle, or like the Amish by negotiating a separation from surrounding secular neighbors in order to live a more pastoral life in communities where they can conduct themselves according to their own more religious and Ideational precepts. However, most of today's belligerents appear to operate in a context of dying Sensate times.

In the case of The Islamic State of Iraq and the Levant (ISIS, ISIL, or Daesh) there may be a difference in that the rebellion and the fighting supposedly are aimed at establishing a theocratic Caliphate based on Ideational values, and therefore it rejects the Sensate values dominant for so long in the West. Of course their forces show no hesitancy over using the latest Western technology to pursue their war with vengeance and enormous cruelty, as journalist videos have shown. Its youthful fighters, drawn from many parts of the world besides the Middle East and North Africa abhor many values now present in our decaying Western culture; but many escaping to join ISIS from crowded and now crumbling suburban ghettos in France may well have based their resentment more on their apartheid existence than from adherence to Ideational values, being given a poor education with dim prospects for economic betterment, and excluded from society by a secular nation intolerant of public religious display. They would have made easy prey to ISIS agents.. At least a few among these recruits, but possibly more among the better educated and truly devout, might look to the Caliphate's formation as the dawn of a new Ideational era. And as in the French or Russian Revolutions, the first period (respectively "La Terreur" and Militant Communism) would be the most inhuman and destructive one. Thus, events in the Modern World to some degree reflect struggles over competing value systems. We must remind ourselves that this revolution is being carried out in Africa as well as in the Middle East and perhaps has taken somewhat different forms under different circumstances, being more of a struggle between ISIS Muslims against Christians in Africa whereas in the Middle East it seems principally to be directed against Muslims adhering to different divisions or sects, besides Christians, Yazidis, and other religious minorities living there. At present Israelis are not under ISIS attack perhaps because Israel at present is only marginally engaged in this Middle Eastern war.

The United States and the Soviet Union emerged from World War II as the two world-dominant powers, and a Cold War soon developed with increasing hostility and ever-expanding military budgets until the Soviet Union no longer could afford the cost and collapsed. The United States then became the world-dominant power and has maintained it primarily relying on the idea of "might makes right" and a politico-military strategy to support it. In exchange for taking on the responsibility and expense to defend Europe militarily by forces of its own and its NATO creature, the United States in effect had become the master whose approval was needed before in-

dependent policy moves by European member nations could be implemented. With the rapid rise of China, new challenges to American hegemony have appeared, and with Russia attempting to restore itself as a major world power, these moves have further shown that the period of *Pax Americana* is ending. No longer a matter of the United States versus Russia these days, with China as the most conspicuous challenger, with India rising and political agitation more apparent nearly everywhere—looming threats in the South China Sea, an Arab Spring gone awry, evidence of instability within the European Union now blown up by a Migrant Crisis with refugees mostly from the Middle East but from Africa as well—America no longer credibly appears as the great peacemaker, missionary for the spread of democracy, and guardian of human rights that it had seemed to many believers in the past. At the outset of the 21st century the United States entered wars in Afghanistan, the Middle East, and Libya; these already have gone on for years and seem to have no end. They resemble the ones Great Britain had to fight in imperial days to maintain control over its far-flung empire and in both cases can be taken as evidence of having been overstretched. Moreover, since "9/11," when the World Trade Center in New York was destroyed, Americans have been shaken from their feeling of security. The unease continues to increase with each new set of terrorist attacks in Europe and more episodic ones at home until most recently, ticket holders at the Los Angeles airport evacuated in panic after hearing loud noises they imagined to be gunshots.

So what does Power and Morality contribute to the discussion? The book allots considerable space to an examination of mankind's rulers from many nations and historical periods, to characterize them with regard to their physical and mental abilities, moral character, personality traits and other skills needed to govern, as well as, somewhat anecdotally, to judge how well they have succeeded in their role as "guardians of the people." Heading the list are the absolute rulers—the kings, emperors, despots, dictators, secular heads of great religious organizations, and perhaps ruling oligarchs—following down the scale to the presidents of democracies and republics, to heads of state and city governments, to great business or labor leaders, and below that to various legislators, bureaucrats, and others including political ward bosses and the "godfathers" of criminal gangs, all of whom have aimed to hold people in subjection, respectively the entire population of a nation down to smaller numbers in the lesser domains. The survey mainly speaks in general terms but includes tables of relevant data and specifics about historical figures belonging to these groups. It is generous in its mention of politicians active in Sorokin's lifetime.

Compared to standards in their subject populations, absolute rulers have included proportionately more bright individuals—exceeding the percentage of "A" students in a college class—but in their number a higher proportion of mentally or morally deficient persons as well, counting feeble-minded heirs in lines of succession. Most of these "guardians" have domineering, highly aggressive, selfish and manipulative personalities compared to those of their subjects. Some ruling activities can be morally uplifting although a larger number of governing tasks tend to demean. And while the former may ennoble a part of the the ruler's makeup, preponderance of the latter tends to pull it down *[6]* "No man preoccupied with war activities for years and years can escape the demoralizing and criminalizing effects of this murderous

business." *[7] The greater the power of the rulers and the less freely this is tolerated by the people, the tougher and more corrupt the rulers tend to become; but if their power be progressively limited, their criminality tends to diminish as well; and where the populace is well integrated and its moral opinion unified, this may fall to the level prevailing in the population.*

In the 16th century Niccolo Machiavelli (1469-1527) wrote approvingly of princes "who have had little regard for good faith, and have been able by astuteness to confuse men's brains, and who have ultimately overcome those who have made loyalty their foundation." With their belief that the ends justify the means, they were to rule taking full advantage of a double standard that exempted them from obeying legal and moral codes that were still applied to ordinary citizens. *[8]* At the time it was still possible to govern a principality in this way provided the ruler understood all the workings of his realm and held a firm grip over them. This no longer is possible because management of nations in our contemporary world requires so much input from the natural and social sciences that our rulers no longer are able to master all the information needed to run them. Quoting Sorokin, "Such a trend portends the eventual withering of the hitherto existing 'governments of politicians, by politicians, and for politicians' and their replacement by 'governments of scientists and experts.'" *[9]* For example, proposals for a government to apply a scientific process or device nowadays require expert testimony by physical or biological advisory committees as to their usefulness. Science is morally neutral, however, and with this attitude being shared by many of its practitioners, it would be much better if persons with high ethical and moral standards were authorized to pass on the wisdom of applying scientific discoveries. A person with high moral authority can also affect politicians directly: On the day after hearing Pope Francis address the Congress of the United States on September 24, 2015, a beleaguered John Boehner, Speaker of the House of Representatives, abruptly vacated his leadership position, gave up his seat as representative from Ohio, and withdrew from politics.

Nuclear disarmament. Power and Morality's 1958 plea for total nuclear disarmament was just one of many efforts peace activists began to make soon after the end of World War II. These efforts had greatly increased by 1958 when world powers became interested and Ireland took the first formal steps to launch the process that resulted in the Nuclear Nonproliferation Treaty. *[10]* It was opened for signatures in 1968, came into effect in 1970, and was extended indefinitely in 1995. At present 190 nations have signed on. Compared to the nuclear arsenals held by the United States and the Soviet Union in earlier postwar years, a considerable reduction in the number of bombs has since taken place in both countries, although the combined total is still close to 22,000, and the past quarter century has seen a slowdown in efforts to disarm further. Protracted negotiations with Iran came to resolution in October, 2015, with Iran's agreement not to attempt to build nuclear weapons in exchange for lifting of the international sanctions against it. One would like to feel confident that the great powers are not beginning to retreat from the Nuclear Nonproliferation Treaty but some distrust remains. Otherwise there continue to be unresolved questions over regulating the use of bombs possessed by non-signatory countries in India, Israel, Pakistan, as well as North Korea, which withdrew from the treaty in 2003. *[11]*

Other legal issues remain, such as whether NATO or European countries are entitled to use weapons given to them by the United States, or whether Asiatic countries once part of the Soviet Union had the right to retain or to use the nuclear weapons left behind when the Union dissolved. I remember my father saying that historically, criminal and other hostile groups usually take about 25 years to obtain the newest weapons in military arsenals. Organizations other than nations eventually might obtain them and be more willing than the great powers to use them. So the *first step,* he said, was total nuclear disarmament. Otherwise, and hovering over all, certainty, that in the event of war all bets are off.

What else? *Besides repeating a call for complete disarmament from nuclear and other catastrophic agents of modern warfare, what else must one do and where should one start?* The obvious answer to the first question is to reduce tensions that exist between, or among, the antagonistic parties. If indications are that a new cold war is developing, then measures need to be taken to calm things down. Most steps to bring this about are obvious and scarcely need mentioning because experienced government leaders know just what to do when they are so inclined.

For an example at an *intra-national level,* consider the Congress of the United States: Historically it has enacted many important measures with bipartisan support from the Republican and Democratic legislators, but in recent years passage of many bills has been arrested by parliamentary maneuvers to stall its motion through Congress, or simply by preventing House or Senate members from the party in power from "jumping ship" to add enough votes for a good measure to pass. When it matters to them, Democrats or Republicans angling for power use similar means. The result has been "grid lock" with very little accomplished by a "do-nothing Congress."

During the first term of Barack Obama's presidency (2008-2012), then Senate Minority Leader Mitch McConnell and Republican strategists did all they could to block passage of Obama's Affordable (Health) Care Act, and two years before Obama's election to a second term (2012-2016), McConnell stated, "the single most important thing we want to achieve is for President Obama to be a one-term president." *[12]* Obstruction continues, tempers have risen at little action taken on important social legislation or funding to repair the country's decaying infrastructure; but the huge National Defense budget receives its customary solid endorsement. And so a "mini cold war" not unlike the international ones has for some time been waged in the District of Columbia! Washington's "experienced government leaders" know just what to do, but they are not so inclined. The question is how to bring them to do it.

Whether the conflicts are *intra-* or *international*, the point is to reduce the tensions, and there are many ways to achieve this, beginning with small gestures up to more concerted ones involving constructive public activism, or by taking advantage of opportunities surprisingly afforded a group of citizens to meet the great leaders and discuss the issues directly with them, or at least try to break the ice. *[13]*

Fluctuation between Totalitarianism and Freedom. Sorokin explains: *[14]* "Each time when in a given society there appears an important emergency in the form of war, or threat of war, or great famine, or great economic depression, or devastating epidemic, or anarchy, unrest and revolution, or other big emergency, the amount and severity of the governmental regimentation invariably increase, and the society's

economy, political regime, way of life, and ideologies experience a totalitarian conversion; and the greater the emergency the greater the totalitarian conversion. And vice versa: each time when in a society its important emergency decreases, the amount and severity of its governmental regimentation begins to decrease and the society's economic, political, ideological, and cultural systems undergo a detotalitarian reconversion towards a less regimented and more free way of life, and the greater the decrease of the emergency, the greater the free reconversion." He adds that "these fluctuations depend little upon the wishes of the government and take place as regularly as mercury fluctuations in a thermometer in accordance with the factor of temperature. *[15]*

Getting to know one better. It is an old truth that once people get to know one another and see how much they have in common, *especially their humanity*, friendships begin to develop. Sorokin's Russia and the United States (1944) and its follow-up from 1961 *[16]* teach us that a first step in reducing tensions between two conflicting nations can result from efforts by the people to discover to what degree their institutions and cherished values are shared. A convergence of these institutions and values has indeed been going on between Russia and the United States from the time of the czars. He showed that neither of these two countries, the first one described (after October, 1917) as "Communist" and the second "Capitalist," can be so categorized today but have been losing their specific features and borrowing from each other since the 1930s, so that many aspects of their culture, social institutions, systems of values, and ways of life are now shared The survey covered (1) natural sciences and technology, (2) social sciences and the humanities, (3) philosophy, (4) ethics and criminal law, (5) education, (6) sports and recreation, (7) the fine arts, (8) religion, (9) the family and marriage, (10) the economic system, (11) social relationships, and (12) political systems.

Sorokin considered the natural sciences about equally advanced in both countries and that there no longer existed a clear contrast between the materialistic philosophy advocated during early Communist days and the predominant non-materialistic ones then espoused in the United States and Western Europe, since the former had been retreating from Russia the while it was advancing in the West. The political systems had become more alike, but this meant sharing newly-acquired characteristics, some good and some bad. Regarding the economy, during the Soviet period when the comparisons were being made, a corporate economy did not exist in Russia, but the nationalized industry was divided into big divisions like steel, oil, construction, and so on, each headed by a board of directors much like those in American corporations, only the directors were appointed by the government and not by shareholders. Since the collapse of the Soviet Union these industries were privatized, and the newly formed corporations became similar to corporations all over the world and like them controlled by an economic elite. As for religion, since that time the Russian Orthodox Church has experienced a remarkable resurgence, most dramatically in the years following the Soviet collapse, with many new churches being built, decrepit old ones meticulously restored, and clear support by a large part of the population plain to see, in contrast to the Western world where overall church attendance has sharply declined.

Summing up, Sorokin found that Russia and the United States, and by extension the West, have all been converging to an intermediate type of sociocultural order, "neither Communistic nor Capitalistic, neither Totalitarian nor Democratic, neither Materialistic nor Idealistic, neither totally Religious or Atheistic-Agnostic, neither too criminal nor too saintly." *[17]* In a "Sensate-to-Ideational" continuum this can be understood as a Mixed type, one that supports an eclectic set of values but lacks the perfect unity of the "Integral" cultural, social, and personal ones he so admired.

Practical application in "realistic" politics. An appreciation of the worthiness of Sorokin's analysis as well as cogent advice from Andrei Sakharov apparently underlay Mikhail Gorbachov's effort to achieve rapprochement and "perestroika" with the United States and Europe during President Ronald Reagan's time in office. *[18]* The existence of many commonly-shared values between two nearly equal world powers was seen as the basis for reducing international tensions and increasing mutual respect. Sorokin's recommendations are still being kept in mind in Moscow today. *[19]* As yet comparable recognition has not been given them by the State Department in Washington, although his works form part of a course in sociological theory for students at the United States Military Academy at West Point. *[20]* Regarding other conflicts, one should search for similar openings where people in opposing camps could see the others as not too different from themselves. If only they'd look!

Simple remedies. (1) Recognition of shared basic values serves as a step to pacification. As such this can be broadly applied to other conflicts now occurring all over the world and not just to Russo-American hostilities of the past or to the current threat of a resurgent Cold War. Regarding present-day cooling of relations between the United States and Russia, I believe that heated rhetoric by either side does little to mitigate matters. From a vantage point in the United States, my personal impression is that most of the American public knows very little about the Russians and the distinctively different nationals that live in the same land. *[21]* We are assailed by comments from unrepentant Cold War politicians far more than from moderate voices because statements by the former are then picked up and uncritically repeated by leading news media analysts, whereas few alternative views are given much heed, and the greater part of air time is given over to obsessive coverage over a narrow range of sociocultural topics, not unimportant of themselves, but overfamiliar from much repetition at the expense of other issues. Accordingly there is an "information gap" to fill here, whatever may exist in Russia.

(2) Stronger voices are needed to address current problems that lead to strife and terrorist attacks. Nearly everyone remembers Mahatma Gandhi whose powerful voice, bolstered by his moral strength and personal example, was used to bring about liberation of India from the colonial British Empire. One also remembers Nelson Mandela, and in Myanmar (Burma) one also thinks of Aung San Suu Kyi and her persistent, courageous stances against the ruling junta. Once again, a single strong voice can be enormously effective. But turning to the Middle East, many are still looking for mainstream representatives of the Muslim faith(s) to become more activist in their speech and actions to counteract ISIS and the revulsion that rises from news of their latest atrocities. In sum, it is especially important today to have the

"good" leaders and people in a so-called "community" speak out courageously against those among them who are doing wrong.

With his activist voice, Pitirim Sorokin rarely hesitated to express his opinion about world affairs. He was always on the lookout for news and information from very wide sources to help him become better informed, even to skimming over publications heavily laced with propaganda to see what was being said there.

(3) A variety of initiatives aimed at increasing trade, small-scale joint scientific ventures, and cultural exchanges are tried-and-true actions that tend to increase mutual trust, and if relations between nations have soured these may again be relied on to restore them. *[22]* Success with these should in turn lead to cooperation in larger-scaled joint enterprises. Epidemics of human disease and other scourges of humanity have often brought responses from many nations and non-governmental organizations. Those interested in the peaceful exploration of space have for years been able to maintain a large-scale program that with help through diplomatic channels has brought in many engineers and astronauts from several nations. At present privately funded commercial space programs have begun to appear as well. Cooperative enterprises of these kinds are confidence-building measures for world peace. There is always danger, however, that if shadows of distrust should arise among the partners, funding by one or more of them might be diverted to specifically military space projects and closed to the now-potential enemies.

Threats of truly catastrophic magnitude— of an "Invaders from Mars" type— that awaken the fears of all humankind would naturally provide the most effective of all incentives for nations to cast aside their customary differences and join all-out efforts to oppose the challenge. Forces that threaten humanity's survival, such as geophysical events like climate change, or something else from some conceivable outside source, would require mankind to take resolute action to overcome them, which if successful would surely lead to a long stretch for recuperation and world peace.

If progress is made using these simple remedies *we will have already acquired some of the new values of the coming era* and can use these to move closer to the establishment of an ideal kind of government.

Government by scientists, sages and saints. Power and Morality was not intended to present a completed plan for establishing an ideal type of government, naming all its departments and specifying how each must interact with all the others. Rather it described historical trends as seen by a practiced eye and how these were leading away from the *fin de siècle* remains of Sensate culture towards a fresher, more settled Integral order where the government largely would reflect its resurgent values. It would have abandoned the Machiavellian character still prevalent in the governments of today, whose familiar slogan, "peace through power" moved Sorokin to remark that "These rulers seem to be still ignorant of the well-tested verities that hate generates hate and love begets love; that aggression and fraud breed aggression and fraud; and that a policy of war is answered by war." *[23]* So, accession of the better form of government was still some years away.

Qualifications necessary for the new governments included: "*First*, a growing requirement for higher intelligence, wisdom, and knowledge among the top-rulers of the governments; *second*, an increasing requirement for supreme moral integrity, al-

most saintliness, in the ranks of the governing elite; *third* a developing pressure for the replacement of their [the present-day governments'] tribal standpoint by the universal standpoint of mankind as a whole." *[24]* The top rulers he saw in 1958 had not been adequately trained for their powerful positions and were executing policies they did not understand, and their successors were being hard pressed to keep abreast of new scientific and technical developments and to try to devise new executive policies and diplomatic moves to take them into account.

The amorality of science and the moral neutrality of many (but not all) scientists are the main reasons why Sorokin believed that persons of high moral integrity and great human sympathy were essential to include in these new governments. The persons he had in mind were not experts in theology, nor persons high in religious hierarchies but rather "apostles of love" who know how to connect with humanity. These leaders would guide governments not only from within but also serve outside like Gandhi as living examples of heroic morality, as educators and creators of new moral values, and as individuals easily able to reach out to people and inspire them to improve their own lives. Indeed, to repeat a point made earlier, the stronger the population holds to higher standards of moral conduct, the more likely the government will follow along.

Sorokin also recommended moving away from a "tribal" outlook to a more "universal" one that reflects the interdependence of humanity today. The tribal outlook, or "my country right or wrong," he declared had been appropriate when people knew mainly their own group and little about any others, but this had changed. With a trend toward globalization spread far more widely today than in 1958, there is now all the more reason to consider mankind "as one unified, interdependent whole.' *[25]*

Abstract. Power and Morality was written as the Cold War was building toward its height, at a time when the world was dominated by two great nuclear powers, the United States and the Soviet Union, both of which Sorokin knew well. Collapse of the Soviet system in Russia brought with it a big change in the familiar world order. The United States was left alone on the top, and smaller states were abandoned largely to their own devices. The result has been the welter of vicious local and regional conflicts and the widespread sense of instability so familiar to us today. The present situation is now further complicated by the increasing unwillingness of states large and small to accept US hegemony and over all, of course, hangs the continuing threat of nuclear Armageddon. Sorokin's analysis was substantially based on earlier comprehensive studies showing that the sociocultural world we inhabit reflects the set of values we accept, whether predominantly materialistic (Sensate order) or predominantly other-worldly (Ideational order). When the "creative spring"of the accepted order is over, a period of instability sets in marked by sociocultural disorder and political strife until mankind adopts a new set of values, and with its accession, reassurance returns and a new creative period begins. Sorokin concluded that political instability during much of the 20th century marked passage through the declining phase of the Sensate order, and a glance at recent political events shows little amelioration, with mankind still adrift and our "guardian" governments still in a Machiavellian mode but now highly dependent on technology for their operation. *Who shall guard the guardians?* Science and technology being morally neutral, governments should

be reconfigured to authorize persons of high moral and ethical standards to weigh in on important political decisions.

If broad understanding and mutual trust could only be achieved among the US and emerging (China, India) and re-emergent (Russia, European Union) powers, then a new stable global order will evolve, and many of the world's pressing problems, including conflicts between the smaller states, might be more easily resolved. In looking at today's world, therefore it seems that Sorokin's analyses and many of his proposed corrective measures are as valid now as when he first advanced them in the middle of the last century.

Acknowledgments. I should like to thank Professors Richard F. Hoyt, Jr. and Donald F. Siwek for offering me helpful criticism and advice while this article was being written.

Footnotes:

[1](Sorokin, Pitirim A, and Lunden, Walter A. *Power and Morality, Who Shall Guard the Guardians?* Boston, Porter Sargent Publisher 1959; *henceforth cited as P&M*, p.117. Co-author Walter Lunden (1899-1990) did graduate work at the University of Minnesota while Sorokin taught there and received a Ph.D. from Harvard (1934) while Sorokin was Chairman of its Department of Sociology. Lunden was an expert in criminology. Quotations from this work are so characteristic of my father that they have been attributed to him rather than to the two authors.)

[2](P(P&M, p 120.)

[3](Andreasen, NC, Ramchandran.K. Dialogues Clin Neurosci. 14(1): 49-54, 2012. These authors found that both gifted artists and scientists have association cortices that respond similarly to functional magnetic resonance imaging. Both show preponderance of activation in brain circuits involved in higher-order socioaffective processing, with"Random Episodic Silent Thought" the default mode.)

[4](Gurney, E, Myers, FWH, and Podmore F. *Phantasms of the Living,* 2 vols. London,1886.)

[5] (O'Shea. J Walsh, V Current Biology 17: 196, 2007.)

[6](Bob Woodward, *The Last of the President's Men,* New York, Simon & Schuster, 2015. The most imperialistic of US presidents, Richard Nixon's "finest moment as president was surely the opening to China."re p., N p 92. But "the hating was at Nixon's center…This hate, the duplicity, the incessant plotting had become the engine of his presidency." p 177.)

[7] (P&M, p 40.)

[8] (Machiavelli, N. *The Prince,* A Mentor Book. New York, The New American Library of World Literature, 1957, p 93.)

[9] (P&M, p 162.)

[10] (gloss from Wikipedia, 2016.)

[11] (South Sudan also did not sign but has no bombs.)

[12] (National Journal, October 23, 2010.)

*[13] (*A group of eleven 2016 graduates of Eton College were given an hour's private audience by Vladimir Putin at the Kremlin towards the end of August, 2016. They had initiated the meeting, apparently discussed world affairs with him, and in

turn answered Putin's inquiries about their prestigious school from which 19 British Prime Ministers have graduated. One of the students, David Wei, remarked, *"Guys, we truly gave Putin a deep impression of us and he responded by showing us his human face."*)

[14] (Sorokin, P. A. Mutual Conversion of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type, Mémoir du XIX Congrès Int. de Sociologie Vol. III, Mexico, D. F., 1961, p 8.)

*[15] (*Passage of the U.S.A. Patriot Act, the imposition of a General State of Emergency in France, and the severe curtailing of democracy in Turkey by President Erdogan's government all represent "totalitarian conversions.")

*[16] (*Pitirim Sorokin, *Russia and the United States*, with new introduction by Edward A. Tiryakian, Transaction Publishers, New Brunswick, New Jersey, 2007; *Mutual Convergence*, op. cit.)

[17] (Mutual Convergence, p 46.)

[18] (Lukyanov, F. The Lost Twenty-Five Years: Why no new order has been built since the end of the Cold War. Global Brief Magazine, Feb. 19, 2016.)

[19] (Lavrov, S. Russia's Foreign Policy: Historical Background." Russia in Global Affairs magazine, March 3, 2016.)

[20] (personal communication from Edward Tiryakian, May 9, 2016. A former student, Capt. Jessica Dawson, teaches the course.)

[21] (After the terrorist bombings at the Boston Marathon Race on April 15, 2013, however, they had certainly become aware of Chechens from the Caucasus.)

[22] (Speaking about renewing bilateral relations between Russia and Turkey, Russian Foreign Minister Sergei Lavrov said: "Restoring the trust to its former state is too abstract a category. Everything will depend on our approach to cooperation and contacts…how we are going to trade with each other…build things together, implement joint investment projects and, largely, on how we will cooperate on the Syria peace process." http://sputniknews.com/politics/20160722/10433468194/lavrov-t…)

[23] (P&M, p 191.)

[24] (P&M, p 160.)

[25] (P&M, p 172.)

РАЗДЕЛ 1. НАСЛЕДИЕ П.А. СОРОКИНА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.С. Балакшин,
д-р филос. наук, профессор кафедры философии
и социально-правовых наук
Волжский государственный университет водного транспорта

М.М. Серафимов,
канд. социол. наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского (Дзержинский филиал)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ П.А. СОРОКИНА

В статье рассматриваются теоретические и методологические особенности типологии культуры П.А. Сорокина.

Ключевые слова: *культура, человек, общество, динамика, типология, ментальность, ценности, нормы, универсальность, многомерность.*

Культуры, созданные человеческими сообществами, бесконечно разнообразны. Каждая из них представляет собой уникальный и неповторимый способ восприятия мира и адаптации к нему. Очевидно, что при существующем многообразии человеческих культур, их типологизация – крайне сложная задача. Любая типология позволяет внести определенный порядок в кажущийся хаос явлений окружающего мира, структурировать его, облегчить задачу его понимания. На сегодняшний день и зарубежными и отечественными исследователями предложено множество вариантов типологии культур, и не один, естественно, нельзя считать исчерпывающим. Это связано с тем, что проблема типологии так и не решена окончательно. Если даже определений культуры насчитывается более 500, то подсчитать число типов и видов культуры не представляется возможным. Поэтому для того, чтобы создавать типологию культуры, с нашей точки зрения, следует определиться с самим понятием культура. Термин «культура» можно использовать в двух смыслах: субстратном и атрибутивном, что мы и отмечаем в существующей языковой практике и в литературе[1]. Субстрат-

[1] См.: например, Балакшин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования. – Нижний Новгород: ВГАВТ, 2004.

ный смысл фиксирует совокупность явлений (предметов, институтов, деятельностей), которые называются культурой: искусство, музыка, живопись, кино, театр, музей, филармония, техника, управление, религия, машины, атрибутика, институты ит.д. Эти явления состоят из артефактов или культурем[1] – конкретных натурально-знаковых носителей, субстратов культуры. Когда говорят, что надо создавать культуру, беречь культуру, охранять культуру, распространять культуру и т.д., т.е. что-то делать с культурой, то имеют в виду именно этот субстратный смысл: культура – это существительное. Атрибутивный смысл фиксирует свойства, качества, признаки у различных явлений, которые дают основание называть их «культурными»: культурная политика, культурная деятельность, культурная речь, культурное поведение, культурный предмет и т.д. Этот смысл ближе к сущности культуры, потому что он предполагает, что есть и некультурные явления (предметы, действия и пр.). Субстратный смысл термина «культура» по существу охватывает все явления общества, все человекотворные явления. Расшифровка атрибутивного смысла термина «культура» позволяет понять и субстратный смысл этого термина. Какое же явление (поступок, поведение, речь, действие и пр.) мы называем и можем назвать культурным? Для окончательного понимания феномена «культуры» необходимо сказать главное: вся проблематика культурологии и, прежде всего, связанная с понятием культуры, легко разрешается при введении в содержание анализа культуры понятия «человек», «мера человека», «мера человеческого рода», ибо именно человек является мерой, критерием всего в общественной, искусственной, социальной жизни. «Человек есть мера всех вещей…» (Протагор).

Таким образом, первичным шагом типологизации является разделение всех трактовок культуры на два крупных типа: широкое и узкое понимание культуры. Широкое понимание культуры отождествляет ее с общественной жизнью, т.е. со всеми типами и видами человеческой деятельности: культура – это все, созданное обществом, человеком, т.е. все надприродное, внеприродное, сверхприродное. Мы уже отмечали недостаточность такого понимания, потому что: а) место понятия занято: общество, цивилизация, социум и б) в обществе существуют не только позитивные, но и негативные явления, т.е. и культурные и антикультурные. Но даже если культуру понимать как все позитивно-общественное, все ценное, то все равно необходимо это всё дифференцировать на виды, подвиды, сферы, семейства и пр. Пока в науке даже константные роды деятельности не выделены, что уж говорить о типологии культуры. Узкое понимание культуры отождествляет ее с искусством, с художественной культурой (все Министерства культуры руководят искусствами, а не культурой!). Это тоже ошибочно, ибо: а) место занято эстетикой, историей искусства, искусствоведением, б) кроме художественной есть еще политическая, нравственная, физическая, медицинская и т.д. культура и в) в самом искусстве существуют и позитивные (ценные, культурные) и негативные произведения.

Само понятие типологии применительно к любому объекту означает особый вид упорядочения множества, а именно: выделение в этом множестве круп-

[1] См.: Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Изд-во «Прогресс», 1973.

ных идентичных (гомоморфных) компонентов, которые образуют тип, таксон. Типологизация фиксирует переход от суммирования элементов множества к классификации типов этого множества, а от нее переход к систематизации множества: «суммирование – типологизация – классификация – систематизация». Суммирование – это ограничение множества количеством элементов. Типологизация – это выделение таксонов множества. Классификация – это ранжированная иерархия таксонов. Систематизация – это структурирование таксонов множества. Сумма культуры – это все ее бесконечные (нужно ограничение), конкретные, единичные проявления: культура речи и нравственная культура, культура земледелия и политическая культура, культура поведения и художественная (музыкальная, театральная, живописная, литературная и т.д.), культура делового письма и культура обряда, культура облика и памятники культуры и т.д. Точку поставить можно, но только при условии «актуальной конечности» (идеализация). Типология нуждается в основаниях формирования таксонов, в принципах объединения элементов в компоненты таксона. Например, принцип образного моделирования мира является основанием выделения художественного типа культуры. Принцип веры в сверхъестественное является основанием выделения религиозного (конфессионального) типа культуры (католики, протестанты, православные, баптисты, иеговисты, пятидесятники, шииты, сунниты, буддисты, кришнаиты, иудаисты и пр. ... до 660 видов). Принцип теоретического моделирования мира объединяет все 1600 наук в единый тип научной культуры. Даже можно говорить о единой культуре церемониала: религиозного, воинского, педагогического, научного, политического, сельскохозяйственного, спортивного, игрового, брачного, модного, фестивального, выставочного, похоронного, аффирмативного и т.д. В конечном счете, полезно понять, что тот или иной вид деятельности превращается в культурный, когда в ходе этой деятельности исторически формируются традиции. Традиции – это межпоколенно транслируемые обряды. Обряд – это ритуально закрепленный обычай. Обычай – это константный (устойчивый) вид, форма деятельности.

Итак, если говорить о типологии культуры, то можно указать на множество оснований типологизации, учитывая еще один закон культурологии: закон многомерности бытия культуры. Это демографическое основание, антропономическое основание, мировоззренческие основания, общественные основания, сферно-компонентные основания, универсально-аморфные основания. Это выделение очень условно, как и вся типология, но приходится учитывать, что правовые регуляторы, нравственные нормы, техническое оснащение, коммуникативно-информационные связи существуют во всех сферах общества, а значит, требуют и своего культурного (традиционно-аксиологического) оформления[1].

Теперь непосредственно обратимся к типологическому анализу культуры Питирима Александровича Сорокина (1889–1968) – выдающегося русского и американского ученого, талантливого исследователя, крупного общественного

[1] Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Прикладная философия: педагогические этюды: монография. – Нижний Новгород: Изд-во ФБОУ ВПО «ВГАВТ», 2013. С. 47–48.

деятеля. Его теоретическое наследие настолько объемно и многогранно, что можно очертить лишь основные контуры взглядов на культурные процессы. Наиболее полно его культурологическая концепция изложена в многотомном сочинении «Социальная и культурная динамика».

Сущностью, основой культуры любого общества являются ценности, нормы, значения, символы. «Всякая великая культура, – пишет Сорокин, – есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность»[1]. Доминирующие ценности единой культуры охватывают всю духовную жизнь: искусство и науку, этику и право, образ жизни и мышление, философию и религию, нравы и обычаи, политическую и экономическую организацию. Все части такой интегрированной культуры взаимозависимы: если изменяются одни, неизбежно трансформируются другие. Сорокин вводит понятие «культурный менталитет», или «менталитет культуры», которым он обозначает ценности и значения, желания, чувства, отдельные образы, эмоции. Они образуют сферу духа и внутреннего опыта, которые воплощаются, реализуются во внешних событиях, процессах, объектах. Каждая культура индивидуальна. Она имеет собственный менталитет, свою систему истинности и познания, собственную философию и мировоззрение, формы искусства и литературы, тип религии и стандарты «святости», правила нравственности и кодексы поведения, законы и наказания, свою политику и экономику. На этой основе возникает особый, присущий именно данной культуре тип личности, обладающий специфическим менталитетом и поведением. Однако, следует отметить, что Сорокин склоняется к этому через сведение «объединяющей ценности» к «культурному менталитету. А что такое «менталитет»? В научной литературе это «образ чувств», т.е. духовный, субъективный критерий. Лучше же и сам менталитет трактовать как специфическую этно-национальную систему концептов, отражающих объективные меры человека и меры предметов (березы, лошади, родника, цветов) у этносов.

Следует отметить, что за исходный пункт в описании типа культуры Сорокин предлагает принимать следующие признаки: а) природу реальности, способ ее восприятия людьми; б) природу целей и потребностей, требующих удовлетворения; в) степень и формы удовлетворения потребностей; г) способы удовлетворения потребностей. Здесь мы видим, что Сорокин в основании культуры видит только потребности, это хорошо (потребности – побудительные силы…), но потребности требуют соответствующих им способностей (деятельных сил). А единство потребностей и способностей – это единство сущностных родовых сил (К. Маркс), меры человеческого рода, реализующих себя в родовых качествах (сознание, язык, общение, деятельность).

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений // Вестник Московского университета. Сер. 7. 1993. № 1. С. 54–82.

Комплекс же этих признаков в различных модификациях и образует различные типы культуры. Культурно-исторический процесс, с точки зрения Сорокина, есть циклическое развитие трех типов культуры, в основе которых лежат определенные ценности. Это: 1) идеациональный (спиритуалистический), базирующийся на сверхчувственных, сверхразумных основаниях (таковым был христианский символ веры в средневековой культуре Европы, представлявший собой конечную истинную реальность и ценность); 2) сенситивный (чувственный), исходящий из принципиально иных оснований, суть которых выражается в том, что конечная реальность и ценность чувственно познаваемы, а подлинной истиной является истина чувственных данных, эмпирически воспринятых и проверенных; 3) идеалистический, представляющий собой соединение первых двух в определенных пропорциях. Выделенные Сорокиным типы культуры – это одновременно и последовательные этапы культурной динамики, Любая культура (если ее естественное существование не прекращается в силу каких-то причин) может проходить в своем развитии эти стадии: идеациональную, идеалистическую, чувственную. При этом ни один из выделенных культурных типов не является «более развитым» или «менее развитым» – каждый представляет собой самостоятельную ценность. Культура может проходить через три описанные стадии несколько раз – концепция Сорокина циклична.

Почему же происходит смена одного культурного типа другим? Во-первых, ни один тип культуры не способен создать исчерпывающее описание реального мира и использовать все возможные пути человеческого творчества. Базируясь на каком-то основном принципе, культура как бы отсекает иные возможности. Со временем возможности творческого развития этого принципа неизбежно оказываются исчерпанными, и возникает необходимость перехода к новым ориентирам. Во-вторых, ни одна культура не является интегрированной. Так, в идеациональной культуре, на ее «периферии», существуют элементы чувственной или идеалистической культуры, Так же и господствующая чувственная культура не предполагает полного уничтожения элементов культуры идеациональной. И эти периферийные элементы могут стать почвой для формирования нового типа культуры, когда прежний тип исчерпывает свои творческие возможности.

Таким образом, следует отметить следующее. Выделенные три типа культур у П.А. Сорокина (сверхчувственная, чувственная, духовная) сегодня мы не можем признать оригинальными, ибо они нам напоминают О. Конта (теологическое, позитивно-эмпирическое, духовно-философское), триединство В. Соловьева, троичность Божества православия… Сверхчувственное же вообще уводит в мистику, спиритуализм, теологию, непознанное…, а чувства + интеллект – это упрощенно, наивно для понимания культуры. Кстати, если говорить об идее цикличности культуры, то она не нова (Вико, Данилевский…), к тому же, каждый следующий цикл содержит в себе прошлые циклы, а не уничтожает их (критика «пролеткульта», «фовистов», «дадаистов»…). Культуры без социальной исторической памяти («мемориальная функция») не существует: отсюда традиции, обычаи, обряды, преемственность.

Типология культуры, разработанная Сорокиным, необходима для понимания динамики социокультурного развития, объяснения духовного кризиса. Он возражает тем исследователям, которые утверждают, что западная культура достигла последней стадии старения и находится в предсмертном состоянии. Все подобные аналогии беспочвенны, считает Сорокин, ибо никому из приверженцев этих теорий «не удалось показать, что же разумеется под детством общества или под старением культуры, каковы типичные характеристики каждого из возрастов, когда и как умирает данное общество и что значит смерть общества или культуры вообще»[1]. П. Сорокин доказывал, что настоящий кризис – это лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция, столь же достойная внимания, каковой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета. В западной культуре средних веков таким образом произошла замена одной фундаментальной социально-культурной формы на другую – идеациональной на чувственную. Такое изменение не нарушило созидательных сил общества. После хаоса переходного периода в конце средневековья западная культура и общество демонстрировали на протяжении нескольких столетий великолепные созидательные возможности в истории культуры. Подобные изменения переживают все великие культуры. Ни одна из форм культуры не беспредельна в своих созидательных возможностях, они всегда ограничены. В противном случае было бы не несколько форм одной культуры, а единая, абсолютная, включающая в себя все формы. «Точно так же, как замена одного образа жизни у человека на другой, вовсе не означает его смерти, так и замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подвергаются трансформации[2].

Всеобщий характер изменений является закономерностью социокультурного развития. Но возникает вопрос: где искать причины перемен: во внутренних свойствах системы или во внешних факторах? Сорокин утверждает, что культура и ее субсистемы, будь то музыка, архитектура живопись, скульптура философия, религия, формы политических и экономических организаций содержат внутри себя факторы и основания своих изменений. Беспрестанные перемены в культуре порождаются ее существованием и деятельностью. Процессы ее функционирования определяются потенциальной природой данной социокультурной системы, целостной совокупностью ее свойств. Этот принцип Сорокин называет самодетерминацией, или эквивалентом свободы. Культура развивается по своим внутренним (имманентным) законам, а возможные вариации или отклонения зависят от характера суперсистемы и условий среды.

Внешние факторы могут замедлять или ускорять свойства системы, препятствовать или способствовать реализации ее возможностей. Но они не могут заставить культуру проявить то, чем она потенциально не обладает, стать тем, чем она не может стать, произвести то, чего она не может создать.

---

[1] Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992. С. 432.
[2] Там же. С. 433.

Внутренние свойства культуры настолько значительны, что они отбрасывают, не закрепляют инородные внешние влияния. Их воздействие на систему не будет кратковременным, не затрагивающим существенных свойств, они не могут фундаментально изменить характер и качество каждой фазы развития культуры.

Итак, подводя итог краткому типологическому анализу культуры П.А. Сорокина, важно отметить следующее. 1. Типология культуры, разработанная П.А. Сорокиным, прежде всего, может иметь ряд оснований, таких как мировоззренческие, общественные, так и сферно-компонентные основания. 2. Это выделение очень условно каждая культура является универсальной, ибо она в блоке конкретного носителя отражает универсальность культуры в целом. Срабатывает объективный диалектический закон: в единичном, отдельном представлено общее, в явлении выражается сущность. При этом необходимо вспомнить слова В.И. Ленина о том, что сущность многопорядкова, многоуровнева, а потому и явления по-разному одну и ту же сущность представляют даже в виде кажимости или видимости. Такое многообразие явлений культуры мы и видим не только в реальности, но и виртуальном или литературном изображении в качестве искусственных концептов и конструктов. 3. Здесь необходимы и выделенные нами константы культуры[1], которые в потоке времени и в поле пространства общества при всех исторических изменениях выделяют устойчивые, стабильные явления, да еще инвариантные при всей их пространственно-временной гетерономности. 4. Акцентировать внимание на постоянстве, стабильности, константности социальных явлений родового характера (язык, мышление, деятельность, потребность и т.д.) при всех их исторических модификациях приходится в связи с тем, что диалектика ошибочно и повсеместно трактуется по формуле – «Все течет, все изменяется». Это не диалектическая, а релятивистская интерпретация реальности, которая ошибочна, как и противоположная ей догматическая трактовка – «Все устойчиво, постоянно. Ничто не ново под луною». Диалектике всегда приходится бороться с метафизикой в ее двух видах: релятивизма и догматизма. Диалектика же и является тем методом, который схватывает единство и борьбу противоположностей. Это сущность диалектического метода. В принципе константности выражается акцент на постоянстве, устойчивости каких-то явлений, что не исключает их сенситивность, изменчивость, модифицируемость. 5. Существование таких констант культуры и выражает концепцию многомерной культуры. Эта многомерность культуры фиксирует факт ее включенности в разные системы исчисления: мера человека, типы мировоззрения, сферы общества, константы социума и т.д. Данная многомерность и отражается в многоаспектной трактовке констант культуры. Каждая отдельная культура отражает многомерность культуры. 6. П.А. Сорокин в своей, пусть недостаточно оригинальной, идее «трехгранности» (трехмерности) культуры выходит на проблему многогранного-многомерного понимания культуры, но не развивает, не развертывает эту идею как методологический принцип «многомерной многогранности» или «многогранной многомерности»… Лучше:

[1] Зеленов Л.А., Балакшин А.С., Владимиров А.А. Философия культуры: монография. – Нижний Новгород: Изд-во ФБОУ ВПО «ВГАВТ»,2013. С. 222–223

мера в начале, а мера является многогранно. То есть культура – это: а) кристалл, обладающий многомерностью; в) каждая мера многогранна. 7. Сорокин не прав, когда говорит о «не интегрированности» каждой культуры, ибо принцип многомерности – многогранности как раз и утверждает внутреннюю интегрированность каждой культуры: религиозной, художественной, экономической, научной, управленческой, педагогической, культуры труда, речи, поведения… Блестящее доказательство многомерности-многогранности, следовательно, интегрированности каждой культуры – это работы М.М. Бахтина о «смеховой, карнавальной культуре», Ю.М. Лотмана о «знаково-модельной культуре», Д.С. Лихачева об «интегральности литературы», В.С. Соловьева о «многогранности религиозной-софийной культуры» и т.д. Все сказанное позволяет более глубоко, а самое главное научно, в разноуровневых измерениях рассматривать типологию культуры великого мыслителя П.А. Сорокина.

М.Б. Буланова,
д-р социол. наук, профессор
Российский государственный гуманитарный университет

МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ П.А. СОРОКИНА[1]

В статье анализируется модель социологического образования, разработанная П.А. Сорокиным. Доказывается преемственность данной модели по отношению к просветительской модели М.М. Ковалевского. Показываются возможности использования модели П.А. Сорокина для современного российского социологического образования.

Ключевые слова: *П. Сорокин, образование, социологическое образование, модель социологического образования, социологическое просвещение.*

П.А. Сорокин стоял у истоков российской социологии, был выдающимся организатором социологической науки и пионером социологического образования. П.А. Сорокину принадлежит оригинальная модель социологического образования, разработанная в продолжение просветительской модели его учителя – М.М. Ковалевского.

Теоретический подход М.М. Ковалевского к социологическому просвещению сложился на основе глубокого изучения им опыта преподавания гуманитарных дисциплин в учебных заведениях России и Европы. Основу данного подхода составляло убеждение ученого, что, во-первых, социологическое образование требует серьезной предварительной подготовки (просвещения) и достаточной эрудиции и, во-вторых, оно не должно быть изолированным процессом, а осуществляться в тесной связи с развитием самой науки[2].

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-02016
[2] См.: Кукушкина Е.И. Социологическое образование в России XIX – начала XX в. М.: МГУ, 1994. С. 45–46.

«Социология, – писал М.М. Ковалевский, – синтез всех конкретных наук об обществе»[1]. Не случайно поэтому социологией интересуются (каждый по-своему) представители как естественно-научных, так и гуманитарных дисциплин. По мнению ученого, как предмет теоретического просвещения социология может быть естественно воспринята и понята другими науками.

Считая, что основным для социологии является вопрос об организации и происхождении общественной жизни, М.М. Ковалевский открыл новое научное направление – генетическую социологию. Так, он писал: «Генетической социологией называют ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право»[2]. Все стороны общественной жизни, подчеркивал ученый, тесно связаны между собой и воздействуют друг на друга: «Раскрыть это взаимодействие в прошлом, объяснить зарождение верований и учреждений составляет ближайшую задачу всякого социолога, всего же более того, кто посвятил свой труд генетической социологии»[3].

Вопросы, которые поднимает генетическая социология, представлялись М.М. Ковалевскому слишком сложными, чтобы быть доступными пониманию учеников начальной школы. Говоря о своей позиции в отношении изучения социологии в средней школе, он заявлял: «Я не сторонник составления для нее ни «политических, ни социальных катехизисов». Но я не вижу причины, по которой элементы социологии не могли бы войти в состав знаний, сообщаемых в сколько-нибудь систематическом виде ученикам средних школ»[4].

Главным очагом социологического просвещения, по Ковалевскому, должны стать университеты: чтение курса социологии ученый предлагал сосредоточить на юридическом или историко-филологическом факультетах. В действительности социологическое просвещение началось в российских университетах в конце 1870-х гг. с включения социологического материала в лекционные курсы профессоров различных факультетов.

Социологическое просвещение в университетах, не отменяя изучения конкретных дисциплин об обществе, вносит в существующий среди них хаос систему и единство. М.М. Ковалевский отмечал: «Мы выходим из высших школ, посвященных общему образованию, с некоординированными представлениями и о нравственном долге, предписываемом нам практическим разумом, и о хозяйственном расчете, подсказываемом нам себялюбием, и о праве, заключающем в себе веления, отвечающие пользе и нуждам государственным, и о религии, открывающей нам пути к вечному спасению. Едва ли хаотическое состояние наших основных понятий может иметь счастливый исход для практической деятельности. Социология, по крайней мере, способна была бы научить нас од-

[1] См. Ковалевский М.М. Русская высшая школа общественных наук в Париже // Социология в России XIX – начала XX вв. Вып. 1. История социологии. Социологическое образование. Тексты. – М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1997. С. 443.

[2] См.: Ковалевский М. М. Понятие генетической социологии и ее метод // Ковалевский М.М. Соч.: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Алетейя, 1997. С.272.

[3] См.: там же. С. 272, 286.

[4] См.: Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России. С. 107.

ному – необходимости искать в велениях и здравого эгоизма, и, по–видимому, противоречащего ему альтруизма, и в требованиях государственности, и в велениях церкви осуществление начал, подсказываемых нам заботой о сохранении и дальнейшем развитии общественности»[1].

Итак, модель социологического просвещения, разработанная М.М. Ковалевским, не предусматривала подготовку профессиональных социологов, главный акцент делая на необходимость включения курса социологии в состав университетских учебных планов всех специальностей и на размежевание этой дисциплины с другими общественными науками. Данная модель на практике была апробирована в Высшей русской школе общественных наук в Париже (1901-1905).

Продолжая линию социологического просвещения, П. Сорокин считал, что это должно было быть образование всего российского общества, всех россиян. Вот что писал П.А. Сорокин во введении к своему «Общедоступному учебнику социологии»: «Наша потребность в социологических знаниях – огромна. В ряду многих причин, вызывающих наши настроения и плохую общественную жизнь, немалую роль играло и играет наше социологическое невежество. Если нам суждено быть гражданами великой культурной страны, если нам суждено быть настоящими сообщественниками, а я в это продолжаю верить, то одним из средств, ведущих к этой цели, является распространение знаний вообще и социологических знаний в частности»[2].

Во имя данной цели – «содействовать превращению русского в гражданина» П. Сорокин не только создал общедоступный учебник по социологии, но и читал систематический курс самой разной публике: «от Петроградского университета – до рабочей аудитории общеобразовательных курсов и школ»[3].

По убеждению П.А. Сорокина, социологические знания нужны на всех уровнях образовательной системы – от школы до университета. Главное требование: общедоступность социологического образования «не должна вести к его ненаучности, краткость – к упрощению»[4]. Преподавание социологии должно отличаться полнотой, глубиной, научностью.

Однако ярлык «опальной науки», данный царскими властями социологии, довольно долго не давал ей возможности полноправно войти в систему российского образования. Мечтая о времени, когда курс социологии будет читаться в университетах, П. Сорокин писал, что логично ввести курс социологии на всех факультетах и образовать специальные кафедры или хотя бы учесть опыт Западной Европы, в которой первые кафедры социологии были открыты на юридических факультетах. В действительности уже после событий 1917 г. социология в числе обязательных предметов вошла не только в программы высшей школы, но и средней школы второй ступени.

---

[1] Там же: С. 106-107.

[2] Сорокин П.А. Общедоступный учебник по социологии. – Ярославль: Изд-во Ярославск. с.-х. и кредитного союза кооперативов, 1920. С. 5

[3] Там же. С. 4.

[4] Там же. С. 3-4.

В государственных российских университетах первые кафедры социологии были открыты в 1918–1919 гг. на факультетах общественных наук (ФОН). В такой ситуации встала проблема разработки официальной программы преподавания социологии в средних школах и вузах. Комиссариатом народного просвещения была предпринята попытка издания такой примерной программы по социологии, но, по мнению П.А. Сорокина, эта программа оказалась неудачной. Говоря о программе, он заметил: «Она кратка, недостаточно систематична и для возможности руководствования ею требует уже солидной социологической подготовки». Это замечание содержится в уникальном документе – докладной записке П. Сорокина в Комиссариат народного просвещения о необходимости организации летних курсов для преподавателей социологии в 1919 году[1]. В этой записке изложены конкретные предложения ученого относительно введения преподавания социологии в средних школах и вузах.

Записка состоит из двух параграфов. В первом обосновывается необходимость организации летних курсов для преподавателей социологии. Выражая одобрение решению властей о введении социологии в число обязательных предметов преподавания не только в программу высшей школы, но и в программу средней школы, ученый назвал ряд условий, способных помешать успешному проведению этой реформы.

Первое. Социология как наука продолжала быть в состоянии «становления» в отличие от других (физико-химических и биологических) наук, имеющих определенный шаблон построения. «Разно понимаются ее предмет и задачи, разно очерчиваются и контуры всего социологического знания»[2].

Второе. Введение социологии в качестве обязательного предмета застало будущих преподавателей социологии совершенно не подготовленными к преподаванию. При своем обучении в высших школах они не слушали социологии, ибо она не преподавалась. Только единицы сами интересовались этой дисциплиной и добровольно изучали ее. Отсутствие подходящих учебников на русском языке, бедность русской социологической литературы, невозможность приобрести даже немногие, имевшиеся на русском книжном рынке социологические курсы и пособия, привели к плачевным результатам.

Интересно упоминание об опросах о состоянии социологического образования, проведенных Русским социологическим обществом имени М.М. Ковалевского. Согласно полученным данным, школьные преподаватели либо вообще не могли читать курс социологии, либо читали под названием «общая социология» социологию отдельных авторов (например, Л. Гумпловича), либо вместо социологии читали «историю культуры».

Следовало, как считал П.А. Сорокин, вначале познакомить преподавателей с предметным полем социологии, приучить их к самостоятельной социологической работе, а затем повышать уровень социологических знаний у молодого поколения. С этой целью способствовать прогрессу и оживлению русской со-

[1] См.: ЦГАОР. Ф.602. Оп.1. Д. 30. Л. 1– 4 // Цит. по: Социологические исследования. 1991. № 10. С. 125–126.
[2] Там же. С. 125.

циологической мысли; разработать методику преподавания этой дисциплины; тщательно ознакомиться с положением преподавания социологии в России; составить примерную программу преподавания социологии, с рекомендацией учебников и пособий. Если более внимательно посмотреть на эти задачи, перед нами конкретный план постановки в России системы социологического образования. Тем более что с 1916 г. ученый сам принимал активное участие в пропаганде социологических знаний.

Интересна предложенная программа курсов. В этой программе – зачатки будущих учебных планов подготовки специалистов-социологов во всех российских университетах.

На курсах вводились следующие предметы: 1) общий курс теоретической социологии; 2) генетическая социология, 3) история социологических систем и теорий, 4) социальная политика в связи с историей социалистических теорий, 5) методика преподавания социологии. Состав дисциплин объяснялся договоренностью большинства социологов различать два отдела социологии: социологию теоретическую, изучающую мир человеческого общения и взаимодействия с точки зрения сущего, таким, каков он есть, и социологию прикладную, социологию как искусство, изучающую мир социальных взаимоотношений с точки зрения должного, таким, каким он должен быть. Показательно, что в то время под прикладной социологией, или социальной политикой, понималась нормативная область науки, а ее составной частью считались социалистические конструкции будущего общества. Этот контекст утерян современной социологией: в ней прикладная часть претендует на изучение того, что есть, а теоретическая – того, что должно быть или было.

Кстати, интерес к социализму как нормативной науке, дающей ряд конструкций должного общества, нашел отражение в учебных планах факультетов общественных наук. На первых кафедрах социологии читались курсы «История социологических учений» и «История социалистических учений». Кстати, второй курс к середине 20-х годов XX в. стал успешно теснить первый, а затем и вовсе заменил его[1].

П.А. Сорокин вслед за своим учителем М.М. Ковалевским был убежден, что при отсутствии общепринятого построения социологии, ее предмета и задач, во избежание односторонности преподавателю социологии полезно иметь представление обо всех основных направлениях социологической мысли. Поэтому отдельный самостоятельный курс должен быть посвящен истории социологических систем.

Теоретическая социология, в свою очередь, распадалась на две части: общую теорию социальных явлений, рассматриваемых статически (социальная аналитика и механика), и генетическую социологию, изучающую происхождение и развитие общественной жизни вообще и отдельных социальных институтов в частности. Любопытно, что данная традиция в изучении теоретической социологии была заложена еще О. Контом.

[1] См. подробнее: Буланова М.Б. Социологическое образование в России: история и современность. – М.: РГГУ, 2011.

Наконец, ввиду того, что курсы устраивались для педагогов, предполагалось ввести методику преподавания социологии. Ее задача – научить слушателей методам чтения лекций по социологии и основным навыкам проведения практических занятий.

Практические занятия слушателей курсов предполагалось сделать весьма разнообразными: «С одной стороны, они могут состоять в писании, чтении и обсуждении докладов, изготовляемых самими курсантами на те или иные социологические темы, с другой стороны – коллективном и индивидуальном производстве социологических наблюдений (по заданию руководителя, а позже и по собственной инициативе), наконец, в постановке и производстве социологических опытов»[1]. Такие практические занятия, как считал П. Сорокин, могли дать прекрасные результаты, вызывая громадный интерес в слушателях, помогая им более тщательно изучить социологические теории, а главное – помещая их в социологическую лабораторию и приучая к чисто научной социологической работе. Составленная П.А. Сорокиным программа летних курсов опиралась на опыт, накопленный им во время работы на кафедре социологии в Психоневрологическом институте до 1917 г., а также существующий международный опыт преподавания социологии.

В конце своего письма Сорокин прозорливо замечал, что, если намеченная программа не будет реализована, от этого много потеряют и русская социология, и народное просвещение, и молодое поколение. Можно полностью согласиться с этим утверждением, так как значение подобного документа трудно переоценить. Но другое можно сказать наверняка. Сорокин имел в виду этот четкий план действий, когда открывал отделение социологии на факультете общественных наук в 1919-1920 гг. в Петроградском университете, а затем в 1930-1931 гг. социологический факультет в Гарварде.

Составляя примерную программу преподавания социологии, ученый не исключал, что со временем должны появиться новые образцы программ преподавателей. Но все действующие программы преподавания социологии в школах и университетах должны ориентироваться на лучшие западные и отечественные образцы. Среди западных исследователей П. Сорокин рекомендовал программы Ф. Гиддингса, В. Вуда, Ф. Гайеса, из русских – программы К.М. Тахтарева, Е.В. де-Роберти, М.М. Ковалевского. Очень требовательно П.А. Сорокин относился к учебным пособиям по социологии. Достаточно резко он оценил учебник Е.А. Энгеля «Социология. Краткий курс средней школы», вышедший в Петрограде в 1919 г.: «пустая брошюра»[2]. Кроме П. Сорокина, на летних курсах 1919 г. читали лекции Н.А. Рожков, А.И. Буковецкий, К.М. Тахтарев.

В 1919 г. П. Сорокин написал «Программу преподавания социологии». Ее содержание перекликается с программой преподавания социологии на летних курсах. В процессе исследования не удалось установить, какая из представлен-

[1] См.: ЦГАОР. Ф.602. Оп.1. Д. 30. Л. 1– 4 // Цит. по: Социологические исследования. 1991. № 10. С. 129.

[2] См.: Сорокин П. Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // Сорокин П.А. Общедоступный учебник по социологии. Ст. разных лет / под ред. В.В. Сапова. – М.: Наука, 1994. С. 415.

ных программ написана первой, но их единство – знаменательное свидетельство устойчивости позиции ученого в желании дать слушателям систематическое изложение социологии. По мнению автора программы, курс необходимо начинать с краткого введения, где формулируется понятие о социологии как науке, ее задачи и краткая история. Затем излагается раздел «Социальная аналитика», включающий в себя аналитику простейшего социального явления и аналитику населения как сложного социального агрегата; предполагается рассмотрение понятия взаимодействия как простейшей модели социального явления; перечисляются и описываются элементы взаимодействия и их свойства; классифицируются формы взаимодействия.

Итогом анализа простейшей модели служит понятие взаимодействия как коллективного единства. Далее следует логически перейти к социальной группе и восстановить разорванное единство. Так постепенно совершается переход к изучению взаимоотношений уже не индивидов, а социальных групп. В последующем излагается «строение и расслоение населения»: социальные группировки, виды социальных групп, основные формы элементарной группировки индивидов (семейная, государственная, языковая, возрастная и др.), классификация обществ. Далее программа предполагает обзор и критику главнейших теорий социальных явлений.

После социальной аналитики П. Сорокин переходит к разделу «Социальная механика», где первоначально излагается учение о раздражителях человеческого поведения и факторах социальных процессов, понятие о закономерности и причинности в поведении людей, классифицируются факторы человеческого поведения и социальных процессов. Вторая часть этого раздела ставит задачей изучение не сил, а процессов, совершающихся в среде данного населения. В третьей части изучается механика социальных процессов на анализе судеб личности с момента рождения до смерти. В разделе «Социальная генетика» рассматриваются возникновение и основные линии развития в сфере строения населения и общественных процессов[1].

П.А. Сорокин успел апробировать предложенную программу еще до высылки из России. Педагогический опыт автора позволил утверждать, что ни одна аудитория не давала ему оснований жаловаться на невнимание, или отсутствие интереса слушателей, или непонимание. Возможно еще и потому, что, по его словам, на лекциях он никогда не играл в политику и убедительно говорил о социологии как предмете большой жизненной важности[2].

В основе предложенной модели социологического образования лежат принципы неопозитивизма. П.А. Сорокин считал: социология – наука о взаимодействии и поведении людей (формах, причинах, результатах); социология – наука объективная, свободная от всякого нормативизма и субъективного психологизма – она изучает социальные явления как вещи; социология решительно порывает с философствованием, отрешается от всяких предпонятий, отправляется от факта; социология порывает с упрощенным монизмом, рассматриваю-

[1] См.: Сорокин П.А. Программа преподавания социологии // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация Общество. – М.: Политиздат, 1992. С. 531-535.

[2] См.: Сорокин П. Дальняя дорога. – М.: Московский рабочий; Терра, 1992. С 130.

щим механизм человеческой истории как уравнение с одним неизвестным; социология требует конкретности преподавания. Обобщающая теорема является простым выводом из анализируемых преподавателем фактов, а не предметом изложения; факты следует брать из текущей жизни, так как они наиболее интересны и доступны проверке. Из этих принципов вырастал взгляд П.А. Сорокина как на социологию, так и на методику ее преподавания.

В своих воспоминаниях о руководстве социологическим факультетом в Гарварде Сорокин с гордостью писал, что факультет выпустил большое количество молодых лидеров американской социологии. Среди них достаточно назвать имена Р. Мертона, Т. Парсонса, Э. Тириакьяна. Причину успеха он видел в педагогических приемах преподавания социологии, рассчитанных на выработку у студентов собственных взглядов, на развитие у них способности к самостоятельным исследованиям. Преподавателю, советовал он, не следует заставлять своих аспирантов и студентов принимать на веру преподносимые им собственные теории. Он считал, что очень важно научить будущих социологов не придавать особого значения тому факту, что их взгляды могут не совпасть с уже имеющимися в науке представлениями[1].

Кроме того, особое значение П. Сорокин придавал тщательному подбору ведущих преподавателей – специалистов с мировыми именами, а также соответствующих курсов. Все это свидетельствовало о том, что модель подготовки специалистов на социологическом факультете в Гарварде была «в высшей степени качественной и сбалансированной»[2]. Кстати, сравнивая систему подготовки социологов в Америке и России, П. Сорокин отдавал предпочтение отечественной традиции за возможность свободного выбора студентами лекций, за особенно благоприятную атмосферу общения студентов с профессорами, за возможность обсуждения студентами своих персональных проблем и за тот творческий дух, который царил на семинарских занятиях. Он отмечал, что «честная конкуренция в научном творчестве играла более важную роль в российских, нежели американских, университетах»[3].

Потребность в изучении отечественных традиций в области социологического образования появилась с начала 1990-х гг., когда российские вузы приступили в полной мере к профессиональному обучению студентов по специальности «Социология». Сейчас, в условиях модернизации социологического образования, модель, разработанная П.А. Сорокиным, представляется особенно актуальной как образец взвешенного, сбалансированного сочетания в ней просветительского и профессионального, теоретического и прикладного компонентов. Эта модель опирается на отечественную традицию и в то же время ориентирована на использование международного опыта подготовки социологов. И главное – она была успешно апробирована в российских, европейских и американских университетах, подтвердив интегральный характер мирового социологического образования.

---

[1] См.: Там же. С. 180.
[2] Там же. С. 65
[3] См.: там же. С. 66.

А.А. Гагаев,
д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин
Рузаевского института машиностроения (филиала)
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

П.А. Гагаев,
д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики
Пензенский государственный университет

ФАКТОРЫ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ В МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РАС И ЭТНОСОВ ПИТИРИМА СОРОКИНА

В докладе выделяются факторы открытий и изобретений: этнокультурные классы инноваторов, опережающее финансирование фундаментальных и прикладных наук, мобильность кадров, вербальный интеллект и др., ставится вопрос об управлении этими факторами, делается вывод о дисфункции этих факторов в российской науке.

***Ключевые слова**: этнокультурная модель науки, вербальный интеллект, школа и университет, воспитание и образование, социальная мобильность, управление факторами открытий и изобретений.*

П. Сорокин ключевым моментом своей социокультурной динамики считал модель факторов открытий и изобретений как энергетическое ядро развития человечества. В данной работе реконструируются интернальные и экстернальные факторы открытий и изобретений в истории человечества в понимании П. Сорокина и нашей интерпретации.

I. Понятие акта открытия и изобретения в целом

Открытие – не понимание само по себе, не интерпретация и не истолкование, не спецификация, но обнаружение нового качества, нового количества-меры, нового физико-математического принципа (общее субстратного характера), новой формы эмерджентности из свойств, которые сами по себе не новы, формы закона природы универсально-уникального типа, типа самоорганизации свойств, отношений, функций, нового типа тождества-различия онтологии вещей, нового типа телеологии объективного и субъективного типа, нового цикла развития, обнаружение гипотез ретросказания и предсказания, расчета будущего и вообще и технологий и техник. Поэтому открытий в истории человечества очень мало, а открывающих людей – 100 тыс. на прошедших по планете 50 млрд. человек.

II. В истории человечества начиная с X в. до н. э. периодически и в XIX и XX веках складывались оптимальные ситуации с наличием интернальных и экстернальных факторов открытий и изобретений.

А. Интернальные факторы открытий и изобретений[1].

[1] Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. 1175 с.

1. Наличие класса изобретателей – бизнесменов, класса инноваторов. В XIX веке резко нарастает число профессий, достигая 10 тыс., но они еще синтетические. В XX веке сформируется до 80 тыс. профессий и исчезает до 80 тыс. профессий в год. Профессии аналитические и не требуют глубокого образования, вызывая упрощение необходимого образования и личности; человек становится одномерным. Формируется соответствующая психология открывателей и изобретателей скептического и димензиального характера. Люди получают профессию согласно способностям и занимают свое место в социальной структуре, обладающей свойством вертикальной и горизонтальной социальной мобильности.

2. Наличие среднего класса. Во французской Академии наук в начале XX века из 100 иностранных членов 10% принадлежит к рабочему классу и крестьянству, 30% к дворянству и буржуазии, 60% к среднему слою. В целом в составе ученых Франции 23% принадлежит к рабочему классу и крестьянству, 35% к дворянству и буржуазии, 42% к среднему классу. Но в СССР ¾ ученых принадлежало к рабочему классу и крестьянству, ставшему средним классом. То есть дело в воспитании и образовании как достаточном факторе и достатке как необходимом факторе[1].

3. Молодость ученых, включающихся в открытия и изобретения. Фактором интенсивности открытий является удвоение населения в XIX веке. В США население удвоилось за 25 лет, а в Европе население удвоилось за весь XIX век[2].

В IV в. – 1800 г. население Европы – 180 млн., а за XIX век возросло до 460 млн. Рост народонаселения вызвал рост и творческой активности, то есть население Европы в XIX веке очень молодо, а в XX веке непрерывно стареет. Непрерывно стареет население России. Средний возраст кандидатов наук – 53 г., а доктора наук – 62 года, средний возраст учителя – 50 лет, средний возраст член-корреспондента АН РФ - 66 лет, академика- 73 года!

4. Высокий статус ученых, в смысле их доходов и влиятельности на власть, участия в принятии решения.

5. Оптимальная структура финансирования гуманитарных и естественно-технических наук, естественно-теоретических и технических наук, сельскохозяйственных наук, медицины, социальных и гуманитарных наук. До 70% финансирования шло в социально-гуманитарную область.

6. Опережающе развивается теоретическая и фундаментальная наука, создавая простор для прикладной и разработочной, эмпирической.

7. Сосредоточение университетов на воспитании, образовании и теоретической науке, а других институтов – на реализации их достижения в прикладных науках. Статус учреждения, а не корпорации предполагает разделение труда между университетами и фирмами. Первые сосредотачиваются на теоретической науке, а вторые – на венчурном капитале и эмпирической, прикладной и разработочной науке.

---

[1] Сорокин П. Система социологии. – М.: Астрель, 2008, 426 с.

[2] Майр Г. Статистика и обществоведение. – СПб., 1901. Т. II. С. 59, 61; Сорокин П. Система социологии. – М.: Астрель, 2008. 1008 с.

Учреждение – университет – независимо от власти, самоорганизуемо и само определяет свои научные и образовательные программы. Централизация в этой области введет к деградации университетов в смысле науки и образования. Университет – интернально, а не экстернально развивающаяся этнокультурная система. Университет – учреждение, а не корпорация и цель его – услуги общего блага, а не прибыль.

8. Этнокультурный тип творчества национальных университетов, которые были не глобальными, а именно ярко-выраженными немецкими, английскими, французскими,

9. Обмен лучшими кадрами между университетами мира. В XIX веке в преподавательском корпусе доминировал мужской, а не женский состав, а в XX резко увеличилась доля женщин, которые заняты в семье, что снижает от них отдачу в области науки. Подготовка кадров в различных выдающихся университетах и не глобальное, а этнокультурное воспитание и образование.

10. XIX век предполагал свободу научной информации, а XX – тайну научной информации в связи с её военным использованием. Это свернуло коммуникацию в процессе открытия и изобретения. То же самое относится и к коммерческой тайне. Научная информация в XIX веке ею еще не стала, а в XX веке она уже есть коммерческая тайна. Все это сворачивает темп и глубину открытий и изобретений.

11. Понимание научных степеней не как права на преподавательскую деятельность, а именно как на бытие ученым - открывателем и изобретателем. Тип ученого: синтетическое, а не аналитическое образование, с наличием развитого вербального интеллекта и литературного языка. Такой тип ученого способен делать открытия из первых принципов. Современный ученый не имеет синтетического образования и не имеет литературного языка, а потому не способен к открытиям из первых принципов, но к интерпретационным и комбинаторным открытиям и изобретениям.

Наличие литературного языка, которым владеет народ в целом, безусловное условие роста численности открытий и изобретений.

Тип учителя: синтетический тип человека, владеющего основаниями всей системы науки, относительно не специализированный человек.

12. Само открытие связывается с теоретическими дисциплинами, а изобретение понимается как интерпретация научного открытия на технико-технологической основе, а не открытие и не изобретение само по себе.

13. Формирование корпораций с научно-исследовательскими системами и аутсайдерской формой собственности, с наличием класса инноваторов – ученых и инноваторов – бизнесменов, быстрой сменой оргфункций и производственных функций, формированием именно не дешевой, а дорогой рабочей силы, что и заставило бизнес сосредоточиться на НТП.

14. Наличие формы избыточной информации в любых специальностях, формируя синтетический тип творчества, открытия и изобретения из первых принципов, а не путем интерпретации.

15. Этнические литературные языки. Де Бройль заметил, что открытия и изобретения он делает на французском литературном языке, а обосновывает в

языке математики и физики (контекст открытия и контекст обоснования). Сочетание этих условий и создало тип научной культуры, который и стимулировал масштаб и число открытий и изобретений.

В этой культуре в истории ни один параметр не исчезает, но все они флуктуируют, обеспечивая взаимодействие, гармонию и развитие.

В. Экстернальные параметры открытий и изобретений.

Существует группа социально-экономических и социально политических факторов роста открытий и изобретений в XIX веке.

1. Общество имело максимум договорных отношений, но на основе меры принудительности, самоорганизации, семейственности, этнической формы отношений, сверхчувственного отношения к материи, не злоупотребляя ни принуждением, ни юридизмом, ни договорностью отношений, сочетая формальные и неформальные – неорганизованно социальные отношения. Общество имело необходимую – не излишнюю меру свободы и интенцию в мере сопротивлению угнетению и бездуховности. В XIX веке не было переизбытка права, а XX век имеет переизбыток права. Отметим, что крушение греческого мира, римского и византийского мира, российского мира к 1917 гг. сопровождалось высшим уровнем развития права и правового регулирования, которое очевидным образом оказывается излишним и не эффективным.

В XX веке основная форма отношений – принуждение, свертывание самоорганизации, псевдодоговорность, юридизм, разрушение семейственности, этничности, заорганизованность и свертывание неорганизованных форм естественных отношений. XIX век в организации был естественен, а XX век – чисто искусственен. XIX век не конструировал общественные отношения, а XX век их активно конструирует. XIX век развивал общественные отношения в национально-государственной и общеевропейской форме, а XX век – в глобально-общеевропейской олигархической, содержа: единовластие, монархизм, тирании, тимократии, олигархии, демократии в форме охлократиии, псевдодемократии, псевдоэтничность. В XX веке нарушена мера свободы и порядка, доступ к образованию, здравоохранению, собственности, власти, влияния, динамика элиты. Социальные отношения в XIX веке – организовано-солидарно-антагонистическая система и неорганизованно-солидарная система. Социальные отношения в XX веке – организованно-антагонистически-солидарная система и неорганизованно-антагонистическая система. Самоорганизация непрерывно исчезает.

2. Частная собственность в XIX веке не детерминировала развитие науки и культуры, а в XX веке – детерминирует однозначно и на глобальном уровне, создавая науку и культуру как инструменты управления обществом и конструирования общества. Наука развивается в экстернальной, а не в интернальной форме, доминирует монополистическая и инсайдерская финансовая форма собственности относительно аутсайдерской и промышленной, и этнокультурной формы собственности.

3. Рост в мере революционной активности, что заставляет капитал отказываться от повышения нормы эксплуатации, нормы прибыли, но увеличивает

вложения в науку и открытия, изобретения для сокращения переменного капитала и экономии на нем.

В XX веке капитал увеличивает норму эксплуатации и прибыли в условиях кризисов, но вне вложения в науку, образование, открытия и изобретения.

4. Мера госконтроля и laissez faire, laissez passer (позволяйте делать, кто что хочет, позволяйте идти – кто куда хочет). Отношение свободы.

В XIX веке произошел резкий сдвиг в социальной мобильности, а социальная структура стала открытой, исчезли закрытые социальные группы. В XX веке сформировалась закрытая социальная структура и социальная мобильность, вероятно, существенно меньше, менее интенсивная, чем в XIX веке. То есть доступ к ресурсам талантов в XIX веке больше, чем в XX. В России в XXI веке вообще нет социальной мобильности. СССР имел высшую социальную мобильность в мире.

5.1. Подотчетность власти народу, политическая стабильность, эффективность правительства, госрегулирование экономики, законность, криминалитет. Условия: минимальной нормы прибыли, экспоненциальный экономический рост, расширение горизонта планирования в форме и обществе. В мере – преступность как норма.

5.2. Естественная национально-государственная воспроизводственная модель и социальная мобильность в ней.

5.3. Аккультурация и рецепция, реторсия.

5.4. Циклы деградации идеациональной и этернальной монистической культуры.

III. Условия развития

1. Необходимое условие – производственная функция и тип собственности в НТП.

2. Достаточное условие – класс инноваторов, его молодость и протестное поведение, веления, осуществляющие давление на капитал и заставляющие его вкладывать в науку, образование, а не увеличивать норму прибыли, норму эксплуатации; диалог. Аутсайдерская собственность основная, в РФ доминирует инсайдерская собственность.

3. Условие развития: демографический рост и избыточная информация.

4. Граничные условия: статус ученых (доступ к власти, ресурсам, не рассогласованность статуса), свобода и право, мораль.

5. Начальное условие – расово-этнокультурный тип воспитания и образования, коммуникация, но прежде всего этнический русский литературный язык в России.

IV. Глобализация и открытия и изобретения

Что касается глобализации, то в современных условиях как глобализации, так автономизации (системы ВТО, ЕС, Соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве-ТАТИП, Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве-ТТП, Trade in Services Agreement-TISA-соглашение о торговле услугами-СТУ, которые будут контролировать 73 % торговли Мира и, вероятно, до 90 % открытий и изобретений, свертывая возможности развития иных этносов, мировые системы Китая, Индии, РФ, Бразилии) в условиях искус-

ственной глобализации как трансгресса, а не прогресса и формирования указанной концептуальной (и идеологической, законодательной, судебной, исполнительной, биологической) власти ТНК и ТНБ США, инфраструктуры нового мирового порядка США, Единого наднационального правительства, которым может стать правительство США, нет альтернативы английскому языку. Конечно, в этой мировой системе нет места мировым хозяйственным системам России, Индии, Китая, Бразилии, поэтому США всеми методами будут стремиться ликвидировать эти государства и их языки, включая и ядерную войну. Чисто статистически к 2100 году выживут языки английский, китайский, арабский, испанский, русский, если мы не сократимся до 50 млн. Параллельно идут три процесса. В коммуникации целые блоки языков оказываются представлены грамматикой и лексикой тех языков, на которых в этой области сделаны открытия и изобретения и созданы технологии (греки - кондитерское дело, итальянцы - строительство, немцы - машиностроение, русские - математика и физика, ракетодинамика и т. п.). То есть, тот язык, на котором делаются открытия и изобретения, приобретает потенциал жизни, а те языки, на которых объем открытий и изобретений, как на русском, уменьшается до 5-2,5%, деградируют и деградируют ускоренно, накапливая разрушающие структуры в грамматике в целом, синтаксисе, морфологии, фонетике, лексике. Формируются языки типа пиджин и креольские языки. Имеет место однороднизация всех языков, а в особенности английского. В целом на США приходится до 40% открытий и изобретений, на ЕС - 37%, на Японию - 7,5%, на КНР - 7,5%, на РФ - 2,5%. За последние 15 лет объем публикаций РФ увеличился на 12%, объем публикаций КНР увеличился в 10 раз, в Индии в 3 раза, КНР нас догнали в 1997 г., Индия в 2005, Бразилия в 2007, нас уже почти догнал Иран. Иран всегда был очень активен в науке. Из мусульманских стран не сунниты, а шииты более активны в науке. Скопуских журналов КНР, Индии, Ирана на порядок больше, чем в РФ. Вероятно, наша доля в открытиях и изобретениях на 2016 г. не превышает 1%. Как и доля ВВП в мировом ВВП не превышает 2,5%, тогда как СССР имел при «тиранах» И.В. Сталине и Л.И. Брежневе с моделью образования (Ленина и его моделью науки) 10% и 11% соответственно, а в науке 80%.

Исчерпывается инновационный потенциал РФ. Затраты на НИР до 5 млрд. долл., а в США - 450 млрд. долл., Германии - 100 млрд. долл., Японии - 150 млрд. долл., в Китае - 200 млрд. долл., Южной Корее -6 млрд. долл. В 2014 г. патентов - 5 тыс., 90 тыс. публикаций и 12 тыс. защит диссертаций. Это смешные цифры. Китай в 2009 г. имеет 65 тыс. патентов, 6 млн. аспирантов. В ЕС аспирантов 3 млн., США - 2,5 млн. В РФ аспиранты сокращаются – 0,2 млн. человека. Число молодежи в США - 80 млн., Китае - 320 млн. В РФ число молодежи сократилось за последнюю перепись с 36 до 23 млн. человек[1].

Заключение. Почему в древности маленький народ - древние греки - заложили основания всех наук? Они это сделали потому, что имели формы – справедливости, свободы, равенства, эусоциальности.

[1] Пястолов С. Метафизика «системой модернизации» // Экономист. 2016. № 33. С. 46-53.

Сумма открытий и изобретений О = $\frac{\sum B}{\sum П}$, где О – открытия и изобретения, В – отношение справедливости, свободы, равенства и возможности развития способностей на этой основе всех рас, этносов, полов и социальных групп, предполагая высокую вертикальную социальную мобильность и рост производительности труда в экономических районах, П – система потребностей этноса и рас в субъектах Федерации и экономических районах. Если сумма справедливости (отношение нормированного общественного богатства к эффективности, а нормированное общественное богатство - произведение индексов справедливости, свободы и равенства превышает сумму потребностей, то будут иметь место открытия и изобретения, а если сумма потребностей превосходит отношение справедливости, свободы и равенства, то открытия и изобретения, эффективность экономики будут стремится к нулю.

А.Ю. Долгов,
канд. социол. наук, научный сотрудник
отдела социологии и социальной психологии
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
редактор информационного портала «Питирім»

ТЕОРИЯ АЛЬТРУИЗМА ПИТИРИМА СОРОКИНА: МИКРО-, МЕЗО- И МАКРОУРОВНИ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

Теория альтруизма П.А. Сорокина рассматривается в контексте взаимосвязи микро-, мезо- и макроуровней социокультурной реальности. Показано, что в качестве соответствующих уровней у Сорокина выступают личность, общество и культура. Сорокин указывал на неразрывное триединство этих уровней и полагал, что только при их комплексном преобразовании возможно решение проблемы кризиса чувственной культуры.

Ключевые слова: *альтруизм, личность, общество, культура, альтруизация, соотношение микро-, мезо-, макроуровней.*

В современной социологии наблюдается заметный рост интереса к проблематике альтруизма. Однако еще совсем недавно, во второй половине XX в., ситуация была существенно иной, и феномен альтруизма, напрямую связанный с функционированием моральных норм и укреплением социальной солидарности, оставался вне социологического мейнстрима. Социальные конфликты и бедствия прошлого столетия актуализировали научный поиск механизмов

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Интеграция социобиологических и социологических методов в исследовании эволюционных оснований морали и альтруизма (в приложении к российским сообществам)», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-06-00381а).

обеспечения социального порядка, не ограничивающих при этом права и свободы индивида. Школа структурного функционализма (Т. Парсонс, Э. Шилз) стремилась выявить системные факторы, способствующие установлению согласованности институциональной и ценностной структур. Франкфуртская школа социальных исследований (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Фромм) представила критический взгляд на репрессивные властные институты, идеологию и массовую культуру как формы непрямого принуждения. Разрабатывались футурологические теории (Дж. Гэлбрейт, Д. Белл), предвещавшие конец идеологии и трансформацию социальных конфликтов благодаря накоплению научно-технического знания. Теоретики конфликтологии (Р. Дарендорф, Л. Козер) защищали тезис о неизбежности социальных конфликтов, признавая при этом возможность их минимизации за счет достижения консенсуса и расширения гражданских прав. На этом фоне контрастно выделялась особая позиция Питирима Александровича Сорокина, утверждавшего в 1940–1960-х годах, что ни экономическое благополучие, ни демократические преобразования, ни возрастание роли науки и распространение образования не смогут устранить причины, ведущие к социальным конфликтам, которые в условиях техногенной цивилизации становятся глобальной угрозой. В своих работах Сорокин пытался показать, что альтруизм является эффективным ресурсом преодоления общественной дезинтеграции в условиях социального кризиса, а также играет роль важнейшего регулятора общественного развития.

В настоящее время интерес к феномену альтруизма в социальных науках неуклонно возрастает, поэтому теоретическое наследие П.А. Сорокина можно рассматривать в качестве историко-социологического базиса, оказавшего влияние на дальнейшую научную разработку данного вопроса. В подтверждение сказанного можно отметить, что многие выводы П.А. Сорокина получают переосмысление в процессе институционализации научных направлений, занимающихся исследованием альтруизма. Например, в 2011 г. в рамках Американской социологической ассоциации была официально создана Секция по изучению морали, альтруизма и социальной солидарности[1], одним из направлений работы которой стала реинтерпретация идей П.А. Сорокина.

На протяжении 1940–1960-х гг. Сорокин в своих работах указывал на то, что в социальных науках феномену альтруизма уделяется неоправданно мало внимания. Более того, вся современная культура, по его мнению, включая телевидение, СМИ, науку, искусство, др., сконцентрирована на негативном эгоцентричном типе личности. Вопреки этой преобладающей тенденции социолог стремился показать, что значительную роль в существовании любого общества играет альтруизм, который производят обычные люди. Данная позиция представлена в работе «Альтруистическая любовь: Исследование американских “добрых соседей” и “святых”»[2]. Альтруизм «добрых соседей» простой и до-

[1] См. официальные веб-страницы Секции в Интернете [Электронный ресурс]. URL: http://www.csun.edu/~hbsoc126/ и https://sites.google.com/site/altruismmoralitysolidarity/home (дата обращения: 28.08.2016).

[2] Sorokin P.A. Altruistic love: A study of American «good neighbors» and Christian saints. – Boston: Beacon Press, 1950.

вольно ординарный, но он реален: люди действительно способны действовать в интересах других добровольно и без ожидания поощрения или выгоды. Кроме того, именно обычные альтруисты формируют моральную основу общества, без которой невозможно нормальное функционирование всех социальных институтов[1]. При этом Сорокин, как известно, много писал о кризисе чувственной культуры. В работах Сорокина, таким образом, затрагивается проблема взаимосвязи различных уровней социальной реальности, и исследования, посвященные альтруизму, не являются исключением.

Проблемы микро- и макропозиций и их синтеза на протяжении долгого времени остаются центральными в теоретической социологии, особенно в американской[2]. П. Штомпка отмечает, что «социальные изменения могут рассматриваться на макроуровне (международные системы, нации, государства); на мезоуровне (корпорации, политические партии, религиозные движения, крупные ассоциации); на микроуровне (семьи, сообщества, группы занятости, клики, компании друзей)»[3]. Такое разделение можно применить и при анализе феномена альтруизма. Например, обсуждая перспективы «глобального альтруизма» как набора практик для смягчения некоторых негативных последствий глобализации в экономической и политической сферах[4], Э. Тириакьян предлагает сфокусироваться на рассмотрении трех микро- мезо- и макроагентов альтруизма, которые могут вносить вклад в позитивные изменения глобального мира. Микроуровень формируется через индивидуальную деятельность общественных, религиозных и политических лидеров (в качестве примеров Тириакьян рассматривает лауреата Нобелевской премии мира Мать Терезу, основателя международной благотворительной организации «Эммаус» Аббата Пьера, экс-президента США, лауреата Нобелевской премии мира Дж. Картера). На мезоуровне действуют международные общественные организации, занимающиеся защитой гражданских прав, сбором гуманитарной помощи, благотворительностью, экологическими проблемами, предоставлением медицинской поддержки (Красный крест, Amnesty International, «Врачи без границ» и т.д.). Наконец, макроуровень представлен государствами и международными организациями, такими как ООН.

Однако в контексте мировоззрения П.А. Сорокина нельзя не сделать некоторые важные уточнения относительного соотношения микро-, мезо- и макроуровней. В работах американского периода Сорокин подчеркивает неразрывное триединство следующих аспектов социокультурной реальности: личность, общество и культура. Под этими категориями ученый понимает: «1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих личностей совместно с их социокультурными связями и процессами; 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми обладают взаимодействующие индивиды, а также совокупность носителей, объективирующих,

[1] Ibid. P. 9–10.

[2] См., например: Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002.

[3] Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 23.

[4] Tiriakyan E.A. Global altruism: Some considerations // Handbook of public sociology / Ed. by V. Jeffries. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, 2009. P. 413.

социализирующих и передающих эти значения»[1]. Таким образом, культура, по Сорокину, соответствует макроуровню, общество – мезоуровню, а личность – микроуровню.

Взаимосвязь микро- мезо- и макроуровней в исследованиях альтруизма можно проиллюстрировать на примере того, как Сорокин описывал процесс альтруизации. Одним из главных достоинств подхода П.А. Сорокина к изучению альтруизма является то, что он позволяет провести интегрированный анализ микро- мезо- и макроуровней альтруистического действия, учитывающий биологическую, социальную и культурную природу феномена бескорыстного поведения. Такой подход дает возможность включить в область анализа множество социальных и социально-психологических феноменов, таких как взаимопомощь, социальная солидарность, благотворительность, волонтерская деятельность, акты самопожертвования и т.д.

Под альтруизацией понимается усиление всех характеристик неэгоистического поведения: интенсивности, экстенсивности, чистоты, продолжительности и адекватности[2]. Поскольку личность, общество и культура являются взаимозависимыми компонентами социокультурного мира, стремление изменить один из них должно быть подкреплено преобразованием остальных. Таким образом, процесс альтруизации может начаться с одного из направлений, но его успешное осуществление требует реализации комплексной программы преобразования на всех уровнях социокультурной реальности.

Начальный этап альтруизации лежит на уровне личностного социально-психологического преобразования (микроуровень). Сорокин предложил собственную четырехуровневую модель сознания, которая включает: 1) биологическое бессознательное (подсознание); 2) биологическое сознание; 3) социокультурное сознание; 4) сверхсознание[3]. В рамках этой структуры объясняются человеческие действия и их мотивация. Истоки данного подхода можно найти в российском периоде творчества социолога. В «Системе социологии» ученый, в частности, указывал на «множественность душ» и «мозаичность Я» индивида[4].

Биологический бессознательный компонент отвечает за удовлетворение основных потребностей индивида (выживание, пища, размножение и т.д.). Акты на этом уровне неосознанные, рефлекторно-инстинктивные. Распространенной ошибкой, как в случае с фрейдизмом, Сорокин считает объяснение всех

---

[1] Сорокин П.А. Общество, культура и личность: Их структура и динамика. Система общей социологии (Главы из книги): Гл. 7. Роли сходства и несходства в социальной солидарности и антагонизме // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии: Сб. науч. тр. / под ред. Д.В. Ефременко, П.П. Кротова. – М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 18.

[2] Подробнее о характеристиках альтруизма см.: Sorokin P.A. The ways and power of love: Types, factors, and techniques of moral transformation. Philadelphia (PA): Templeton foundation press, 2002. 584 p.; Долгов А.Ю. Историко-методологическая реконструкция теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина // Социологические исследования. – М., 2014. № 9. С. 104–114.

[3] Sorokin P.A. The ways and power of love: Types, factors, and techniques of moral transformation. Philadelphia (PA): Templeton foundation press, 2002. P. 84.

[4] Сорокин П.А. Система социологии: в 2 т. М.: Наука, 1993.

действий через бессознательные стремления, поскольку в таком случае совершается редукция человека до уровня механизма удовлетворения потребностей.

Биологическое сознание проявляется при осмысленном удовлетворении человеком своих биологических потребностей и понимании своего Я исходя из своих биологических характеристик (физическое состояние, возраст, пол и т.д.). На этом уровне появляются разные эго (Я) индивида, обусловленные необходимостью удовлетворения физических потребностей.

Биологические Я подвергаются рационализации и приобретают социализированный статус на уровне социокультурного сознания, которое лежит выше предыдущих двух слоев, поскольку возникает на основе когнитивных характеристик личности и из осмысленного взаимодействия между людьми, обладающими памятью об их коллективной жизни и социализации. Через коллективный опыт люди аккумулируют и передают культурные ценности и нормы[1], которые воспроизводятся в каждом человеке. Индивид в данном случае обладает множеством эго-ролей, соотносящих его с той или иной социальной группой (семьей, друзьями, профессиональной группой, нацией и др.). В каждом конкретном случае может преобладать одна из существующих ролей. Например, когда прихожанин идет в церковь, у него преобладает религиозное Я, а когда тот же человек идет на политический митинг – политическое Я. Если ценности разных групп, к которым принадлежит индивид, не противоречат друг другу, личность является интегрированной и гармоничной. Однако, по мнению Сорокина, современное общество из-за кризиса чувственной культуры не способно обеспечить целостность Я. В условиях атомизации ценностей Я индивида дезинтегрированы и находятся под натиском противоречивых требований со стороны социальных групп, членом которых этот индивид является.

Существует возможность конфликта как между биологическим (сознательным и бессознательным) и социокультурным компонентами сознания, так и в рамках социокультурного сознания. Например, если человек ради утоления голода идет на кражу, происходит противоречие между биологическим и социокультурным Я. На уровне социокультурного сознания ситуация конфликта возможна в случае, если индивид является носителем убеждения ненасилия, а одна из социальных групп, к которой он принадлежит, культивирует ненависть к «чужому». Таким образом, человек может быть как гармоничной целостной личностью, так и личностью с внутренними противоречиями[2].

Сверхсознание является высшей ступенью интеграции человеческой личности, оно связано с «величайшими творческими победами человека в области истины, красоты и добра»[3]. В качестве главного доказательства его существования Сорокин указывает на опыт великих религиозных и политических деятелей, ученых, писателей, художников, композиторов и т.д. Именно на уровне сверхсознания возможно формирование полностью интегрированной личности,

[1] Sorokin P.A. The ways and power of love: Types, factors, and techniques of moral transformation. Philadelphia (PA): Templeton foundation press, 2002. P. 89
[2] Ibid. P. 93–94
[3] Ibid. P. 97.

которой доступна вся полнота истины, добра и красоты. Сверхсознание имеет разностороннюю характеристику, вероятно, предполагает Сорокин, оно соединяет человека с космическим сверхсознательным подобно тому, как соединяются в человеке биофизическое многообразие и социокультурная система[1]. Эту форму сознания наука не признает, тем не менее Сорокин выступал за необходимость тщательного изучения данного феномена. Однако до сих пор этот аспект исследований Сорокина считается противоречивым и спорным.

Таким образом, главная цель альтруизации на уровне личности – гармоничное соединение всех Я. Результатом преобразований для индивида должно стать «душевное спокойствие и свобода от внутренних конфликтов, четкое понимание своего долга, ничем не нарушаемое счастье и уверенность в себе, доброта и любовь ко всем человеческим существам»[2]. Итогом долгосрочного развития в данном направлении должно стать общество, конфликты в котором будут минимизированы, а в случае полного подтверждения указанных закономерностей могут быть вовсе искоренены. Сорокин отмечает, что достижение данной цели требует активных действий от всего человечества и является делом далекого будущего, но уже сейчас альтруизация должна разрабатываться в качестве программы будущих изменений.

Говоря об институциональном и социально-групповом компонентах альтруизации (мезоуровень), важно подчеркнуть, что поведение индивидов преимущественно опирается на те модели, которые складываются и преобладают в группе. То есть, так или иначе индивид соотносит свое поведение с нормами поведения представителей своей группы. Следовательно, альтруизация индивида достигается только через преобразование групп и институтов, к которым он принадлежит, и наоборот, преобразование групп и институтов возможно только через альтруизацию их членов[3].

Среди социальных групп и институтов, которые аккумулируют и воспроизводят альтруизм, особенно важную роль играет семья[4]. Существенным недостатком семейного альтруизма является то, что чаще всего он ограничен рамками родственного окружения, т.е. альтруистическое поведение практикуется только по отношению к родственникам. Следующими по эффективности являются группы близких друзей и религиозные сообщества, которые воспроизводят альтруистическое поведение среди своих членов. В целом, любая группа, имеющая минимальный уровень солидарности, демонстрирует наличие альтруизма во взаимодействии своих представителей. Проблема заключается в том, что генерируя внутренний альтруизм, группы, как правило, в целях сплочения индивидов создают внешнего антагониста, тем самым они могут производить больше ненависти, чем альтруизма.

Сорокин указывал, что социальными агентами альтруизации являются «группы, личности и силы, с которыми ребенок или подросток непосредствен-

[1] Ibid. P. 114.
[2] Ibid. P. 119
[3] Ibid. P. 40–42.
[4] Ibid. P. 39.

но взаимодействует и влиянию которых он непосредственно подвергается»[1]. Разнообразие этих агентов довольно широко, оно включает в себя школу, друзей и учителей, творческие кружки, церковь и государство, СМИ. Например, формирование своего альтруистического характера американские «добрые соседи», по данным исследований П.А. Сорокина, связывали со следующими факторами: 29% – с семьей, 28% – с культурными факторами и социальными институтами (кроме семьи, религии и школы), 21% – с религией, 8% – со школой, 11% – с личным жизненным опытом, 1% – с книгами[2]. Немаловажным может оказаться влияние и отдельной личности, будь то учитель, духовный наставник, психиатр или другой авторитетный для ребенка человек.

К сожалению, делает вывод Сорокин, современные семьи и образовательно-воспитательные институты играют малозначимую роль в альтруистическом преобразовании. Зачастую они просто игнорируют эту задачу. Школы главным образом нацелены на прививание ученикам эгоистических стремлений, а также ценностей конкуренции и успеха. В этом смысле замечания Сорокина отчасти совпадают с позицией представителей «альтернативного обучения» (или «дескулизации), критикующих школу за абсолютизацию конкуренции в ущерб индивидуальному развитию (И. Иллич, П. Гудмен, Э. Реймен и др.). Показатели альтруистического поведения, воспитанного в школах, остаются низкими, поэтому школа без серьезного реформирования не может стать тем социальным институтом, с опорой на который будет происходить ценностная трансформация мировоззрения индивида. Конечно, здесь также важна роль самой культуры, которая устроена таким образом, что в ней пропагандируются культ силы, наказания, потребления и удовольствий. С данной позиции Сорокин критикует агрессивные формы внедрения патриотизма на государственном уровне.

Культура соответствует макроуровню социокультурного мира. По Сорокину, культура является универсальным компонентом воспринимаемой человеком реальности, то есть тем, что структурирует и упорядочивает многообразие окружающих феноменов. В самом широком смысле культура определяется Сорокиным как «некая совокупность, которая создана или модифицирована в результате сознательной или бессознательной деятельности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением»[3]. Следовательно, культура может быть осмыслена только «социально», поскольку она проецируется через взаимодействие между людьми. И наоборот, любое социальное действие является «культурным», поскольку оно всегда взаимосвязано с культурными феноменами. Таким образом, именно культурные, а точнее социокультурные системы являются системами самого высокого уровня, превосходящими общество. Применяя качественный и количественный анализ, Сорокин регистрирует существование двух основных типов культуры – идеационального и чувственного; и одного промежуточного – идеалистического (интегрального или идеального), образованного благодаря сбалансированному синтезу первых двух.

---

[1] Ibid. P. 201.
[2] Ibid. P. 202.
[3] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. С. 33.

Сорокин полагал, что современная ему чувственная культура находится в положении глубокого кризиса. По его мнению, закономерным процессом является постепенная атомизация ценностей существующей культуры, когда старая система социальных отношений перестает выполнять скрепляющую функцию. Описывая социальные последствия этого процесса, Сорокин указал на то, что взамен «договорному обществу свободных людей» придет грубая сила, декларация прав человека станет ширмой, прикрывающей насилие и распущенность господствующего меньшинства, семья приобретет формы случайного сожительства, на смену творчеству, созиданию, религии придут псевдомышление и социальная анархия и т.д. В целом кризис затронет все стороны человеческой жизни[1]. Усугубление всех социальных процессов заставит людей искать новые формы взаимодействия, построенные на новых ценностях. В таких условиях, по мнению социолога, «люди снова обратятся к разуму, к вечным, непреходящим, универсальным и абсолютным ценностям»[2]. Начало трансформации чувственной системы Сорокин связывал с новыми лидерами – носителями интегральных ценностей[3].

Таким образом, для Сорокина общие принципы преобразования личности, культуры и социальных институтов заключаются: а) в доведении до максимума компонентов сверхсознания (для личности); б) в стабильном контроле над биологическим сознанием (для личности); в) в последовательном возрастании всех показателей альтруизма (для личности); г) в переоценке всех эгоцентрированных ценностей (для культуры); д) в реконструкции групповой и институциональной принадлежности индивида, выбирающего социальное окружение, в котором практикуются ценности добра (для общества). Главная цель при альтруизации индивидов – сделать альтруистическое поведение спонтанно проявляющейся реакцией, что вполне возможно достигнуть при соответствующей социализации в детстве и формировании привычки. Альтруизация институтов и культуры возможна через внедрение соответствующих ценностных и идейных компонентов в их строение и функционирование. Она должна происходить не только на формальном или декларативном уровне, но и воплощаться в практической деятельности. Таким образом, доминирующая культурная суперсистема может трансформироваться в сторону усиления ценностей взаимопомощи, милосердия, взаимоуважения.

Можно отметить, что теория созидательного альтруизма П.А. Сорокина сохраняет актуальность в контексте современных социологических дискуссий. Особенно важными являются два момента. Первый – теоретический. Актуальной остается задача создания интегральной модели понимания альтруизма, учитывающей как предопределенные природные и наследственные факторы, так и когнитивные, психологические, социальные и культурные феномены на микро-, мезо- и макроуровнях анализа. Второй момент – прикладной. Такие социально-политические процессы и явления, как глобализация, терроризм, глобальные фи-

[1] Там же. С. 881–883
[2] Там же. С. 883.
[3] Там же. С. 884.

нансовые кризисы, угроза экологической катастрофы наводят социологов на мысль о необходимости формирования «космополитической»[1] или «универсальной»[2] солидарности. У. Бек считает, что для адекватного описания современных социальных процессов в условиях «глобальных рисков» необходимо отказаться от «методологического национализма». В этом случае объединяющим принципом человечности может стать «универсальный режим прав человека»[3]. О.Н. Яницкий говорит, что потенциальные глобальные угрозы формируют тенденцию «эпохи вселенской спасательной практики», когда солидарные действия на добровольной основе самоорганизуются через различные формы взаимной поддержки[4]. Теория созидательного альтруизма П.А. Сорокина по ряду аспектов предвосхитила эти идеи, и потенциально она способна дополнить осмысление негативных последствий глобализации через изучение морали, сотрудничества и взаимопомощи. Для этого необходимо интенсифицировать развитие глобальных сетей солидарности и альтруизма. Устанавливая взаимосвязь между микро-, мезо- и макроуровнями социокультурной реальности, Сорокин показал, что только комплексные преобразовательные меры способны переломить ситуацию кризиса культуры и остановить дезинтеграцию ценностей.

[1] Бек У. Переосмысливая неравенство и власть в эпоху климатических изменений: Появление «космополитических» риск-сообществ // Социологический ежегодник, 2010: сб. науч. тр. ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии ГУ-ВШЭ, 2010. С. 39–53.

[2] Александер Дж. Мораль как культурна система: о солидарности гражданской и негражданской // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования / под ред. Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 101–108.

[3] Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот [Электронный ресурс] // Германия сегодня и завтра. М., 2012. № 10. URL: http://www.fesmos.ru/netcat_files/userfiles/Ulrich%20Beck%20Ru%20Perspektiven.pdf

[4] Яницкий О.Н. Изменение климата и социологическая наука // Социологический ежегодник, 2013–2014: сб. науч. тр. / Ред. Н.Е. Покровский, Ред.-сост. Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ–ВШЭ, 2014. С. 44.

Т.З. Козлова,
д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник
Институт социологии РАН

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В РАБОТАХ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Социальное время – это время жизни человека. Его прошлое, настоящее и будущее. Многие учёные внесли свой вклад в разработку темы «социального времени». Одним из них был Питирим Сорокин. Он определял социальное время в связи с духовными ценностями, присущими данному времени.

Ключевые слова: *социальное время, жизнь человека, Питирим Сорокин, духовные ценности.*

Социальное время – это время жизни человека. Его прошлое, настоящее и будущее. Внимание к проблеме социального времени усилилось в последние десятилетия. Стремительный бег событий в XX веке и начале XXI века сделал проблему социального времени сверхактуальной.

Переживание времени является одной из важных характеристик повседневного сознания. Сегодня в нашем обществе нарушилась связь между триедиными составляющими социального времени - прошлым, настоящим и будущим. В этих условиях, как показали исследования отечественных социологов, существенно видоизменяется временная компонента жизненных планов и проекций поведения. На прошлое начинают смотреть либо как на прямое указание, как вести себя «здесь и сейчас», либо как на потерявшую всякое значение для настоящего и безвозвратно канувшую в Лету реальность. Будущее для многих туманно и пугающе. Полнота восприятия времени сжимается до предела: человек начинает жить «сегодняшним днём»[1].

С давних времён учёные-обществоведы разрабатывали проблему времени жизни человека, идею времени. «...идея времени» не есть нечто единое для всех времён и народов ... она продукт определённого культурного развития»[2]. На разных стадиях общественного развития у людей формировались определённые представления о времени. Так, в доклассовом обществе у народов, занимающихся сельскохозяйственными работами, время связывалось с циклическим повторением сезонов, с определённым временем года. Время воспринималось как естественная смена сезонов («круг времени»), когда что-то меняется в природе. От этих изменений напрямую зависела жизнь людей. Философы называют пастушеское и земледельческое время «циклическим». С возникновением классового общества несколько ослабевает зависимость людей от смены времён года. Всё чаще обращается внимание на последовательность исторических событий, на связь между ними. У людей формируется «представление

[1] Наумова Н.Ф. Человек в кризисное время: преодоление // Свободная мысль. 1991. № 17.; Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. – М.: Наука, 1987. С. 47.

об историческом времени, о его поступательном движении, где каждая последующая единица временного определения не отменяет предыдущую и не уничтожает её, но накладывается одна на другую, образуя последовательность исторического становления» (там же).

Разработка времени человека восходит к античной философии. В работах Аристотеля время рассматривается как движение от прошлого («прежде» и «после») к настоящему[1]. Для характеристики настоящего Аристотель ввёл понятие «теперь». «Теперь, ...есть непрерывная связь времени, оно связывает прошедшее время с будущим и вообще является границей времени, будучи началом одного и концом другого»[2].

Греки, как и мы, внимательно относились ко времени. Однако, по сравнению с нами, они ценили превыше всего настоящее, радовались ему, жили «здесь и сейчас». Мы же иногда «ради светлого будущего» приносим в жертву настоящее, а иногда и прошлое.

Большой вклад в разработку «идеи времени» внёс Августин Блаженный. Его основной постулат – время, как таковое, помимо нашей жизни самостоятельно не существует. Время является мерой продолжительности бытия и движения вещей. Августин понимал время как форму вечности, а вечность как форму времени. Время Августин рассмотрел в соотношении прошедшего, настоящего и будущего. «Эти три времени, – писал он, – существуют в нашей душе, и нигде более: настоящее прошедшего это - память; просто настоящее – созерцание; настоящее будущего – ожидание»[3]. Таким образом, время человека – это субъективное переживание своей жизни.

К пониманию времени Августина близка концепция времени Анри Бергсона. Исходной установкой для Бергсона была «интуиция длительности». Понятие времени как длительности - главное философское открытие Бергсона. Время - это длительность человеческой жизни, которую переживает индивид[4].

Среди философов больше всего теме «проблема времени в жизни человека» посвятили в своих трудах экзистенциалисты. Согласно им, всю свою жизнь, время человека, индивид уходит от подлинной жизни, живёт, «как все», и только перед лицом смерти обращается к себе - подлинному[5].

Классики марксизма писали: «История времени, – есть не что иное, как беспрерывное изменение человеческой природы»[6]. В.И. Ленин вслед за Фейербахом назвал время и пространство «коренными условиями... бытия»[7].

Среди работ отечественных философов, посвящённых проблеме времени, особое место занимают труды Н.Н. Трубникова. Он проанализировал концеп-

---

[1] Аристотель. Метафизика. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. С.126.

[2] Аристотель. Физика. 2 изд. – М.: Соцэкгиз,1937. С.100.

[3] Блаженный Августин. Творения. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 673.

[4] Анри Бергсон. Творческая эволюция. – М.: Кучково поле, 1998. С.9.

[5] Гайденко П.П. Философия Хайдеггера как выражение кризиса современной буржуазной культуры: дис. … канд. филос. наук. – М., 1962.

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 76.

[7] Ленин В.И. Материализм и эмпириокритизизм. – Л.: Главполиграфиздат, 1952. С. 272.

ции «идеи времени» как философов, так и естествоиспытателей, начиная с «античков» по XX век. Время человека (« человеческое осуществление жизни»), по Трубникову, есть «нечто сугубо историческое в своей основе, сугубо социальное по своей сущности, сугубо личное по своей форме...»[1]. И кроме того, «необратимость времени и неповторяемость событий мира, необратимая последовательность изменений есть то, что составляет саму сущность идеи времени, саму сущность времени в его общефилософском определении»[2]. Среди современных философов этот автор предлагает, на наш взгляд, самое чёткое и ёмкое определение времени.

Термин «социальное время» появился уже в работах выдающегося французского социолога Эмиля Дюргейма: «...определение времени есть дело коллективное и время, одинаковое для всей группы, время социальное, если так можно выразиться»[3].

Мы разделяем точку зрения тех учёных, которые структурируют ***социальное время как время истории, время поколения, время индивида.*** Ещё отечественный философ Н.Н. Бердяев выделял три времени: космическое, историческое и индивидуальное[4]. Американские социологи П. Бергер и Т. Лукман различают такие уровни времени (темпоральности): космическое; стандартное, существующее в повседневной жизни людей, пользующихся для его отсчёта календарём; историческое[5]. Отечественный учёный В.П. Яковлев (1980) предложил структурируют социальное время как время истории, время поколения, время индивида[6]. Рассмотрим исследования социального времени последовательно на этих трёх уровнях.

Время истории. Социология знает два подхода (два направления) при исследовании времени истории, т.е. изменений социальной действительности в ходе исторического процесса: революционный и эволюционный. Социологи первого направления считают, что изменения в общественно-историческом процессе происходят в результате социальных потрясений (конфликтов). К этому направлению относят концепции теории развития обществ К. Маркса, Р. Дарендорфа, а иногда и М. Вебера, отмечая двойственность его позиции. Согласно этим концепциям в обществе с течением времени происходят изменения, которые приводят к возникновению революций (конфликтов). Последние являются результатом любой системы управления, всякой иерархически организованной системы[7]. Второе направление – эволюционное, описывающее развитие общества во времени эволюционным путём. Теория этого направления получила название функционализм. Родоначальником функционализма является Г. Спенсер, который сравнивал общество с живым организмом. Другими представителями этого

---

[1] Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. – М.: Наука, 1987. С. 247.

[2] Там же.

[3] Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. – СПб.,1914. № 2. С. 30.

[4] Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995.

[5] Питер Бергер. Томас Лукман. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995.

[6] Яковлев В.П. Социальное время. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та,1980.

[7] Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. – М.: Аспект Пресс, 1994.

направления являются Э. Дюркгейм, Г. Зиммель и др. Э. Дюркгейм, развивший теорию функционализма, считал, что каждое общественное явление можно объяснить, анализируя его функции. Последователями функционализма выступили современные социологи Т. Парсонс, Н. Смелзер и др.[1]

Современные отечественные социологические лонгитьюдные исследования (в течение нескольких лет и даже десятилетий) отражают определённый этап истории нашей страны, т.е. с одной стороны – это изучение какого-то этапа истории нашего народа, а с другой стороны - поколений. К таким мониторингам в последнее десятилетие XX и начала XXI века можно отнести репрезентативные социологические исследования по всей России, проведённые рядом социологических институтов и центров: ИСПИ РАН, ВЦИОМ, Институтом социологии РАН, МГСУ и др. Основной задачей этих социологических исследований было выяснение таких фактов, как: 1) восприятие населением реформ; 2) изменение качества жизни россиян[2].

Социальное время поколения. История состоит из последовательной смены отдельных поколений. Поколение – социальная общность, т.к. «современники и сверстники всегда имеют между собой нечто общее, поскольку они участвуют и реагируют на одни и те же события»; всесоюзное исследование поколений как элемента социальной структуры провели учёные Института социологии РАН в 1982–1985 гг., цель которого – обнаружить механизмы социальных перемещений и наиболее эффективные пути управления ими.

Преемственность поколений, отношение «отцов и детей», ВЦИОМ изучал в течение нескольких лет, учитывая мнение людей старшего поколения россиян (возрастные группы респондентов старше 50 лет) относительно главных отличительных черт, характерных для молодых работников. Пожилые люди достаточно критично оценивают деловые и нравственные качества молодёжи.

Время личности. Время истории и время поколения и время личности - «все эти времена определённым образом взаимосвязаны, и эти сложнейшие функциональные взаимосвязи могут быть открыты только через категорию человека»[3]. Изучение времени личности предполагает исследование её образа жизни, определяемого ценностными ориентациями.

Выдающийся социолог Питирим Сорокин связывал духовные ценности с социальным временем. Социальное время, по мнению учёного, является качественным, а не только количественным. Восприятие времени возникает из социальных норм и ценностных ориентаций.

Каждому социальному времени присущи свои ценностные ориентации. Эта мысль Питирима Сорокина верна. Как показывает история, ценностные ориентации меняются от одного её этапа к другому. Великий предшественник Питирима Сорокина Эмиль Дюргейм писал об органической солидарности в

---

[1] Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994.

[2] Осипов Г.В. Введение в исследование // Российское общество и радикальные реформы / под общ. ред. В.К. Левашова. – М.: Academia, 2001.

[3] Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001.
P.Sorokin. Crisis of our Age.-Garward, 1941.

обществе в 19 веке. В то время люди думали об интересах окружающих их граждан. Это было время одних ценностных ориентаций.

Двадцатый век принёс другие ценностные ориентации. На месте органической солидарности возникла корпоративная солидарность. Именно на это обращал внимание Питирим Сорокин. Общество становится безнравственным. В своей работе «Кризис нашего времени» учёный обратил внимание на изменение ценностных ориентиров во многих значимых гражданских институтах в XIX веке по сравнению с предыдущим. Стал меняться такой важный и, пожалуй, основной институт общества, как семья. Питирим Сорокин объяснял малодетность в семье её кризисом. Кризис проявлялся уже в его время увеличением количества разводов. Он не считал, что наступила эпоха краха семьи как социального института, а изменилась лишь его форма в соответствии с изменением социального времени.

В настоящее время наработки и размышления Питирима Сорокина об изменениях ценностных ориентаций в определённые периоды социального времени находят своё подтверждение. Действительно, изменилась форма семьи. В обиход вошёл гражданский брак, который сегодня стал нормой. Молодые люди расходятся и вновь ищут себе партнёра с тем, чтобы, как они говорят, лучше узнать друг друга. Регистрация брака не может сохранить семью, когда в ней исчезло взаимопонимание. Вместе с тем зарегистрированный брак – это та социальная норма отношений между мужчиной и женщиной, которая требует более серьёзного подхода к созданию и сохранению семьи по сравнению с не столь обязывающим гражданским браком. Гражданские браки, как и беспорядочные связи, - одна из причин появления детей-сирот. К сожалению, социальное сиротство - одна из острых проблем нашего социального времени.

Д.С. Кочнев,
аспирант кафедры культурологии,
этнокультуры и театрального искусства
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА В КОНЦЕПЦИИ П.А. СОРОКИНА

В статье рассматриваются представления о динамике развития современного города, проводится теоретико-методологический анализ категорий «социальное пространство», «культурное пространства» и «социокультурное пространство», анализируются классические концепции пространства, представленные Г. Зиммелем, П. Сорокиным, П. Бурдье, выявляется сущность и особенности ландшафтно-средового, культурно-антропологического, социально-философского подхода к рассмотрению социокультурного пространства. Автор делает вывод о многогранности социокультурного пространства города, о

его формировании под влиянием природных и техногенных ландшафтов, институтов культуры, ценностей, коммуникации, информации, взаимодействия.

Ключевые слова: *социокультурное пространство, город, социальное пространство, культурное пространство, социокультурная динамика, общество, человек.*

Современные представления о динамике развития города основаны на достижениях в различных областях научного знания и, прежде всего, на традициях изучения отношений, взаимозависимостей, связей, взаимодействий, фиксируемых в физическом, географическом, социальном, культурном пространствах города. В фокусе социогуманитарных исследований (культурологии, философии, социологии) находится категория «социокультурное пространство», позволяющая определить специфику городской жизни и выявить тенденции его дальнейшего развития.

Понятие «социокультурное пространство» было введено в научный лексикон П.А. Сорокиным. Он разграничил «социальное пространство» и «социокультурное пространство». Если социальное пространство определяется через социальные координаты (социальное положение индивида, стратификация), то социокультурное – связано со способами и средствами освоения социума, его благоустройства. П.А. Сорокин пишет: «Социокультурное пространство изучается всеми социальными и гуманитарными дисциплинами»[1]. Однако, по мнению ученого, обобщающей наукой, способной предоставить основания для целостного изучения социокультурного пространства, является социология: «когда мы обращаемся… к социокультурному пространству в его структурных и динамических аспектах, классах и типах, мы обнаруживаем все разнообразие подходов, методов и концептуальных схем, используемых учеными»[2]. Далее ученый уточняет возможности главных социологических школ (к числу которых относит механистическую, психологическую и социологическую, или социокультурную) в изучении социокультурного пространства. Для Сорокина важным было показать: несмотря на то, что «эти школы и составляющие их направления частично противоречат одна другой, они могут быть законным образом дифференцированы как в связи со специфическим набором явлений, на котором каждая сосредоточивает свое внимание, так и по специфической методологической и концептуальной схеме, которые они используют»[3].

С позиций механической школы рассматриваются, прежде всего, географические и биологические параметры пространства. Психологическая школа, как указывает социолог, ориентирована на психические аспекты социокультурного пространства. Возможности данных подходов ограничены, они не позволяют исследовать многомерность и многосторонность социокультурного пространства, выявить взаимосвязи и социальные взаимодействия **внутри пространства.**

---

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 158.
[2] Сорокин П.А. Указ. соч. С. 181.
[3] Там же.

Согласно позиции Сорокина, социологический подход делает упор на социокультурных аспектах, ориентируясь на три основные проблемы: «во-первых, анализ существенных характеристик социокультурных явлений в их структурных аспектах; во-вторых, изучение главных и повторяющихся форм социальных процессов в их динамике; в-третьих, разъяснение общих отношений и взаимозависимости между различными классами социокультурных явлений»[1]. По мнению ученого, противоречия между этими направлениям и школами нет. Каждое направление – это отдельный угол зрения, «каждый из которых специализируется на изучении одного из основных аспектов действительности»[2], что и позволяет исследовать все многообразие социокультурного пространства.

Далее Сорокин конкретизируют свою позицию относительно изучения социокультурного пространства посредством изучения социокультурного взаимодействия в целом. Чисто логически концепт «социокультурный» складывается из «социального» и «культурного», однако ученый вводит неразрывную триаду – личность, общество и культура. Эта триада в концепции П. Сорокина указывает именно на отличие социокультурного пространства от социального и культурного. Выделенные три элемента находятся не в оппозиции друг к другу, а в неразрывном единстве.

Личность в этой триаде рассматривается как «субъект взаимодействия; общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами, культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения»[3]. Крайне важным является вывод, который делает Сорокин: «ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других. Не существует личности как социума, то есть как носителя, созидателя и пользователя значениями, ценностями и нормами, без корреспондирующих культуры и общества. В отсутствие последних могут существовать лишь изолированные биологические организмы. Точно так же нет надорганического общества без взаимодействующих личностей и культуры; и нет живой культуры без взаимодействующих личностей и общества. Поэтому ни одно из этих явлений нельзя исследовать должным образом без рассмотрения других членов триады»[4]. В качестве резюме приводится следующий вывод: «неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир. Из дидактических соображений их можно изучать по отдельности; но когда анализ каждого члена триады завершен, этот элемент должен быть соотнесен с тройственным разнообразием, или матрицей, в которой он существует»[5].

---

[1] Сорокин П.А. Указ. соч. С. 185
[2] Там же.
[3] Сорокин П.А. Указ. соч. С. 218
[4] Там же
[5] Сорокин П.А. Указ. соч. С. 218-220.

В работе «Социальная и культурная динамика» П. А. Сорокин пишет: «различие между категориями «культурное» и «социальное» весьма условно и относительно: любая культура создана определенной социальной группой, объективацией которой она является; а любая социальная группа имеет свою определенную культуру». Далее, «все социальные отношения имеют два аспекта – психологический и логико-смысловой (включая «причинно-функциональные» элементы). Любое социальное отношение нужно изучать с обеих точек зрения»[1].

Для осмысления социокультурного пространства города ценен вывод ученого о том, «что господствующий тип культуры формирует тип сознания людей, которые родились и живут в рамках этой культуры»[2]. Современные концепции социокультурного взаимодействия, как правила, бинарны. Так, в социокультурной концепции А.С. Ахиезера основными выступают понятия «культура» и «социальные отношения». Культуру он трактует как «организованный опыт всей предшествующей истории, содержащий программы реализации человеческих способностей, возможностей, основу, предпосылку и результаты творчества, рефлексии людей, а значит, и способность критики этих программ»[3]. По мнению ученого, социальные отношения формируются под влиянием коммуникации, обмена информацией, интеграционной и ресурсной деятельности, складывающейся как между отдельными людьми, так и социальными группами.

Но главное отличие от концепции Сорокина в том, что культура и социальные отношения находятся в постоянном противоречии «из-за несоответствия накопленной культуры сложившимся отношениям»[4].

В социокультурной концепции Н.И. Лапина предложено несколько принципов, в частности, «принцип человека активного (homo, activus), осуществляющего социальные действия и взаимодействия; принцип взаимопроникновения культуры и социальности при фундаментальной их несводимости и невыводимости одной из другой; принцип антропосоциетального соответствия, или совместимости личностно-поведенческих характеристик человека и социетальных характеристик этого общества; принцип социокультурного баланса, или равновесия между культурными и социальными компонентами как условие устойчивости общества; принцип симметрии и взаимообратимости социетальных процессов»[5]. Однако в подходе Н.И. Лапина снижена роль культуры и личности.

При всей важности и методологической глубине разработок, имеющихся современных социокультурных концепций, подход П. Сорокина к изучению социокультурного пространства города представляется наиболее полным и верным. Эти идеи дополняют рассуждения П.А. Сорокина об отличительных

---

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. С. 503.

[2] Указ. соч. С. 701

[3] Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. Т.1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 54.

[4] Ламажаа Ч.К. Диалог с архаикой (концепция А.С. Ахиезера) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 93.

[5] Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 32.

свойствах социокультурного пространства. В работе «Система социологии» ученый выделяет три основных элемента социокультурного пространства – индивиды, вступающие во взаимодействие и этим определяющие поведение друг друга, акты, или действия (акты делания и неделания, акты сознательные и бессознательные), проводники, «…те средства, благодаря которым раздражение, исходящее от одних индивидов, передается и доходит до других» [1]. Согласно П. Сорокину, проводники – это элемент взаимодействия между индивидами – «реакция – стимул», осуществляемого посредством языка, одежды, предметов быт, архитектуры и т.д. Проводники, расположенные в природном пространстве, автомобильные и пешеходные дороги, организация социальной инфраструктуры города и т.д. значительно сокращают социальное пространство. Исходя из данной идеи П. Сорокина, можно выделить еще одну особенность социокультурного пространства, обусловленную расположением проводников и индивидов в территориальном пространстве. В данном случае социокультурное пространство связано с социальной дистанцией, «два или более социокультурных явления близки друг к другу, если они занимают одинаковые или смежные положения в векторной системе социокультурного пространства; и они далеки друг от друга, если их положения в этой системе векторов различны»[2].

Все эти свойства социокультурного пространства обнаруживаются в его основных формах, центральное место среди которых принадлежит городу. Город – это основная территориальная структура социокультурного пространства, существующая только при взаимодействии всех элементов – индивидов, актов и проводников. В городском пространстве конструируется социальная структура, смыслы, ценности, реализуются символические связи и формы, выстраивается коммуникация. Идеи П. Сорокина показывают, что социокультурное пространство города – это целостная система, развивающаяся под влиянием взаимодействия личности, общества и культуры. С одной стороны, социокультурное пространство города едино, с другой – дифференцированно под влиянием индивидов, актов и проводников по ряду оснований. Целостность и единство города выражается в его образе, включающем архитектурный стиль, природный ландшафт. Дифференцированность же связана с социальным неравенством, с поляризацией населения по материальному признаку, с неоднородностью социального пространства (в терминологии Р.Парка, Э. Берджес - «концентрические зоны»). Конфигурация города определяется исторически сложившимися традициями, формируется под влиянием природных и техногенных ландшафтов, институтов культуры, ценностей, коммуникации, информации, взаимодействия.

Таким образом, социокультурное пространство в концепции П. Сорокина представляет собой множество, состоящее из трех элементов – индивида, значений, проводников. Данные компоненты, выделенные ученым, неразрывно связаны с тремя аспектами – личность, культура, общество. Понимание социо-

[1] Сорокин П.А. Система социологии. – М.: Астрель, 2008. С. 131.

[2] Сорокин П. А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии (главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ. М., 2010. № 3. С. 164.

культурного пространства города с позиций П.Сорокина приобретает широкое значение. Нельзя сказать, что социокультурное пространство возникает в результате простого сложения культурного и социального пространства. Сорокин показывает, что социокультурное пространство – это часть и социального, и культурного пространства. Особенность социокультурного пространства города обусловлена сложным многоуровневым взаимодействием между различными социальными группами, человеческим потенциалом, ценностями тех людей, которые живут в том или ином городе. Город как социокультурное явление существует при наличии всех этих составляющих. Образ города, его специфика определяются во многом социально-политическим, экономическим факторами. Город объединяет людей различных религий, национальностей и культур. Социологи Чикагской школы показали, что город закрепляет за людьми конкретные социальные роли, способствует социальной дифференциации и расслоению населения, формирует особый стиль жизни, потребления, общения и т.д. В городе очень четко проявляются различия в одежде, этикете, жилище. В рамках определенных территориальных границ складывается особый тип культуры жизни людей, формируется среда коммуникации, создаются материальные и духовные объекты. Структура городского пространства выстраивается с учетом видов деятельности, потребностей в социальном, экономическом и политическом взаимодействии, потребностей в здравоохранении, образовании, социальном обеспечении, выделением зон, учитывающих возрастные особенности горожан, фактор здоровья и т.д.

Больше влияние на формирование социокультурного пространства города оказывает историческое наследие и «гении места». Уникальность и особенность многих городов определяется историческими событиями, духовной и творческой энергией конкретных выдающихся людей. Нельзя сегодня представить г. Санкт-Петербург без М. Достоевского, г. Орел без М.М. Бахтина, г. Казань без Ф. Шаляпина и т.д.

Таким образом, город сосредотачивает в себе артефакты культуры, создает пространство, в котором люди не только могут реализовать свои первичные потребности, но и создают новый тип отношений, вырабатывают новые способы организации пространства. Поскольку город сегодня является средоточием инноваций, разностороннее изучение особенностей его социокультурного пространства позволяет лучше понять основные тенденции развития общества и культуры.

К.П. Лазебная,
канд. социол. наук, старший преподаватель
департамента социологии
НИУ ВШЭ, г. Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ В ТЕОРИИ П.А.СОРОКИНА: ОТ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЕДИНСТВ К ЭМПИРИЧЕСКИМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ СИСТЕМАМ[1]

Анализ идей П.А. Сорокина относительно интеграционных механизмов социального и культурного базируется на попытке их рассмотрения в контексте его теории символического; подчеркивается роль символических посредников социального взаимодействия при разрешении ключевой проблемы данного исследования – объяснения когерентной взаимосвязи идеологического, поведенческого и материального аспектов социокультурных единств на микроуровне, уровне групп и макроуровне интеграции культуры.

Ключевые слова: *Питирим Сорокин, интеграция, сплоченность, когерентность, социокультурное единство, теория символического, символический посредник, фетиш.*

Феномен социокультурной интеграции является одной из немаловажных тем, разрабатываемых Сорокиным на разных этапах его научного творчества[2]. Особый интерес вызывает исследование механизмов данной интеграции в связи с актуализацией проблем социальной сплоченности, солидарности в российском обществе.

Сорокин предлагает развернутую концепцию объяснения формирования, функционирования и флуктуаций общества как взаимосвязанных систем социального, культурного и личного универсумов. В данной концепции возможно выделить условно три тематических блока: 1) исследование механизмов появления социального единства, систематизация форм коллективных единств (группы, агрегаты и т.д.); 2) исследование механизмов появления культурных систем, агрегатов, суперсистем, систематизация форм и характера взаимосвязей элементов культуры; 3) исследование механизмов формирования эмпирических социокультурных систем и суперсистем, систематизация характеров социокультурной интеграции.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия» (грант РНФ № 14–18–03784).

[2] Подробнее об эволюции концептуальных подходов Сорокина в объяснении социального и культурного аспектов взаимосвязи личности, общества и культуры см.: Лазебная К. П. Социокультурное единство в контексте теории «символического» П.А. Сорокина: сплоченность, интеграция, когерентность // В кн.: Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах / под общ. ред.: Н. Е. Покровский, М. А. Козлова. – М.: Университетская книга, 2015. С. 160-185.

Все три темы объединяет проблема интеграции. В случае с коллективным единством интегрированное состояние групповых отношений Сорокин называет солидарностью, подразумевая под солидаризированным состояние групповых отношений, соподчиненный и согласованный характер групповых связей и взаимодействий. Интегрированное состояние элементов культуры Сорокин называет совместимостью, также выраженной в формах подчинения либо согласованности ее элементов.

В связи с этим, возникает вопрос, который становится ключевым в рамках настоящей работы: Как соотносятся механизмы социальной интеграции / солидаризации (на микроуровне группового взаимодействия) и механизмы интеграции / совместимости культурных макросистем в процессе поддержания интеграции эмпирического единства социокультурных систем?

Для ответа на данный вопрос обратимся к родовой модели социокультурного явления, которую Сорокин представлял как значимое (смысловое) взаимодействие (meaningful interaction) двух или более индивидов, опосредованное символическими посредниками[1]. Символическая медиация составляет суть механизмов взаимодействия. Именно она является центральным звеном в процессах поддержания интеграционных социокультурных процессов на микро- и макроуровнях[2]. Остановимся на данном тезисе подробнее.

Сорокин различает следующие аспекты социокультурного феномена: «внутренний («нематериальный», значения и ценности) и внешний («материальная оболочка», воплощенная в пространственно-временном континууме «нематериального»)»[3]. Объективация внутренне-психических явлений (ценностей, идей, смыслов и т.д., всего того, что составляет ментальность культуры), по его мнению, происходит через символических посредников (материальные объекты или людей-проводников). Именно благодаря символической медиации актов взаимодействия становится возможным обмен психической энергией между индивидами и группами, а, соответственно, солидаризация, поддержка коллективных единств. Значимые социальные взаимодействия, в совокупности составляющие поведенческую культуру, благодаря своему смысловому содержанию, объективированному в символических посредниках, поддерживают ценностно-смысловую согласованность, совместимость поведенческой, материальной и идеологической культур. Символические посредники, таким образом, являются одними из основных связующих элементов социокультурного единства, лежащих в основе эмпирической интеграции социокультурных систем.

Однако, как известно, Сорокин отмечает, что интеграция может иметь различный характер. Так, в случае причинно-функциональной (причинной спло-

---

[1] Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. N.Y.: Harper and Brothers, 1947. 442 p. P. 40, 321 – 324.

[2] Данный тезис получил обоснование в следующих работах автора настоящей статьи, см.: Лазебная К.П. Эволюция теории символического в творчестве П.А. Сорокина // Наследие. 2014. № 5. С. 49-62; Лазебная К.П. Теория символического в творчестве П.А. Сорокина: историко-социологический анализ: дис. ... кан. соц. наук: 22.00.01. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. 182 с.

[3] Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Vol. IV: Basic Problems, Principles, and Methods. New York: Bedminster Press, 1941. 804 p. P. 12.

ченности – «casual cohesion»)[1] взаимной или односторонней связи индивидов, социокультурных элементов, подсистем или систем в целом интеграция сопровождается: а) зачастую пространственным соседством посредников; б) установлением «образцов единообразия (patterns of uniformity)… во взаимоотношениях множества отдельных компонентов этого бесконечного [социокультурного – К.Л.] хаоса»[2].

В случае логико-смысловой интеграции в основе субординации и согласования связей групповых отношений или культурных элементов лежит: а) более менее схожая интерпретация смыслового содержания систем символических посредников; б) формирование общего смыслового знаменателя, «тождества смысла или логического соединения (coalescence)»[3]. Установление логико-смысловых интеграционных связей социокультурного единства, формирование их «логического соединения» (coalescence) или «логической сопричастности (cobelonging)» может определяться как когеренция (coherence) социокультурных систем, их агрегатов и суперсистем[4]. Когерентная, логико-смысловая связь, по мысли Сорокина, является высшей формой интеграции, «сверхинтеграцией»[5]. В связи с данным замечанием предлагается следующая иерархия уровней социокультурной интеграции: «низший уровень» (солидаризация / совместимость в форме подчинения – причинная сплоченность) и «высший уровень» (солидаризация / совместимость в форме согласованности – когеренция).

Именно когерентные связи, поддерживаемые символической медиацией, являются, на наш взгляд, основанием интеграционных процессов микро- и макро уровней социокультурного универсума, другими словами, практик социального взаимодействия и эмпирического воплощения внутренних аспектов культуры, «культурной ментальности».

В данном случае особую роль играет феномен фетишизации и рикошетного влияния символических посредников на протекание социокультурных про-

---

[1] Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Vol. 1-3. New York: Bedminster Press, 1937. P. 12.

[2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. 1176 с. С. 42.

[3] Там же, с. 43, 49.

[4] Термины «когеренция» («coherence») и «сплоченность» («cohesion» без прилагательного «casual») в зарубежных источниках при обращении к теории Сорокина часто используется синонимично, однако всегда именно в контексте анализа логико-смысловых связей ценностно-нормативных систем, интеграции предпосылок культурной ментальности и т.д. Введение термина «когерентность» в русскоязычный глоссарий сорокинской социологии продиктовано необходимостью уточнения специфики логико-смысловой интеграции коллективной сплоченности и, в целом, социокультурного единства. [См., к примеру, Coser L.A. Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context, 1977 / Available at: http://media.pfeiffer.edu/lridener/dss/Sorokin/SOROKW2.HTML (accessed: 30.09.15); Archer M.S. Culture and Agency. The Place of Culture in Social Theory. NY: Cambridge University Press, 1996. 351 p. P. 25 – 27; Civilization / In J. Ford, M. Richard, P. Talbutt (Eds.), Sorokin & Civilization. A Centennial Assessment/ L., 1996. P. 141-158; Haney D.P. The Americanization of Social Science: Intellectuals and Public Responsibility in the Postwar United States. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2008. 295 p. P.133 – 134 и др.]

[5] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. 1176 с. С.41.

цессов. Сорокин, уделяя данной проблеме особое внимание, как в ранних, так и в более поздних трудах, развивает идеи Дюркгейма и отчасти Зиммеля[1].

Символический посредник превращается в фетиш при условии его продолжительного функционирования в практиках социального взаимодействия в качестве значимого социального объекта, «впитывающего» определенные ценности, смыслы, коллективные эмоции и т.д. Речь идет, к примеру, о флаге, лозунге, бренде, молитве, семейной реликвии, национальном лидере и прочих подобных символических посредниках-фетишах, а также о символических системах, которые они образовывают[2].

Символические посредники – фетиши, «наполненные» коллективными представлениями, эмоциями, идеями, способны вызывать общее значимое коллективное переживание, то есть оказывать механическое рикошетное (обратное) влияние (retroactive influence) на поведение и переживания людей просто в силу своего существования[3]. Таким образом, символы – фетиши способствуют сохранению связи с прошлыми поколениями, сохранению социокультурной памяти: «…ушедшие поколения, запечатлевшие следы своей деятельности в форме таких материальных памятников (города, селения, здания, утварь, одежда, книги, дороги и т.д.), непрерывно воздействуют на последующие, взаимодействуют (хотя и односторонне) с последними – словом, составляют коллективное единство»[4].

Рикошетное влияние можно рассматривать как процесс установления в некоторых случаях субординационных отношений, при этом особое значение играет сохранение логико-смысловой, когерентной интеграции идеологического, поведенческого и материального компонентов социокультурных связей. Ценностное содержание символического посредника – фетиша, к примеру, государственного флага, может подчинять себе прочих посредников, наделяемых смыслами, которые флаг олицетворяет (власть, патриотизм, суверенитет и проч.). Обязательное наличие флага формально закреплено в требованиях к проведению различных гражданских и дипломатических церемоний. Его осквернение во многих государствах карается законом. Использование изображения флага вместе с другими проводниками (документы, таблички на зданиях организаций, геральдика, логотипы, сувениры, одежда и т.д.) может усиливать смысловое значение последних.

Когда физически исчезает, разрушается, гибнет какой-либо подобный объединяющий символический посредник, может распасться коллективное един-

---

[1] См. Сорокин П.А.: Система социологии. – М.: Астрель, 2008. 1008 с. (1920) С. 183 – 198; Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. N.Y.: Harper and Brothers, 1947. 442 p. Ch.17.

[2] Сорокин отмечает: «Этот процесс фетишизации символических проводников наблюдается во всех сферах общественной жизни и на всех ее ступенях, меняются только объекты – фетиши. Один фетишизирует портрет царя, другой – портрет Ленина, австралиец – кусок дерева, социал-демократ – портрет Маркса; верующий – имя святого, революционер – имя “интернационал”» (см: Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1008 с. С.191).

[3] Там же, с. 191-198.

[4] Там же, с. 321.

ство, связываемое им, нарушается интеграция систем идеологической, поведенческой и материальной культур коллективных единств. Сорокин отмечает, к примеру, что «уничтожение кастовой, или сословной, или ведомственной форменной одежды «убивает» множество взаимодействий, которые возникали бы при ее наличии», «удаление главы секты или течения часто влечет распыление его последователей»[1] и т.д.

В связи с этим, встает вопрос о процессах «вертикального измерения» (общество – символический посредник – культура) в структуре социокультурного единства. Данное измерение тесно связанно с проблемой сохранения интеграции социокультурных систем в процессах их эмпирической объективации.

Как известно, Сорокин различает три типа социокультурных суперсистем (идеациональная, идеалистическая и чувственная). Типология строится им на основании выделения главных идеологических предпосылок («культурных ментальностей»), подчиняющих те или иные системы социокультурного универсума. Предпосылки (мыслительные и смысловые элементы, образы, идеи, эмоции) объективируются в символических посредниках, которые образуют подчиненные этим предпосылкам разнообразные идеологические (этика, право, верования и т.д.), поведенческие (нормы, удовлетворение потребностей, традиции и т.д.) и материальные системы (стили архитектуры, живописи и т.д.)[2].

Возникновение социокультурной суперсистемы, сохранение связи и единства элементов ее идеологических, поведенческих и материальных систем в пространстве и времени, согласно Сорокину, возможно при соблюдении ряда условий[3]. Во-первых, при условии «ментальной интеграции» элементов ее идеологической культуры. Ментальная интеграция, то есть формирование ценностно-нормативных систем, может осуществляться как одним человеком, воплощающим базовую идеологическую предпосылку, так и коллективным единством. Вторым условием является эмпирическое укоренение, объективация систем идеологической культуры. Это означает переход внутреннего аспекта культуры (идеи, мысли, эмоции) в какой-либо физический носитель (материальный объект или действие). Процессы объективации, экстернализации «культурной ментальности» сопровождаются социализацией ее элементов в процессах социальных взаимодействий, обусловленных символическими посредниками. Символическое опосредование социальных взаимодействий, особенно посредниками-фетишами, усиливает плотность взаимосвязей идеологического, поведенческого и материального компонентов социокультурной суперсистемы. Данные процессы способствуют сохранению и усилению проводимости ценностно-смыслового содержания между символическими посредниками (inter-

[1] Там же, с. 342.

[2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. 1176 с. С. 56 – 66.

[3] Анализу данной проблемы Сорокин посвящает несколько глав четвертого тома «Динамики». В этом анализе во многом просматриваются его ранние идеи из «Символов в общественной жизни», перенесенные в область изучения символической медиации макропроцессов (См. Сорокин П.А. Символы в общественной жизни. Рига: Наука и жизнь, 1913. 48 с.; Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Vol. IV: Basic Problems, Principles, and Methods. New York: Bedminster Press, 1941. 804 p.)

vehicle conductivity). Следствием усиления проводимости является: 1) увеличение числа символических носителей той или иной идеологической культуры и актов взаимодействия, ими опосредованных; 2) увеличение количества «адептов» данной идеологической культуры; 3) установление и сохранение «логической сопричастности» элементов социальных и культурных систем[1].

Таким образом, благодаря символической медиации происходит усиление когерентных связей, логико-смысловой интеграции в процессах эмпирического укоренения социокультурных систем, что способствует их сохранению в коллективной памяти, распространению в физическом и социокультурном пространствах, а также воспроизводству в практиках межпоколенного взаимодействия.

Представленная реконструкция и обобщение взглядов Сорокина относительно интеграционных механизмов социокультурных систем может быть рассмотрена также с учетом его идей о специфике социокультурного пространства. Когеренция, в таком случае, рассматривается как «высший» уровень интеграции «субъективных» и «объективных» процессов в символической (ценностной – смысловой) иерархии сплоченности идеологических, поведенческих и материальных компонентов той или иной системы в социокультурном пространстве. Координатами или позициями социокультурного пространства, согласно Сорокину, являются универсум ценностей, значений и норм, универсум символических посредников и универсум социокультурных позиций индивидов и групп[2]. Исследование координат, с учетом специфики и плотности когерентных и фетишизированных связей, позволит выявлять флуктуации и градацию логико-смысловых и причинных сплоченностей, то есть позиции инклюзивных / эксклюзивных, адаптированных / дезадаптированных групп или индивидов, ценностно-нормативные комплексы либо отдельные неинтегрированные идеи, верования и т.д.

А.И. Лойко,
д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой философских учений
Белорусский национальный технический университет

КОНТЕКСТ МОБИЛЬНОСТИ В РАБОТАХ Р. ПАРКА И П. СОРОКИНА: СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы глобализации в контексте проблематики социальной психологии на примере механизмов мобильности. За основу взяты концептуальные подходы, сформулированные в работах

[1] Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. Vol. IV: Basic Problems, Principles, and Methods. New York: Bedminster Press, 1941. 804 p. P. 61 – 68.
[2] Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. N.Y.: Harper and Brothers, 1947. 442 p. Ch. 20.

П. Сорокина и Р. Парка. Динамика социальной реальности при таком рассмотрении оказывается сопряженной с практиками конструирования социальной реальности и ее последствиями на уровне институциональных структур современного общества.

Ключевые слова: *социальная мобильность, П. Сорокин, Р. Парк, социальная психология, техногенная цивилизация, глобализация.*

П. Сорокин оказался в эпицентре сопряжения двух трактовок социальной психологии глобализации. Одну из этих трактовок представляет интеллектуальная традиция России, другую – интеллектуальная традиция США. Проблема глобализации пространств техногенных цивилизаций предстает в этих трактовках как специфическая задача формирования локальных техногенных самобытностей на основе людских и культурных ресурсов глобальной мобильности. Понятие локальной техногенной самобытности практически не используется в научной литературе, поскольку глобализация ассоциируется с универсализацией социальной жизни, ее интернационализацией. Соответственно локальность трактуется как защитный механизм, противостоящий космополитизации социальной жизни. В этом механизме соединяются идентичность, национализм, культурная традиция. При этом мало уделяется внимания роли глобализации в формировании новых субъектов социальной деятельности.

П. Сорокин, мигрировавший в США, оказался на границе сопряжения двух моделей социальной мобильности. В Европе и России модель социальной мобильности в трактовке марксизма и анархизма предполагала полное разрушение социально-классовых различий, препятствовавших реализации задач социальной справедливости. Социальная мобильность была необходима для реализации целей индустриализации, создания промышленной инфраструктуры, стирания различий между нациями. Разрушению подвергался и институт традиционной семьи. На территории США имел место процесс формирования критической массы нации за счет процессов глобализации, в первую очередь, массового переселения европейцев в Новый Свет. Кроме официально декларировавшейся политики социальной мобильности в США имело место наследие времен работорговли. Его итогом стала проблема синтеза нации США на межрасовой основе.

В России межрасовый синтез имел место в средние века и его последствия не сказались негативно на российской нации. Речь идет о межрасовом синтезе на территории России европоидов (славян) и монголоидов (тюрков, северных народов). Антропологически этот процесс продолжается до сих пор. Он не сопровождается проявлениями расизма и мультикультурности, свойственными США. Расизм сохраняется в США на фоне огромных усилий властей по созданию правовых гарантий для афро-американского населения. Не получился диалог у европейских переселенцев в США с индейским (монголоидным) населением. Трудности сохраняются и на уровне межэтнической консолидации нации США. Они формируются феноменом мультикультурности. Большинство европейских переселенцев консолидировалось в США на общинной основе куль-

турных особенностей, свойственных итальянцам, полякам, ирландцам, евреям, мусульманам, латиноамериканцам.

Традиции первой волны массовых переселенцев продолжили китайцы, создавшие культуру городских кварталов, позиционирующую их национальный образ жизни. Понадобилась сложная институциональная система американской демократии, которая призвана сохранять доминирующие интересы идентичности пуритан. Р. Парк понимал преграды на пути формирования США как нации, поэтому основную роль человеческого ресурса видел в феномене маргинала. Это тип личности, «не отождествляющий себя полностью ни с одним порядком традиций и моральных норм, ни с одной культурой»[1]. Маргинал символизирует свободу перемещения и способность к межкультурной коммуникации в пределах определенного социального порядка. Доминирующая в коммуникации маргиналов согласованность сублимирует различные формы конфликта.

П. Сорокин вопрос о маргиналах видит более глубоко. Его внимание сосредоточено на том, что свободные от прежних культурных привязанностей люди оказываются в пространстве институциональной самоорганизации. Ключевую роль в данном процессе играет статус «как совокупность прав и обязанностей, привилегий и ответственности, власти, благосостояния и образования»[2]. Стратификация создает архитектуру гражданского общества, независимо от его этнического, религиозного своеобразия. Различия в социальном статусе людей определяются их индивидуальной психологией. Важно, чтобы критерии стратификации были сбалансированными и достижимыми с точки зрения имеющей место в обществе горизонтальной и вертикальной мобильности. Один из механизмов такой мобильности представляет урбанизация. В классическом своем виде она питается мобильностью населения из сельских регионов в города.

Исследуя различные аспекты социальной мобильности как основного архитектора американской нации П. Сорокин не мог не оставить без внимания работу Т. Веблена «Теория праздного класса», в которой были сформулированы ключевые положения институциональной методологии. Проблема социальной мобильности в данном ракурсе рассмотрения приобретает очевидный контекст, представленный феноменом праздного класса. В результате движение вверх по социальной лестнице оборачивается нарушением обратной связи. Праздный класс вырабатывает собственное видение своего социального статуса, которое не подкрепляется его реальным участием в социальной деятельности, а ограничивается только потреблением и праздным образом жизни. В этой социальной инерции П. Сорокин увидел уже знакомую ему по России и Европе тему кризиса культуры. Фактически социальная психология глобализации предстала одной из модификаций хорошо известной темы, связанной с кризисным общественным сознанием. В итоге П. Сорокин приходит к выводу, что люди и общественные отношения контролируются системой ценностей, разви-

[1] Баньковская С.П. Ведущие теоретики Чикагской школы. Идеи и подходы // История теоретической социологии. – М.: Канон, 1998. Т.3. С.129.

[2] Сапов В.В. Интегральная социология П. Сорокина // История теоретической социологии. – М.: Канон, 1998. Т. 3. С. 146.

вающейся по внутренним законам. Эта система ценностей включает все формы общественного сознания. Она изменчива и представлена исторически различными модификациями, сменяемость которых определяется пределом их познавательных возможностей. Растущая относительность действующих ценностей восполняется формирующимися новыми ценностными интерпретациями. По П. Сорокину, в этой ситуации важную роль играют интегральные структуры, формирующие основу общества. Важно, чтобы интегральная основа была продуктом естественного развития и могла воспроизводиться. Такую возможность ей предоставляют основания общества в контексте формирующих его развитых социальных структур[1].

Анализируя современное белорусское общество в период формирования его социальной инфраструктуры, соответствующей особенностям постиндустриального периода истории, С.Ю. Солодовников указывает на сохраняющуюся роль в социокультурной динамике такого элемента интегральной жизни, как социальный класс[2]. Как показывают события в Европейском Союзе, в первую очередь во Франции, миграция не смогла аннигилировать социально-классовую тематику. Фактически произошла не ротация проблем, а их нарастание по нескольким направлениям.

События, связанные с феноменом миграции в пространство Европейского Союза показали, что институциональные структуры современного общества, освященные атрибутами демократии, общества массового потребления, не гарантируют безболезненной интеграции «пришельцев» в структуры общества на уровне национального государства. Мультикультурные конфликты, сопровождающие процессы интеграции мигрантов в европейское общество, задали тему социальной психологии глобализации в новом ее звучании, не схожем с массовым переселением европейцев в Новый Свет. В данном случае о маргиналах не приходится говорить. Речь идет о носителях традиционных ценностей, разрыв с которыми в новой социальной среде означает трансформацию их не в маргиналов, а в нигилистов, основным объектом неприятия для которых является аутентичная среда урбанизированных европейских территорий. Нигилизм высвобождает в этих людях состояние, созвучное революционному насилию, ненависти, потрясших П.А. Сорокина в двадцатые годы XX столетия в России[3].

В ситуации разрыва культурных традиций в социальной психологии глобализации начинают доминировать биологические компоненты конфликтного сознания. Эту модель массового поведения людей пристально изучали З. Фрейд на примере феномена толпы, Х. Ортега-и-Гассет, К.Г. Юнг. Они обнаружили социальную доминанту техногенного переходного влияния в трансформации

[1] Солодовников С.Ю. Методология исследования социально-экономических конфликтов в постиндустриальном обществе в контексте научных взглядов П.А. Сорокина и Л.Н. Гумилева // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философском диалоге культур. – Минск: БНТУ, 2013. С. 277-288.

[2] Солодовников С.Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономических исследований. – Минск: БНТУ, 2014.

[3] Сорокин П.А. Долгий путь: автобиографический роман. – Сыктывкар: Шипас, 1991. С. 166-167.

структур общественного сознания. Эти естественные переходные состояния вызвали у них серьезные опасения за судьбу культуры. Но эти опасения оказались вне пространства философии конструирования социальной реальности в различных идеологических контекстах. Две из этих идеологических модификаций попали в разряд тоталитарных. Они стали предметом пристального рассмотрения в работе К. Поппера «Открытое общество и его враги».

Третья идеологическая модификация, исповедующая стиль конструирования социальной реальности, оказалась вне критики. Она была принята к действию в США в период великой депрессии. Ее воздействию подверглась экономическая система рыночной циклической экономики. Государство получило право на поддержку субъектов финансовой и промышленной деятельности и под эту задачу были разработаны методики поддержки финансового, промышленного, трудового рынков деятельности. После того как США взяли на себя миссию экономического и политического глобализма, они расширили практику применения методологии социального конструирования на огромные территории. В случае КНР она отличалась гибкостью и позволила транснациональным корпорациям получить доступ к ресурсам дешевой рабочей силы. Во многом роль играла способность китайского государства вести равный диалог с США. В ситуациях диалога США со слабыми институтами государственной власти активно применяется технология создания хаоса в политической жизни страны с целью внешнего контроля над его ресурсами. Одним из инструментов дестабилизации социальной жизни стали террористические организации. Они создают внутри государств – потенциальных поставщиков людских ресурсов – атмосферу, выталкивающую миллионы людей во внешний мир. В ситуации постоянной политической нестабильности, терроризма формируется логистика теневой экономики, поставляющей ресурсы разрушенных государств к местам их интеграции в пространстве региональной экономики, в данном случае Европейского Союза, остро в них нуждающегося. Именно в содержании этих потоков – экономического и социального, закладываются мультикультурные противоречия, проявление которых приобрело особую интенсивность во Франции. Роковую роль для Европы играют последствия границ, созданных Францией в средиземноморском регионе между северными метрополиями и южными колониями арабского населения, пользующегося разговорным французским языком.

Подобная проблема разграничения Севера и Юга имеет место в США. Юг в лице Мексики является обладателем крупнейших ресурсов рабочей силы. Одновременно он представляет крупную теневую экономику наркотрафика, интегрированную во внутренний потребительский рынок США. Мигранты, в случае США, являются в основной массе носителями христианских католических ценностей. В случае Европы мигранты являются носителями исламского образа жизни. При этом в пространстве самой Европы на протяжении сотен лет проживает автохтонное население, исповедующее ислам, в первую очередь на Балканах. Но разница между европейскими и азиатскими мусульманами довольно значительна. Она мало изучается. При этом речь идет об очень важном разли-

чии. Это различие проявляется даже на уровне одной и той же этнической группы. Так, в ФРГ обсуждается феномен русских немцев[1].

На фоне пристального внимания к демаркации мигрантов из региона Восточной Европы, в первую очередь России, с населением западной части Европейского Союза удивляет безразличное отношение исследователей к имеющим место различиям в социальной психологии Запада и Востока с точки зрения созданных метрополиями исторической логистики миграции для ассимилированных ими колониальных территорий Азии. Эта, в первую очередь языковая ассимиляция, создала иллюзию отсутствия различий и сняла преграды для теневой экономики, специализирующейся на миграции. Правовое обоснование этой экономики формулируется в виде права любого гражданина на свободное перемещение.

Р. Парк думал в большей степени о задаче формирования американской нации за счет маргинальных ресурсов Европы. П. Сорокин вынужден был думать о социальной психологии глобализации на фоне того, как проявили себя маргинальные слои в Европе. Первая мировая война дала обширный материал о психологии маргинальных слоев общества. В условиях великой депрессии тридцатых годов XX столетия политики Германии воспользовались ресурсами маргинальной толпы, наделив ей исключительным статусом арийской расы. Не связанная традициями эта человеческая масса превратилась в машину массового убийства мирного населения оккупированных территорий. Под флагом единой нацистской идеологии оказались маргинальные слои общества разных стран и политические элиты Германии, Италии, Испании, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии, Финляндии. СССР пришлось противостоять коалиции фашистских государств. На стороне фашистской коалиции были также националистические организации Западной Украины, Хорватии, Литвы, Латвии, Эстонии. Великая Отечественная война стала ключевым фронтом второй мировой войны, поскольку в прямом военном столкновении оказались задействованными самые крупные военные силы фашисткой Германии и ее союзников. Этой коалиции противостояла Советская Армия. Победа Советской Армии под Сталинградом и на Курской дуге побудила США и Великобританию к более решительным военным действиям в Европе. Солдаты и офицеры этих армий освобождали узников концлагерей и видели масштабы массового уничтожения нацистами мирного населения старого континента. Они фотографировали эти места, делали записи. Нюрнбергский процесс оказался возможным благодаря тому, что юристы располагали необходимыми свидетельствами о массовых расправах над мирными жителями, военнопленными.

Послевоенная Германия приложила немало усилий для того, чтобы восстановить статус ценностей гуманизма в обществе. Работали психологи, социологи, политологи. В ФРГ ключевые рефлексивные позиции заняли возвратившиеся из миграции представители франкфуртской школы. Их популярность объяснялась профилактической работой в области политической социологии,

[1] Попков В.Д. Категория этничности как методологическое ограничение в исследовании больших социальных групп // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ. 2014. С.102-112.

решавшей задачу преодоления авторитарных установок общественного сознания, тоталитаризма. При этом представители этой школы оставались в границах кризисного сознания, о чем свидетельствовала их критика западного образа жизни, которая стимулировала протестные студенческие выступления во Франции в шестидесятых годах XX века. Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермасу пришлось корректировать свои взгляды в более конструктивную форму, связанную с формированием методологии коммуникативного действия, интегрирующего общественное мнение и легитимные структуры демократической власти посредством выявления позитивной роли языка.

Казалось, что общество приобрело необходимую институциональную ценностную основу. Но, как показала эпоха Интернета, это были иллюзии. Маргинальное сознание в кризисной его модификации не перестало, и не могло перестать, существовать. В компьютерном информационном пространстве институциональная основа как таковая отсутствовала. Имела место ситуация неограниченных свобод и прав, но не было ответственности. В результате в социальной сети стали использоваться любые способы выделиться в контексте актуальной тематики. Одной из таких тем стала историческая память о Великой Отечественной войне. В ее границах конструируются «новые подходы», «новые интерпретации», «правда», «новый взгляд на историю». Не ограниченное ответственностью маргинальное сознание оказалось созвучным геополитической стратегии США столкновения цивилизаций.

Особенно активно на эту стратегию отозвались политические элиты балтийских государств и Польши. Акцент делается на маргинальные слои общества и информационную войну, развязанную против исторической памяти о Великой Отечественной войне. В подобных условиях актуальными становятся вопросы информационной безопасности. Они не сводятся к механизмам цензуры. В основном речь должна идти о правовой ответственности тех, кто в сетевом пространстве допускает интерпретации исторических событий, подрывающие ценности гуманизма, межкультурного диалога, толерантности. Но реализовать стратегию институционального упорядочивания пространства Интернета сложно из-за возникшего феномена мозаичности восприятия. В результате социальная «реальность не просто отдаляется, обессмысливается или овеществляется, но словно утрачивается, а вместе с ней утрачивается и субстрат людского опыта, заменяясь множеством произвольных картин мира»[1].

В психологии вследствие этого получила применение практика конструирования социальной реальности в угоду экономическим и политическим интересам общества массового потребления. П. Сорокин в связи с этим задается вопросом о сущности современного человека. Невзирая на антигуманные проявления человеческой природы в социальной динамике, он приходит к выводу о доминанте в человеке духовного начала[2]. Важным является то, смогут ли проявить себя доминанты духовных ценностей в социальной психологии глобализации. Если исходить из цикличности культурных процессов, то технологические новшества должны неизбежно попадать под действие постоянно воспро-

[1] Саяпин В.О. Социокультурная трансформация после индустриальной эры: процессы виртуализации // Философские традиции и современность. 2014. № 2. С. 84-105.

[2] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука,1997. С. 52-53..

изводящихся культурных механизмов саморегулирования общества. П. Сорокин не склонен был к практикам тотальной переоценки ценностей и нигилизму. Для него предпочтительней была позиция Ф. Достоевского.

Метафизическое начало настолько усилило свои позиции в интеллектуальной деятельности П. Сорокина, что он в большей степени стал соответствовать статусу мыслителя, предлагающего современному обществу стратегии гуманизма, невзирая на росшее непонимание его американских коллег. В русской философии метафизическое начало оказалось сильнее методик аналитического мышления, культивирующихся англо-американской философией. При этом проблематика социальной мобильности сохранила свою актуальность. Это обусловлено формированием новой топонимики социальной сферы. Она обозначается как сетевое общество. Мобильность в его пределах стала новым проявлением глобализации и вырабатываемых ею форм взаимодействия индивидов.

Изменяется соотношение понятий миграции и маргинализации, потому что новейшие технологии интернет-коммуникации создали основу для сохранения аутентичной среды общения мигрантов, даже если они находятся территориально вне этой системы традиционных религиозных и родственных отношений. Посредством визуальных технологий общения нивелируется фактор одиночества и одновременно усиливается действие фактора общинной и религиозной дисциплины. Ресурсом становится виртуальная психология, имеющая доступ к самым уязвимым состояниям пользователей сети. Она в форме технологий манипулирования умело использует отсутствие оперативной службы психотерапии. В результате участниками деструктивных действий все чаще становятся психически неуравновешенные люди. Они оказываются инструментом функционирования вертикальной мобильности социальных сообществ. На вершине сетевой пирамиды находятся топократия и меритократия[1].

Наличие интернет-пространства означает наличие важного направления социальной психологии глобализации. И хотя П. Сорокин в меньшей степени был включен в это новое пространство, он заданной им метафизической тематикой человека оказался актуальным мыслителем. Роль Р. Парка ограничивается в вопросах социальной мобильности проблемами формирования и консолидации американской нации исходя из традиционных механизмов ее становления. Темы для США актуальные, особенно в свете растущего напряжения во взаимоотношениях афроамериканского населения и полицейских служб этой страны, отдельные сотрудники которых подозреваются в превышении должностных полномочий по причинам расового неприятия.

[1] Вокуев Н.Е. Сетевое общество и теория социальной мобильности Питирима Сорокина // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. С. 540-548.

Л.Е. Лойко,
канд. филос. наук,
доцент кафедры философии и идеологической работы
Учреждение образования «Академия МВД Республики Беларусь»

П. СОРОКИН О ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В статье рассмотрена проблема диалога цивилизаций с позиции кросс-культурного статуса исследователя. Таким статусом обладал П. Сорокин. На этой методологической основе он пытался разработать и осуществить программу моральной реконструкции человечества. В начале XXI столетия эта программа актуализирована в контексте нарастания рисков социальной стабильности в современном мире.

Ключевые слова: *П. Сорокин, цивилизация, диалог, право, нравственность, кросс-культурный статус исследователя.*

В творчестве П. Сорокина продемонстрированы преимущества кросс-культурного методологического статуса исследовательской деятельности в области социально-гуманитарного познания. Культурологические и социологические исследования ученого основаны на опыте нахождения в цивилизационных пространствах России и США. Обе культурные суперсистемы обладают исторически устойчивыми ценностными основаниями, которые имеют богатую историческую традицию их воплощения в видах деятельности, институциональных формах социальной организации, нормах коммуникативных связей.

В формировании П. Сорокина как личности и ученого важнейшее значение имел российский период. Масштабное геополитическое пространство Российского государства обеспечивало уникальную культурную ситуацию непосредственного соприкосновения и взаимодействия нескольких цивилизаций. На уровне регионов происходили сложные процессы поиска путей адаптации к специфике образа жизни отдельных народов и утверждения общезначимых ценностей.

Беларусь и входящий в нее Витебский регион стали в силу исторических обстоятельств и причин одним из мест формирования кросс-культурных практик. Особенно продуктивно опыт диалога цивилизаций в пределах Руси реализовался здесь в области права и этики. Данную проблематику представляли студенческие преподаватели П. Сорокина, уроженцы Витебской губернии – Л.И. Петражицкий[1] и Н.А. Лосский[2]. Они оказали огромное влияние на будущего ученого.

Основы этой длительной кросс-культурной практики закладывала Е. Полоцкая на основе соединения правовых традиций русского народа с задачами духовных хождений в Святые места[3]. В эпоху Возрождения на территории

[1] Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 4. С. 9-21.

[2] Сорокин П.А. Долгий путь. – Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас»,1991. С.161.

[3] Лойко Л.Е. Евфросиния Полоцкая в духовной традиции отечественной правовой культуры / Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой: историческая и современная. – Минск: БНТУ, 2016. С. 131-135.

Беларуси в тесном сопряжении оказались правовые традиции Руси и европейского Запада. В итоге Ф. Скориной, уроженцем Полоцка, была обоснована практика разработки методологии естественного права с учетом трансграничного статуса Беларуси в составе Великого Княжества Литовского. Статуты этого государства стали выражением синтеза различных правовых традиций. В них были интегрированы ключевые положения «Русской правды» и Магдебургского права. Процесс создания Статутов оказал влияние на социально-философскую мысль, в которой популярной стала тематика исследования нравов различных народов. Ее развивали М. Литвин, А. Волан, Л. Сапега.

Правовая практика регулирования межкультурного диалога с учетом цивилизационных особенностей формировалась в Беларуси на фоне политики систематического привлечения в страну людских ресурсов. Из-за постоянных войн страна испытывала большие демографические трудности, выражавшиеся в нехватке населения. Законодательство было разработано с учетом переселявшихся общин с Востока (татары, старообрядцы) и с Запада (пруссы, евреи, поляки). Следовательно, феномен мультикультурного общежития имеет глубокие корни в истории белорусской нации. В результате были заложены основы уникальной и устойчивой атмосферы этнической и религиозной толерантности.

В городах Беларуси в структуре населения стали доминировать общины татар, евреев. Со сменой государственных образований им всякий раз на уровне практической коммуникации приходилось адаптироваться к языковым трансформациям. Период Речи Посполитой создал в Беларуси доминанту польского языка. Многие католики стали ассоциировать свой этнический статус по конфессиональному признаку. В пределах Российской империи все большую роль в процессах коммуникации стал играть русский язык и связанное с ним интеллектуальное пространство Санкт-Петербурга и Москвы. В эти центры интеллектуальной жизни и направлялись выходцы из Беларуси. При этом они хорошо понимали особенности синтеза цивилизаций и его влияние на их судьбу, социальный и научный статус. Наглядный пример этому мы находим в биографии С. Ковалевской[1].

Л.И. Петражицкий в 1898-1918 годах работал в Петербургском университете в статусе заведующего кафедрой энциклопедии и истории философии права. Он является одним из создателей психологической школы права, которая формировалась в период актуализации проблемы сознания в рамках философской антропологии. Особый интерес ученых вызывал поиск системных научных критериев исследования феномена сознания, анализ его структурных уровней. В России это направление приобрело основное значение благодаря исследованиям И.М. Сеченова. Психические процессы рассматривались им в тесной связи с рефлекторной деятельностью человеческого мозга. Рефлексы стали важнейшим основанием физиологии высшей нервной деятельности. И.П. Павлов создал на основе этого подхода экспериментальную психологию, которая позволила описать рефлексы с учетом внутренних и внешних раздражителей. На Западе рефлексология стала обозначаться как бихевиоризм. В ка-

[1] Лойко Л.Е. Кросс-культурная атмосфера научного становления С.В. Ковалевской / Роль женщины в развитии современной науки и образования. – Минск: БГУ, 2016. С. 769-773.

честве проявлений рефлекторной и психической деятельности стали рассматриваться внешние акты, психические состояния. Л.И. Петражицкий основную роль отводил эмоциям, в первую очередь, моральным и правовым, обладающим атрибутивным свойством. Сила эмоций состоит в том, что они детерминируют взаимодействия в социальном пространстве. П. Сорокин на основе этой научной методологии написал свои основные работы, которые обеспечили ему статус кросс-культурного ученого. В пространстве американской культуры (США) он реализовал общественный запрос на тематику, связанную с социологией и психологией социальных революций.

Позитивизм, как философско-методологическая позиция Л.И. Петражицкого, обеспечил последующую адаптацию П. Сорокина к аналитической научной среде США. Но параллельно П. Сорокин испытал еще одно значительное влияние, уводившее его в тематику метафизических размышлений о человеке, кризисе культуры, общих вопросов социальной и культурной динамики, диалоге цивилизаций. Оно связано с творчеством Н.А. Лосского. Благодаря ему, в условиях тотальной критики метафизики, П. Сорокину удалось сохранить традицию русской философии, ее стремление воспринимать мир интегрально, с позиции всего человечества, и мыслить онтологическими категориями морали и права.

Н.А. Лосский развивал положение об интуиции как целостном знании, связывающем в постижении сущности жизни разум, чувства и волю. Базовый для интуитивизма принцип «органического миропонимания» стал результатом критического отношения философа к «механическим» (материалистическим) теориям, атомизирующим, по его мнению, мир, распыляющим его на бесконечное множество не связанных между собой элементов. Для Н. Лосского же мир есть целостный и нерушимый универсум, обладающий качественно единым, самостоятельным, изнутри развивающимся, упорядочиваемым бытием.

Отсюда познание представляет собой не что иное, как поиск глубинного соотношения мировых элементов, их гармонической связи и эволюции. Познанный объект, составляющий часть внешнего мира, включается сознанием познающего субъекта непосредственно в структуру личности и поэтому понимается как существующий независимо от акта познания. Субъектом гносеологической координации, ее главным деятелем выступает личность. Роль и значение личности в познании определяется уровнем и сложностью познавательной процедуры. Возможности отдельных личностей в образовании гносеологической координации не одинаковы. Сам же принцип гносеологической координации утверждает нерасторжимость бытия и познания.

В гносеологии интуитивизма Н. Лосского новое измерение получал вопрос о времени. Отрицая идею катастрофизма, он акцентировал историческую преемственность, органическое существование прошлого в настоящем и будущем. На основе этого миропонимания в единый процесс включалось все движение мира – природное и социальное. Оно в равной степени было и натурфилософией, и культурологией. От целостности мира мыслитель шел к целостности культуры, и это, несомненно, составляет его главную философскую заслугу. Поэтому Н. Лосский этизирует космос и космизирует мораль. Для него бесконечная красота мира неотъемлема от красоты человеческого духа. Его философия упо-

добляется храму, а православная церковь трактуется как собор, в котором божество нисходит к человеку, делаясь сопричастником его радостей и страданий. В этом единении – «Царство Духа», «совершенное Добро и Красота». Н. Лосский берет эти понятия в основание своего интуитивизма и преобразует их в систему логики, этики и эстетики.

С позиций целостного органического миропонимания по-иному видится диалог цивилизаций. В этом диалоге доминирует интегральное начало. П. Сорокин его обосновывает посредством тезиса о равенстве культур по отношению друг к другу с точки зрения их взаимного развития. Иллюзия отставания каких-то из культур по отношению друг к другу проистекает из-за особенностей их мировосприятия. Субъекты цивилизаций видят друг в друге только то, что демонстрирует их собственное мировосприятие. Они не умеют сравнивать друг друга исходя из разности. Эта разность обусловлена тем, что во внимание не берется сосуществование идеациональной, сенситивной и идеалистической культур. Это непонимание разнообразия удивительно на фоне социальной и культурной мобильности, имеющей место в цивилизационных коммуникациях.

Мобильность двусторонняя, поскольку с Запада на Восток сформировался поток инновационных технологий, где он адаптируется местными властными элитами к задачам экономического роста, обороноспособности. В обратном направлении имеет место «распространение на западе религиозно-философских, этических, культурных и художественных ценностей Востока»[1]. В этом разностороннем движении важна роль герменевтики, вводящая тематику философской компаративистики в пространство интегральной культурологии.

Концептуальное ядро герменевтики было реконструировано в XX столетии европейскими философами. Являясь традиционной, столетиями существующей методологической ориентацией философии, герменевтика в качестве самостоятельного направления и статусе философской школы сложилась в конце XIX – начале XX в. Название связано с именем греческого бога Гермеса, одной из функций которого являлось толкование воли богов простым смертным. Покровительствуя торговле, Гермес также демонстрировал изощренность ума, умение переводить непонятные слова, интерпретировать смыслы. Особую популярность герменевтика приобрела в 70-е гг. XX века.

Герменевтика специализируется на разработке методологии понимания культурных смыслов. Исходная посылка – способ существования человека – закреплена в произведениях и феноменах культуры посредством знаков. Следовательно, культура представляет собой текст, который необходимо прочесть, расшифровать. Текст – это специфический объект гуманитарного знания, который отличается от объекта естественных наук. Природу можно назвать текстом лишь метафорически, поскольку природные тексты создаются и функционируют по законам, действующим вне субъективности человека. Культурный же текст создан по нормам социальной коммуникации. Успех в постижении текста природы обеспечивается профессиональной квалификацией субъекта познания. Важнейшей познавательной процедурой в получении гуманитарного знания

[1] Сорокин П. Отношение Запада и Востока – в настоящем и будущем // На темы русские и общие: сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк: Издание общества друзей русской культуры, 1965. С. 379.

выступает понимание. Понимание культурного текста предполагает овладение нормами коммуникации, по которым был создан текст, и нормами коммуникации тех эпох, в которые данный текст уже получал интерпретацию, а также нормами коммуникации, принятыми в пределах жизни современного интерпретатора. Исследователь должен погрузиться в определенную традицию, «герменевтическую арку». Таким образом, понимание становится диалогом культур, эпох, времен. Результатом понимания становится новая организация смысловых образований, присущих культуре.

Для В. Дильтея первым категориальным определением жизни, схватывающим ее энергию и образующим способ познания, является переживание – особое состояние познающего субъекта, объединяющее в себе как психологический, так и рациональный моменты. Переживание становится фундаментальной предпосылкой для понимания связи, ценности, цели и значения проявлений жизни. Процедура понимания предполагает «перенесение-себя-на-место-другого, будь то человек или произведение»[1]. Это дает возможность человеку в пределах собственной экзистенции пережить множество других жизней. Своей высшей точки понимание может достичь в произведении поэта, художника, историка, так как на данном уровне оно приобретает характер искусства понимания. Науку о нем В. Дильтей называет герменевтикой. Возникнув как искусство интерпретации, очищения и критики текстов, она постоянно совершенствовалась, как и эксперимент – основной метод естественных наук. Область применения герменевтики расширялась, и В. Дильтей связывал всю полноту ее теоретико-познавательных возможностей со знанием об историческом мире и разработкой средств к его осуществлению.

Герменевтика придает наукам о духе самостоятельность, поскольку актуализирует особые свойства объекта их исследования – внутреннего духовного мира человека, творящего царство истории и свободы среди царства природы. Этот объект подлежит, прежде всего, не овладению, а осмыслению. Конституирование наук о духе, четкая экспликация их объекта и форм его данности, по мнению В. Дильтея, возможны только с помощью философии.

Анализ историко-социальной действительности, сохранившейся в живом предании и письменной традиции, возможен только средствами теоретико-познавательного исследования исторических, практических, теоретических компонентов наук о духе. Концептуализация в гуманитарных науках должна исходить из необходимости отражения единичного, индивидуального в историко-социальной действительности, установить закономерности, цели и нормы дальнейшего развития которых может лишь мышление аналитическое, способное к абстрагированию.

Герменевтические построения П. Рикера тяготеют к феноменологической традиции. Предметом его анализа являются языки гуманитарных наук как способ трактовки человека. Большое внимание он уделяет исследованию мифов и символики. Его интересует чувственный аспект отношения человека к феноменам власти, политики, государства, труда. Так, государство он трактует как осо-

1 Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С 138.

бую волю индивида к согласию, однако в реальной политической практике индивид рискует обнаружить тяготение к насилию и тирании. Согласие и насилие – это два модуса возможностей индивида в сфере политики, примирение которых П. Рикер усматривает в регулирующем воздействии христианской этики.

В духе религиозного модернизма П. Рикер акцентирует способность христианской церкви к развитию, разрушению отживших догм и любых идеологий, неустанному поиску истины с учетом современных реалий. Персональная задача христианина – участие в судьбе мира. Необходимо хранить и обновлять культурное наследие человечества. Особое внимание уделяется традиции, исторической памяти, устремленности в будущее, свободе самовыражения индивида.

Х.-Г. Гадамер считает, что почвой исторического мышления является традиция, в которой сливаются прошлое и настоящее, а способом реализации и становления исторического сознания выступают язык, речевая ситуация, потому что человеческий опыт мира вообще имеет языковой характер. Это обретение языка проявилось уже в артикуляции логоса у греков, давшего языковое выражение строения сущего. Однако жизнь и развитие языка не только отображают строение бытия, они фиксируют также предельное состояние опыта. В этом смысле опыт конечен, он конечен в языке, и на путях языка ярче всего видно его формирование и развитие.

Язык и опыт конечны, но в них заложена бесконечность смыслового развертывания: «язык раскрывает совершенно новое измерение, измерение глубины, откуда и доходит предание до живущих в настоящем людей»[1]. Отсюда Х.-Г. Гадамер и выводит смысл и структуру герменевтического опыта: они проявляются в языковой коммуникации между современностью и преданием.

Помещая себя в традицию, человек создает исторический горизонт, однако у него уже есть собственный жизненный горизонт настоящего. Возникает проблема – как совместить горизонты настоящего и прошлого? В этой процедуре сокрыто немало трудностей. Одну из них Х.-Г. Гадамер обозначил как психологическую, суть которой заключается в том, что историческое сознание постоянно перевозбуждено, негативно или позитивно, но оно постоянно противопоставляет себя преданию, прошлому, не умея поместить его внутрь собственного становления[2].

Следовательно, традиция – это не мертвое наследие прошлого, не субстанция, а способ бытия, который мы создаем своим пониманием. Создавая традицию, историческое сознание активно и ответственно перед прошлым, ибо должно уметь поставить правильно вопрос к традиции. Историческое сознание познает истину, что история – процесс помещения себя в традицию путем совмещения исторических горизонтов прошлого и настоящего.

Таким образом, в последние столетия герменевтика развивалась весьма динамично. В исследованиях Ф. Шлейермахера она определялась еще как метод, технический прием в истолковании текстов. Целью его было полное понимание автора, всех смысловых оттенков, которые он переживал в процессе творчества.

---

[1] Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Опыт философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. С. 41.

[2] Там же.

В трудах В. Дильтея, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера есть ряд общих подходов. Во-первых, герменевтика приобретает очевидную направленность на исторический аспект жизни общества, философы поднимают проблему темпоральных, культурных и духовных разрывов в современном понимании прошлого, основным условием обращения к прошлому через настоящее является глубокая общность человеческого опыта. Во-вторых, их объединяет интенция на онтологизацию исторического сознания и самого процесса понимания.

Однако отдельные задачи у каждого мыслителя специфичны. Так, В. Дильтей стремился определить природу, закономерности и границы понимания. Э. Гуссерль как феноменолог выяснял условия возможности понимания вообще. Для М. Хайдеггера понимание выступает объективной характеристикой бытия. Х.-Г. Гадамер акцентирует момент диалога, коммуникации в культурной динамике. Анализ этой категории у него привел к трансформации герменевтики в философию гуманитарного познания.

Философская герменевтика подтвердила тот факт, что гуманитарные исследования предполагают обязательную методологическую интерпретацию, включенную во временную протяженность, поскольку ученый строит свою поисковую программу, ориентируясь на определенную современную парадигму. П. Сорокину для целей реализации программы интегральной культурологии и интегральной личности более близкой была герменевтика, созданная отечественными мыслителями в контексте диалога России с Европой. Герменевтику разрабатывали П. Чаадаев, Н. Данилевский, Н. Бердяев, Н. Лосский. Суть ее заключалась в онтологическом восприятии России как самобытной сущности, породившей феномен вопрошания о судьбах человечества и исторической судьбе самой России. Это вопрошание и стремление понять исторический процесс осуществляется через ценности ответственности за моральный статус человечества. Находившийся многие годы в США П. Сорокин так и не смог абстрагироваться от этой интеллектуальной ментальности. Для него Россия осталась той системой координат, которая определила не только формирование его как ученого и мыслителя, но и достижения в области кросс-культурной методологии в научных исследованиях структуры, динамики и диалога цивилизаций.

Д.В. Миронов,
канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии,
факультет социологии
Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ ПИТИРИМА СОРОКИНА: РУССКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА

В статье дается характеристика вклада, который П. Сорокин внес в развитие российской социальной антропологии (этнографии), что делается на основе краткого анализа ряда его статей по этнографической проблематике. Автор высказывает мнение, что формирование П. Сорокина как ученого социолога-практика, нацеленного на решение конкретных проблем общества, стало возможным во многом благодаря опыту проведения социально-антропологических и этнографических исследований в начале его научной карьеры.

Ключевые слова: *история социальной антропологии, история социологии, этнографические исследования, Питирим Сорокин, зыряне (коми).*

Питирим Сорокин в русский период своего научного творчества проявлял особый интерес к изучению материальной и духовной культуры народов Коми. В одной из своих ранних работ[1] он, в частности, отметил, что интересуется этим как этнограф. Для мировой и российской научной общественности П. Сорокин известен, прежде всего, как социолог, и его исследования по этнографии и социальной антропологии практически не попадали в поле зрения, как историков социологии, так и этнографии. Задача данной статьи заключается в проведении первичного анализа его этнографических и отчасти социально-антропологических исследований, для того чтобы установить, какое место они занимают в его наследии.

Прежде чем переходить непосредственно к работам самого П. Сорокина, хотелось бы сделать несколько замечаний по поводу развития этнографических знаний в России. Этнография к началу XX века обрела черты самостоятельной научной дисциплины и, в отличие от той же социологии, была достаточно институционализированной, в частности, уже с момента основания Русского географического общества в 1845 г. среди его четырех отделений особо выделалось своей активной исследовательской деятельностью отделение этнографии, которое в разное время возглавляли видные этнографы и антропологи России (К.М. Бэр, Н.И. Надеждин и др.). Такое планомерное развитие этнографии во многом было объяснимо интересом, проявляемым к ней со стороны государства. Надо отметить, что государство, начиная с эпохи Великих экспедиций XVIII в., часто выступало организатором комплексных исследований отдельных территорий империи, и среди поставленных в рамках таких исследований задач были и задачи по описанию быта, промыслов, религиозных воззрений и

[1] П. Сорокин. Грезы севера // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы / сост., вступ. ст. В.В. Сапова, коммент. В.В. Сапова и С.Н. Казакова. – СПб.: Изд. дом «Міръ», 2014. С. 62.

пр. автохтонных народов. В начале XX века такие исследования стали носить более отчетливый прикладной характер, что было связано с переселением крестьян из Европейской части России в Сибирь и другие малоосвоенные регионы: необходимо было иметь четкое представление о качестве земель, климате, уровне развития и, что важно, уровне жизни и потребностях местного населения. Колонизация пустующих земель, таким образом, стала государственной политикой, цель которой заключалась в минимизации социально-политических и социально-экономических последствий нехватки земель в Европейской России. В одной из таких экспедиций под руководством К.Ф. Жакова участвовал и сам П. Сорокин, кроме того он писал по поводу них критические обзоры, о чем еще пойдет речь ниже.

Этнографическими исследованиями, в силу их специфики, занимались не только профессиональные этнографы, но и любители, местные энтузиасты. Как раз в этот период довольно сильное развитие получило краеведческое движение, которое начало формироваться еще в середине XIX века с подачи того же отделения этнографии Русского географического общества[1]. Деятельность таких исследователей способствовала интенсивному накоплению эмпирических материалов и имела поддержку со стороны профессионалов, поскольку здесь было понимание того, что силами научного сообщества невозможно охватить все пределы России. Немаловажный вклад в исследования народов Российской империи внесли и политические ссыльные, многие из которых существенно дополнили знания об отдельных народах Европейского Севера России, Сибири, Дальнего Востока (например, В. Серошевский об якутах, Д.А. Клеменц о бурятах и др.). Таким образом, в какой-то момент этнографические исследования отечества стали сродни социально-просветительскому движению, результатом которого стало повышение уровня осведомленности рядовых граждан России о духовной и материальной культуре народов, проживающих в пределах Российской империи.

На первый взгляд, кажется, что этнографические работы П. Сорокина следует рассматривать именно в таком, социально-просветительском, ключе, а не чисто научном. Интерес к быту и культуре зырян возникает у него в тот период, когда планы на построение научной карьеры еще не обрели четких очертаний. Будучи выходцем из народа, он имел возможность непосредственно наблюдать за жизнью людей в совершенно различных ситуациях, будь то сбор урожая, свадебные церемонии или похоронные процессии, да и в будничных делах он замечал многое, что потом использовалось им в этнографических очерках. Поэтому не случайно, что одни из первых публикаций П. Сорокина, появившиеся в 1910 году, касались этнографической проблематики. Однако данные публикации не были просто обзорами или заметками на злобу дня, в них уже прослеживалась определенная научная позиция, хотя о системе взглядов, конечно же, еще рано было говорить. Таким образом, можно сказать, что первые научные публикации П. Сорокина были по этнографии и социальной антропологии.

[1] См. Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). – М.: Наука, 1966. С. 216.

Почему же этнография на начальном этапе научной деятельности П. Сорокина вышла на передний план? На наш взгляд, здесь есть одно объяснение. П. Сорокин был деятельной натурой, уже в годы обучения в Хреновской учительской семинарии выработал для себя некоторые принципы и отношения к происходящему в обществе. Чтобы свои принципы каким-то образом реализовать, необходимо было участие в происходящих в обществе процессах. Только лишь теоретические изыскания не могли утолить жажду деятельности, нужны были конкретные действия, которые бы могли повлиять на происходящие события.

Этнографические изыскания по поводу зырян (коми), как нам кажется, П. Сорокин рассматривал в качестве инструмента, который бы мог поспособствовать изменениям в жизни этого народа. Тем более он понимал, что традиционный уклад жизни уходит в прошлое. В связи с этим своей задачей он мог видеть, с одной стороны, обязанность зафиксировать этнографическую информацию о повседневной жизни зырян, об их социальной структуре, о материальной и духовной культуре, с другой стороны, для него было важно участвовать в процессах, ведущих к переменам в жизни этого народа. Это можно было сделать, участвуя в этнографических экспедициях, а также отслеживая результаты других экспедиций, поскольку рекомендации государственным органам власти по их итогам могли стать реальным инструментом социальной политики в обследуемом регионе. Таким образом, П. Сорокин изначально встал на позиции ученого-практика. Публикация критических обзоров подобно тому, что изложен в статье «Колонизационные вожделения» (1910), и результатов собственных наблюдений и исследований могло вселить в молодого П. Сорокина уверенность, что он не находится в стороне от происходящего, и, в итоге, эта публикационная деятельность стала его трамплином в зрелую научную и политическую жизнь.

При определении того, какие работы П. Сорокина можно отнести к социально-антропологическим или этнографическим, необходимо сделать некоторые пояснения по поводу синонимичности в контексте нашей статьи терминов «этнографический» и «социально-антропологический». Безусловно, сегодня между этнографией и социальной антропологией признается разница, как в объекте, так и в предмете изучения. Однако к началу XX в. в российской науке сложились свои представления по поводу того, какая предметная сфера соотносится с этнографией, а какая с антропологией. Нужно принимать во внимание и тот факт, что сам термин «социальная антропология» был введен в широкий научный оборот Дж. Фрезером только в 1908 году[1]. Под антропологией в России понималась, прежде всего, физическая антропология. Русская же этнография занималась не только описанием и сбором информации, но и теоретическими обобщениями, что как раз соотносится с задачами социальной антропологии (или иногда с этнологией). Таким образом, говоря о социально-антропологическом наследии П. Сорокина, мы в большей степени экстраполируем в прошлое нынешнее понимание ситуации, сложившейся в современной этнографии и социальной антропологии.

[1]Frazer J. G. The scope of social anthropology; a lecture delivered before the University of Liverpool, May 14th, 1908. London, 1908.

К этнографическим и социально-антропологическим работам можно отнести ряд статей, опубликованных П. Сорокиным в 1910-1917 гг.: «Пережитки анимизма у зырян» (1910), «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян» (1911), «Современные зыряне» (1911), «Брак в старину» (1913), «К вопросу о первобытных религиозных верованиях у зырян» (1917). Были также статьи, посвященные критическому анализу деятельности отдельных экспедиций: «Колонизационные вожделения» (1910), «Печорская экспедиция и колонизация Зырянского края» (1911). Данный перечень, можно считать исчерпывающим, поскольку по приведенным здесь статьям можно сформировать целостное представление о содержании и направленности социально-антропологических изысканий П. Сорокина.

Главным объектом этнографических исследований П. Сорокина выступают зыряне или, как этот народ именуют сегодня, коми, причем, предваряя статью «Современные зыряне», он делает специальное замечание: «я буду говорить только о зырянах, в тесном смысле этого слова, следовательно, пермяки, близкие к зырянам, совершенно мной исключаются»[1]. Такое принципиальное выделение во многом обусловлено личным интересом самого П. Сорокина, а также тем, что в эмпирический материал, так сказать, он был погружен со времен своего детства. При этом следует отметить глубокую осведомленность по поводу истории, современного положения и этнографии других народов, проживающих в том же регионе. Такие обширные знания были несомненным преимуществом при проведении сравнительного этнографического анализа.

Что касается основного предмета исследований, то здесь также складывается довольно ясная картина, поскольку в качестве такового выступают традиционные для этнографии и социальной антропологии того периода темы: анимизм, религиозные верования и представления, брачные обряды и обычаи и др. В своих исследованиях на материале зырян П. Сорокин смог обобщить достаточное количество интересных фактов по данной проблематике, причем сбор этих фактов сопровождался критическим анализом работ, написанных на подобную же тему другими авторами. Таким образом, несмотря на то, что П. Сорокин только вступал на научную стезю, он обладал уже хорошими навыками ведения аргументированной научной полемики.

В теоретико-методологическом плане, при написании указанных выше работ, П. Сорокин в целом следовал в русле позитивистской парадигмы. Позитивизм, несмотря на то, что в период написания статей он уже подвергался достаточно сильной критике со стороны своих главных оппонентов в лице неокантианцев, по-прежнему был привлекателен особенно для молодых социологов в силу того, что обещал в рамках социальных наук воплотить объективность естествознания. Позднее П. Сорокин пересмотрел свои взгляды, но на данном этапе приверженность позитивистской методологии способствовала выработке у него строго научного стиля мышления и подхода к изучаемым явлениям.

В этнографии и социальной антропологии начала XX века позитивизм скорее выступал общим методологическим фоном для проводимых исследова-

[1] Сорокин П.А. Современные зыряне // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы / сост., вступ. ст. В.В. Сапова, коммент. В.В. Сапова и С.Н. Казакова. –СПб.: Изд. дом «Міръ», 2014. С. 206.

ний. Главным же теоретическим направлением или даже парадигмой для этих научных дисциплин оставался эволюционизм. В своих первых статьях П. Сорокин, несмотря на то, что он был явным новичком в написании научных работ, показал хорошее знание эволюционистской теории и характерной для нее методологии, основой которой был сравнительно-исторический метод и метод пережитков. Как уже отмечалось выше, обладая хорошими знаниями этнографического материала не только из вторичных источников, но и из собственных эмпирических наблюдений, П. Сорокин смог вполне воспользоваться данными методами, и в этом было его главное преимущество перед так называемыми «кабинетными» антропологами-эволюционистами.

Используя при изучении конкретных социальных явлений из жизни зырян отдельные антропологические теории, П. Сорокин не спешит с ними сразу соглашаться, напротив, погружаясь в конкретный эмпирический материал, он стремится осуществить их проверку. Так при рассмотрении форм брака и семейных отношений у современных зырян[1] он проводит комплексную верификацию теории матриархата, используя также метод пережитков. Конечно, он приходит к заключению о состоятельности данной теории и неправоте сторонников патриархата, однако здесь в большей степени интересны не сами выводы, а пути их достижения. П. Сорокин производит группировку отдельных явлений из брачного и семейного поведения зырян, вычленяет их них те явления, которые исконно встречаются именно у зырян, а не являются привнесенными извне, использует отдельные исторические справки, итогом становится подтверждение гипотезы, что для зырян матриархат был характерен еще в недавнем прошлом, а отдельные его элементы, как, например, то, что при определенных обстоятельствах муж, переходя жить в семью родителей жены, берет ее фамилию[2], сохранились и на момент проведения исследования.

Теоретические обобщения, встречающиеся в упомянутых выше статьях, на наш взгляд, для П. Сорокина скорее имеют второстепенное значение. Главная его задача заключалась в научном представлении разрозненных фактов из жизни зырян, причем это научное представление заключается в упорядочивании и классификации таких фактов.

С этой точки зрения довольно показательной является работа «Современные зыряне» (1911). Она представляет собой законченный научный труд, который может быть интересен как современному этнографу, так и социальному антропологу, последнему даже в большей степени. Материал подается в соответствии с четким планом: сначала дается картина расселения современных зырян с использованием картографического материала, затем следует информация о материальной культуре зырян (о жилище, одежде, утвари, пище), далее приводятся сведения об их хозяйственной деятельности и возникающих на этой поч-

[1] Сорокин П.А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы / сост., вступ. ст. В.В. Сапова, коммент. В.В. Сапова и С.Н. Казакова. – СПб.: Изд. дом «Міръ», 2014.

[2] Там же. С. 105.

ве социальных отношениях, как, например, общинное землепользование[1]. В условно второй части работы речь идет о социальных отношениях и духовной культуре зырян. Такой план подачи этнографического материала и до сих пор не потерял актуальности. Встречающиеся по ходу исследования обобщения и рекомендации свидетельствуют в пользу того, что П. Сорокин рассматривал данную работу скорее как прикладную, а не сугубо теоретическую, поскольку, выдавая на основе собранной информации и проведенных интервью рекомендации, он рассчитывал, что они будут услышаны соответствующими уполномоченными лицами или органами управления (например, рекомендации по ведению лесного промысла[2]).

В заключении хотелось бы отметить, что использование этнографического материала для верификации теорий было общим трендом не только для социальной антропологии, в рамках которой эта процедура является неотъемлемой частью исследовательского процесса, но для других социальных наук, в частности, социологии и социальной психологии. Социально-антропологические (или этнографические) опыты П. Сорокина ограничиваются русским периодом его творчества. В дальнейшем интересы его лежали в другой плоскости, хотя этнографические сведения в качестве иллюстративного материала широко использовались им в теоретических работах по социологии. Именно социология стала той областью научного знания, в которой П. Сорокин получил мировое признание, но путь к этому признанию начался с этнографии родного края.

В.Н. Петров,
д-р социол. наук, профессор кафедры социологии
Кубанский государственный университет

ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.А. СОРОКИНА

Статья тематически ориентирована на изучение богатейшего творческого наследия российско-американского социолога – Питирима Александровича Сорокина. В качестве конкретного направления исследовательского внимания определена теория кризисов в ее приложении к социальным явлениям и процессам. Рассмотрены методологические посылки сорокинской парадигмы интегрализма, раскрыты общетеоретические компоненты теории кризисов, показаны структурные и процессуальные характеристики этого явления в работах П.А. Сорокина. Конкретное проявление кризисных явлений, их глубина и разрушительная сила, переход в катастрофы и дальнейший выход социокультурной системы в новое состояние изучены на материале широкомасштабных теоретических построений и доказательных фактических данных в основопо-

[1] Сорокин П.А. Современные зыряне // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910-1914 годы / сост., вступ. ст. В.В. Сапова, коммент. В.В. Сапова и С.Н. Казакова. – СПб.: Изд. дом «Міръ», 2014. С. 219.
[2] Там же. С. 227.

лагающих научных работах П.А. Сорокина «Социокультурная динамика», «Социология революции», «Долгий путь».

Ключевые слова: *Питирим Александрович Сорокин, творческое наследие, теория кризисов, социокультурная динамика, социология революции.*

П.А. Сорокин, наш знаменитый соотечественник, страстный публичный социолог, блестящий ученый и организатор науки, великий мыслитель и пророк XX века оставил богатейшее творческое наследие в виде оригинальных теоретических концептов. По отношению к нему сложилось пристальное и уважительное исследовательское внимание со стороны научной общественности в США. Ведь здесь он достиг апогея своей научной деятельности, есть его преданные ученики и последователи. В 1990-е годы стало возможным широкое распространение творческого наследия П.А. Сорокина в современной России, что вызвало несомненный научно-исследовательский интерес российских ученых. В проведенных ими разработках затронут очень широкий круг вопросов, имеющих концептуальное значение в творческом наследии П.А. Сорокина. По некоторым из них написаны монографии и статьи, защищены диссертации. В данной статье предлагается исследовать одно из неисчерпаемого разнообразия творческих идей и достаточно всесторонне разработанных направлений научной социологической мысли П.А. Сорокина – теорию социальных кризисов.

Общие положения теории кризисов П.А. Сорокина

В познании всего сущего П.А. Сорокиным определен собственный путь, в котором органично и по принципу взаимодополнения соединены рациональность, чувства и вера. Сорокин был убежден, что в познавательном процессе, его результатом может быть открытие различных видов истин: иррациональная, рациональная и чувственная[1]. Однако полное представление об объекте и предмете научного социального исследования может быть получено при соединении и сочетании способов и соответствующих им инструментов, характерных для иррационального (интуитивного), рационального (логического) и чувственного (эмпирического) познания. Именно это соединение позволило ему выработать уникальную, парадигмального значения, методологию интегрализма и осуществить глубокую теоретическую и эмпирическую проработку многих новаторских концептуальных идей.

Путь к этому был вовсе непрост. Он проходил через мировоззренческий кризис в теориях самого Сорокина, его «творческой эволюции» от позитивизма и бихевиоризма к интегрализму.

Важное методологическое значение для исследований П.А. Сорокина имеет теория факторов, среди которых, по его мнению, нет необходимости выделять главные и неглавные[2].

Социальный кризис рассматривается П.А. Сорокиным как появление и развитие различных деформаций социальных явлений, их состояний и процес-

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М: Астрель, 2006. С. 73.
[2] Там же.

суальных изменений. Сами по себе деформации – искажение и утрата, частичная или полная, заданных социальных свойств и качеств. Они могут быть поняты как нарушение и отклонение от сложившегося и устоявшегося причинного порядка. Деформации происходят на уровне личностей, групп и общностей людей, в социально-институциональном пространстве, экономике, политике, в социокультурной сфере. Деформации социальной реальности происходят в рамках и становятся характеристикой определенного социального времени.

Исследуя современную ему общественную ситуацию в региональном, страновом и глобальном масштабе, П.А. Сорокин указывает на бесконечное многообразие непрекращающихся больших и малых кризисов. Кризисы политические, аграрные, финансовые, промышленные. Кризисы производства и распределения. Кризисы моральные и религиозные. Кризисы в науке и искусстве. Кризисы собственности, государства, семьи, предпринимательства, республики и монархии, автократии и демократии, диктатуры и самоуправления, капитализма и социализма, фашизма и коммунизма, национализма и интернационализма, пацифизма и милитаризма, консерватизма и радикализма. Кризис всей системы ценностей нашей культуры. «Каждый из этих кризисов являл собой, так сказать, часть большой ужасающей симфонии, и каждый был замечателен своей силой и интенсивностью»[1].

С присущей ему литературно-художественной образностью П.А. Сорокин вводит понятие «кризисные фестивали», указывает на их оркестры и хоры. Этот фестиваль, считал он, в 20-м веке начался с 400-млн. китайского оркестра в 1911 г., затем продолжился кризисами режимов и стран в Европе, с конца 1929 г. разразился в США. Оглушительный военный марш был исполнен духовым оркестром из многих сот наций в первой мировой войне. Не успел еще закончится этот фестиваль, как русский оркестр в составе почти 160 миллионов виртуозов разыграл свою собственную вариацию под названием «коммунистическая революция».

В кризисных галаконцертах их мелодика и последовательность подчинены всем правилам исполнения музыкального произведения: начинаются они pianissimo и далее по нарастающей moderatto, staccatto, fortissimo.

Совокупность кризисных явлений, достигших пика своей разрушительной силы, квалифицируется П.А. Сорокиным как катастрофа. Говоря о политическом кризисе июля 1917 г. в России, он обращает внимание на его катастрофические последствия, предопределенные идеологией большевизма: довести революцию до конца – разрушая все до основания. Революция 1917 г. – это катастрофа, вызвавшая обрушение всего общественного здания. Она стала хирургическим разрешением социальных противоречий, в отличие от возможности терапевтического пути[2].

Вместе с тем, общественные кризисы и происходящие в результате их разрушительной силы катастрофы не являют собой конец истории ни человечества в целом, ни его отдельных общностей и групп. Кризисы представляют собой

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М: Астрель, 2006. С 787.

[2] Сорокин П.А. Долгий путь: автобиографический роман. – Сыктывкар: Шыпас, 1991. С. 98.

особые переходные состояния социальной реальности, в которых резко проявляется острота противоречий между отжившим и уходящим, отмирающим старым и становящемся новым, а также противоречий в самом становящемся новом.

Выход же из кризиса, как полагал П.А. Сорокин, может произойти через катарсис. «Западному обществу, очищенному огнем пережитой катастрофы, будет ниспослана благодать (харизма), а вместе с ней – воскрешение и высвобождение новых творческих сил»[1].

Общественный кризис в процессах флуктуации базовых ценностей культурных суперсистем

Одной из центральных проблем научного внимания П.А. Сорокина стала теоретическая разработка теории флуктуации определенных состояний культуры. На огромном историческом и современном фактическом материале он детальнейшим образом исследовал, типологизировал и классифицировал содержание и формы культурной ментальности. Отвергая линейный подход в исследовании социальных явлений и процессов, на множестве конкретных фактов и примеров он доказал, что флуктуация культур – это исторический процесс, в котором происходит утверждение, распространение и практическая реализация выделенных им типов культуры (чувственная, идеациональная и промежуточная им идеалистическая). Каждая из культур в своих ареалах распространения образует суперсистемы с господствующей системой ценностей. Каждая из них во множестве разновидностей представляет собой комплекс ментальных особенностей в восприятии действительного и трансцендентного миров и его отображение в отношениях с ними. В каждом из них происходит акцентирование действий на соответствующем, специфическом, виде и способах деятельности.

Смена состояний флуктуационной синусоиды, процессы перехода от одного к другому неизбежно находят свое выражение в совокупности явлений, свидетельствующих о кризисе уходящей культуры и трудностях становления и утверждения идущей на смену. В представляемом материале остановимся на двух аспектах теории общественного кризиса П.А. Сорокина: кризис как необходимость разрешения противоречия между чувственной и идеациональной ценностными системами; социальная революция как кризисное явление и процесс.

Приоритетное положение в системе объяснений существа культуры П.А. Сорокин отводил «культурной ментальности» – сфере внутреннего опыта, включающей разум, ценности и смысл[2]. Он постоянно напоминал, что определяющее влияние на формирование и существование базовых ценностей культурной ментальности идеационального и идеалистического вида оказывают религиозные учения. Связывая созидательный альтруизм (Любовь) с идеациональной культурой, ученый подчеркивал: «Если на один момент мы представим христианство устраненным из исторической жизни, социальных институтов и

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М: Астрель, 2006. С. 884.
[2] Там же. С. 56.

культуры Запада; конфуцианство, даосизм и буддизм – из жизни и культуры Китая; индуизм, буддизм и джайнизм из социокультурного универсума Индии – только хаотическая масса развалин останется от культуры, социальных институтов и исторической жизни этих стран. Без этико-религиозных систем вся история становится непонятной»[1].

В теории П.А. Сорокина, кризис, переживаемый в современную ему эпоху, практически почти глобального масштаба – это «кризис чувственной культуры, которая господствовала в западном мире в течение последних пяти столетий и ныне достигла до состояния перезрелости. Вместе с ним это кризис тесно связанного с ней договорного (капиталистического) общества»[2]. Обосновывая противоречия, порожденные чувственной культурой, как источник современного кризиса, П.А. Сорокин, тем не менее, подчеркивал, что его теория «не предрекает ни неизбежной смерти, ни упадка западной культуры и общества. Признавая закат нынешней чувственной фазы и вероятность мучительного перехода, она вместе с тем показывает и возможность рождения новой величественной идеациональной или идеалистической культуры, нового общества и человека»[3].

Социальная революция как самое яркое проявление общественного кризиса

П.А. Сорокин вскрыл глубокие имманентные причины напряжений в общественной системе, вызывающие возникновение малых и больших кризисов, как то: социального беспокойства, волнений и революций. В самом общем виде – это специфическое состояние социокультурной структуры отношений и ценностей. «Поскольку рано или поздно, в силу изменения присущего всякой социокультурной системе, любая система неизбежно приходит в расстройство, «увядает» и разрушается, социокультурный строй всякого общества должен переживать переходные периоды и заодно испытывать нарастающие волны беспорядков»[4]. Теория социальной революции П.А. Сорокина, основанная на огромном историческом фактическом материале, подкрепленная конкретными доказательными примерами, включает несколько ключевых положений. Основное место среди них занимают: а) указание на факторы, выступающие в качестве причин революции (ущемленные «инстинкты» – социальные потребности); в) трактовка субъекта революции (представители средних социальных слоев – «головастики»); с) представление о контрсубъекте революции (аристократия и власть).

Рассматривая в целом революцию как кризисный процесс он выделяет в ней несколько фаз: предреволюционную, непосредственно революционную и постреволюционную. На каждом из указанных этапов действуют свои, обуславливающие революционное движение факторы и условия, свои особенности развертывания кризиса.

Первым и основным комплексом признаков, свидетельствующих о надвигающемся революционном кризисе, по убеждению Сорокина, становится обще-

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М: Астрель, 2006. С. 251
[2] Там же. С. 786
[3] Там же. С. 793
[4] Там же. С. 762.

ственное состояние, в котором со все большей силой проявляются ущемленные «рефлексы» (они тождественны социальным потребностям). К таковым Сорокин относит: потребность питания (или пищевые рефлексы) значительной части населения; рефлексы индивидуального самосохранения; рефлексы группового самосохранения; потребность в жилище, одежде, тепле: рефлексы половые; инстинкты собственности; инстинкты самоуважения и собственного достоинства, инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и приключений, «рефлексы свободы»[1].

Обострение лишений в виде ущемленных инстинктов составляет содержание предактивной фазы революции. Возросшее давление ущемленных рефлексов (инстинктов, социальных потребностей) переводит ее в фазу действий. «1) Рост ущемленных главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов – таковы необходимые и достаточные условия наступления революций»[2].

Кризисное состояние в области удовлетворения потребностей может перейти в фазу активной революции при наличии ее субъекта, то есть сил, способных совершить решительные действия. Под таковыми Сорокин понимает достаточно развитый слой представителей среднего класса, у которых, по его мнению, сформировалась способность и готовность управлять. Однако в существующей системе власти, в силу искусственно закрытых каналов вертикальной социальной мобильности, путь наверх им закрыт закостеневшей элитой. Сорокин именует таких представителей «головастиками»[3].

Еще одни комплекс факторов, создающих революционный кризис, – состояние правящей элиты и представляемой ею власти. «Предреволюционные эпохи, – констатировал П.А. Сорокин, – просто поражают бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев, не способных успешно выполнять ни функции власти, ни противопоставить силе силу, ни разделить и ослабить оппозицию, ни уменьшить ущемление, ни канализировать его в формах, отличных от революции»[4].

Итак, основная проблема кризиса, переживаемого современными модернизированными обществами, заключается в следующем выводе ученого: «Человечество должно быть благодарно чувственной культуре за ее замечательные достижения. Но теперь, когда она пребывает в агонии, когда ее продукт – это скорее отравляющий газ, чем свежий воздух, когда, благодаря своим достижениям, она вручила человеку ужасающую власть над природой, обществом и культурой, не обеспечив его при этом ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами, инстинктами, – теперь в руках такого че-

[1] Сорокин П.А. Социология революции. М.: Астрель, 2008. С. 309-310.
[2] Там же. С. 312.
[3] Там же. С. 386.
[4] Там же. С. 380.

ловека со всеми достижениями ее науки и техники, она становится чрезвычайно опасной и для самого человека и для всех его ценностей»[1].

Теория кризисов П.А. Сорокина может быть определена как наука и провидение-предвиденье.

Ученый-пророк предрекал: наступление царства умственной, моральной, эстетической и социальной анархии; нарастание атомизации чувственных ценностей; падение значения «общественного мнения» и «мирового сознания»; утрату в договорах и соглашениях остатков обязывающей власти; превращение грубой силы в право и как результат этого масштабные социальные конфликты, потрясения и катастрофы; вырождение свободы и превращение ее в миф, лишение неотъемлемых прав; кратковременные правительства создадут условия для замены: бомбы вместо хлеба, смерть вместо свободы, насилие вместо закона, разрушение вместо созидания; продолжение распада семьи; превращение чувственной суперсистемы культуры в базар, где она станет «местом культурного демпинга»; место настоящих мыслителей и ученых займут посредственности, одна вульгарнее другой; количественная гигантомания вытеснит качественную утонченность; мышление заменится «поиском информации»; величайшие культурные ценности прошлого подвергнутся унижению; творческие способности чувственной ментальности станут убывать; уменьшится безопасность жизни и имущества; произойдет раскол среди населения на гедонистов и аскетов и стоиков[2].

Надежду на выход из общественного кризиса П.А. Сорокин связывал с новым человеком, носителем идеациональной и идеалистической культур, которому «можно будет доверить то стоящее, что создано чувственной культурой. При современном уровне развития техники он сумел бы построить культуру и общество менее бедное и несчастное, не знающее ни личной ни сословной ненависти, более благородное, справедливое, человечное и более благочестивое, чем наше чувственное общество в его нынешней фазе»[3]. Правда, при этом в сорокинской теории остается без ответа вопрос: как в процессе катарсиса явится миру и станет доминирующим в нем этот новый человек.

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. С. 880–883.
[2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. С. 880–883.
[3] Там же. С. 794.

В.С. Русанова,
аспирант
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

П.А. СОРОКИН – Е.Д. КУСКОВА: О ЧЕМ ОНИ ДИСКУТИРОВАЛИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.*

В статье анализируется взгляд П.А. Сорокина на одну из проблем развития системы образования в РСФСР, а также освещается дискуссия, возникшая между социологом и Е.Д. Кусковой в начале 1920-х гг.

Ключевые слова: *П.А. Сорокин, Е.Д. Кускова, «Воля России», высшая школа, народное просвещение*.

23 сентября 1922 г. социолог Питирим Александрович Сорокин навсегда покинул территорию России, так и не приняв идеологию большевизма. Задержавшись на несколько дней в Германии, семья Сорокиных переехала в один из центров русской эмиграции начала 1920-х гг. – Прагу. Здесь ученый продолжил свою преподавательскую и публицистическую деятельность. Он сотрудничал с рядом эмигрантских газет и журналов, в перечне которых мы обнаруживаем «Волю России». Коротко об этом издании.

«Воля России» – журнал, основанный в Праге эсерами, группировавшимися вокруг А.Ф. Керенского. Изначально (1921 г.) «Воля России» была ежедневной газетой, с середины 1922 г. – еженедельник, с конца 1922 г. выходила 2 раза в месяц, а с 1924 г. – ежемесячник. К концу 1922 г. «Воля России» стала печатным органом левого крыла партии социалистов-революционеров. Редакторами журнала были В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин (с 1924 г. в редколлегию журнала вошел Е.А. Сталинский)[1]. Примечательно, что двое из перечисленных редакторов (В.И. Лебедев и Е.А. Сталинский) были хорошо знакомы П.А. Сорокину. Их связывала работа в редакции издававшейся в 1917 г. в Петрограде литературно-политической газеты «Воля народа». В ней было опубликовано более 120-ти статей, принадлежащих перу Питирима Александровича. На сегодняшний день большинство их опубликовано и доступно читателю[2]. Поиск «Заметок социолога», как была озаглавлена значительная часть статьей П.А. Сорокина, продолжается.

Как и большинство ученых, мыслителей, философов, эмигрировавших из РСФСР в Европу в 1920-е гг., Сорокин зорко следил за развитием только создававшегося Советского государства. Его волновало множество проблем из жизни советского общества, обострившихся в условиях Гражданской войны. Переполнявшие социолога размышления на этот счет нашли отражение в нескольких работах ученого, в том числе в журнальных статьях. Так в четвертом и пя-

* Статья подготовлена под руководством д.и.н., профессора В.П. Золотарева

[1] Толстой И. Воля России // Звезда. № 8. 1990. С. 206.

[2] Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.; Сорокин П.А. Неизвестные газетные статьи 1917 г. – М.: Изд-во «Перо», 2016. 156 с.

том номерах «Воли России» за 1922 г. редакцией была размещена статья Питирима Александровича «Нравственное и умственное состояние современной России»[1]. Проблемы, поднимаемые им в указанной статье, разнообразны. Перечислим наиболее крупные из них: 1) влияние войны и революции на формирование и деформацию морально-нравственного компонента психологии человека; 2) условия жизни советских граждан; 3) организация учебной и научной деятельности в стране Советской властью. Ограничиваясь рамками заявленной статьи, мы сосредоточим внимание на проблеме народного просвещения (в частности, развитии высшей школы), взгляд на которую социолог изложил во второй части своего очерка.

Вопрос о состоянии народного просвещения звучит сегодня не менее актуально, чем почти столетие назад. Однако как сегодня, так и тогда, оценки действий власти в этом направлении встречаются различные. Сходятся они лишь в критических замечаниях в отношении содержания образования, приемов и методов организации учебно-воспитательного процесса в первые годы власти большевиков тогда и игнорировании наработанного советской школой опыта сегодня. Дискуссии по данной проблематике время от времени возникали и продолжают возникать в узких научных кругах, отражаясь в научной, общественно-политической периодике. Один из таких споров развернулся на страницах «Воли России» между Питиримом Александровичем Сорокиным и Екатериной Дмитриевной Кусковой в 1922-1923 гг. И если имя Сорокина участникам конференции хорошо известно, то о Е.Д. Кусковой, полагаем, стоит сказать несколько слов.

Екатерина Дмитриевна Кускова (Прокопович) родилась в Уфе в 1869 г. Начальное образование получила в Саратовской женской гимназии, после окончания которой, в возрасте 16 лет, вышла замуж за одного из гимназических учителей[2]. Вскоре после замужества осталась вдовой. В Саратове входила в молодежный народнический кружок Н.М. Астырева, за что была осуждена и выслана в Нижний Новгород. Там познакомилась с С.Н. Прокоповичем и вскоре вышла за него замуж[3]**.** В 1887 г. супруги вступили в «Союз русских социал-демократов за границей», однако в 1898 г. по требованию Г.В. Плеханова Е.Д. Кускова была из «Союза» исключена[4]. В 1899 г. Е.Д. Кускова составила платформу социал-демократического «экономизма». Документ получил известность в марксистских кружках под названием «Кредо». Он вызвал резкий протест со

[1] Сорокин П.А. Нравственное и умственное состояние современной России. 1. Морально-правовые изменения // Воля России. № 4 (32). 1922. С. 25-33.; Сорокин П.А. Нравственное и умственное состояние современной России. 2. Народное просвещение и наука // Воля России. 1922. № 5 (33). С. 21-32.

[2]Кускова Екатерина Дмитриевна // Биографический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/101343 (дата обращения: 23.08. 2016)

[3]Кускова Екатерина Дмитриевна // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. – М.: БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 1993. С. 173.

[4] Кускова Е. Д. // Революция и Гражданская война в России 1917-1923. Энциклопедия: в 4 т. Т.2. – М.: ТЕРРА, 2008. С. 438.

стороны В.И. Ленина и группы русских марксистов[1]. В 1905 г. заочно была избрана в ЦК партии кадетов, но в партию вступить отказалась[2]. После Февральской революции Е.Д. Кускова установила связь с А.Ф. Керенским, которая окрепла, когда в июле 1917 г. в состав Временного правительства вошел С.Н. Прокопович[3]. С апреля этого же года в Москве Е.Д. Кускова организовала издание социал-демократической газеты «Власть Народа». Октябрьскую революцию не поддержала и после свержения Временного правительства проживала в Москве. Не примкнула ни к какой из борющихся сторон и выступала за прекращение гражданской войны. В 1921 г. Е.Д. Кускова являлась активным деятелем «Всероссийского комитета помощи голодающим»[4]. В 1922 г. вместе с мужем выслана за границу. Проживала в Праге, затем в Женеве. Активно сотрудничала с эмигрантскими печатными изданиями[5]. Такова вкратце канва жизни Е.Д. Кусковой. Однако надобно вернуться к Сорокину.

Его статья в «Воли России», по всей видимости, вызвала в среде русских эмигрантов резонанс. Несогласие с рядом выводов и оценок, сделанных социологом, кроме Е.Д. Кусковой выразил публицист и писатель А.Б. Петрищев, опубликовав свои размышления в газете «Дни»[6], а также члены редакции самого журнала[7]. Обратимся же к текстам статей оппонентов П.А. Сорокина.

Вторая часть «Нравственного и умственного состояния современной России», как уже было отмечено выше, посвящена состоянию народного просвещения и науки в РСФСР. Приводя данные из «Статистического Ежегодника» за 1919-1920 гг. о численности учебных заведений всех ступеней в стране, количестве библиотек, изб-читален, народных домов, музеев, П.А. Сорокин восклицает: «Какое богатство! Чуть не вся страна превращена в одну школу и университет», – и тут же добавляет, – «нужно ли говорить, что это все фикция, одно бумажное изобретательство, невозможное дедуктивно для голодной страны и несоответствующее сути дела фактически»[8]. Заглянув в указанный ежегодник, подтвердим верность приведенных из него П.А. Сорокиным цифр о количестве учебных заведений всех уровней, имеющихся на территории РСФСР к 1 ноября 1920 г.[9] Все же целесообразно было бы для большей наглядности привести данные о состоянии грамотности населения Российской империи в начале XX в.

---

[1] Кускова Екатерина Дмитриевна // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Госполитиздат, 1963. 5-е изд. Т. 6. С. 576.

[2] Кускова Е. Д. // Революция и Гражданская война в России 1917-1923. С. 438.

[3] Кускова Екатерина Дмитриевна *// Политические деятели России 1917. Биографический словарь. С. 173.*

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Дойков Ю.В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Архангельск: б/изд., 2009. Т. 2. С. 24.

[7] Воля России. 1922. № 5 (33). С. 32-33.

[8] Сорокин П.А. Нравственное и умственное состояние современной России. 2. Народное просвещение и наука // Воля России. 1922. № 5 (33). С. 21.

[9] Статистический ежегодник. 1918-1920. Т.VIII. Вып. I. М.:ЦСУ, 1921. С.111-158. [Электронный ресурс] / URL: http://istmat.info/files/uploads/9338/sta._ezh._1918-20-1_-16.pdf (дата обращения: 25.08.2016)

Обратившись к «Статистическому Ежегоднику» за 1913 г. читаем: «Всего по губерниям Империи грамотного населения 27 %, не считая детей до 9 лет. Из отдельных полов грамотность в два раза более развита среди мужчин, чем среди женщин»[1]. О числе учебных заведений (высших, средних и низших) и количестве учащихся в них ежегодник приводит такие данные: «К 1 января 1912 г. всех учебных заведений в Империи (с 8 финляндскими губерниями) насчитывалось 125 723 с 8 263 999 учащимися. Основная часть учебных заведений расположена в Европейской России – 95 381»[2]. Сравнив данные «Статистических Ежегодников» за 1913 г. и 1920 г., где общее количество учащихся достигло 6 973 404, приходим к выводу, что количество грамотного населения за указанный период сократилось на 1 290 595 человек. Однако нужно учитывать, что в указанный временной промежуток резко уменьшилось население страны в целом. Этому способствовал ряд значимых событий в истории России и всего человечества. К примеру, такие как Первая мировая война, две революции, Гражданская война, развернувшаяся на территории РСФСР. К тому же часть территорий бывшей Российской империи получила независимость. В частности, декретом СНК от 23 декабря 1918 г. независимость получили Эстония, Литва, Латвия[3], а годом ранее был признан суверенитет Финляндии[4]. Эти факторы П.А. Сорокин не учитывает, говоря, что за годы нахождения большевиков у власти «произошла не «ликвидация безграмотности», а «ликвидация грамотности»[5]. Иные данные о числе учебных заведений и обучающихся в них приведены в работе «Народное образование в РСФСР». Здесь отмечается, что в 1914/1915 уч. году число высших и средних специальных учебных заведений составило 297 и в них учащихся 35,4 тыс. человек (включая женщин), а к 1927/1928 уч. году возросло до 672 с количеством учащихся 123,2 тыс. человек[6]. Число общеобразовательных школ и численность учащихся в них (кроме школ рабочей и сельской молодежи, школ взрослых и специальных школ для детей с дефектами умственного и физического развития) составило в 1914/1915 уч. году 77,3 тыс. с 5694 тыс. учащимися, в 1927/1928 уч. году 80,1 тыс. школ с 7383 тыс. учащихся[7]. На наш взгляд, цифры, приведенные в работе «Народное образование в РСФСР» выглядят убедительно. Е.Д. Кускова, отвечая П.А. Сорокину, уместно заметила, что «точное установление фактов, добросовестное и беспристрастное, не тенденциозное, того что есть, и затем – крайне осторожное

[1] Статистический ежегодник России. 1913. С.-Петербург: Издание ЦСК, 1914. С. 84. [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/7683/stat._ezhegod._ri_1913_razdel_1_str_63-122.pdf (дата обращения: 25.08.2016)
[2] Там же. С. 114.
[3] Декрет СНК о признании независимости Эстляндии, Литвы, Латвии / Декреты советской власти. М.: Политиздат, 1968. Т.4. С. 224.
[4] Декрет СНК о государственной независимости Финляндии от 18(31) декабря 1917 г. / Декреты советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 250.
[5] Сорокин. Указ соч. № 5. С. 21-22.
[6] Народное образование в РСФСР / под ред. М.П. Кашина, Е.М. Чехарина. М.: Просвещение, 1970. С. 42.
[7] Там же. С. 46.

отношение к выводам и обобщениям имеет особенно большое значение»[1]. Поэтому не будем делать поспешных выводов и продолжим анализировать предложенную социологом тему для дискуссии.

Следующий тезис, выдвинутый П.А. Сорокиным, сформулирован так: «в феврале этого года (речь идет о 1922 г. – В.Р.) власть решила закрыть все высшие учебные заведения России, кроме пяти на всю страну»[2]. Е.Д. Кускова на этот счет комментариев не дает. Но мысль, которую она пытается донести до читателей и тем самым поставить изложенные Сорокиным умозаключения под сомнения, заключена во фразе: «сугубая правда и сугубая осторожность должна проникать все наши сообщения»[3]. Не можем с ней не согласиться. Многочисленные декреты об открытии того или иного вуза свидетельствуют об обратном. В качестве примера приведем некоторые из них: 1) декрет об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института[4]; 2) декрет об учреждении Московской горной академии[5]; 3) декрет об учреждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани, Тамбове и о преобразовании в университеты Демидовского юридического лицея в г. Ярославле и Педагогического института в Самаре[6] и др. Очевидно, что факт, приведенный П.А. Сорокиным, неубедителен. Продолжая разговор о высшей школе, социолог отмечает резкое падение числа студентов, уменьшение количества вузов, тяжелые условия проведения занятий[7]. В этой связи уместно привести цитату из доклада государственного и партийного деятеля И.И. Ходоровского о состоянии вузов в РСФСР, с которым он выступил на заседании Совнаркома 23 февраля 1925 г. Читаем: «В годы революции в вузы хлынула большим потоком рабоче-крестьянская молодежь, которой в дореволюционное время доступ в высшее учебное заведение был закрыт. Особенно много этой молодежи направилось в вузы по окончании гражданской войны, т. е. в 1921—1923 гг.»[8]. Иосиф Исаевич также приводит динамику развития сети высших учебных заведений. Из нее видно, что тенденция сокращения высших школ действительно наблюдается в первое десятилетие советской власти. И «к 1922 г. практические институты реорганизуются в техникумы; в соответствии с этим количество вузов сокращается до 99»[9]. Подчеркнем, ряд высших школ прошли именно процесс реорганиза-

---

[1] Кускова Е.Д. А что внутри? // Воля России. 1922. № 6 (34). С. 29.
[2] Сорокин П.А. Указ. соч. № 5. С. 23.
[3] Кускова Е.Д. Указ. соч. № 6. С. 32.
[4] Декрет СНК об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института // Декреты советской власти. – М.: Госполитиздат, 1964. Т. 3. С. 195-196.
[5] Декрет СНК об учреждении Московской горной академии // Там же. С. 289.
[6] Декрет СНК об учреждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани, Тамбове и о преобразовании в университеты Демидовского юридического лицея в г. Ярославле и Педагогического института в Самаре // Декреты советской власти. – М.: Политиздат, 1968. Т.4. С. 312.
[7] Сорокин П.А. Указ. соч. № 5. С.25, 29.
[8]Ходоровский И.И. На фронте просвещения. Статьи и речи. М.-Л., 1926 [Электронный ресурс]. URL: http://www.directmedia.ru/bookview_116331_Na_fronte_prosveshcheniya_Stati_i_rechi/ (дата обращения: 26.08.2016)
[9] Там же.

ции, а не ликвидации, как указывает Питирим Александрович в своем эссе, и составили цифру в количестве 99, а не «24-27 вузов на всю Россию»[1]. Несомненно, на оформление системы высшего образование (народного просвещения в целом) сильное влияние имели внешне- и внутриполитические катаклизмы. Большевикам требовалось удержать управление в своих руках, при этом решая острейшие вопросы современного им положения дел в стране. Нужно ли говорить, что они получили незавидное наследство, придя к власти 25 октября 1917 г. Все же стоит отдать должное, что полыхающий пожар Гражданской войны и прочие факторы не помешали советскому правительству выработать новые принципы организации и деятельности школ всех уровней в стране, тем самым дать народу доступное образование.

Между тем, П.А. Сорокин (без ссылки на документ) отмечает, что в 1921 г. были изданы правила о приеме студентов в вузы, согласно которым в высшие школы могли поступать лишь окончившие рабфаки или состоящие в коммунистической партии. Не попадающие под данные категории абитуриенты могли стать студентами вузов лишь в случае внесения платы за обучение в размере 400-500 млн. рублей в год[2]. В Декрете СНК РСФСР о правилах приема в высшие учебные заведения читаем: «1. Каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может поступать в число слушателей любого высшего учебного заведения, без предоставления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы. 5. Взимание платы за обучение в высших учебных заведениях РСФСР отменяется. Внесенная уже за первое полугодие 1918/1919 учебного года плата подлежит возвращению»[3]. На основании представленного документа тезис П.А. Сорокина выглядит несостоятельным.

Проанализировав небольшую часть статьи социолога из журнала «Воля России», вполне можно согласиться с выводом, сделанным Кусковой о всем очерке ученого: «Того обобщения, которые пытается сделать проф. Сорокин, сделать нельзя. Больное и здоровое сейчас перемешено. Результат – еще без подсчета. Слишком рано. Обращено внимание только на порчу, не все видят процессы самооздоровления организма, без лекарств, без посторонней помощи. Быть может, самое прочное и самое совершенное…»[4]. Действительно, ряд обобщений, порой изложенных П.А. Сорокиным эмоционально, выглядят малоубедительными и заставляют вдумчивого читателя сомневаться в их достоверности. Завершая нашу статью, скажем, что автор лишь коснулся этой проблематики. Дискуссия, возникшая между Сорокиным и Кусковой, требует специального исследования.

---

[1] Сорокин П.А. Указ. соч. № 5. С. 25.
[2] Сорокин П.А. Указ. соч. № 5. С. 29.
[3] Декрет СНК о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР от 2 августа 1918 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 403.
[4] Кускова Е.Д. Указ. соч. № 6. С. 36.

Е.В. Суслов,
канд. политических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации,
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД П.А. СОРОКИНА НА СОВРЕМЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕГО КОНЦЕПЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Необходимость написания предлагаемой статьи обусловлена необходимостью, во-первых, обоснования актуальности основных тезисов концепции социальной и культурной динамики П.А. Сорокина. Во-вторых, исходя из того, что к моменту издания четырехтомной монографии П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика» уже были известны два таких подхода к изучению конфликтов, как теории функционализма («равновесная» модель) и теории конфликта («конфликтная» модель), но не было ясности в отношении принадлежности П.А. Сорокина к одной из этих групп. Поэтому мы ставили перед собой задачу установить, к какой из этих школ он был наиболее близок?

В результате проведенного исследования выяснилось, что тезисы концепции социальной и культурной динамики П.А. Сорокина до конца и не осознаны нашими современниками, не говоря уже об их исчерпанности. Соотнесение П.А. Сорокина с одной из групп известных исследователей также оказалось занятием непростым.

Ключевые слова: *опыт пережитого, революция и гражданская война в России, диктатура пролетариата, социальный кризис, апатия, переходные социокультурные системы, незападные сообщества, анклавы.*

Жизнь П.А. Сорокина, полная лишений и утрат, приобретений, взлетов и падений, не могла не подвигнуть его к критическому взгляду на современность. Человек, много претерпевший, либо замыкается в себе, озлобившись на весь мир, либо превращает опыт пережитого в свой капитал для понимания сложных реалий современности, для подсказки человеческому сообществу тех или иных шагов поведения в условиях, казалось бы, безвыходных. Питирим Сорокин, несомненно, из категории последних, потому что знакомство с его социологическими трудами даёт основание для уже упомянутых выводов.

Конфликтами времени бурного XX века буквально пронизана вся его жизнь как российского, так и западного (американского) периодов, и он считает не вправе не откликнуться на них. На первый взгляд, прямой постановки в концепции социокультурной динамики проблематики конфликта, казалось бы, нет, однако, как явно, так и косвенно, конфликт присутствует. П. Сорокин, скорее, понимает конфликт шире, включая его в понятие «социальный кризис».

В рамках предложенной темы предполагается поиск ответов на следующие вопросы. Во-первых, выяснить, не потеряли ли актуальность основные тезисы концепции социальной и культурной динамики? Если потеряли, то какие новые тенденции обнаружились в современном мире? Во-вторых, известно, что к мо-

менту издания четырехтомной монографии П.А. Сорокина «Социальная и культурна динамика» в 1937–1941 гг. уже были созданы некоторые научные подходы к изучению конфликтов. Это стало прерогативой коллег Сорокина, социологов, которые, изучая устройство общества и его структуры, пришли к двум взаимоисключающим позициям: теории функционализма («равновесная» модель) и теории конфликта («конфликтная» модель). У истоков функционализма, исторически зародившегося раньше теории конфликта, стояли Г. Спенсер, Э. Дюркгейм и Н. Смелзер. Позже к ним присоединился Т. Парсонс. Социальный конфликт функционалистами рассматривался не иначе как патология в функционировании социальной системы. Считалось, что возникновение рассогласований и конфликтов возможно только при нарушении внутренней гармонии. Представители «конфликтной» модели развития общества (К. Маркс, Г. Зиммель, М. Вебер, Л. Козер, Р. Мертон, В. Танчер и др.[1]) придерживались принципиально иных взглядов. Они считали, что основой социальных закономерностей и механизмов социально-исторического развития является конфликт. Так, в представлении Маркса и его последователей, определяющим способом разрешения социального конфликта является революционное насилие, а достижение компромисса есть его побочный продукт. Зиммель имел более широкое представление о конфликте. Он считал, что конфликты не ограничиваются лишь классовым противостоянием, а имеют более широкий спектр распространения, т.е. могут быть конфликты между различными акторами (государствами, этническими группами, поколениями людей и культурами). Открытым остается вопрос о том, к какой из упомянутых школ интерпретации конфликтов принадлежал П.А. Сорокин?

Как нам представляется, будучи близким к теории функционализма, он, тем не менее, оставался, как отмечает А.Ю. Согомонов со ссылкой на Л. Козера, «одиноким волком» от науки. Его труды и идеи приобретают эксцентричный характер, а выступления на общественной арене становятся все более критичными[2].

С первых дней своего пребывания в Америке Сорокин оказывается в состоянии глухой оппозиции в отношениях с академической средой, которая, по словам Л. Козера, видит в нем «рассерженного политического эмигранта, злопамятного и не извлекшего никаких уроков»[3]. Интересно, о каких уроках говорит классик конфликтологии Л. Козер? Имеет в виду, что со своим уставом в

---

[1] Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 17; Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3; Dahrendorf R. Soziale Klasse und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957; Dahrendorf R. Pfade aus Utopia. Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie. Gesam. Abh. München, 1968; Зиммель Г. Избранное. – М.: Юрист; Идея-Пресс, 1996. Т. 2. Созерцание жизни; Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000; Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994; Танчер В. Льюис Козер: функциональность конфликта и польза несогласия в науке // Современная американская социология / под ред. В.И.Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994.

[2] Согомонов А.Ю. Судьба и пророчества Питирима Сорокина. Предисловие // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. URL: http://profilib.com/chtenie/93952/pitirim-sorokin-chelovek-tsivilizatsiya-obschestvo.php (дата обращения: 1.08.16).

[3] Coser L. A. Masters of Sociological Thought. N. Y., 1977. P. 487.

чужой монастырь не ходят? Вынося столь строгий вердикт, даже Козер вряд ли знал обо всех предыдущих печальных зигзагах судьбы нашего соотечественника в объятой революцией и гражданской войной России.

Как известно, Сорокин не принял Октябрьскую революцию и какое-то время открыто противостоял новой власти. Свое избрание депутатом Учредительного собрания он собирался употребить для борьбы с большевистской властью, которую совершенно естественно считал незаконной, однако еще до открытия впервые демократически избранного Российского парламента был арестован чекистами и чудом избежал расстрела. Печально знаменитым стало его открытое письмо, напечатанное в ряде газет, в котором он отрекался от идеологии и партийной программы эсеров, заявил о выходе из этой партии. Широкой общественности оно стало известно после опубликования статьи «Ценные признания Питирима Сорокина» большевистского вождя В.И. Ленина. Покаянное письмо уронило Сорокина в глазах борцов с большевизмом, отнюдь не добавив ему доверия со стороны большевиков. Это открывало широкие возможности, говоря современным языком, для диффамации, т.е. ничем не прикрытого «втаптывания в грязь» имени Питирима Сорокина, глубоко разочаровавшегося в политике как таковой и в действиях политических партий того времени. В современной политической науке такое состояние принято называть апатией[1], и оно охватывает не только широкие народные массы. Позже этот период своей жизни, апогеем которой стал «красный террор», Сорокин назовет в своей биографии «Жизнью в смерти», описав, таким образом, трагедию тех русских людей, которые не могли смириться с утверждением диктатуры страха, беззакония, чрезвычайщины, названной почему-то диктатурой пролетариата.

С одним из наиболее ярких представителей «равновесного» подхода – Т. Парсонсом, воспринимавшим конфликт как аномалию и считавшим его «эндемической формой болезни социального организма»[2], П.А. Сорокин был знаком лично. Более того, было время, когда Парсонс публично называл его своим учителем. Через некоторое время они сделались соперниками, и дело дошло до откровенной вражды. Теперь уже трудно сказать, что привело к разрыву их отношений. Это могла быть личная неприязнь, основанная на зависти американца к успехам своего русского коллеги. Ученые могли разойтись в научных взглядах. Могло случиться и так, что личная неприязнь стала следствием несовпадения научных воззрений, а могло быть и наоборот. Некоторую ясность вносит А.Ю. Согомонов, отмечая: «Его младший коллега по факультету, Т. Парсонс, был куда более влиятельной фигурой. По целому кругу идей их теории были довольно схожими, особенно в том, что касается оценки значимости культурных символов в детерминировании социального действия, однако им, тем не менее, так и не удалось «уладить ссору». Их отношения всегда носили оттенок

[1] Апатия политическая – крайняя степень политического отчуждения, безразличия, пассивности, проявляющаяся в предельном безразличии к политике и политическим институтам. См. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С.25.

[2] См. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2005. С.24.

«холодно-соревновательного сосуществования». Большинство сорокинских учеников, в том числе и Р. Мертон, которого он считал самым блистательным, пошли скорее в русле парсонсовской парадигмы»[1].

Со счетов нельзя сбрасывать эпатажность высказываний нашего соотечественника, что делало его мишенью критики по своему адресу. Как справедливо замечает Ю.В. Яковец, Питирим Сорокин был революционером; он остался им на всю жизнь – сперва революционером в политической жизни, затем революционером в науке[2].

Читая П. Сорокина, иногда ловишь себя на мысли, что эти строки принадлежат бескомпромиссному апологету социализма, который в то время возводился на руинах бывшей Российской империи. Так, он пишет, что «многие из так называемых экспертов все еще продолжают думать, что это – обыкновенный кризис, подобный тем, которые не раз случались в западном обществе в каждом столетии. Многие из них рассматривают его просто как обострение очередного экономического или политического кризиса. Суть его они видят в противопоставлении либо демократии и тоталитаризма, либо капитализма и коммунизма, либо национализма и интернационализма, деспотизма и свободы, или же Великобритании и Германии. Среди этих диагностов встречаются даже такие «эксперты», которые сводят суть кризиса всего лишь к конфликту «плохих людей», вроде Гитлера, Сталина и Муссолини, с одной стороны, и «людей хороших», типа Черчилля и Рузвельта, – с другой»[3]. Буквально через абзац обнаруживаем: «Западные общества и их культура пережили точку своего наивысшего расцвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка. В связи с этим настоящий кризис – всего лишь начало конца их исторического существования. Не существует средства, которое могло бы отвратить предначертанное, как и не существует панацеи, способной помешать смерти западной культуры»[4]. Иными словами, даже интеллектуальная часть европейского сообщества воспроизводила на свет достаточно примитивные образцы оценки настоящего, да и будущего, поскольку господствовавший в то время монистический детерминизм в качестве причин изменений в обществе находил состояние материального производства.

В действительности П.А. Сорокин в данном случае лишь аккумулирует то, что «проходит красной нитью в публикациях наших ведущих газет». Ему представляется, что даже эти, в общем-то, суровые оценки не отражают реальной картины, глубинных причин происходящего, а именно ситуации в Европе

---

[1] Согомонов А.Ю. Судьба и пророчества Питирима Сорокина. Предисловие // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. URL: http://profilib.com/chtenie/93952/pitirim-sorokin-chelovek-tsivilizatsiya-obschestvo.php (дата обращения: 1.08.16).

[2] Яковец Ю.В. Анатомия и физиология революции: истоки интегрализма // Социология революции. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 5.

[3] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. URL: http://profilib.com/chtenie/93952/pitirim-sorokin-chelovek-tsivilizatsiya-obschestvo.php (дата обращения: 1.08.16).

[4] Там же.

межвоенного периода, когда уставшая после разрухи и бедствий Первой мировой войны Европа получила возможность перекроить свои географические карты в соответствии с лекалами устроителей Версальского мира, а затем безмятежно упивалась этим непрочным миром, предаваясь умиротворению Гитлера последовательными шагами для столкновения со Сталиным.

Сорокин, казалось бы, оперирует понятиями, далекими от военно-политической проблематики, имеющими всегда конфликтологическое наполнение, но они-то как раз и отражают глубинный смысл. Так, он отмечает: «В противовес диагнозу оптимистичному настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это – не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это – кризис форм социальной, политической и экономической организаций, включая формы брака и семьи. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий»[1]. Для распознания сущности рядоположенных кризисов, часто возникающих спонтанно и даже случайно, Сорокин прибегает к волновой модели когнитивной эволюции, поскольку для ученого характерно представление о единстве социокультурной сферы. Как отмечает Ю.М. Плотинский, «стремясь построить интегральную картину общества, он подчеркивал, что человек формируется под воздействием комплекса факторов. Важное место занимают социобиологические и экономические факторы, но центральную роль играют социокультурные аспекты»[2]. Интегрализму уготовано большое будущее, поскольку он вполне может конкурировать с базовыми положениями как марксизма, так и либерализма и, возможно, стать отправной точкой для их конвергенции.

Работа П. Сорокина «Социальная и культурная динамика» впечатляет своим гигантским временным масштабом охвата событий, эпох, по признанию Ю.В.Яковца, эту монографию можно приравнять к основным трудам Гегеля, Маркса и других великих мыслителей…[3]. «Социальная и культурная динамика» в виде четырехтомной монографии впервые была издана накануне Второй мировой войны и в начале ее (1937-1941).

Разные авторы по-разному находили достоинства самого впечатляющего труда нашего соотечественника. Автору предлагаемой статьи, увидевшему в концепции социокультурной динамики качественную оптику для конфликтологического видения современности, представляется важной доказательной базой

---

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. URL: http://profilib.com/chtenie/93952/pitirim-sorokin-chelovek-tsivilizatsiya-obschestvo.php (дата обращения: 1.08.16).

[2] Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. С. 158.

[3] Яковец Ю.В. Бесценный подарок / Сорокин Питирим. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 2000. С. 5.

обращение к природе социальных кризисов. И тогда, и сейчас некоторые ученые уверовали в то, что кризисы представляют собой патологию для общественного развития, индикатор деградации общества. Сорокин же считал, что кризисы столь же естественны, как смена времен года и иные природные явления, которые то бурно развиваются, то приходят в состояние увядания. Перемены в социальной, политической, экономической и иных сферах он связывал с флуктуациями социокультурных суперсистем. Под социокультурной флуктуацией Сорокин понимает «процессы, время от времени повторяющиеся в социальной и культурной жизни и в человеческой истории»[1], но поскольку термины «процесс» и «повторение» многократно использовались в разных смыслах и наделялись множеством содержаний, то исследователь формулирует свое понимание процесса, под которым понимает «любой вид движения, модификации, преобразование, перестройку или «эволюцию», короче говоря, любое изменение данного логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве, или речь идет о модификации его количественных или качественных аспектов»[2]. Так, Сорокин совместно с коллегами[3] подверг анализу огромное количество эмпирического материала политического и экономического, культурного и социального, военного и исторического содержаний сквозь призму, прежде всего, ценностного подхода. В результате этой колоссальной работы ученый пришел к заключению: в многоликости разнотипных процессов обнаруживается определенная целостность, которая и была названа социокультурной системой. Сорокин обнаружил семь относительно устойчивых социокультурных систем. В разные исторические периоды они имеют обыкновение меняться, что обусловлено характером динамики таких разновидностей культур, как чувственная и умозрительная, которые имеют «свою собственную ментальность; собственную систему знаний, философию и мировоззрение; свою религию и стандарты «святости»; собственные представления о том, что правильно и неправильно… доминирующие формы социальных отношений; собственную экономическую и политическую организацию»[4]. Одновременно в существующей реальности могут присутствовать компоненты различных социальных систем, но господствующее положение занимает доминирующая культура. Для «чувственной» культуры характерны: преобладание в обществе материалистического мировоззрения, господство детерминистических концепций. популярность утилитаристских, гедонистических ценностей. В обществе с «умозрительной» культурой доминируют: элементы рационального мышления, этика абсолютных принципов[5]. Между носителями этих разновидностей культур присутствует перманентный конфликт, который иногда приобретает острые формы, но чаще всего стороны приходят к договорным отноше-

[1] Сорокин Питирим. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 2000. С. 80.

[2] Там же. С. 80.

[3] В работе над четырехтомником принимали участие и российские (Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, Н.С. Тимашев и др.) и зарубежные ученые.

[4] См. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. С. 159.

[5] Там же. С. 159.

ниям. Залогом тому – наличие переходной социокультурной системы, которую П.А. Сорокин назвал «идеалистической», т.е. смешанной, которая функционирует согласно модели маятниковых колебаний и пребывает в пространстве между умозрительной и чувственной социокультурными системами.

Если провести проекцию на современные реалии, то справедливость тезиса П.А. Сорокина о параллельном сосуществовании компонентов различных социальных систем подтверждается существованием традиционных, современных и конгломератных[1] обществ, к последним из которых относится Россия. Члены традиционного общества руководствуются опытом, неписаными правилами поведения, ритуалами. В их действиях отсутствует рациональное целеполагание, которое компенсируется «интуитивным прозрением». К ним относятся страны Незапада. В современных обществах, напротив, превалируют рациональные модели поведения, опирающиеся на осмысление фактов и рациональное целеполагание. Подобный стиль мышления и поведения характерен для Запада. Конгломератная разновидность общества сформировалась в результате продолжительного сосуществования различных укладов и отношений. Часто западных и незападных сообществ. Подобные образования принято называть анклавами. Они отличаются устойчивостью, приспосабливаемостью к новым условиям и не являются символами упадка и деградации. Архаичные пригороды столиц – примета современных городов.

В условиях глобализации мировая политика продолжает сохранять анклавный характер, что свидетельствует о нелинейности мировых политических процессов. Поэтому представление о линейно-прогрессивном развитии мира, согласно которому Незапад должен быть поглощен Западом, вызывает серьезные сомнения. В связи с этим трендом мировой политики, обнаружившимся относительно недавно, следует отметить, что Питирим Сорокин был последовательным противником теорий линейного прогресса и поступательной эволюции. Именно поэтому, на наш взгляд, Сорокину удалось выявить условия, при которых одни кризисы приводят к катастрофе общества, а другие способствуют переходу к другой социокультурной системе, что особенно важно для диагностики современных реалий.

Ясно, что по прошествии продолжительного времени некоторые положения его концепции социокультурной динамики уже не объясняют всей сложности картины мира. И было бы наивно на это рассчитывать. Однако синтез системного и когнитивного походов, продемонстрированный Сорокиным, дает основание полагать, что их ресурс еще не исчерпан. Он продолжает сохранять большой научный потенциал для глубоких исследований современного чувственного общества на Западе и идеационального (сверхчувственного) на Востоке, природы их конфликтных отношений, перманентно отражающихся в локальных конфликтах, террористических атаках против носителей иной культуры.

[1] Понятие принадлежит известному исследователю проблем международных отношений А.Д. Богатурову.

И.А. Тульпе,
канд. филос. наук, доцент, Институт философии
Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЛИГИЯ И ФЛУКТУАЦИЯ ФОРМ ИСКУССТВА (ЧИТАЯ П. СОРОКИНА)

В статье осуществляется попытка с помощью концепции социальной и культурной динамики П.А. Сорокина, в частности, его описаний флуктуации художественных стилей прояснить место и роль религии в этом процессе.
***Ключевые слова**: система культуры, искусство, религия, флуктуация.*

Религия и искусство как культурные феномены и культурные факторы рассматриваются в их соотношениях целенаправленно или опосредованно разными научными дисциплинами, зачастую исходящими из представления об их органической связи, которая то ли разрушается, то ли ослабевает в ущерб искусству или на благо ему. История искусства путем наблюдения в длительном промежутке времени почти во всех культурах как будто бы установила, что искусство и религия, по-видимому, сопутствуют друг другу, сосуществуют или следуют друг за другом, или одновременно изменяются, то есть вывод о наличии какой-то связи между ними представляется безусловным. Но причины этого остаются неизвестными. В самом деле, религия и искусство соединены в культурном пространстве механически или под воздействием какого-то общего фактора, причинно или функционально, но не всегда возможно отличить причинную связь от случайной. Зависят ли они друг от друга непосредственно всегда в силу своей природы или опосредованно благодаря принадлежности одной системе? Можно ли ставить вопрос об элементе, доминирующем в этой паре, в случае и непосредственной зависимости и опосредованной? От какого члена этой пары исходит инициатива: «устает» ли искусство, не может ли оно более черпать из религии содержания (в том числе, из-за его оскудения), перестает ли религия нуждаться в искусстве и исключает его из числа своих языков… Существует ли какое-то общее основание для этих разрывов друг с другом и тяготений друг к другу? Имеют ли они разные истоки и, соответственно, автономные пути становления и развития, или то, что они культурные феномены, феномены, выражающие культуру, связывает их навсегда, в разные периоды лишь усиливая или ослабляя «узы»? Возможно ли это увидеть во флуктуациях искусства: религия как основной фактор воздействия (при том, что она сама испытывает культурно-социальные воздействия или определяет флуктуации системы культуры в целом)? «Как отмечает П. Сорокин, самые первые в общественных и гуманитарных науках XX века и наиболее глубокие исследования циклов, ритмов, флуктуаций

и периодичностей появились именно в теории и истории изобразительного искусства и только затем в экономике и в других социальных сферах»[1].

Концепция социальной и культурной динамики – своего рода «визитная карточка» П.А. Сорокина. Ее значение не только в том, насколько она актуальна для современных исследований, но и в том, что подходы и идеи мыслителя, который «не для кого-то, а исключительно для себя самого …начал размышлять, собирать материал и искать ответ»,[2] могут стимулировать других если не к применению авторитетного интеллектуального инструмента, то к желанию прояснить вопросы, которые возникают и из новых эмпирических и специальных теоретических работ, и из чтения классических трудов.

В рассмотрении флуктуаций искусства (последовательно: живопись, скульптура, архитектура, музыка, литература) П. Сорокин опирается на греко-римский и западноевропейский материал в перспективе двадцати пяти веков, с краткими экскурсами в египетскую, вавилонскую, древнеиндийскую, китайскую и арабскую культуры. Выбор обусловлен тем, что примитивные общества не дают необходимых достоверных свидетельств. Метод исследования – логико-смысловой и причинно-функциональный, позволяет сочетать аналитику и эмпирические факты.

Каждый базовый стиль искусства основан на особом мировоззрении и философии жизни. Идеациональный, как правило, наблюдается в религии, магии и других «сакральных», «иератических» сферах социальной жизни – независимо от принимаемой ими конкретной формы.[3] Мир идеала мыслится как вечный, это мир Бытия. Вечное – значит статичное (тихое, спокойное, безмятежное, неподвижное и неволнуемое). Менталитет, ориентированный на Бытие, не стремится к запечатлению визуального мира и поэтому не имеет соответствующих навыков. Этим, а не недостатком умения, объясняются особенности идеационального искусства. Визуальный – ориентирован на Становление, на преходящий мир вещей, что определяет динамизм, страстность, жанровое разнообразие визуального искусства, которое хочет быть искусством для себя, «освобождая» себя от всего, что находится вне самого искусства: «от религии, нравственности, гражданского долга и т.п.»[4]. Когда идеациональный стиль склоняется к закату, тогда появляется идеалистический – стиль, вдохновляющийся неким великим идеалом, отражающий великие коллективные ценности, которые не вполне изолированы от эмпирического мира.

Если в крито-микенской культуре преобладает визуальный, то в греческой (независимо от генетической связи с предыдущим) до VI века до н.э. господствует идеациональный, который ослабевает со второй половины VI века до н.э., когда все очевиднее становится усиление визуальности. Нисходящая и восходящая линии пересекаются в великом идеалистическом искусстве грече-

---

[1] Хренов Н.А., История искусства в ракурсе концепции социодинамики П.А. Сорокина // Культура культуры. 2016. Вып. № 1 (9). Т. 1. С.4. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-iskusstva-v-rakurse-kontseptsii-sotsiodinamiki-p-a-sorokina

[2] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель. 2006. С.25.

[3] Там же. С. 146–147.

[4] Там же. С. 138.

ской классики, которое «постигло все достижения развитой визуальной техники, но его «душа» все еще пребывает в идеациональном – религиозном, этическом, сверхчувственном мире»[1]. Объекты изображения – боги и герои, то есть идеациональные существа, а техника – визуальная. Эллинизм характеризуется преобладанием визуального (чувственного) искусства и ментальности: живость изображения побеждает идеализм, не смертных изображают на манер богов, а наоборот – богов на манер обыкновенных смертных. За художественным объектом с трудом просматривается какой бы то ни было идеал, художник «эмансипировался» от «уз» религии, сообщества, нравственности и всяких прочих оков[2]. Искусство Рима никогда не было идеациональным, оно стало таковым только с поглощением христианским искусством, с конца V века.

Христианство преобразовало чувственную греко-римскую культуру в идущую на смену идеациональную культуру Средних веков. Христианская культура с самого начала была идеациональной и с неизбежностью породила крайнюю форму идеационального искусства. В раннехристианских катакомбах оно предстает символическим и трансцендентным и по форме и по содержанию: рыба, якорь, крест и другие символы означали «потустороннюю ценность, совершенно отличную от этих визуальных знаков. Они были видимыми знаками невидимого мира. <…> …это искусство «не от мира сего», так как и само христианство было основано на «неотмирной» ментальности»[3].

Идеационализм сохраняется почти до XIII века. «Это искусство, которое поучает, распространяет и защищает победоносную религию – видимый символ невидимых ценностей. В нем нет ничего чувственного, ничего такого, что могло бы доставить просто эстетическое наслаждение. Оно ограничено религиозными символами, образами Христа, Мадонны, святых и библейскими сюжетами»[4].

Флуктуации стилей в искусстве Запада и Византии сходны (отличие от византийского идеационализма лишь в том, что западный скорее греческий (менее аскетичный, менее строгий), чем восточный (сирийско-египетский)): XIII в. – идеационализм начинает склоняться к упадку, а визуализм демонстрирует тенденцию к усилению, все это приводит к сбалансированному идеалистическому искусству XIII – нач. XIV вв., в XIV веке визуализм усиливается, в XV-XVI веках он начинает преобладать.

Идеалистическое искусство XIII века существенными чертами напоминает идеалистическое искусство Греции: господствующий идеационализм угасает, а умеренный визуализм переживает подъем. XIII век – век всеобъемлющей веры, веры постигающей и объясняющей все, в том числе и этот мир: «… божественный план этого сверхчувственного мира теперь каким-то образом включает в себя и мир земной, придавая смысл, давая благословение и оправдание»[5]. Главное назначение идеалистического искусства – отражать направляемое свыше развитие человечества. Это не искусство ради искусства, а «Библия в камне».

[1] Там же. С. 151.
[2] Там же. С. 154.
[3] Там же. С. 161.
[4] Там же. С. 163.
[5] Там же. С. 166.

Средство выражения высшего религиозного сознания народа, оно стремится убеждать, а не воздействовать на эмоции; выдающиеся художники считают свое дело служением Богу, во славу Божию, направленным не на наслаждение, а на осуществление идеала. Но визуализм постепенно нарастает. В эпоху Возрождения идеационализм практически умер, идеализм едва теплится. Этот идеализм слишком земной и рационалистический, бескрылый – не воспаряет до небес трансцендентного идеализма, не ведающего сомнений на пути «слепой и безудержной веры»[1]. В конце XV – первой половине XVI в. искусство смирения, страдания и печали, покорности, принятия воли Божией было вытеснено искусством вожделения глаз, вожделения плоти и жажды жизни. Единое (религиозное) искусство разделилось на религиозное и светское, с доминированием последнего. Однако существенные характеристики обоих течений сходны, так как оба есть проявления господствующего мировоззрения и культуры своего времени. Доля религиозных тем сокращается в обоих. По подсчетам П. Сорокина, более 96 процентов современного искусства – светское (до XIV века было наоборот)[2].

Итак, флуктуации идеациональной и чувственной форм происходят во всех сферах искусства, внутри определенного типа культуры – практически синхронно. Итоговая таблица напоминает, что идеациональное искусство «это религия и неотделимо от нее», поэтому оно «в известном смысле священно и есть слуга Бога и Его царства»[3]; идеалистическое искусство – это великая, нравственная, гражданская и религиозная сила, служащая человеку и эмпирическому миру и представляющая одну из его «идеационально-чувственных ценностей», наконец, чувственное искусство - это предмет утонченного чувственного наслаждения, его функция – доставлять удовольствие, радость, развлечение, веселье, увеличивать чувственное счастье чувственных человеческих существ. П. Сорокин писал, что склонен утверждать, что эти соединения повторяются в социальном пространстве и в социальном времени, имеют значения не только для древних греков и Европы. Он упоминает восточные культуры, остающиеся идеациональными, что подтверждает их живопись, смешанный тип усматривает в Египте и в конфуцианстве: насколько замечаем флуктуации идеациональной и чувственной фаз этих культур, настолько изменяются формы этих искусств «в соответствии с ростом и упадком спутников каждой из этих форм»[4].

За наблюдаемые двадцать пять веков происходили приливы и отливы то одной, то другой формы культуры, поэтому искусство не двигалось только в одну сторону улучшения какой-то из форм. Заканчивается имманентный курс одной формы – она разрушается и после промежуточных стадий уступает место другой, которая по истечении отмеренного срока тоже уступит свое место, что и будет продолжаться пока есть интегрированная культура или человечество[5].

---

[1] Там же. С. 170.
[2] Там же. С. 188.
[3] Там же. С. 279.
[4] Там же. С. 280
[5] Там же. С. 282.

В исследовании культурных форм П. Сорокин обращает внимание на социально-феноменологическое понимание внутреннего аспекта культурных явлений: причинно-функциональное истолкование (обнаружение причинно-функциональных связей между составными частями культурной ценности или комплекса ценностей), которое может быть независимым от психологического; логическое понимание того, являются ли элементы логически связанными или логически противоречат друг другу, образуют ли рационально постижимую систему, есть ли пронизывающий все принцип… Он утверждал, что любой культурный комплекс может быть логически интерпретирован, вывод зависит от принятой бóльшей посылки[1].

Каждый из типов культуры обладает собственной ментальностью (внутренний аспект культуры, который для исследователя любой интегрированной культуры стоит на первом месте), системой истины и знания, собственной философией, формами искусства и литературы, нравами, законами и пр., специфическим типом личности. Основные типы культуры выделены на основе бóльших посылок их ментальности, с описания которых начинается характеристика культуры. Из четырех пунктов этого описания[2] определяющим является первый – природа реальности.

Условие бытия культуры – познание. Оно представлено культурно равноценными и взаимно необходимыми формами – чувственной, рациональной и интуитивной, каждая из которых, используемая по назначению, дает достоверное знание того или иного аспекта реальности[3].

Культура (в широком смысле) – совокупность, созданная или модифицированная в результате сознательной или бессознательной деятельности двух и более индивидов, взаимодействующих или влияющих друг на друга своим поведением[4]. Концепция религии вкратце может быть представлена следующим образом. Бессознательные рефлексы, «биосознательные» факторы и «социосознательные» порождения психики в жизненной активности индивидов выходят за пределы внутреннего состояния и становятся социальными явлениями, взаимодействия между которыми составляют социальное поведение. «Коренным ядром религии» являются «чувственно-эмоциональные переживания веры человека». В качестве регулятора социального поведения религия устанавливает безусловные сакральные величины, воплощающие фундаментальные психические начала жизни. Составляющие религиозного культа (в том числе сооружения и изображения) есть внешнее выражение религиозной мысли[5].

---

[1] Там же. С. 59.

[2] Перечисление пунктов см: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. С. 62.

[3] Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. С. 478.

[4] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 33.

[5] Подробнее см.: Смирнов М.Ю. Концепция религии в социологии Сорокина // Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии. К 120-летию со дня рождения П.А. Сорокина и 20-летию факультета социологии СПбГУ: материалы научной конференции – Первых Санкт-Петербургских социологических чтений. – Санкт-Петербург, 16-17 апреля 2009 года. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. Т. 2. С. 433-436.

Религия, точнее религиозная мысль, рассматривается П. Сорокиным в контексте флуктуации систем истины и знания (также на материале греко-римской и западной культур). Религия как наука и философия – такая социально-культурная познавательная форма, социальная функция которой заключается в непосредственном осмыслении «первичной» реальности. Прочие (искусство**,** право, этика, техника и др.) в качестве «познавательных форм» обусловлены преобладающей в культуре формой из первого ряда. В зависимости от того, как понимается первореальность – как «Божественное», «потустороннее», или как «земное», «материальное», или же как «идеальное», сочетающее в себе качества того и другого – в познавательных формах второго ряда происходит соответствующим образом ориентированное осмысление и регуляция социальной реальности[1]. Познаваемая религией реальность не имеет отношения к обществу, поскольку она трансцендентна. Религия делает трансцендентную реальность общественной ценностью, сама становится общественной потребностью, осуществляемой в социальных формах, что определяет возможность трансформации ее конкретных выражений. При этом ее судьба зависит от смены доминант в культуре.

По стилям, циклически сменяющим друг друга, можно наблюдать смену менталитетов и систем ценностей: идеациональное и идеалистическое – спокойно, строго, невозмутимо, а чувственное – динамично, страстно, патетично, эмоционально. Целью чувственного искусства является увеличение чувственного счастья человека, идеационального – служение религии, абсолютистской этике, вечным ценностям[2]**.**

Если за бесстрастностью идеациональной (религиозной) формы стоит отражение неотмирности внечувственной реальности, то не является ли целью искусства подтверждение тщетности попыток приблизиться к внесенсорной реальности? Но тогда – какое дело человеку до этой реальности, о которой из церковной живописи он узнает, что она есть и что она недоступна для познания. Чем менее задевает фундаментальные интересы человека трансцендентная божественная реальность, чем она недоступнее для него, тем он безразличнее к ней. «Видимые знаки невидимого мира» могут или отдалять или приближать ценности внечувственного мира. Очевидно, что в первом случае «эстетизм» не требуется, и даже при наличии высокохудожественных качеств не воспринимается смотрящим. Религия лежит в основе одного типа культуры – идеационального. Наличие идеационального искусства в христианских церквях функционально сходно с отсутствием изображений в мечети или синагоге. К сожалению, у П. Сорокина нет суждений об «исламском» или «иудейском» искусстве.

После Бога с Его воинством и святыми, отмечал П. Сорокин, героями становятся полубожественные рыцари идеалистического периода, за ними – все более обыкновенные люди[3]. Указывая на начало возрастания ценности «земного», просто констатирует этот факт, не объясняя того, почему это происходит. Что такого

---

[1] Подробнее см.: Лебедев Сергей. Культура и религия в теории социокультурной динамики П.А. Сорокина. URL: http://www.pravoslavie.ru/122.html

[2] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 75.

[3] Там же. С. 267.

происходит в идеациональной культуре, что она начинает утрачивать свои базовые ценности, ориентированные на трансцендентный мир? Получается, что флуктуации искусства определяются не религией (как основным фактором или наряду с другими), а флуктуацией менталитетов, сменой той самой бóльшей посылки, от которой зависит и роль (познавательная) религии в обществе.

Но почему происходит смена бóльшей посылки?

Е.А. Тюгашев,
канд. филос. наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права, конституционного права
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ П.А. СОРОКИНА

На основе обзора предпринятых в последние десятилетия исследований различных социокультурных феноменов выделяется социокультурная феноменология как самостоятельная область феноменологических исследований. Социокультурная феноменология определяется как эмпирический уровень прикладного социального-философского исследования, рассматривающего бытие социального в его эмпирически-конкретном культурном разнообразии. Основателем социокультурной феноменологии является П.А. Сорокин, представивший классические образцы социокультурного описания таких феноменов, как самоубийство, революция, голод и др.

Ключевые слова: *Питирим Сорокин, социокультурная теория, социокультурный подход, социокультурный феномен, феноменология, социокультурная феноменология.*

В последние десятилетия в гуманитарном сообществе развернулось интенсивное социокультурное движение, маркером принадлежности к которому стало использование термина «социокультурный»[1]. В гуманитарных науках сформировался социокультурный дискурс, конструируемый путем предицирования терминоэлементом «социокультурный», распространенных общенаучных терминов («социокультурное явление», «социокультурная эволюция», «социокультурные факторы», «социокультурные перспективы» и пр.). Одним из популярных терминосочетаний является «социокультурный феномен».

Проведенный нами по доступным в Интернете базам данных статистический анализ тем кандидатских и докторских диссертаций, представленных к защите с 1993 года, выявил 182 диссертационные работы, содержащие в своем

[1] Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Социокультурное движение в гуманитарном сообществе и социокультурный подход // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 3.

наименовании терминосочетание «социокультурный феномен»[1]. Динамика упоминаний данного терминосочетания в темах диссертаций выглядит следующим образом: 1993–1995 гг. – 6 работ, в 1996–2000 гг. – 36, в 2001–2005 гг. – 49, в 2006–2010 гг. – 56, в 2011–2016 гг. – 35 работ.

В качестве социокультурных феноменов в диссертационных работах тематизированы самые разные явления общественной жизни. Эти же явления тематизируются в названиях других диссертаций в качестве социокультурных явлений, социальных и культурных феноменов и явлений. Предпочтение терминосочетания «социокультурный феномен» выражает, на наш взгляд, определенную исследовательскую установку, маркирующую не только приверженность к социокультурному подходу, но и ориентации на феноменологическую традицию в философии. Поэтому можно говорить о формировании социокультурной феноменологии как самостоятельном направлении феноменологических исследований.

Примечательно, что диссертационные работы распределены в дисциплинарном спектре следующим образом: философия – 100 работ (54,9 %), культурология – 33 (18,1 %), социология – 29 (15,9 %), история – 6 (3,3 %), искусствоведение и педагогика – по 5 (по 2,8 %), филология – 3 (1,6 %), юриспруденция – 1 работа (0,6 %). Как мы видим, основной массив диссертационных исследований социокультурных феноменов выполняется в предметной области философии.

Приведенные данные подтверждают сделанный нами ранее вывод о том, что социокультурный подход является методологемой философии[2]. Социокультурный подход, описывающий социальное в его культурном разнообразии, а общество – как ансамбль культур, разрабатывается в прикладной социальной философии и реализуется (как и другие философские подходы) в различных гуманитарных и общественных науках. Философская же принадлежность основного массива диссертационных исследований социокультурных феноменов косвенно указывает на готовность категориального использования термина «феномен».

Итак, социально-философский конструкт «социокультурный феномен», возможно, маркирует ориентацию на феноменологическую традицию в философии. Правда, эксплицитно в диссертационных исследованиях эта ориентация выражается редко[3]. Впрочем, столь же редко излагается авторское понимание

---

[1] Не учитывались диссертации с терминосочетаниями «социокультурное явление», «социально-культурный феномен», «социальный феномен», «феномен культуры» и т. п.

[2] Тюгашев Е.А. Социокультурный подход: эпистемологический статус и содержание // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Вып. XIII. – Новосибирск: НГУЭУ, 2011.

[3] Опора на феноменологическую традицию декларирована в следующих работах: Быстров В.Ю. Традиция как социокультурный феномен: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 24.00.01. – Великий Новгород, 2001; Колесникова И.В. Социокультурный феномен предпринимательства в европейской традиции: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 24.00.01. – М., 2003; Шенкао Г. Х. Имя как социокультурный феномен: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. – Черкесск, 2002; Чудинов С.И. Терроризм как социокультурный феномен: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Новосибирск, 2006; Назарова М.П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.13. – Волгоград, 2013; Разинов Ю.А. Ложное как социокультурный феномен: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. – Казань, 2015.

содержания социокультурного подхода как особой методологемы[1]. Ни в одной диссертационной работе понятие социокультурного феномена в отдельном разделе не раскрывается и используется оно, очевидно, интуитивно. Более того, беглый обзор структур диссертационных исследований не позволяет вычленить сколько-нибудь типовую концептуальную схему описания социокультурных феноменов.

В теоретико-методологическом плане проблема обоснования и экспликации понятия «социокультурный феномен» осложняется тем, что в восходящей к Э. Гуссерлю феноменологической традиции: а) данное понятие не употребляется; б) социокультурный подход не реализуется; в) образцов феноменологического анализа эмпирически данных социокультурных явлений не имеется. По указанным причинам можно поставить под вопрос легитимность социокультурной феноменологии как области феноменологических исследований.

Е.А. Тимощук в своих публикациях по социокультурной феноменологии[2] высказывает мнение о формировании ее в работах Р. Ингардена, ученика и последователя Э. Гуссерля. Ознакомившись с работами Р. Ингардена, можно легко убедиться в том, что он социокультурный дискурс не использовал[3]. Думается, в интерпретации творчества Р. Ингардена Е.А. Тимощук заняла позицию презентизма и модернизировала его дискурс. Аналогичную ошибку допускал П.А. Сорокин, относивший к «социокультурной школе» в социологии всех гуманитариев, не разделявших натуралистические воззрения на общество и подчеркивавших значение культуры[4].

Социокультурную феноменологию Е.А. Тимощук понимает как применение феноменологии в анализе социокультурной динамики[5]. Это замечание отсылает нас к наследию П.А. Сорокина, который ввел в научный оборот термин «социокультурный» и использовал термин «социокультурный феномен»[6]. Учитывая знакомство П.А. Сорокина с феноменологией Э. Гуссерля и его приоритет в развертывании социокультурных исследований, можно предполагать, что его творчество содержит истоки социокультурной феноменологии и первые образцы описания социокультурных феноменов.

---

[1] Разделы о содержании социокультурного подхода имеются только в следующих работах: Лисс Э.М. Инновация как социокультурный феномен: автореф. дис. … д-ра социол. наук: 24.00.01. – Ростов н/Д, 2002; Аруцев М.А. Молодежная околоспортивная субкультура как социокультурный феномен: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.06. – М., 2007; Кончаковский Р.В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.06. – Екатеринбург; М., 2010.

[2] Тимощук Е.А. Теория социокультурных объектов в феноменологии Р. Ингардена: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Нижний Новгород, 2009.

[3] Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962.

[4] Сорокин П. А. Структурная социология // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. С. 184–189.

[5] Тимощук Е. А. Инструментальный реализм и социокультурная феноменология в современном образовании // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2016. № 1. С. 114.

[6] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. С. 673 и далее.

Анализ работ П.А. Сорокина показывает, что термины «феномен» и «феноменология» он использовал в нескольких парадигмальных матрицах.

Во-первых, он понимал феноменологию в общенаучном смысле как систематику явлений[1]. Так феноменология понимается во многих естественных и общественных науках. Например, М.Н. Клюшин пишет: «Таким образом, систематика психических расстройств при ортопедических заболеваниях различного происхождения была основана на феноменологическом принципе (симптом – синдром – состояние), где под феноменом понималось «любое индивидуальное целостное психическое переживание», а феноменология характеризовалась как "предварительная работа по представлению, определению и классификации психических явлений, как некой самостоятельной формы активности"»[2].

В данной парадигмальной матрице феноменология понимается как систематизированное эмпирическое описание явлений, завершающееся построением феноменологических теорий[3]. Размышляя в рамках именно данной матрицы, П.А. Сорокин указывал на непрерывную изменчивость эмпирически фиксируемых социокультурных феноменов (явлений)[4] и обусловленную этим непрерывную изменчивость эмпирических (т.е. феноменологических) социальных теорий[5].

Во-вторых, П.А. Сорокин подчеркивал свое следование феноменологии Э. Гуссерля, позволяющей, на его взгляд, фиксировать «социально-объективный» смысл явления культуры, не всегда совпадающий с его психоло-

---

[1] Сорокин П. А. Преступление и кара: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – Сыктывкар: Анбур, 2015. С. 103.

Представляется правильным наблюдение М.К. Мамардашвили о том, что феноменология – это не столько восходящее к трудам Э. Гуссерля отдельное направление в философии, а сколько необходимый момент всякой философии. См.: Мамардашвили М.К. Феноменология – сопутствующий момент всякой философии // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 55.

Соответственно, гносеологические характеристики феноменологического уровня отображения в науке, философии, искусстве и в других видах духовно-практической деятельности должны быть идентичны.

[2] Клюшин М.Н. Феноменология и систематика психических расстройств при врожденных и приобретенных ортопедических заболеваниях // Казанский медицинский журнал. 2009. № 2. С. 185.

О знакомстве П. А. Сорокина с феноменологией психических процессов см.: Сорокин П.А. Преступление и кара: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. С. 239.

Примеры современных феноменологических исследований см.: Чижов М. В. Теория и феноменология киральных частиц со спином единица: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук: 01.04.02. – Дубна, 2009; Ильин А.П., Мостовщиков А.В. Феноменология формирования монокристаллов нитрида алюминия в магнитном поле в условиях теплового взрыва // Известия Томского политехнического университета. 2014. № 3; Реуцкий В. Г., Зубей Е. С., Скуратович Т. А. Феноменология и идентификация стресса у растений // Ботаника (исследования). Мн.: Право и экономика, 2006. Вып. 34; Шегабудинов Р. Ш., Краюшкина М. М. Феноменология уличной преступности (постановочные проблемы) // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 2.

[3] Баженов Л.Б. Иерархическая структура объяснения *и* статус феноменологических теорий // Философия науки. М.: ИФ РАН, 1998. Вып. 4.

[4] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 797.

[5] Там же. С. 874.

гическим смыслом[1]. Впрочем, излагая способы социально-феноменологической интерпретации внутреннего аспекта культурных явлений, П.А. Сорокин, как представляется, в действительности шел другим путем, нежели Э. Гуссерль.

Как известно, для феноменологической традиции в целом и на всех ее этапах осталась неразрешенной провозглашенная Э. Гуссерлем задача возвращения «Назад к самим вещам!» Феноменологи, как правило, не занимались описанием феноменов, и само понятие феномена осталось у них «оперативным», непроясненным понятием[2]. Поэтому исследователи социокультурных феноменов не могут воспользоваться какой-либо методикой, разработанной в феноменологии. Опыт П.А. Сорокина интересен в том отношении, что как социолог он не мог отказаться от изучения эмпирически данных разнообразных феноменов и поэтому, отталкиваясь от идей Э. Гуссерля, был вынужден искать свой оригинальный путь «к вещам».

Первый способ социально-феноменологической интерпретации П.А. Сорокин видел в обнаружении объективно существующих статистически значимых причинно-функциональных связей между переменными культуры (между плотностью населения и преступностью, коммерческими циклами и уровнем смертности и т.п.)[3]. Очевидно, что этот тип феноменологической работы относится к общенаучному пониманию феноменологии.

Второй способ социально-феноменологической интерпретации внутреннего аспекта явления культуры П.А. Сорокин видит в ее логическом понимании[4]. Композиция феномена может быть, на его взгляд, настолько сложна, что причинно-следственные связи практически невозможно выявить. В этом случае устанавливается логический смысл явления.

Очевидно, что данный способ феноменологической интерпретации явным образом ассоциируется с «Феноменологией духа» Гегеля. В эпистемологическом плане такая интерпретация означает использование какой-либо феноменологической теории, в концептуальной схеме которой объясняемому явлению находится (или приписывается) некоторый концептуально необходимый смысл.

Таким образом, оба выделенных П.А. Сорокиным способа социально-феноменологической интерпретации феноменов культуры находятся в границах общенаучного понимания феноменологии как уровня (этапа) познания. Иначе говоря, при экспликации социально-феноменологической позиции следование Э. Гуссерлю оказывается декларативным.

Означает ли это, что П.А. Сорокин не учитывал положения гуссерлевской феноменологии? Б.В. Джонстон утверждает, что феноменологическая ориентация П.А. Сорокина состоит в выводе понятия культурных менталитетов из зна-

---

[1] Там же. С. 931.

[2] Ямпольская А.В. Феноменологический метод и его границы: от немецкой к французской феноменологии: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2013. С. 25-26. См. также: Финк О. Оперативные понятия феноменологии Гуссерля // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. № 1; Сафронов П.А. Учение о феномене в фундаментальной онтологии: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.01. М., 2006

[3] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. С. 58.

[4] Там же. С. 59.

чения / интенциональности как исходного пункта. «По Сорокину, люди имеют дело не с миром не непосредственно, а со значениями этого мира», – пишет Б.В. Джонстон[1]. На мой взгляд, общий контекст творчества П.А. Сорокина дает основания полагать, что в этом ключевом пункте его символизм и феноменология совпадают[2].

И, в-третьих, социокультурный феномен П.А. Сорокин определял в специфически авторском смысле в контексте трактовки общей социологии как социокультурной теории.

С одной стороны, П.А. Сорокин писал, что социокультурные феномены (явления) изучает историческая наука, которая концентрирует свое внимание на объектах, уникальных и неповторимых во времени и в пространстве (Соединенные Штаты, Авраам Линкольн, Тридцатилетняя война). В социокультурных феноменах (явлениях) социология, по его мнению, обращает внимание на общее, типическое, выделяя, например, в качестве феноменов самоубийство, преступление, революцию и т. п.[3]

С другой стороны, полагая социологию теорией родовых свойств, отношений и закономерностей социокультурных явлений, П.А. Сорокин родовой моделью любого социокультурного феномена считал значимое (т. е. символически опосредствованное) взаимодействие двух или более индивидов[4]. С точки зрения гуссерлевской феноменологии, данный способ фиксации феномена является описанием его внутреннего горизонта, раскрывающего структуру феномена.

Комментируя эти положения П.А. Сорокина, в первую очередь отметим, что социология является не только теорией, поскольку включает в себя прежде всего эмпирический уровень познания. Кроме того, такие социокультурные феномены, как Авраам Линкольн или самоубийство, едва ли получится описать на основе предложенной родовой модели социокультурного феномена.

Но в любом индивидуальном можно выделить общее и типическое, что позволяет рассматривать это индивидуальное как социокультурный феномен. В исторической науке выделение общего и типического предпосылочно по отношению к характеристике индивидуального. Поэтому социокультурное рассмотрение в истории необходимо, но недостаточно для полноценного исторического описания.

Таким образом, эксплицитно социокультурный феномен П.А. Сорокин определял сугубо в авторском смысле как единство социального (взаимодей-

---

[1] Джонстон Б.В. Экзистенциальная феноменология и социология Питирима Сорокина // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 2. С. 42.

[2] Применительно к ранней социологии П.А. Сорокина на это совпадение указывается в следующей работе: Лазебная К. П. Теория символического в творчестве П.А. Сорокина: историко-социологический анализ: дис. … канд. социол. наук : 22.00.01. – М., 2013. С. 51.

Интересно, что П.А. Сорокин, характеризуя феноменологическое течение в современной ему физике, выделял «символический феноменологизм». См.: Сорокин П.А. <Реф. кн.:> Новые идеи в философии. Сборник № 2–3: Борьба за физическое мировоззрение. – СПб.: Изд<-во> «Образование», 1912 // Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. СПб.: Міръ, 2014. С. 321.

[3] Сорокин П.А. Структурная социология. С. 161.

[4] Там же. С. 191.

ствия индивидов) и культурного (символического). Но, как мы видим, предложенная родовая модель эмпирически нерелевантна и неоперациональна. Она имеет частный характер и применима не ко всем эмпирически выделяемым социокультурным феноменам. Следовательно, проведенная П.А. Сорокиным теоретико-методологическая рефлексия опыта исследования социокультурных феноменов имеет недостаточно общий характер.

Для уточнения содержания социокультурной феноменологии П.А. Сорокина необходимо, думается, обратиться к образцам анализа отдельных социокультурных феноменов. Поскольку позицию, близкую к феноменологической, он занял уже на раннем этапе своего творчества, то в качестве искомого образца можно рассматривать, например, его этюд «Самоубийство как общественное явление»[1] (1913), в котором затрагиваются культурные аспекты данного явления.

Этюд начинается описанием того, как дан феномен самоубийства в нашем повседневном жизненном мире. Этот феномен дан дистанцированно – через сообщения газет – и в некотором многообразии проявлений. П. А Сорокин далее фиксировал ретенцию – восприятие этого явления в прошлом в сравнении с настоящим, а также протенцию – ожидание угроз, связанных с прогнозируемым ростом самоубийств в будущем. Естественной установке, выраженной в «бытовом отношении» к самоубийствам, П. А. Сорокин противопоставлял исследовательскую установку, осуществлявшуюся различными специализированными группами. Он признавал необычный, странный и зловещий характер этого феномена (не просто «бытового» и «понятного» явления) и формулировал интенцию борьбы с ним.

Далее ретроспективно очерчивается внешний горизонт феномена путем дифференциации самоубийства от внешне схожих с ним явлений – у животных, от ритуального самопожертвования, участия в войне и других случаев, когда добровольное прекращение жизни определено как обязанность, регламентированная обычаями. Сущность феномена самоубийства П.А. Сорокин определил как сознательное предпочтение смерти перед жизнью, воспринимаемой в качестве бессмысленной.

П.А. Сорокин выделял элементы феноменологического поля самоубийства: рассматриваются прибегавшие к нему известные личности, законы о самоубийцах, массовые умонастроения (пессимизм). Приводится статистика самоубийств и динамика ее показателей по странам.

Затем в ретроспективе описывается отношение к самоубийству со стороны духовной и светской власти в различных странах. Констатируется отрицательная оценка этого явления как «противонравственного» акта, влекшего за собой разнообразные уголовные наказания.

Далее критически оцениваются феноменологические теории (в т. ч. классиков художественной литературы), объясняющие самоубийства через различные причины и факторы. Формулируя собственную интерпретацию феномена, П.А. Сорокин исходит из статистически значимой взаимосвязи между ростом

[1] Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы. – СПб. Міръ, 2014.

самоубийств и ростом цивилизации и культуры. На его взгляд, чем больше культура создает условий для одиночества личности, тем больше самоубийств.

По его заключению, на почве социального одиночества определяющим фактором в динамике этого феномена становится безработица. Далее П.А. Сорокин обозначает социокультурную перспективу. Самоубийства может предотвратить, по его мнению, только путь любви, реализуя который, необходимо: а) организовать включение личностей в малые целевые группы (группы по интересам); б) обеспечить ликвидацию безработицы.

В методической схеме, примененной П.А. Сорокиным к анализу самоубийства, заметны приемы, характерные не только для общенаучной феноменологии, но и для гуссерлевской феноменологии. Так, Е.А. Тимощук подчеркивает, что с феноменологической точки зрения необходимо выявлять максимальное количество контекстов отражения объекта. «Несомненно, невозможно описать все отражения объекта в обществе и культуре, ибо они бесконечны, - пишет Е.А. Тимощук, – однако совершенно необходимо выявить доминирующие и миноритарные дискурсы…»[1]. Именно эту задачу решал П.А. Сорокин, описывая отношение к самоубийству со стороны духовных и светских властей, а также распространенные теоретические и художественные объяснения.

Необходимость процедуры выявления комплекса репрезентаций какого-либо явления объясняется тем, что это явление включено в межкультурные взаимодействия, в которых он осознается по-разному и в него вкладываются различные значения (смыслы). Поскольку суть явления в разных культурах фиксируется различным образом, то оно выступает конституируемым социокультурным феноменом, существующим в социальном единстве, но в культурном разнообразии.

Самоубийство является не единственным феноменом, проанализированным П.А. Сорокиным на основе социокультурного подхода. Аналогичные социокультурные описания даны по отношению к феноменам подвига и преступления, революции, голода и др. Таким образом, П.А. Сорокина можно считать основателем социокультурной феноменологии как области феноменологических исследований. Социокультурная феноменология является эмпирическим уровнем прикладного социального-философского исследования, рассматривающего бытие социального в его эмпирически-конкретном культурном разнообразии.

[1] Тимощук Е. А. Социокультурная феноменология политики // XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (19-20 марта 2015 г., г. Екатеринбург). – Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 528–529.

РАЗДЕЛ 2. СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В СВЕТЕ ИДЕЙ ПИТИРИМА СОРОКИНА

2.1. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н.Ю. Бухнер,
канд. социол. наук, доцент кафедры философии и социологии
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье приведены результаты применения социокультурного подхода к анализу активности личности в том числе, отражены результаты социологического исследования в Алтайском крае. Анализируются психологический и логико-смысловой аспекты социальных отношений, реализуемые в способе действия, активности личности

Ключевые слова: *социокультурное, активность, жизненный сценарий, условия жизни, потребности.*

Типология социокультурных процессов, культур и личностей П. Сорокина, являясь одной их широко известных и часто применяемых в современных исследованиях, подчеркивает бинарную взаимосвязь «социального» и «культурного», которая также является неотъемлемой для некоторых других концепций и теорий социологии. Введение компонента «культура» в изучение общества усиливает как познавательную, так и прогностическую функции социологии в сравнении с безусловно и заслуженно почитаемыми социологами социально-экономическим, структурно-функциональным и другими подходами.

Используемая П. Сорокиным в своих работах формула «личность, общество и культура как неразрывная триада позволяет, в том числе, рассматривать активность личности как отражение окружающей социальной среды»[1]. В подкрепление этого тезиса можно привести следующую цитату П. Сорокина: «Все

[1] Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. – С. 218-219.

социальные отношения имеют два аспекта – психологический и логико-смысловой (включая «причинно-функциональные элементы»[1].

Поскольку в социокультурном подходе П. Сорокиным было выделено, что любое социальное отношение нужно изучать с обеих точек зрения (психологической и логико-смысловой), мы взяли этот тезис за основу нашего исследования. Таким образом, в качестве психологического аспекта исследования модели активности личности нами была изучена удовлетворенность потребностей личности, выражающаяся, прежде всего в оценке конкретных условий жизни. Логико-смысловой элемент был проанализирован по такому критерию, как «жизненный сценарий», отражающий прежде всего «экономический» способ действия индивида. Выбор именно этих критериев обусловлен в том числе, работами М. А. Абрамовой, В. Г. Костюка, Г. С. Гончаровой, и других ученых, в которых «развивается представление о, российском обществе как особой цивилизации – социокультурной целостности евразийского типа, интегрирующей базовые ценности Востока и Запада и воспроизводящей определенный социокультурный тип личности, ядром менталитета которого являются ценности коллективизма, приоритета стабильности над переменами, достатка над стяжательством и т. д.[2].

С целью анализа активности личности сквозь призму социокультурного подхода, позволяющего выделить основания, формирующие направления и мотивы деятельности личности в пространстве периферийного сибирского региона (Алтайского края), в 2014 году было проведено социологическое исследование активности населения Алтайского края, в ходе которого было опрошено 200 человек. Респондентами стали жители Алтайского края, которым было предложено ответить на вопросы анкеты, включающей в себя 20 вопросов, касающихся как оценки населением условий жизни, возможностей для изменений, так и социально-демографических характеристик.

Как известно, одним из основных результатов и мотивов активности личности в освоении социального пространства является удовлетворение внутренних потребностей личности, проявляющееся в деятельности и реализующееся, как правило в определенных условиях жизни и развития личности. Исходя из данного тезиса в ходе исследования мы предложили участникам оценить конкретные условия жизни, при этом в своих ответах респонденты распределились следующим образом (диаграмма 1):

- ***Есть все необходимое для жизни*** – 35,1 %,
- ***Все не так плохо и можно жить*** – 41,1 %,
- ***Жить трудно, но можно терпеть*** – 21,9 %,
- ***Терпеть бедственное положение невозможно*** – 1,4%.

[1] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследования измнений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. – С. 503.

[2] Россия как цивилизация: сибирский ракурс / отв. ред. В. Г. Костюк; Рос. акад. наук, Сиб. отд-е, Ин-т философии и права. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. – 261 с.

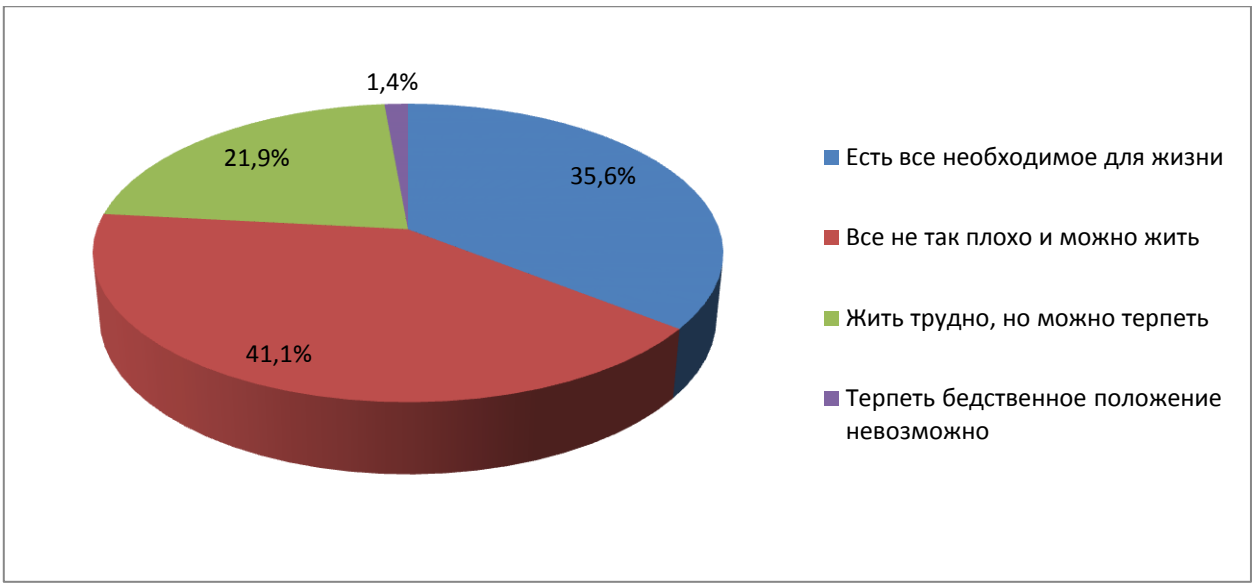

Диаграмма 1. Распределение ответов на вопрос «Какое из следующих определений наиболее подходит для оценки условий Вашей жизни?», в %

При более подробном рассмотрении распределения ответов можно обнаружить, что наибольшая часть респондентов (41,1 %) зафиксировали среднюю степень удовлетворенности условиями жизни, выбрав вариант ответа «Все не так плохо и можно жить». Тем не менее, являясь по численности второй группой, более одной трети опрошенных (35,6 %) охарактеризовали свои условия жизни как хорошие – «Есть все необходимое для жизни» – мы можем отнести выбор данного варианта ответа как проявление высокой степени удовлетворенности условиями жизни. Остальные респонденты – 23,3 % – в разной степени манифестировали в своих ответах неудовлетворенность условиями жизни, что проявилось в выборе вариантов ответов «Жить трудно, но можно терпеть» – 21,9 % и «Терпеть бедственное положение невозможно» – 1,4 %.

Подобное распределение ответов свидетельствует о невысоком уровне активности личности, направленном на изменение условий жизни. Общеизвестно, что уровень жизни в Алтайском крае невысокий, средняя заработная плата в 2016 году не превышает размера 18-19 тысяч рублей в месяц.

Мы предположили, что оценка респондентом условий жизни непосредственно связана с местом его проживания – городом или селом, что впоследствии и подтвердилось результатами исследования. Так, жители городов Алтайского края более оптимистичны в своих оценках условий жизни, нежели жители сельской местности (диаграмма 2).

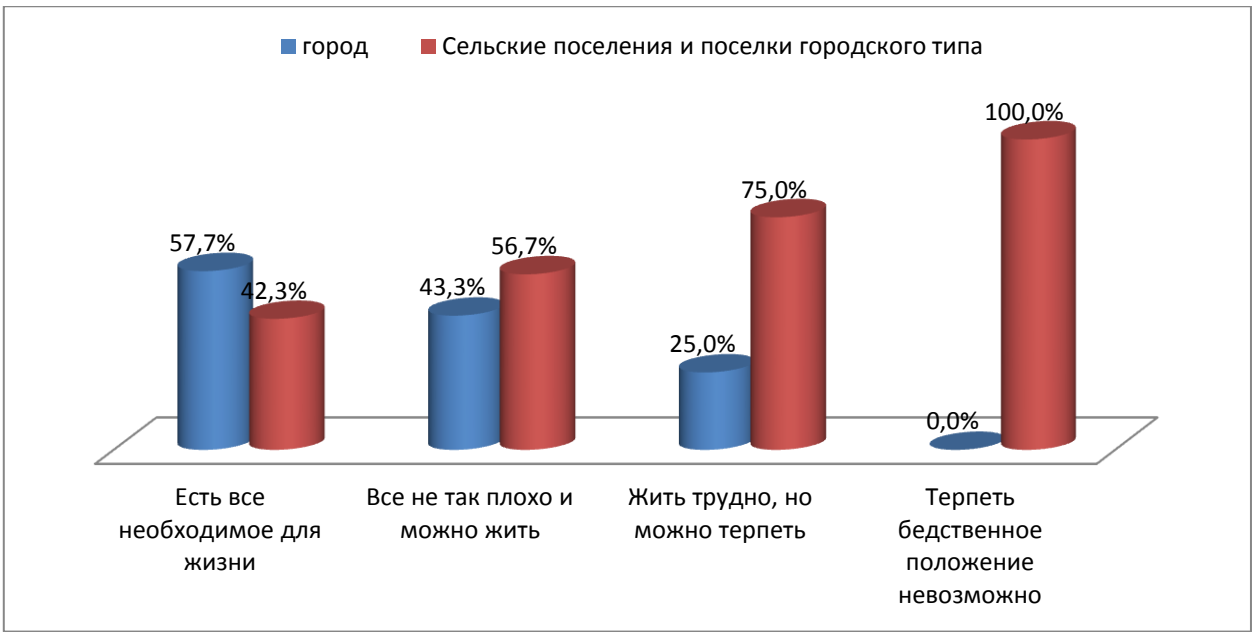

Диаграмма 2. Распределение ответов на вопрос «Какое из следующих определений наиболее подходит для оценки условий Вашей жизни?» в соответствии с местом проживания респондента, в %

Хотелось бы отметить тот факт, что существуют определенные гендерные отличия в оценке условий жизни. В ходе исследования нами были опрошены семьи, таким образом, респонденты мужского и женского пола, находясь в одинаковых условиях жизни, оценивают их по-разному, при этом «женский» взгляд несколько более оптимистичный, нежели мужской (диаграмма 3). Так, в своих ответа респонденты *женского* пола чаще выбирали варианты ответа «***Есть все необходимое для жизни***», «***Все не так плохо и можно жить***», в то время как респонденты *мужского* пола почти в два раза чаще, чем женщины, фиксировали ответ «***Жить трудно, но можно терпеть***».

Диаграмма 3. Распределение ответов на вопрос «Какое из следующих определений наиболее подходит для оценки условий Вашей жизни?» в соответствии с полом респондента, в %

Продолжая исследовать активность жителей Алтайского края, мы предложили им на выбор несколько «сценариев», позволяющих оценить выраженность их активной/пассивной жизненной позиции. Так, респондентам был задан вопрос: «Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать...?», ответы на который распределились следующим образом (диаграмма 4):

- Небольшой заработок, но больше свободного времени – 6,8 %,

- Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне – 57,5 %,

- Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее – 19,2 %,

- Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск – 8,2 %,

- Затрудняюсь ответить – 8,2 %.

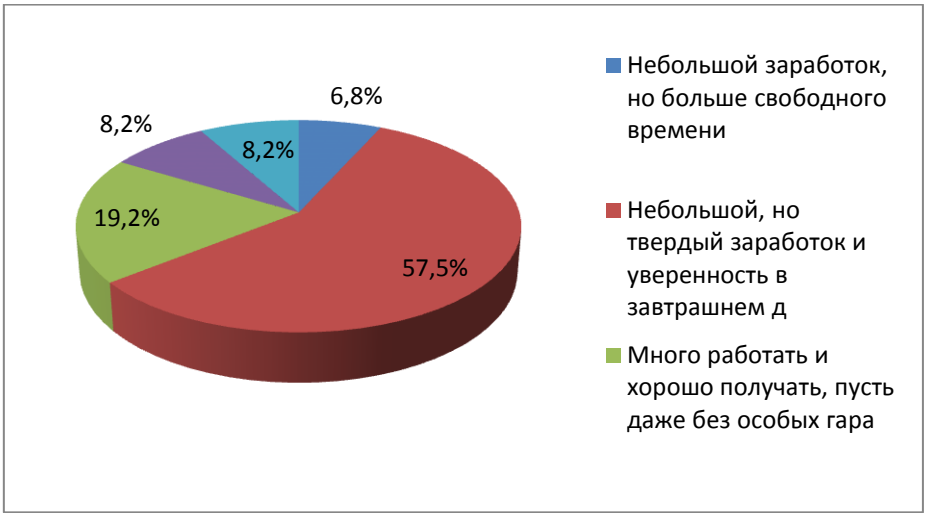

Диаграмма 4. Распределение ответов на вопрос «Что бы вы предпочли, если бы могли выбирать...?», в %

С целью сравнить и оценить активность населения Алтайского края мы сопоставили данные полученные нами в результате исследования с общероссийскими, опубликованными в ежегоднике «Общественное мнение – 2015», издаваемом Левада-центром. Так, в результатах, опубликованных Левада-центром, ответы респондентов распределились так:

– Иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени – 41 %,

- Много работать и хорошо получать пусть даже без особых гарантий на будущее – 42 %,

– Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск – 9 %,

– Затруднились ответить – 8 %[1].

С нашей точки зрения показателем активной жизненной позиции является выбор варианта ответа ***«Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее»***, который в два раза менее популярен у жителей Алтайского края (19,2 % к 42 %). Сравнивая полученные нами данные, мы мо-

[1] Общественное мнение – 2015. М.: Левада-центр, 2016. – С. 94.

жем отметить, что показатели активности жителей Алтайского края ниже, в сравнении со среднероссийскими показателями.

Также в исследовании мы пытались выяснить что, по мнению респондентов, является главным препятствием для изменений жизни. Другими словами, что мешает жителям Алтайского края проявлять активность в своей повседневной жизни, при этом респондентам предлагалось указать только одну, самую важную, по их мнению, причину. Хотелось бы особо отметить, что ответы на этот непростой вопрос распределились почти равными долями в соответствии с вариантами ответов, предложенными в анкете. Мы можем предположить, что нет «рецепта» активной жизненной позиции и то, что мешает одним, может являться стимулом, мотивировать других. В качестве примера и подтверждения такого тезиса можно привести тот факт, что 25 % опрошенных отметили, что «*семейные проблемы*» являются основным препятствием для изменений в жизни. В то же самое время остальная часть респондентов не посчитала данную причину весомой для себя. В целом ответы на вопрос «Что для вас является главным препятствием для изменения своей жизни?» распределились следующим образом:

– Семейные проблемы – 25,0 %,
– Отсутствие капитала – 19,5 %,
– Отсутствие желания – 19,6%,
– Изменение ценностных ориентаций – 19,2 %,
– Возрастные ограничения – 12,5 %,
– другое – 4,2 %.

Таким образом, применение социокультурного подхода является продуктивным, так как позволяет рассматривать активность личность в единстве с ценностями, условиями жизни и личностью самого человека.

Л.К. Гаврилина,
канд. пед. наук, доцент кафедры общей и специальной педагогики,
институт педагогики и психологии СГУ им. Питирима Сорокина

О СУБЪЕКТИВНОМ ПЕРЕЖИВАНИИ ХУДОЖНИКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье идет речь о специфике профессиональной идентичности художника. Отмечается отсутствие четких границ профессионального онтогенеза, неоднозначное отношение к результату, выраженная связь профессиональной идентичности с культурной. Приводятся свидетельства художников, подтверждающие указанные особенности.

Ключевые слова: *идентичность, виды идентичности, личностный и профессиональный онтогенез, фазы творческого процесса, творческая доминанта.*

Идентификация – это процесс эмоционального или иного самоотождествления человека с другим, человеком, группой. Идентичность – состояние и структура идентифицированности.

Вариативность форм идентичности, которыми обладает индивид, объясняется тем, что он действует и взаимодействует в различных социальных системах, в которых неодинаково определяет себя.

Типы идентичности[1]:

- Социальная (групповая, коллективная) – отражает принадлежность индивида к определенной социальной группе, строится через сферы пола, этничности, расы, религии, национальной принадлежности, возраста, области занятости и др., структурная совокупность различных социальных ролей.
- Полоролевая идентичность – отражает принятие индивидом своего пола и социокультурных стереотипов полоролевого поведения.
- Культурная идентичность – отражает осознанное принятие индивидом соответствующих культурных норм и образов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего Я с позиции тех культурных характеристик, которые нормативно поощряются в данном социуме.
- Этническая идентичность – переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других.

Профессиональная идентичность – один из видов социальной. В классификаторе профессий есть профессии «композитор», художник», «режиссер», «писатель». Профессия «поэт» отсутствует. И хотя очень часто используется выражение «поэты и писатели», в данной статье мы примем следующее положение: писатель – это общее понятие, включающее в себя и поэтов, и прозаиков[2]. Всех же деятелей искусства можно назвать художниками. С. Смирнова пишет: «Архетипическим для всех видов творчества является рисунок. Человек, работающий в любом виде творчества, неизбежно стремится свести свое произведение к рисунку, к картине»[3]. Художник как профессионал отличается от представителей других профессий: а) неопределенностью границ профессионального онтогенеза и неоднозначностью его связи с онтогенезом личностным; б) субъективным эмоциональным переживанием своей принадлежности к профессиональному сообществу; в) выраженной и эмоционально окрашенной связью профессиональной и культурной идентичности.

Далее об указанных отличиях.

Профессиональный онтогенез традиционно делится на восемь стадий:

1. Профессиональная ориентация

---

[1] Аринушкина Н.С. Об определении и типах идентичности // Мир психологии. 2004. № 2. С.48-53.

[2] Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2003; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд-во: М.: Технологии, 2006; Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель, АСТ, 2000.

[3] Смирнова С. Писатель как художник // Литературный Петербург. 2011. № 106. URL: demidovtsev.ru›press/publications…kak_hudojnik

2. Профессиональное самоопределение

3. Профессиональное обучение

4. Вхождение в профессию, становление профессиональной идентичности

5. Овладение профессиональным мастерством

6. Высокая профессиональная продуктивность и признание в профессиональном сообществе

7. Наставничество

8. Уход из профессиональной деятельности.

Профессиональные ориентация и самоопределение приходятся у большинства на подростково-юношеский возраст, уход из профессиональной деятельности – на пожилой. У художника встреча со своим Творческим Я с последующим избирательным отношением к соответствующей деятельности, успехами в ней и социальным признанием может произойти намного раньше подросткового возраста, а может и значительно позже. 8-я же стадия у многих совпадает с уходом из жизни.

Так, Моцарт в возрасте 3-х лет подбирал на клавесине терции и сексты. В 4 года написал свой 1-й концерт для клавесина, очень сложный даже для тогдашних взрослых европейских виртуозов. В 5 лет он начал сочинять несложные менуэты. К 6 годам юный Моцарт уже прекрасно играл на клавесине, органе, скрипке и под непосредственным руководством (“продюсерством”) отца в дуэте со своей 11-летней сестрой Анной-Марией начал триумфальную концертную деятельность по всей Европе.

Наш современник композитор Алексей Рыбников в 11 лет написал и музыку, и либретто к балету «Кот в сапогах».

Ника Турбина (1974–2002) начала писать стихи в 4 года, первый поэтический сборник «Черновик» вышел, когда ей не было и 10 лет. А в 12 лет она получила в Венеции премию «Золотой лев». Подобной премии до нее удостоилась только Анна Ахматова.

В детстве проявили тягу к живописи художники И.И. Бродский (1883–1939) и В.В. Кандинский (1866–1944). В школьные годы стремление к лицедейству и незаурядный талант в нем обнаружил И.М. Смоктуновский (1925–1994). Примеры «позднего» вхождения в творческую профессию: Поль Гоген (1848–1903) начал рисовать в возрасте 22 лет, актер Е.Я. Весник первую свою роль сыграл в 32 года, наш современник, известный композитор В.С. Дашкевич начал заниматься музыкой в 19 лет.

У людей большинства профессий с переходом в пенсионный возраст происходит «снятие» профессиональных ролей. Пенсионеры – бывшие экономисты, военнослужащие, работники торговли и т. д. Бывших художников не бывает. Более чем у других, у них звучит тема «оставления следа» не в привычном смысле (построить дом, посадить дерево, вырастить сына), а в смысле идентификации себя с продуктами творчества: в них, носящих имя создателя, художник останется художником и после смерти. А.С. Пушкин: «Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья избежит…»

Творческое долголетие, пребывание художника (писателя, композитора живописца, актера) в творческом процессе «до дней последних донца» – явление

известное. Из письма В.Б. Шкловского А. Марьямову: «Мне минула первая четверть 79 года…Вдохновение, однако, привязалось ко мне как чесотка. Ночью я иногда счастлив, сводя несводимое. Пиши…Творчество возвращает мир»[1].

Свою специфику имеет у художника соотношение трех линий развития человека: развитие его как сложного природного существа (индивида), как продукта общественных отношений личности и как субъекта деятельности, прежде всего, как профессионала[2]. Возможные варианты взаимодействия личностного и профессионального онтогенеза: а) личностное развитие опережает профессиональное и является предпосылкой того, чтобы человек состоялся как профессионал; б) профессиональное развитие опережает личностное и человек становится профессионалом, не сложившись в зрелую личность. Для большинства профессий и особенно типа «человек-человек» необходим первый вариант. Профессиональный успех в значительной мере определяется личностной зрелостью: сепарационные процессы завершены, посттравматические синдромы, психосоматика – сняты. Объявлять желательным такое же соотношение личностного и профессионального онтогенеза у художника нельзя. Можно не согласиться с последователями З. Фрейда в том, что вся мировая художественная культура – продукт сублимации энергии нереализованных желаний, но для части авторов это, видимо, так. Анна Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда…» В.В. Старовойтов отмечает: «Гёте любил говорить, что непреодолимое желание освободиться от собственных душевных мук заставило его написать роман «Страдания юного Вертера». Бунин также писал, что поэт не должен быть счастливым, ибо это «хуже для писания». Свои конфликты поэт (писатель) может прорабатывать с помощью создаваемых им образов, наделяя (путем проекции и экстернализации) своих героев противоречивыми чертами своей личности. Чем глубже проработка характеров героев, тем больше вероятность освобождения поэта (писателя) от конфликтов и достижения им более зрелого отношения к жизни»[3].

У любого профессионала осознание своей принадлежности к профессиональному сообществу поддерживается: а) включенностью в профессиональную деятельность; б) презентацией результатов расширенному профессиональному сообществу, управляющим субъектам; в)социальной оценкой результата (карьерный рост, награды, звания и т. п.) Социальная оценка является значимым фактором формировании профессиональной Я-концепции: «Я – хороший профессионал» или «Я – плохой профессионал». Указанные моменты имеют свою специфику у художника.

Профессиональная идентичность художника также внешне «маркирована» принадлежностью к творческим союзам, участием в творческих конкурсах, выставочной, публикационной и иной активностью, то есть звучанием индивидуального голоса в «хоре» собратьев по цеху. Субъективное же переживание сво-

[1] «Буду писать письмо. Фильма подождет» Переписка Виктора Шкловского и Александра Марьямова // Новый мир. 2012. № 12. С.131-150.

[2] Бодалев А.А.О взаимодействии индивидного, личностного и субъектно-деятельностного развития взрослого человека // Мир психологии.1999. № 2. С.44-49.

[3] Старовойтов В.В. Психоанализ и художественное творчество // Журнал практической психологии и психоанализа. 2006. № 3 URL: psyjournal.ru›Все статьи›detail.php?ID=2958

ей принадлежности к «художественному цеху» связано с психологией художественно-творческого процесса и психологией личности художника.

Я.А. Пономарев подробно описал четыре фазы творческого процесса[1]:

1) фаза произвольного логического поиска;
2) фаза инкубации (интуитивного решения);
3) вербализация интуитивного решения;
4) формализация интуитивного решения

И в научном, и художественном творчестве можно выделить вышеупомянутые фазы. Если задача по силам сознанию, то в первой фазе она решается. Если нет, то передается в ту часть бессознательного, которая отвечает за творческий процесс (сверхсознание – в терминологии П.В. Симонова, надсознание – в терминологии М.Г. Ярошевского). Когда совместный продукт работы сознания и интуиции «поступит» в сознание как инсайт – неизвестно. Объективно творческий процесс непрерывен. И одни художники, внутренне ощущающие эту непрерывность, могут сказать: «Больше всего я работаю, когда ничего не делаю». Другие фазу инкубации переживают болезненно: появляется страх необратимого прекращения творческого процесса, страх утраты таланта.

Любая пауза страшит.
А вдруг Господь тебя лишит
(бывает и такая кара)
Столь незаслуженного дара.

Лариса Миллер

В художественном творчестве может быть менее выражена или вообще отсутствовать фаза сознательного поиска. Вместо нее – фаза «брожения воображения» или накопления непосредственных впечатлений с их последующей переработкой на уровне сознания и сверхсознания и инсайтом. То есть творческий процесс объективно непрерывен, будь в нем три или четыре фазы. М. Цветаева: «Рабочий после завода идет в кабак – и прав. Я – рабочий без кабака, вечный завод»[2].

Многие интроспективные наблюдения и свидетельства говорят о том, что художнику мгновенно является образ будущего результата.

«Целое всегда стоит перед моими глазами», – свидетельствует в одном из писем Бетховен. «В звуке мне подано будущее целое», – констатирует А. Белый[3]. «Мой фильм готов, его осталось только снять», – говорит кинорежиссер Рене Клер. Замысел рождается в фазе инкубации в правом полушарии, а воплощается с участием левого. Перевод с языка правополушарного на язык лепополушарный не может быть абсолютно точным. Расхождением между за-

[1] Пономарев Я.А. Основные звенья психологического механизма творчества // Интуиция. Логика. Творчество. – М.: Наука, 1987.
[2] Цветаева М. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 390.
[3] Вайман С.Г. Диалектика творческого процесса // Художественное творчество и психология. М.: Наука. 1991. С. 3-10.

мыслом и его воплощением объясняется психологический феномен неудовлетворенности художника результатом.

Варианты его проявления:

1. Автор оставляет работу незавершенной. Известно, что часть работ оставил незавершенными Н.Н. Ге по причине недовольства ими.

2. Автор «застревает» на работе, стремясь улучшать и улучшать. Не все могут принять к сведению слова Родена: «Скульптуру нельзя закончить. Ее можно оставить».

3. Автор обесценивает свою работу, крайний вариант – уничтожает.

Герхард Рихтер (1932) жестоко критиковал свои работы, ненавидел свою живопись. Н.Н. Ге уничтожил свою картину «Милосердие».

Уничтожили свои ранние стихи Иван Суриков (1841–1880), Анна Ахматова(1889–1966).

Установка на восприятие внешних оценок задана строками Пушкина: «Поэт, не дорожи любовию народной…».

Самолюбование, как и «любовь народная», может стать помехой творчеству. Журналист Виктория Пешкова задает вопрос современному молодому поэту Владу Маленко[1]:

– У каждого творческого человека есть свой индикатор «верного курса». Как выглядит ваш?

– Это такой «гамбургский счетчик» внутри. Я его обнуляю каждое утро: просыпаюсь с пониманием, что надо заслужить и хлеб, и уважение конкретных людей в этот конкретный день. В моем случае чувство неуверенности, разных суперфобий гармонирует с веселой убежденностью в правоте творчества, если оно имеет отклик.

Но как только я начинаю испытывать гордость, включается пожарный кран: «Стоп!» И холодный душ…Радость – другое дело…

В одном из своих стихотворений поэт так объясняет необходимость «пожарного крана»:

В поисках снежных зерен горящим летом
Все мы порой доходим до кипящей точки.
Ты знаешь, очень опасно себя называть поэтом.
Это мешает выхлебывать новые строчки…

Итак, пребывание в творческом процессе для художника важнее результата – как его внешней оценки, так и внутренней. Б. Пастернак: «Пораженье от победы ты сам не должен отличать». «Застревание» на переживании результата – остановка в творческом процессе, что противоречит его природной непрерывности.

Нельзя не отметить выраженную связь профессиональной идентичности художника с идентичностью культурной, этнической. Творчество имеет социальную природу. Пребывание вдали от Родины – риск утраты творческой доминанты. Тоскуют на чужбине О. Мандельштам, М. Цветаева, С. Прокофьев, С. Рахманинов.

О. Мандельштам: «В стенах Акрополя печаль меня снедала по русском имени и русской красоте».

---

[1] Влад Маленко: «Театр поэтов родился. С ним будет непросто, но интересно». Беседу вела Виктория Пешкова // Литературная газета. 2015. № 32. 5-11 августа 2015. С. 8.

М. Цветаева: «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, мне всё – равно, и всё – едино. Но если по дороге – куст встает, особенно – рябина...»

С. Прокофьев: «Воздух чужбины не возбуждает во мне вдохновения, потому что я русский и нет ничего более вредного для человека, чем жить в ссылке, находиться в духовном климате, не соответствующем его расе. Я должен снова окунуться в атмосферу моей родины, я должен снова видеть настоящую зиму и весну, я должен слышать русскую речь, беседовать с людьми, близкими мне. И это даст мне то, чего так здесь не хватает, ибо их песни – мои песни»[1].

С. Рахманинов: « Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись родины, я потерял самого себя»[2]. Рахманинов остался жить в Америке, а свою тоску по родине выразил в Третьей симфонии. Через все творчество он пронес незыблемость своих этических принципов, высокую духовность, верность и неизбывную любовь к Родине, олицетворением которой стало его искусство.

Даже самореализовавшиеся в иной социокультурной среде люди художественного склада воспринимают период жизни на Родине как жизненный старт и пожизненный ресурс.

В своем автобиографическом романе П. Сорокин пишет: «Я рад, что прожил детство в этой девственной стране. Даже сейчас, если бы мог выбирать, я не променял бы ее на самую цивилизованную среду обитания в самом лучшем жилом районе самого прекрасного города в мире. Я счастлив, что имел возможность жить и расти в этой природной стихии до того, как ее разрушили индустриализация и урбанизация. …коми народ обладал замечательной эстетической культурой, которая обогащала и облагораживала души этих людей. Она скрашивала и мое существование и, будучи впитана в детстве, сформировала мой эстетический путь и всю жизнь»[3].

Таким образом, профессиональная идентичность художника обладает рядом особенностей, обусловленных как психологией творческого процесса, так и психологией личности творца.

[1] Федоренко Е. Сергей Прокофьев: «Воздух чужбины не возбуждает во мне вдохновения» // Культура. 2016. 19.04.

[2] Рахманинов С.В. Письма. – М.: Музгиз, 1955. С. 5-62.

[3] Сорокин П. Долгий путь. – Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. С. 10, 14.

В.В. Грибанов,
д-р полит. наук, проф. проф. кафедры политологии
и международных отношений
института гуманитарных наук
СГУ им. Питирима Сорокина

М.В. Лукин,
канд. психол. наук, доцент, доц. кафедры
государственного управления и местного самоуправления
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ПИТИРИМ СОРОКИН И ПРОБЛЕМЫ ОРИЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ НА ГАРМОНИЗАЦИЮ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы преодоления цивилизационного кризиса, основные признаки которого и пути выхода были отмечены в работах П. Сорокина. Приводится обоснование необходимости разработки и использования методологии гармоничного развития общества. Делается вывод о необходимости формирования новой политической и управленческой элиты, ориентированной на приоритетное решение проблем социального развития, создание условий для удовлетворения растущих потребностей населения.

Ключевые слова: *гармония, гармонизация, цивилизационный кризис, реформирование, политическая элита.*

Питирим Сорокин, рассматривая возможный выход страны из цивилизационного кризиса, основные признаки которого присущи и современной России, предупреждал, что единственно возможной стратегией его преодоления может быть только эволюционное реформирование, базирующиеся на таких установках, как:

- учет особенностей человеческой природы и базовых инстинктов;
- тщательный научный анализ конкретных социальных условий, предшествующий практической реализации реформ;
- практическое опробование предложений на микроуровне и только после получения позитивных результатов их перенос на макроуровень;
- строгое соблюдение при реформировании правовых и прежде всего конституционных норм[1].

Преодоление последствий кризиса, который в России имеет двойную природу[1], требует разработки новой, системной идеологии общественного развития.

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. С. 426-444.

Радикальное изменение общественно-политической ситуации в мире, произошедшее на рубеже смены веков, вызвало необходимость пересмотра основополагающих концепций, характеризующих отношения между различными сферами экономической, политической и социальной жизнедеятельности общества.

В настоящее время важным условием реализации стратегических планов и задач, стоящих перед Россией на ближайший период (преодоление последствий кризиса, выход на траекторию инновационного развития, усиление экономической и социальной интеграции с миром) и на перспективу, является консолидация общества (прежде всего, конструктивных сил) в отношении выработки и реализации стратегий преодоления имеющихся проблем и трудностей в развитии России и путей достижения обоснованных целей, достойного ответа на вызовы, обусловленные глобальными тенденциями и цивилизационными процессами.

Радикальное изменение общественно-политической ситуации в мире, вызвало необходимость пересмотра основополагающих концепций, характеризующих отношения между различными сферами экономической, политической и социальной жизнедеятельности общества.

Концепция устойчивого развития, касающаяся как социально-экономических, так и экологических, политических и гуманитарных проблем, берущая начало в 1992 году в определенной степени способствовала концентрации усилий на решении комплекса социально-экономических проблем в ряде стран, решения проблем демократизации и защиты отдельных слоев общества, повышении внимания к экологическим проблемам и сохранении ресурсов Земли для последующих поколений.

В связи с этим в настоящее время, применительно к решению различных задач, касающихся развития регионов и других сложных социально-экономических систем, превалирует концепция устойчивого развития. Вместе с тем отдельные положения данной концепции вызывают вполне обоснованную критику ряда ученых, в частности, С.Л. Катаева, С.Б. Лаврова, Е.К. Федорова, Б.С. Хорева и др.[2] Критика касается отсутствия определенности в таком ключевом понятии, как «устойчивость», прогрессирующее ухудшение экологической ситуации в разных странах мира (несмотря на то внимание, которое в концепции уделено природоохранной деятельности), уязвимость

---

[1] Двойная природа обусловлена сложением эффектов внутреннего системного кризиса, обусловленного в определенной степени деструктивным характером реформ 80–90-х годов, и действием мирового финансово-экономического кризиса.

[2] Катаев С.Л. Концепция общества устойчивого развития: синергетическая интерпретация // Практична філософія. 2003. № 1. С. 137-144; Лавров С.Б. Глобальные проблемы современности: часть 2. – СПб.: СПбГУПМ, 1995; Федоров Н.В., Кураков Л.П. Прогнозирование социально-экономического развития регионов Российской Федерации. – М.: Пресс-сервис, 1998; Хорев Б.С. Сравнительный анализ социально-экономического и демографического развития стран мира и России для оценки условий инвестирования / Науч.-аналит. Центр РСЭДиГИиП. – М.: СИМС Слово, 1999.

стран финансово-экономическим кризисам, проблемы с демократическими преобразованиями, противоречащим традиционным ценностям и т. п.

Кризис современной цивилизации, проявляющийся в различных формах и явлениях, не позволяет считать реализацию данной концепции в различных странах и регионах мира успешной. В качестве определенного позитива в использовании концепции устойчивого развития можно назвать, например, ряд мер в Европейском Союзе, предпринятых странами Европы по решению отдельных задач пространственного развития регионов[1]. Однако позитивный опыт реализации данной концепции, не разрешающей всех спорных ситуаций, несомненно, имеет локальный, ограниченный характер.

Выбор гармонизации в качестве приоритетной характеристики при формировании целей развития, по нашему мнению, будет способствовать успешности функционирования механизмов социальной регуляции, поскольку гармонизация предполагает учет менталитета населения и доминирующих потребностей жителей стран и регионов, привлечение к этой деятельности институтов гражданского общества, в том числе политической элиты.

Следует отметить, что термин «экономическая гармония» впервые стал использоваться в экономической науке еще в середине XIX века в работах французского экономиста Ф. Бастиа и одного из основателей американской политической экономии Г.Ч. Кэрри, которые акцентировали внимание на предпринимательской инициативе и свободе, как более значимых по сравнению с производством факторов. Вместе с тем К. Маркс критиковал взгляды этих экономистов, считая их данью романтизму и утопии, принципиально несовместимыми с положениями и принципами политической экономией капитализма[2].

Идеи гармонизации общественных отношений всегда находили себе место в работах политологов и социологов, среди которых особо следует выделить Питирима Сорокина, по мнению которого в мировой практике в цивилизационном тренде идет процесс сближения, интеграции стран с разным экономическим и социальным укладом[3].

Возрождение идей гармонизации во второй половине XX века стало следствием определенного сближения идей рыночной и плановой экономики, усиления роли государства в ряде стран с рыночной экономики, становления теории эволюционной экономики, применения экономико-математических моделей. Характерно, что идеи гармонизации нашли воплощение и в частности в политике модернизации КНР, где для преобразования общества на основе «научного развития» были использованы следующие принципы: прежде всего

---

[1] European Spatial Development Perspective (Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union), ESDP. URL: http://www.vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpf/frames/guide/esdp/htm

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

[3] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. М.· Политиздат, 1992. – 543 с.

люди; необходимо сбалансированное и стабильное развитие; планирование должно учитывать интересы всех сторон[1].

Идеи гармонизации экономики в последние годы прослеживаются в работах таких авторов, как: Н.Д. Матрусов, А.С. Муратов и др.[2] В частности, Г.Б. Клейнер под гармоничной экономикой понимает «…такую форму организации экономической деятельности, при которой достигается интегральная пространственно-временная сбалансированность и целостность системы при условии устойчивого эволюционного развития»[3].

По мнению А.С. Муратова, в настоящее время имеются достаточные обоснования говорить о переходе от концепции устойчивого развития к качественно новой концепции гармоничного развития экономических систем[4].

На фоне данных работ, рассматривающих процессы гармонизации социально-экономических систем с достаточно близких, институциональных по своей сути позиций, особое место занимает «концепция гармонизации экономического развития», казахского мыслителя У. Баймуратова, которая одновременно сочетается с демократическим, демографическим и духовным ростом социума. В концепции утверждается, что стремление к гармонизированной социальной экономике в наибольшей степени соответствует запросам подавляющей части населения[5].

Нами предложена гипотетическая схема динамики смены концептуальных основ управления развитием стран и регионов (рис. 1). До 90-х годов прошлого века в разных странах мира преобладала концепция социально-экономического развития. Одним из ключевых принципов данной концепции, в определенном смысле базирующейся на работах российско-американского экономиста Василия Леонтьева, являлось положение, что для наиболее развитых стран мира основная опасность заключается в наличии отсталых в социально-экономическом смысле стран, поэтому общее цивилизационное развитие обеспечивается за счет целенаправленной помощи данным странам.

В связи с этим приведем обоснование категорий «гармоничности» и «сбалансированности», применительно к развитию регионов и МО, а также рассмотрим необходимость их совместного взаимодополняющего применения к подобным сложным социально-экономическим системам.

---

[1] Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. 8 столпов нового общества. – М.: Астрель, 2012.

[2] Матрусов Н.Д. Региональное прогнозирование и региональное развитие России. – М.: Наука, 1995; Муратов А.С. Эволюционно-генетическая теория развития экономических систем: гармонизационный подход // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 4.

[3] Клейнер Г.Б. Экономика и гармонизация хозяйства // Экономические стратегии. 2008. № 05-06. С. 73.

[4] Муратов А.С. Эволюционно-генетическая теория развития экономических систем: гармонизационный подход // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 4.

[5] Баймуратов У. Гармония общества и экономики: мировая парадигма. Алматы: Экономика, 2010. – 358 с.

Уровень методологии:

⇨

Уровень стратегий:

Уровень технологий управления: Программно-целевое управление / Проблемно-ориентированное управление

Управление по результатам / Сбалансированная система показателей / Реинжиниринг

Проектное управление

Рис. 1. Схема динамики смены концептуальных основ управления развитием стран и регионов

Гармоничность определяется как свойство сложной социально-экономической системы, заключающееся в соразмерном, согласованном (в определенной степени компромиссном) развитии ее основных элементов (социума, экономики, окружающей среды, институциональной сферы и ряда др.). То есть речь идет о ***гармонизации*** как процессе, и в достижении некоторого желательного, планируемого или прогнозируемого состояния данной системы (характеризуемого пропорциональностью, согласованностью ее элементов), то есть – ***гармонии*** как результате[1].

Иными словами, по мнению авторов, обеспечение ***сбалансированности*** социально-экономической системы имеет ***инструментальный характер***, связанный с выработкой и реализацией всеми субъектами, действующими в сфере жизнеобеспечения и развития конкретной социально-экономической системы, стратегий и действий, влияющих на изменение в системе балансов, в максимальной степени соответствующих потребному или прогнозируемому состоянию этой системы. Соответственно ***гармоничности*** в большей степени присущ ***ценностный характер***, определяемый, с одной стороны, достигнутыми позитивными изменениями в общем состоянии социально-экономической системы, а с другой стороны, ростом ее благоприятного имиджа, экономической и социальной значимости, отраженным в общественном мнении, сформированном основными группами населения региона и внешними наблюдателями достигнутого результата.

Таким образом, разработка подобной научной методологии важна для всего мирового сообщества, поскольку имеются все признаки цивилизационного кризиса, выделенные П.А. Сорокиным, и, соответственно, приоритет России в разработке и прикладном применении подобной прогрессивной методологии может иметь широкий позитивный резонанс.

[1] Лукин М.В. К проблеме формирования концепции сбалансированного гармоничного развития административно-территориальных образований // Вестник РАЕН (СПб). 2012. № 16(2). С. 164-166.

В частности, в настоящее время актуальны процессы формирования новой политической и управленческой элиты, ориентированной на приоритетное решение проблем социального развития, создание условий для удовлетворения растущих потребностей населения (в том числе духовных). Действующие в настоящее время и в ближайшем будущем члены элиты должны ориентироваться на новее вызовы, на повышение уровня координации власти, отраслевых структур, науки, общественных организаций, бизнес-сообщества и населения в решении проблемных задач развития России и регионов (преодоления таких явлений, как депрессивный тренд экономического и социального развития ряда регионов, особенно с монопрофильной экономикой; устойчивой депопуляции, особенно в периферийных территориях страны; дисбаланс между рынком образовательных услуг и рынком труда, кризис институтов семьи и образования, недостаточное развитие институтов гражданского общества и пр.)[1].

В связи с этим, использование научного наследия выдающегося представителя народа коми Питирима Сорокина должно занять достойное место в современной практике решения задач формирования новой элиты для реформирования России.

Выводы:

1. В настоящее время актуальной представляется задача поиска стратегий разрешения противоречий между различными субъектами экономических отношений, определяемых различиями их интересов. В связи с этим процесс минимизации и снятия данных противоречий, реализуемый в определенный период времени за счет определенных скоординированных действий экономических субъектов является в значительной мере гармонизирующим процессом, в конечном результате приводящим к определенной гармонии.

2. Необходимость решения задач преодоления определенного кризиса российского общества, модернизации экономики и социальной сферы обуславливает потребность в разработке и внедрении прогрессивной и гуманистической концепции развития общества в целом (на уровне мира и страны), а также различных социально-экономических общностей и других социальных институтов.

3. Особенность современной социально-экономической ситуации в России заключается в том, что реформирование различных сторон жизнедеятельности общества, как это следует из работ П. Сорокина, должно сопровождаться мерами по обеспечению эффективной социально-экономической политики, которая должна быть целенаправленной, понятной всем слоям населения, реальной и непротиворечивой (в том числе в нормативно-правовом и организационном планах).

---

[1] Грибанов В.В., Лукин М.В. Проблемы динамики политических элит в работах Питирима Сорокина // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы I Всероссийского элитологического конгресса с междун. уч., 7-8 окт. 2013. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. Т. 1. С. 557-564.

И.А. Грошева,
канд. социол. наук, доцент, докторант
Тюменский индустриальный университет

И.Л. Грошев,
канд. социол. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных
и общенаучных дисциплин

Л.И. Грошева,
старший преподаватель кафедры гуманитарных
и общенаучных дисциплин
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище

ШАБЛОНЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (В СВЕТЕ ИДЕЙ П. СОРОКИНА)

В статье авторы на основе работ П.А. Сорокина рассматривают проблему формирования стандартов (шаблонов) и социального контроля в институциональном пространстве общества. Отмечается, что высокая эффективность управления может быть достигнута через формирование социальных стандартов, обеспечивающих порядок, стабильность, упрочение жизнедеятельности индивидов. Предлагаются требования к социальным стандартам в целях обеспечения адекватности и социального контроля.

Ключевые слова: *социальный институт, институциональное пространство, социальный стандарт, общество, шаблон, социальная система, социальный контроль, управление.*

Развитие социальной системы предполагает действие и взаимодействие совокупности разнородных и разнохарактерных сил, имеющих противоречивый, порой конфликтный характер. Условный баланс, представляющий возможность эволюционного прогрессивного развития, достигается за счет двух факторов: во-первых, ситуативно-временной диспозиции (прямая выгода имеющегося статуса той или иной силы) и, во-вторых, латентных действий некоторых активных и пассивных участников в процессе консолидации (что может восприниматься как непрогнозируемая опасность для системы в целом при попытках деформации общественного устройства).

Управляющая система сталкивается с рядом социальных барьеров, преодоление которых разрушает ситуативное равновесие (смещение социальных лейтмотивов) и концентрирует социальную энергию в направлении поиска консенсуса и компромисса. В этом состоянии любой социальный институт обременён второстепенными функциями и не способен генерировать импульс «скачка общественного развития» (вывести социальную систему на качественно новый виток эволюционного развития). Вместо этого основные усилия перенаправля-

ются на формирование неких единых стандартов, демонстрирующих единство социального пространства. Ввиду невозможности достижения такого состояния возникает ситуация, в которой происходит поляризация социальных установок на декларируемые социальными институтами стандарты и реальные жизненные стандарты имеющихся в социуме сил. В обществе наблюдается группировка индивидуумов по различным критериям (основаниям) с объективным стремлением к самоидентификации через констатацию наиболее рельефных культурных, ценностных и поведенческих отличий, при этом противопоставление в состоянии достигать критических (пороговых) значений, за которыми следуют социальные деформации.

Структура социальных институтов обеспечивает нас типами стандартного поведения, и лишь в крайне редких случаях нам приходится придумывать для себя новые. Новый образ жизни никто не создаёт, индивиды располагаются в отдельных секторах социальной системы, и место в обществе почти полностью предопределяет, что и как они делают, – от языка до этикета, от разделяемых религиозных верований до статистической вероятности совершить самоубийство[1]. Регулятивную субструктуру социального поведения П. Сорокин видел в трёх устойчивых формах. Им соответствуют определенные социальные реакции: негативные (кара) и позитивные (награда).

1. Акты «дозволенно-должные» – это поступки, соответствующие представлениям о «должном» поведении. Поведение индивида является должным в случае соответствия правам и обязанностям, которыми его наделяют в обществе.

2. Акты «рекомендуемые». Такие акты носят добровольный характер, являются желательным дополнением к дозволенно-должному поведению и не противоречат представлениям индивида.

3. Акты «запрещённые» или «недозволенные». Такими актами для каждого будут те акты, которые противоречат его представлениям о «должном» поведения и нарушают его «должную» норму поведения (акты, противоречащие атрибутивно-императивным переживаниям)[2].

Институциональное пространство представляет собой систему правил, норм социальной деятельности, выражаясь в терминах П. Сорокина, шаблонов. Учёный не отрицал тот факт, что эти категории носят чисто формальный характер. Люди могут считать «должными» различные шаблоны поведения, а, следовательно, неодинаковыми будут и акты, которые каждый из нас будет считать рекомендованными и запрещёнными. Шаблон – это то, что сохраняет единство группы, и конфликты возникают порой из-за неодновременного изменения шаблонов взаимоотношений у различных индивидов, входящих в группу[3]. В этом пространстве имеются характеристики, позволяющие выявлять определённые недостатки, напряжения, пустоты. Деформация окружающего институциональ-

[1] Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива: пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 87.

[2] Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. С. 122.

[3] Там же. С. 357.

ного пространства должна находиться в зоне особого внимания, поскольку снижается эффективность действия основных социальных институтов и подвергается риску вся институциональная конструкция. Общество всё больше распадается на сетевые структуры, которые диктуют собственные шаблоны поведения, объединяют индивидов по интересам, независимо от каких-либо различий.

На примере американского общества последователь П. Сорокина, Р. Мертон продемонстрировал, как система выработанных культурных ценностей превозносила символы успеха, одинаковые для всех слоёв населения. Таким образом, полагалось, что устраняется социальное неравенство и устанавливается равенство возможностей. Ограниченностью возможностей и общей системой символов успеха в американском обществе объяснялись прямые корреляционные связи между бедностью и преступностью по сравнению с другими обществами, где жёсткая классовая структура сочеталась с различными символами продвижения. Р. Мертон акцентировал внимание на контроле со стороны общества и самоконтроле со стороны индивида. Однако введённые в обществе стандарты успеха постепенно вытесняли законные, но неэффективные попытки достичь искомого результата, уступая место средствам преступного и аморального характера. Р. Мертон полагал, что требования культуры к индивиду становятся несовместимыми, порождая либо антисоциальное поведение, либо революционное, причём равновесие между контролем и самоконтролем становится неустойчивым[1]. П. Сорокиным американское общество было идентифицировано как чувственная культурная суперсистема, где альфой и омегой комфорта стало материальное богатство. Согласно этому шаблону, денежная стоимость стала средством измерения научных, художественных и моральных ценностей. Фактически в своей книге «Социальная и культурная динамика» он раскрыл особенности развития общества потребления XX века, которое пышным цветом расцвело в России XXI века.

По мнению учёного, аскетическая идеациональная ментальность в своё время способствовала контролю человека над собой. Контролировались чувства, желания, эмоции, ощущения. Что касается других форм ментальности, то каждый из них предполагал развитие как самоконтроля, так и контроля над окружающей социальной средой. Активный идеационализм в большей степени делал акцент на самоконтроле, идеалистическая ментальность – это контроль внешний, оценивающий влияние среды. П. Сорокин обращал внимание на то обстоятельство, что контролирующие функции сильнее всего активизировались в двух крайних типах, т.е. в чувственном и идеациональном. В то же самое время пассивная чувственная ментальность не предполагала ни того, ни другого контроля, она лишь искала беспрепятственное удовлетворение индивидуальных желаний[2]. Конфликты желаний непременно влекли за собой принуждение, и следовательно, его внешние симптомы – кары и награды.

---

[1] Мертон К. Социальная структура и аномия // Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/mert_soc.php (дата обращения: 15.04.2015).

[2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вст. статья и комм. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. С. 70-76.

Как пример шаблона П. Сорокин рассматривал институт наследования детьми социального положения их родителей: тот, кто рожден в высокопоставленной семье, заслуживает, чтобы его тоже поместили в верхний слой, рожденный же в простой семье должен был занять более скромное положение. Семью сделали первым критерием для суждения об общих и специфических свойствах человека и первичным основанием для определения будущего социального положения индивида. Она играла огромную роль первичного основания социального отбора индивидов на определенную социальную позицию. Критериями отбора выступили наследственность и образование. Происхождение из знатной и хорошей семьи формировало благоприятную наследственность и достойное образование; происхождение из бедной семьи часто означало плохую социальную, умственную и физическую наследственность, а также дурное воспитание. Причем, по мнению П. Сорокина, эти две причины были хорошо известны в прошлом, и использовались евгенистами[1]. При прочих равных условиях, в обществе, где семья стабильна, брак длителен и неприкосновенен, браки между разными слоями немногочисленны, воспитание и образование детей происходит в семье, немногочисленны другие тестирующие и отбирающие силы роль семьи как тестирующей, отборочной и распределяющей силы весьма велика. В обществе такого типа наследование отцовского положения сыном естественно. Для семейственного типа социальных отношений в системе социального взаимодействия характерны следующие модальности.

1. Всеобъемлющая по экстенсивности. Для семьи характерна вся совокупность поступков и переживаний, из которой состоит жизнь человека. Радость или горе одного члена семьи влияет на настроение других; изменение в поведении или настроении одного отражается на поведении и настроении других. Ни одна сфера их деятельности и интересов не остается без влияния со стороны других.[2]

2. Высокоинтенсивная. Во взаимоотношениях членов семьи в большинстве случаев обнаруживается безграничная преданность, любовь и взаимность.

3. Солидарная направленность взаимодействия, т.е. устремления и усилия одной стороны совпадают с устремлениями и усилиями другой.

4. Длительная с точки зрения устойчивости существования.

Для таких социальных отношений социальная связь не обусловлена ни договором, ни соглашением. Большинство матерей хотят быть со своими детьми по внутреннему побуждению, органично.[3] Семейственные отношения позволяют примирить долг и дисциплину со свободой, а свободу – с жертвенностью. Родители не считают, что воспитание детей – это ограничение их свободы, своеобразное рабство.

П.А. Сорокина тревожил тот факт, что в современном обществе (таковым

---

[1] Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой; под общ. ред. В.В. Сапова. – М.: Academia; LVS, 2005. С. 170.

[2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вст. статья и комм. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. С. 553.

[3] Там же. С. 561.

для него было американское общество 50–60-х гг.) изменился шаблон (эталон) семьи. Она нестабильна, браки легко расторгаются, часто заключаются семейные союзы между членами различных слоев, где образование детей, начиная с самого раннего возраста, проходит в других институтах, количество которых велико и, как следствие, теряется исключительное значение семьи как основания для социального размещения индивидов.

Фактически шаблоны – это сложившиеся институционализированные стандарты, которые позднее были названы Т. Парсонсом «культурными эталонами». Практически не ссылаясь на П. Сорокина, он описал то же самое явление. Поскольку в современном обществе теряется возможность создания основы для прогнозируемого и регулируемого поведения людей, предсказуемость полностью исчезает и наступает то, что с полным основанием можно назвать культурным хаосом или аномией. Т. Парсонс понимал аномию как полярную антитезу полной институционализации, когда отсутствует структурированный комплементарный процесс взаимодействия и происходит полное разрушение нормативного порядка[1]. Институционализация ролевых ожиданий и соответствующих им санкций зависит от двух переменных. Во-первых, это общепризнанность ценностно-ориентационных стандартов; во-вторых, это мотивационная ориентация и включенность в выполнение ролевых ожиданий. Через любой из этих каналов можно влиять на степень институционализации.

По отношению к девиантам Т. Парсонс полагал допустимым применение трёх методов социального контроля: изоляция (прекращение связи индивида с окружающей социальной средой, например, тюрьма), обособление (частичное ограничение связи с окружающей средой, например, больницы для душевнобольных), реабилитация (процесс адаптации к обычным социальным связям после изоляции, например, после выхода из тюрьмы или программы по реабилитации наркоманов). Согласно системной концепции Т. Парсонса, контроль осуществляется посредством нормативных институционализированных стандартов, которые должен усвоить индивид для формирования самоконтроля и противодействию девиантному поведению.

Немаловажная роль отводилась культурным эталонам в жизни общества, так как тенденции к девиантному поведению создают определённые проблемы для социальной системы, следовательно, им нужно противопоставить для устранения дисфункциональных последствий механизмы контроля. Если культурные ресурсы не будут при помощи интернализации ассимилированы, но нельзя будет достичь определённого уровня развития личности. Системе социального действия присуща нормативная ориентированность, и проблема порядка сконцентрирована вокруг мотивации акторов нормативными культурными стандартами, которые интегрируют межличностную систему действия[2].

Стабильность взаимодействия зависит от ориентации сторон взаимодействия на общие стандарты, поскольку только так возможен порядок в мотиваци-

---

[1] Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2001. С. 112.

[2] Там же. С. 109.

онном и коммуникативном аспектах. Если нормативные стандарты интернализированы и признаются сторонами социального взаимодействия, то конформность как способ удовлетворения собственной диспозиции потребностей будет иметь тенденцию к совпадению с конформностью как условием вызывания благожелательных (избегания неблагожелательных) реакций других. Отсюда становится очевидным и то, насколько этот стандарт институционализирован[1]. Поэтому при анализе девиантности предлагалось сосредоточить внимание на процессе взаимодействия, особенно на ориентацию актора в ситуации и на ситуацию, включающую значимые объекты, в том числе и нормативные стандарты, которые опосредуют ожидания к выполнению социальной роли. Воспроизводство социальной структуры обеспечивается моралью, институтами социализации, системой верований, т.е. нормативная ориентация сопоставима по значимости в теории социального действия с пространством в классической механике.

Социальная система может выжить только благодаря механизму социализации и социального контроля. Соотношение девиантности и механизмов социального контроля определяются двумя способами. В одном случае девиантность – это мотивация актора вести себя вопреки одному или нескольким институционализированным стандартам, а механизмы социального контроля – это мотивация к противодействию этой девиантности. В другом случае, девиация – это тенденция к нарушению статического или динамического равновесия системы взаимодействия.

Механизм социального контроля – это восстановление равновесия при помощи противодействующих сил. Такое равновесие достигается путём интеграции при помощи системы нормативных институционализированных стандартов. По мнению Т. Парсонса, такая концепция девиантности как нарушение равновесия системы взаимодействия является весьма перспективной для анализа социальных систем[2].

По мере усложнения социальных кругов контроля и развития от более простых обществ к более сложным, культурным и дифференцированным социальная среда усложняется, и мы наблюдаем более быструю смену шаблонов. Если конфликт язычества и христианства был длительным и болезненным, то появление почты, телеграфа, телефона, путей сообщения и др. ускоряет процесс замены одного шаблона на другой. П. Сорокин полагал, что чем большее количество раз социально полезные шаблоны повторяются, тем более они становятся присущи человеку, вытесняя при этом вредные. Тем более должно снижаться давление кар и наград, заставляющих выполнять тот или иной шаблон поведения. Социально вредные шаблоны из-за более быстрого изменения условий повторяются меньшее число раз и легче подлежат искоренению.

С ростом социальности, культуры кары и награды становятся менее жестокими и должны постепенно исчезать. Социально вредные акты с растущей быстротой изменения условий всё более и более расшатываются, становятся всё менее и менее устойчивыми, а потому для своего уничтожения требуют всё менее и

[1] Парсонс Т. Указ. соч. С. 111.
[2] Там же. С. 361.

менее сильного давления санкций[1]. Высказанный тезис вызывает сомнение, так как постоянно повторяющиеся вредные шаблоны имеют особенность сохраняться в памяти поколений наряду с полезными, прекрасно уживаясь друг с другом. Мы можем наблюдать эти процессы на примере формирования некоторых отрицательных черт российской ментальности. Яркий пример стойкого сохранения шаблонов неправового девиантного решения проблем – коррупция.

Итогом всей социальной эволюции может стать полное уничтожение кар и наград, но произойти это может только в том случае, если исчезнут причины, вызвавшие их появление. Таковыми П. Сорокин называл подвиги и преступления. Он критически оценивал шансы человечества прийти к такому состоянию, поскольку скептически относился к суждениям о моральном прогрессе или регрессе человечества. Также указывал на некоторые противоречия между моральным развитием общества и уголовной статистикой. Так, например, уголовная статистика в эпоху борьбы христианства и язычества в Риме, в период гонения на христиан, дала бы наибольший процент религиозно-государственных преступлений. Статистика отражала повышение процента преступности, следовательно, нравственное падение общества. Но именно в эту эпоху общество прогрессировало и морально очищалось. Моральный подъем, реализующийся в виде конфликтов, означает выдвижение по отношению к индивиду новых требований, которые сначала многими не осуществляются. С точки зрения официальной власти такие действия квалифицируются как преступления, поэтому неизбежно статистика даст увеличение количества преступлений. История инквизиции имеет немало фактов, свидетельствующих о том, что самое маленькое, но близкое наказание может быть равносильно самому жестокому и интенсивному наказанию. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех религиозных системах потустороннее наказание рисуется в самых страшных формах. Загробная кара имеет отдалённый характер, поэтому компенсирует этот недостаток избыточным количеством ужаса и жестокости[2]. Отсюда в фундаменталистских движениях исламского толка наиболее привлекательными становятся акты террористических действий со стороны шахидов, так как в этом случае значительно укорачивается путь к благоденствию совершившего акт самоубийства и его родственников, продолжающих земное существование. Для первобытного человека отдалённость во времени как кары, так и награды абсолютно не имеет значения, так как они просто не существуют в его понимании. Действия вождей и шаманов в данном случае будут своеобразным компенсирующим фактором, выполняющим роль нормативных установлений и позволяющим удерживать социальную систему в равновесии. По мере роста самосознания и культуры общества в целом возникает возможность координации поведения индивида, так как он прогнозирует свои действия с ближайшими или отдалёнными карами и наградами.

---

[1] Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. С. 362.

[2] Там же. С. 468.

Изучая закономерности подъёма и понижения кар и наград, П. Сорокин имел в виду двоякого рода понижения. С одной стороны, поведение людей поднимается на должную высоту, и преступления становятся более редкими. Социально полезные шаблоны поведения всё более растут, охватывают всё большее количество людей, т.е. происходит рост вширь. Социально полезные акты растут и по своей интенсивности. Они всё большее число раз повторяются в ходе поступательного исторического развития, а это, согласно сказанному выше, ведёт к тому, что они будут всё устойчивее и устойчивее; внутренний импульс, побуждающий к этим актам, становится всё сильнее и сильнее, следовательно, опасность нарушения их всё более и более падает[1]. Если поступок, считавшийся девиантным раньше, становится нормальным, то роль кары снижается. В целом значение кар и наград заключается в укреплении социальной солидарности, которая ведёт к их исчезновению. Но, видимо, учёный сам не был уверен в возможности реализации своих выводов, поскольку заканчивает свою работу «Преступление и кара, подвиг и награда», следующей гипотетической фразой: «Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне навязываемого «долга» и полный действенной любви к сочеловекам, – вот предел, к которому ведёт история человечества»[2].

Авторы статьи сомневаются, что быстрая смена шаблонов не позволяет закрепиться социально вредным образцам поведения, она скорее порождает новые формы, заставляя при этом совершенствоваться правовую систему. Ввиду быстрых изменений закрепляется шаблон приспособления, рационализации. Опыт развития России свидетельствует о том, что быстрые социальные изменения не дают возможности сохраниться полезным для общества приобретениям по причине рационализации поведения. В результате начинает преобладать программа коротких проектов. Самоконтроль постепенно снижается, уступая место внешнему контролю со стороны институтов и референтных групп. История человечества показывает, что в соотношение кар и наград активно вмешиваются различные сферы жизни (экономическая, политическая и др.), к сожалению, часто и то и другое зависит от конъюнктуры, сложившейся в данное время.

Например, в средневековье «охота на ведьм» была тем более жестокой и беззаконной, чем более выгодно это было для преследователей. Процессы были относительно гуманными и малочисленными в тех местах, где конфискация имущества была запрещена (семьи осуждённых оплачивали только расходы по ведению процесса и казни). Там же, где конфискация разрешалась, количество процессов существенно росло, на одного охотника приходилось свыше тысячи жертв. Существенно упрощался поиск обвиняемых (для обвинения достаточно любого высказанного подозрения), совершенствуются механизмы пыток[3]. Для искусственного внедрения нового социального института в обществе необхо-

[1] Там же. С. 490.
[2] Там же. С. 493.
[3] Шмаков А.В., Дукарт С.А., Петров С.П. Бич и молот: экономика против демонологии // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2. № 3. С. 140.

димо наличие как минимум трёх условий. Во-первых, государство должно располагать безграничным потенциалом для применения насилия; во-вторых, должен быть высокий уровень послушания; в-третьих, внедрение института должно быть выгодно сильной группе подданных. Поэтому тот же институт «охоты на ведьм», имевший сильную экономическую мотивацию, был выгоден в западных странах, где получила развитие конкуренция за власть. В то же время в восточных странах, в том числе и в России он не сложился.

По мере роста социальной системы растёт число проблем, в том числе и проблема правовой эффективности. Индивиды намеренно допускают отклонения от соблюдения социальных норм, ими же созданных и направленных на эффективную организацию общественной жизни с целью извлечения выгоды. В результате функция контроля и принуждения размывается, критерии определения степени эффективности государственного регулирования становятся непрозрачными. Социальный контроль над обществом со стороны власти приобретает особое значение в случае роста социального расслоения, нарушений гражданских прав и свобод, отсутствия возможности самореализации. Технология управления в этом случае заключается в жёстком контроле за поведением индивида через нормы и стандарты, устанавливаемые для всех слоёв, но не для власти. Это своеобразные шаблоны, попытка создать новые институционализированные стандарты. Чем выше социальное расслоение, тем более жёстким становится контроль. Сложно не согласиться с утверждением П. Сорокина о том, что кризисы, которыми изобилует наша жизнь, возникают «благодаря» невежеству наших руководителей. Они предписывают рецепты, «ценность которых равна ценности «угольков и нашёптываний», употребляемых знахарями для лечения от недугов душевных и телесных»[1].

В обществе, где классовые различия размыты, все установки на определённые образцы потребления нацелены к обычаям и мышлению высшего класса. Именно этот класс будет определять образ жизни, который должен считаться престижным, благопристойным и заслуживающим уважения. Наставления и личный пример представителей этого класса будут иметь силу предписаний для низших классов. Эти влиятельные предписания даются в соответствии с каноном расточительства и могут сдерживаться только «инстинктом мастерства» (в терминах Т. Веблена[2]), между этими двумя нормами находится «хищнический умысел» – принцип, который свойственен природе человека. Не секрет, что каноны расходования определяют уровень жизни везде, в любом обществе или классе, который в свою очередь определяет формы престижного расходования и степень управления потреблением. Жизненный уровень имеет воспрещающий характер и направлен на то, чтобы не дать сократиться установившемуся уровню расходов. Стандарт «почётного расточительства» может оказывать влияние на представление о прекрасном, о полезности, о чувстве долга и даже

[1] Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. С. 74.

[2] Веблен Т. Теория праздного класса [Электронный ресурс]. URL: http://socioline.ru/pages/t-veblen-teoriya-prazdnogo-klassa (дата обращения: 25.12.2015)

на представление о научной истине. Даже божественная сущность должна иметь с этой точки зрения праздно-безмятежный и размеренный образ жизни. Образ мысли, характерный для праздного класса вращается вокруг своих представлений о чести, достоинстве, статусах и других почестях.

Стандарты выступают в роли указателей для движения по направлению «хуже» – «лучше». Например, от худшего к лучшему уровню обеспечения права на неприкосновенность и т.д. Стандарты соотносятся с нормами и ценностям. Если стандарт утверждает желательный максимум или устанавливает необходимый минимум, то норма указывает тот предел, через который нельзя переходить. Сущность технологии управления заключается не только в том, чтобы снизить растущий социальный протест, а в том, чтобы создать некие стандарты успеха, позволяющие трансформировать чувство недовольства в стремление к достижению этого успеха. Т.е. происходит управление сознанием и настроением в экономической сфере потребления (например, ипотека, кредит как форма управления поведением, ведущая к снижению активности индивида в общественно-политической деятельности).

Приём отстранения как один из методов сопротивления социальному контролю и манипулированию появился по меньшей мере во времена Лао-Цзы и был развит стоиками в теорию противления. Личность, которая уходит в религиозную, интеллектуальную или художественную сферы, неизбежно уносит с собой в добровольное изгнание язык, самоидентификацию и багаж знаний, полученные ранее из рук общества. Существует ещё один способ избежать тирании общества – встречное манипулирование. Индивид не стремится трансформировать социальные структуры и не отстраняется от них. Напротив, он намеренно использует их неожиданным для агентов социального контроля образом и выбирает средства, исходя из своих личных целей.

Нормативный порядок будет функционировать, опираясь на взаимное уравновешивание санкций и ожиданий. Обучение нормам и культурным стандартам уподобляется любому виду обучения, где интегрируются необходимые культурные элементы в определённое индивидуальное действие. Происходит это через гарантии со стороны общества, возможности индивида и его социальные связи (социальный капитал). В том случае, если государство и общество обеспечивают высокие гарантии путём установления высоких социальных стандартов, иждивенчество возникает вследствие низкого уровня образования, высоких административных барьеров, высокого уровня коррупции. Наличие высоких возможностей у индивида к реализации своих способностей при низких гарантиях государства (низкий уровень развития технологий, отсутствие рабочих мест и др.) порождает протестные формы поведения, либо уход в свою собственную нишу, либо «утечку мозгов». Высокий уровень социальных связей порождает коллективизм, низкий – индивидуализм.

Повышение эффективности управления достигается через формирование адекватных социальных стандартов, что может обеспечить порядок, стабильность, упрочение жизнедеятельности индивидов. Изменения на уровне государственного управления позволят ввести адекватный контроль над сферой создания жизненной среды, сформированной на доверии и уверенности в завтраш-

нем дне. Однако следует учитывать и тот факт, что никакие стандарты не имеют статус абсолюта, что указывает на необходимость их социально-групповой пластичности, а это предполагает следование определённым требованиям к стандартам:

– однозначность формулировок и содержания, предполагающая доступность практической интерпретации;

– гибкость управляющей системы, создающая свободу для индивидуального и группового творчества, обеспечивающая подвижность норм, ценностей и установок в иерархии потребностей, не допуская разрушения социального порядка;

– обеспечение функциональности стандартов, т.е. физическая, экономическая, эмоциональная и др. целесообразность (выгода) следования тому или иному стандарту;

– адресность (влияние на индивидуальную систему целеполагания в отсутствие давления на сознание человека и принуждения его к общепринятым эталонам группового восприятия);

– единство и всеобщность (отказ от доминирования принципа двойных стандартов в механизме и процессе формирования социальных стандартов, что в целом освобождает управленцев от ошибок в менеджменте) и др.

Утопизм во взглядах идеалистов прошлого и современности имеет под собой объективные практические основания, опирающиеся на законы общественного развития, сущность которых, в самом общем виде, можно сформулировать как «обусловленная естеством целенаправленная групповая деятельность при достаточной для индивида свободе выбора стандартов мировоззрения и поведения, априори взаимоопределяющая и взаимовыгодная коллективная конструкция». Соответственно, вся проблематика текущего состояния социальной системы и эффективности её развития заключается в адекватном восприятии индивидами и управляющей системой флуктуации социальной энергии путем перераспределения приоритетов между участниками социальных изменений. Разумеется, речь идет не только и не столько о политических преобразованиях, сколько о поиске взаимной выгоды в индивидуальной и коллективной системах целеполагания. В этом случае принадлежность к социальной группе, общности обусловлена привлекательностью и созвучностью центральных идей (стратегических целей). Последнее характеризует устойчивость системы в целом и динамику её развития.

Т.А. Гужавина,
канд. филос. наук, доцент, в. н. с.
ИСЭРТ РАН г. Вологда

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ[1]

Статья посвящена изучению межличностного доверия в региональном социуме с позиций социокультурного подхода, что позволяет учитывать культурные и цивилизационные особенности. Анализируются результаты исследования, проводившегося ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области. В фокусе статьи вопросы межличностного доверия, его состояние в регионе, факторы влияния, взаимосвязь межличностного и институционального доверия, а также его значение как косвенного индикатора оценки населением своего качества жизни. Эмпирические данные позволяют наблюдать наличие очагов позитивных настроений, роста готовности к единению, что рассматривается как условие для создания культуры доверия, выхода из кризиса и преодоления его негативных последствий.

Ключевые слова: *российское общество, доверие, ценности, социокультурный подход, региональное сообщество, культура доверия.*

Важнейшим ресурсом общественных отношений, фактической основой социума, выступает доверие. В последние десятилетия в научном и общественном дискурсе укрепляется мнение относительно значительного влияния доверия на экономическое развитие, на рост благосостояния, на функционирование структур гражданского общества[2]. Доверие обеспечивает важнейшие экономические процессы: инвестиции, сбережение, кредитование, фондовую деятельность, акционирование и т.д. Особенность современного общества в том, что, что человеку приходится контактировать со все большим числом людей и эти контакты становятся все более кратковременными. В итоге индивид не может получить достаточного количества информации и тем более оценить характер, репутацию, компетентность своего контрагента. В этом случае основой отношений становится доверие.

Доверие относится к категории явлений, кажущихся нам самоочевидными, естественными и не требующими специального обоснования. Доверие помогает создавать формальные институты и организации, домашние хозяйства и семьи, конституировать сети. Оно укрепляет когнитивные стереотипы и установки к межгрупповому взаимопониманию, толерантности и межнациональному со-

[1] Статья подготовлена при поддержке РГНФ грант №16-03-00188/16.

[2] Антоненко И.В. Интегративный потенциал доверия: метаотношения и функции // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 1. С.104-108; Кертман Г. Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4. С.7- 24; Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. № 2(76) 2015. С. 7–19.

трудничеству, демократические устои, а также может компенсировать в определенной мере негативные последствия глобального и регионального расширяющегося экономического неравенства. Социальное доверие предстает перед нами как ожидание надежности других индивидов, не связанное с прогнозом их поведения в конкретной ситуации взаимодействия. Его скорее следует трактовать как мировоззренческую установку, выражающую готовность индивида рассматривать окружающих как заслуживающих доверия. Кроме того, не смотря на технический прогресс и существенное приращение знаний о мире, современное общество остается «обществом риска». В этом случае доверие является конструктивной формой реакции на риск, средством преодоления неопределённости. Тем не менее, это сложный по своей сути феномен, имеющий внутреннюю структуру, выполняющий определенные социальные функции и детерминированный разными смысловыми основаниями. Оно базируется на совокупности социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий со стороны индивидов в отношении других индивидов, в отношении организаций, учреждений, в отношении норм и правил, составляющих фундаментальное содержание жизни[1]. Доверие это результат длительного исторического периода формирования, влияния различных культурных контекстов, закрепления их нормами.

В условиях российской действительности, характеризующейся значительным разнообразием социокультурных факторов, сложившихся в различных регионах страны, вызывает интерес, прежде всего вопрос, относительно того, как феномен доверия распространен в том или ином региональном социальном пространстве.

Современное научное знание анализирует доверие в рамках экономической, социально-психологической, культурологической, политологической и социологической парадигм. Доверие отражает процессы взаимодействия в политике и в экономике, в организациях, в различных группах (профессиональных, территориальных, этнических, социально-экономических, организационных). Все это порождает интерес к доверию со стороны различных отраслей знания, что подчеркивает многоаспектность данного явления. Изучаются различные аспекты данного феномена: типы, уровни, формы, функции, социокультурные особенности, порождающие доверие.

Для изучения доверия сформировались две модели. Первая рассматривает доверие на макроуровне как обобщенное доверие. В границах этого подхода изучается влияние доверия на деятельность государственных институтов, на состояние макроэкономических показателей, анализируется состояние культуры доверия, оценивается сформировавшийся социальный капитал. Вторая модель ориентирована на изучение доверия на микроуровне. Эту задачу решает с социально-психологический подход. В границах данного подхода возможно выявить установку на доверие, связи с другими мировоззренческими характеристиками личности, оценить силу зависимости ситуативных факторов, выявить значение личного опыта индивида. Изучается и взаимосвязь обобщенного и межличностного доверия.

[1] Гужавина Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе // Проблемы развития территории. 2012. № 6 (62). С. 115.

В рамках данной статьи мы ставим своей целью на основе анализа результатов проведенного ИСЭРТ РАН исследования, провести оценку состояния межличностного доверия, выявить факторы, оказывающие влияние на его состояние, показать специфику региональной ситуации в формировании доверия[1].

Рассматривая межличностное доверие, мы исходим из гипотезы о том, что оно представляет собой первичную форму доверия к людям и их действиям, а так же к их результатам. Полученные в ходе проведенного ИСЭРТ РАН исследования эмпирические данные дают нам представление о состоянии доверия в региональном социуме (таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Кому вы можете доверять?»

(в % от числа ответивших)

	авг.10	дек.11	фев.13	апр.14	апр.15
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	23,5
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4	55,7
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	12,6
Доверять нужно/можно всем людям без исключения*	2,3	2,5	1,6	3,1	2,5
Нет ответа	0,7	0,2	2,8	3,4	5,7

По данным мониторинга ИСЭРТ РАН
*в 2016г. вопрос изменен

Полученные данные говорят о значительном ограничении радиуса доверия. Больше половины населения области готовы доверять только своему ближнему кругу, куда входят близкие друзья и родственники. Доля доверяющих всем оказывается весьма незначительной и охватывает не более 2,5 % респондентов, в то время как доля тех, кто не готов доверять никому составляет почти третью часть населения[2]. Фактически каждый третий взрослый житель области настроен недоверчиво к своему окружению как близкому, так и отдаленному. В этом отношении полученные данные в значительной степени сов-

[1] Эмпирической базой исследования послужили данные мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области. Дизайн исследований носит лонгитюдный характер, включающих в себя повторяемые кросс-секционные опросы с целью выявления изменений во времени. Мониторинг проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет. Выборка репрезентативная, квотная. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %.

[2] По данным опроса, проведенного ИСЭРТ РАН в апреле 2016 г. Особенностью опроса, проведенного в апреле 2016 г. на территории области и используемого для анализа ситуации с межличностным доверием, является тот факт, что доля тех, кто выбрал вариант ответа «доверять можно всем людям без исключения», составляет 2,5 % . В данном исследовании мнение этой группы не оказывает существенного влияния на полученные результаты и находится в пределах ошибки выборки.

падают с данными других исследований, проведенных в российских регионах[1], а также и с данными всероссийских исследований[2]. Основная масса жителей области может быть отнесена к тем, кто занимает срединную позицию и демонстрирует ту или иную степень доверия. Они готовы быть осторожными и гарантировать доверие ближнему кругу, но возможно расширение зоны доверия за счет знакомых и малознакомых людей. Расширение зоны доверия возможно за счет людей, с которыми работают на одном предприятии или в организации, учителей, воспитателей, преподавателей, вспомогательного персонала учебных заведений, медиков, полицейских, сотрудников муниципальных структур, банковских служащих и т. д. Фактически доверие оказывается достаточно широкому кругу лиц.

На доверие может влиять пол, возраст, принадлежность к этнической группе, религии т. д. Мужчины в меньшей степени, чем женщины, готовы как не доверять никому, так и доверять всем. Женщины демонстрируют большую степень доверия. Так, среди тех, кто выбрал вариант ответа «доверять можно всем без исключения» 63 % – женщины. В то же время многие из них демонстрируют настороженность к окружающим, считая, что никому нельзя доверять. 51 % из числа тех, кто считает, что «никому нельзя доверять», составляют женщины (таблица 2).

Уровень доверия возрастает в старшей возрастной группе. Около 50 % тех, кто считает, что «доверять можно всем без исключения», составляют люди в возрасте 55 лет и старше. Соответственно в меньшинстве эта возрастная группа среди тех, кто считает, что «никому нельзя доверять». Молодежь в возрасте до 30 лет имеет в основном настрой на доверие к людям, хотя и среди них каждый пятый не готов быть открытым к взаимодействию. Возрастная группа 30–55 лет представлена во всех рассматриваемых позициях практически в равной степени, за исключением тех, кто готов доверять всем без исключения. Различный жизненный опыт, приобретенный в эти годы, дает основания для выбора всех предлагаемых суждений. Но и здесь большинство респондентов демонстрируют определенный уровень социального доверия. Однако имеющийся настрой может колебаться под влиянием каких-либо ситуативных факторов.

[1] Галиулин Д.Л. Социальное доверие и социальный капитал в региональной политике развития// Вестник ТОГУ. 2009. № 2(15). С. 221-228; Кожина Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2013. №3(65). С.100-115.

[2] Давыденко В.А., Ромашкин Г.С. Системное доверие как фундаментальное условие функционирования и развития общества // Научный потенциал регионов на службу модернизации. Астрахань: АТСИ, 2011. 290 с. С. 166–172.Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социс. 2016. №1. С.28. 26-36;. Давыденко В.А., Ромашкин Г.С. Системное доверие как фундаментальное условие функционирования и развития общества // Научный потенциал регионов на службу модернизации. – Астрахань: АТСИ, 2011. 290 с. С.166 – 172.

Таблица 2

Социально-демографические характеристики ответивших на вопрос «Кому Вы можете доверять?»

(в % от числа ответивших, в зависимости от выбора варианта ответа)

Вариант ответа	Никому нельзя доверять	Только самым близким друзьям и родственникам	Большинству знакомых людей можно доверять	Доверять можно всем людям без исключения
пол				
Мужской	48,8	43,6	43,2	37,1
Женский	51,2	56,4	56,8	62,9
возраст				
до 30 лет	20,7	19,4	19,8	31,4
30–55 лет	46,4	45,6	47,5	20,0
старше 55 лет	32,9	35,0	32,7	48,6

Непосредственное доверие обращено на тех, кого мы, пользуясь терминологией П. Штомпки, можем определить в качестве первичных адресатов доверия. Это «конкретные, из плоти и крови, активные индивидуумы, с которыми мы вступаем в непосредственные связи»[1]. Это особая пространственная форма доверия, поскольку основана она на непосредственном вовлечении в общение. К первичным адресатам индивиды выражают доверие в форме «залога», предполагая, что и нереализованные в настоящем, но возможные в будущем действия будут им полезны. Данный тип доверия формируется, прежде всего, на основе собственного жизненного опыта, а также различных косвенных факторов, к числу которых можно отнести как чей-то личный опыт, так и некоторые формы абстрактного доверия. Абстрактным доверием можно считать потребительское доверие (товарам и услугам), доверие статусным позициям (врачу, учителю, ученому), доверие техническим системам (коммуникационным, охранным, правопорядка, финансовым и т. п.), учреждениям и организациям (школа, университет, поликлиника, суд, банк), процедурам (отзывам, рецензиям, тестам). Таким образом, на формирование межличностного доверия оказывает влияние абстрактное доверие, создающее основу для формирования базового доверия.

Значимость ближнего круга подтверждается и ориентацией на него в случае возникновения сложной жизненной ситуации (таблица 3). Данный выбор практически не зависит от высказанной точки зрения респондента. Даже те, кто позиционирует себя как «не доверяющий никому», хотя бы однажды обращался к родственникам (44 %) и друзьям (22 %).

[1] Штомпка П. Доверие – основа общества: пер. с пол. Н.В. Морозовой. –М.: Логос, 2012. С. 115.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам в течение последнего года обращаться за помощью в какой-либо трудной жизненной ситуации? Если да, то к кому ?» (в % от числа опрошенных).

Обращался за последний год				
	Никому не доверяю	Доверяю самым близким	Доверять можно большинству людей	Доверять можно всем
Родственники, члены семьи	44,3	64,6	67,3	40,0
Друзья	21,5	42,4	51,2	37,1
Соседи	5,6	13,4	17,3	28,6
Коллеги по работе	9,3	15,5	32,1	22,9
Руководитель Вашей организации	6,9	7,8	20,4	20,0
Люди одной с Вами веры	2,1	2,0	6,2	17,1
Земляки	1,3	3,2	7,4	11,4
Члены той же партии, что и Вы	0,8	1,1	3,7	8,6
Члены профсоюза	2,7	3,3	11,1	17,1
Знакомые журналисты	0,8	1,3	5,6	8,6
Знакомые работники социальной службы	10,1	3,5	15,4	8,6
Знакомый врач	16,2	14,7	29,0	11,4
Знакомый полицейский	4,5	3,0	17,9	11,4
Знакомый сотрудник мэрии / муниципальный служащий	1,3	2,4	9,9	11,4
Знакомый сотрудник банка	2,9	4,2	11,7	11,4
Участник Вашей социальной сети / группы в Интернете	4,5	5,0	8,0	14,3
Государственные органы или учреждения	6,9	6,1	8,6	11,4
Другое	0,0	0,0	0,0	0,0
Ни к кому: полагаюсь только на себя	49,6	30,0	21,0	45,7

Однако у тех, кто высказывается за доверие в том или ином масштабе, имеется гораздо больше возможностей получить помощь от родственников, друзей, коллег по работе, руководства, профсоюза, соседей и даже однопартийцев.

Таблица 4

Социально-демографические характеристики обращавшихся за помощью (в % от числа опрошенных)

Адресат	Обращались за помощью за последний год	
	Чаще обращались	Реже обращались
К родным	Женщины (57%) Возраст 30-55 лет Состоящие в зарегистрированном браке (52%) Горожане (75%)	Мужчины (43%) Возраст до 30 лет (20%) Состоящие в гражданских отношениях (9%) Жители сельской местности (25%)
к друзьям	Женщины (56%) Возраст 30-55 лет (46%) Состоящие в зарегистрированном браке (51%) Горожане (82%)	Мужчины (44%) Возраст 30-55 лет (20%) Состоящие в гражданских отношениях, разведенные, вдовствующие (10%) Жители сельской местности (18%)
к коллегам	Женщины (60%) Возраст 30-55 лет (57%) Состоящие в зарегистрированном браке (55%)	Мужчины (40%) Возраст до 30 лет и старше 55 лет (22%) разведенные (9%)
к руководителям	Женщины (57%) Возраст 30-55 лет (60%) Состоящие в зарегистрированном браке (46%)	Мужчины (43%) Возраст до 30 лет (17%) Старше 55 лет (23%) Состоящие в гражданских отношениях(12%), разведенные (9%)

Практика обращения к родственникам и друзьям может считаться устоявшейся. Она начала активно формироваться в 90-е годы в условиях кризиса. Такая практика имело место всегда, но в период кризисов и трудных жизненных ситуаций она становится наиболее значимой. Именно ориентация на семью и ближний круг общения позволила россиянам переживать экономические и социальные трудности переходного периода. Семейные микросети обеспечивали людей ресурсами для выживания. На этот факт указывают многие исследователи[1]. Данная форма взаимодействия продолжает оставаться основной и в условиях современной кризисной ситуации.

Доверие к окружающим различается в зависимости от социально-демографических характеристик, а также семейного статуса опрашиваемых. Возможность обратиться к членам семьи во многом зависит от характера семейных отношений. Респондент в зарегистрированном браке имеет гораздо более широкие и устойчивые родственные связи, что обеспечивает ему поддержку в рамках семейных сетей. Эта категория наиболее активна в поиске помощи и успешна в ее получении. Поддержкой родственников и друзей пользуются, прежде всего, люди в возрасте от 30 до 55 лет. Это наиболее активная экономи-

[1] Данилова Е.Н, Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социс . 2004. №10. С. 27-30; Овчарова Л., Прокофьева Л. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения. 2000. №4 (48). С. 32-31.

ческая группа, имеющая детей, состоящая в браке, решающая вопросы жилья, приобретения автомобиля, строительства загородного дома и т. д. В условиях экономического кризиса именно представители этой группы чаще попадают в трудную жизненную ситуацию и испытывают потребность в поддержке. В меньшей степени запрос на помощь идет от молодых респондентов возрасте до 30 лет и от старшей возрастной группы. С одной стороны, молодые взрослые могут уже иметь поддержку старших, которые решают их проблемы и обеспечивают благосостояние. В этой группе довольно много тех, кто не состоит в браке или еще учится. С другой стороны, многие представители старшей возрастной группы уже сформировали основы своего благополучия за предыдущие годы. Старшая группа сама готова оказывать помощь даже взрослым и самостоятельным детям, хотя порой ее представители нуждаются в помощи и поддержке.

Меньше возможности воспользоваться помощью родственников у тех, кто не состоит в зарегистрированном браке, но проживает совместно с партнером. Так называемый гражданский брак не создает прочных связей в семейных микросетях. Эту особенность доверия отмечает и А.В. Кученкова Вполне можно согласиться с утверждением автора относительно того, что «межсемейная солидарность приобретает особую значимость в период социальных напряжений и на последующем периоде адаптации»[1].

Активны в поиске помощи и поддержки больше всего женщины. Они готовы обратиться за поддержкой не только к родным и близким. Среди тех, к кому они обращались за помощью, велика доля представителей таких групп, как коллеги (60 %), руководители (57 %), соседи (63 %), единоверцы (68 %). Женщины более активны в поиске возможности решения своих проблем. Вполне возможно, что их активность во многом связана с высокой долей ответственности, которую они на себя возлагают за положение дел в своей семье, за детей и пожилых родителей (таблица 4).

Перечень основных проблем, по поводу которых возникает необходимость обращения за помощью, имеет своим основанием экономическую ситуацию. Преобладают материальные и финансовые проблемы. Имеют значение вопросы поиска работы, защиты своих прав, а также получения медицинской помощи.

[1] Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социс 2016. № 1. С. 28. Отметим, что по многим параметрам результаты исследований ИСЭРТ РАН и проекта ЖМ-2014 не совпадают.

Таблица 5

За какой помощью Вы могли бы обратиться к тем, кому доверяете?
(в % от числа ответивших на вопрос «Кому Вы можете доверять?)

Вариант ответа	Никому нельзя доверять	Только самым близким друзьям и родственникам	Большинству знакомых людей можно доверять	Доверять можно всем людям без исключения
За финансовой, материальной помощью	42,2	60,1	54,3	34,3
Для получения медицинской помощи	33,7	50,1	43,8	22,9
Для защиты своих прав	26,3	28,1	45,7	40,0
Для поиска работы, трудоустройства	26,0	30,0	36,4	17,1
Для улучшения жилищных условий	16,4	18,6	13,6	8,6
Для организации собственного дела	4,8	6,2	5,6	11,4
В иных целях	4,8	6,6	4,9	2,9

Тот факт, что финансовые проблемы превалируют вполне объясним ситуацией в экономической жизни как области, так и страны в целом. Экономический кризис и санкции затронули многие отрасли, в том числе и металлургическую, которая играет в экономике области очень важную роль. В регионе располагается один из крупнейших производителей металла в стране ПАО «Северсталь». Экономическая ситуация скорее всего ориентирует и на запрос на помощь в поиске работы. Обращает на себя внимание и необходимость помощи в получении медицинских услуг. За этим может стоять как недоверие самому институту здравоохранения, так и ограничения в доступности медицинских услуг в связи с нехваткой персонала и ростом платной медицинской помощи. 17 % респондентов отмечают, что в случае необходимости они обращались за такой помощью.

Тем не менее именно доверяющие обладают определенным запасом оптимизма (таблица 6). Индекс ожиданий изменения личного материально положения в лучшую сторону среди них несколько выше среднего показателя по областной выборке.

Таблица 6

Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно таким же, как сейчас?

(в % от числа ответивших на вопрос «Кому Вы можете доверять?»)

Вариант ответа	Никому нельзя доверять	Только самым близким друзьям и родственникам	Большинству знакомых людей можно доверять	Доверять можно всем людям без исключения	область
Будет лучше	6,4	5,5	4,3	11,4	5,9
Будет таким же	20,4	33,0	39,5	25,7	30,3
Будет хуже	32,9	25,6	34,0	25,7	28,3
Затрудняюсь ответить	40,3	35,9	22,2	37,1	35,4
Индекс ожиданий изменения личного материального положения	*73,5*	*79,9*	*70,3*	*85,7*	*77,6*

Полученные результаты можно оценивать и как отражение существующего социального настроения. Наличие в ответах респондентов положительных и нейтральных ответов можно рассматривать как проявление адаптации населения к сложившейся ситуации, как создание условий для преодоления состояния фрустрации как отдельными индивидами, так и социальными группами, обществом в целом. Тем не менее, не будем закрывать глаза на существование негативных установок, говорящих о неуверенности населения в скором разрешении кризисной ситуации и улучшении своего благосостояния. Наличие значительной доли недоверяющих, неоднозначные оценки доверяющих служат косвенным свидетельством недостаточной комфортности жизнедеятельности населения области, свидетельством восприятия и отражения в массовом сознании кризисных процессов.

Завершая анализ, отметим, что невысокий уровень доверия, как межличностного, так и институционального, ограниченность радиуса доверия первичными адресатами является общемировой тенденцией[1]. П. Штомпка ссылается на исследование французского политолога М. Доган, которая утверждает, что «…независимо от исторических траекторий, тенденция к ухудшению является одинаковой»[2]. Однако причины носят различный характер.

Прежде всего, отметим, что снижение доверия – это индикатор отражения в общественном сознании регионального сообщества целого ряда негативных тенденций. Огромное влияние имеет экономическая ситуация. Кризисные явления в значительной степени оказывают влияние на жизнь вологжан. Недоверие служит защитной реакцией на складывающуюся ситуацию, откликом на снижение каче-

[1] Гидденс, Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис». 2011; Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // НЛО. 2012. № 117. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/g25.html]; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004.

[2] Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с полю Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. С. 410.

ства и уровня жизни. Своей ориентацией на ближнее окружение, на людей, которых знают по личным контактам, имеют с ними опыт взаимодействия, жители региона, да и россияне в целом, обеспечивают себе защиту и поддержку.

На снижение доверия могут влиять и текущие политические события: коррупционные скандалы, экономические аферы, неисполнение властными структурами своих обещаний населению и т. д. Негативные события подобного плана порождают мнение о том, что вокруг нет честных людей, все берут взятки и т. п. это наносит серьезный ущерб общественной морали, которая является фундаментом межличностного доверия. Агенты взаимодействия вначале вынужденно выясняют репутацию и надежность партнера и только потом осуществляется интеракция. Подобная ситуация ведет к росту издержек.

Анализ складывающейся в регионе ситуации дает возможность увидеть те направления деятельности, которые могут способствовать росту уровня доверия. Это прежде всего деятельность региональной и местной власти по поддержке устойчивости и стабильности ситуации в регионе, помощь в преодолении кризисных явлений, обеспечение населения полноценной информацией о происходящем, об имеющихся возможностях и перспективах развития.

А.А. Дарган,
канд. социол. наук, специалист по специальным программным
и техническим средствам обучения обучающихся с ОВЗ и инвалидов
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье социальная мобильность людей с инвалидностью рассматривается как детерминанта их интеграции в общество. Социальная интеграция представлена как процесс и результат социализации, целью которой является повышение социального статуса человека с инвалидностью и уровня его интегрированности в общество.

Ключевые слова: *инвалидность, люди с инвалидностью, социальная мобильность, социальная интеграция, социальное самочувствие.*

Политические, экономические и социальные изменения, произошедшие в последние десятилетия в российском обществе, обусловили изменение отношения общества к решению проблемы инвалидности, переориентацию социальной политики государства на социальную интеграцию людей с ограниченными возможностями здоровья и создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества.

Социальная интеграция в данном аспекте может быть представлена как процессы и результаты социализации, направленные на повышение социального статуса людей с инвалидностью и повышение их включенности в жизнь общества[1]. Как отмечают отечественные социологи, для российского общества характерно принятие индивидами стандартных ролей и присвоение им стандартизированных статусов. Статус «инвалид», которым наделяют человека, имеющего физические или психические особенности, автоматически определяет его принадлежность к социальной группе, которой отведена обществом определенная роль, социальная ниша, и занятие им другой, более высокой социальной ниши, переход в другую социальную группу становится сложно выполнимой задачей. Для российского общества характерно патерналистское отношение к человеку с инвалидностью, взаимодействие с ним на уровне «опекун – опекаемый», вследствие чего наличие инвалидности обусловливает приобретение человеком устойчивого, очень низкого социального статуса, и целью социальной интеграции является приобретением им более высокого социального статуса, принятие социальных ролей вне стигмы инвалидности.

Согласно российскому социологу П.А. Сорокину, движение индивида от одного социального статуса к другому, его перемещение с одного слоя на другой – это социальная мобильность, которая характерна для каждого общества и отражает «степень реализации различными обществами идеала равных возможностей»[2]. По мнению Сорокина, социальная стратификация предопределена в обществе, т.к. люди не равны по умственным, физическим способностям, наклонностям, но это неравенство должно быть разумным и человек должен иметь возможность повысить свой социальный статус, если у него есть потенциал для перехода в другую социальную группу, находящуюся на более высоком социальном уровне.

Процесс социализации, целью которого является повышение социального статуса человека с инвалидностью, и который представляет собой перемещение индивида с одного уровня (слоя) на другой, более высокий, называется вертикальной социальной мобильностью. Таким образом, социальная интеграция человека с инвалидностью в рамках предложенного определения – это процесс и результат его успешной вертикальной социальной мобильности.

При рассмотрении особенностей социальной мобильности людей с инвалидностью как процесса и результата их социальной интеграции одним из ключевых является исследование факторов, лежащих в основе достижения ими более высокого социального статуса.

Российские социологи при изучении социальной мобильности людей с инвалидностью выделяют ряд объективных и субъективных факторов, которые препятствуют повышению социального статуса человека, имеющего ограниченные возможности здоровья. К числу объективных факторов, затрудняющих

[1] Ткаченко В.С. Общество и проблемы инвалидности: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2006. С.52.

[2] Волков Ю.Г. Социология: учебник / Ю.Г. Волков, В.И. Добреньков и др.; под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Гардарики. 2003. С. 252.

вертикальную мобильность и не позволяющих ему продвигаться по социальной лестнице, относятся группа инвалидности и ограничения жизнедеятельности, обусловленные инвалидностью. Л.А. Алейник одним из главных факторов социальной мобильности людей с инвалидностью называет соотношение биологической и социальной дезадаптированностей человека с инвалидностью[1]. Биологическая дезадаптированность – это ограничения жизнедеятельности, вызванные нарушением работы основных физиологических систем организма. Данные ограничения жизнедеятельности были дифференцированы В.С. Ткаченко на дезадаптированность в передвижении, в пищевом поведении, в генеративном поведении, в защитном поведении. Социальная дезадаптированность, согласно определению данного ученого, представляет собой результат изменений в психофизических характеристиках человека, обусловленных инвалидностью и не позволяющих ему выполнять социальные функции в том объеме, которые от него ожидает общество. В зависимости от формы и вида инвалидности степень биологической дезадаптированности будет выше или ниже и, соответственно, будет выше или ниже степень социальной дезадаптированности, которую определяют имеющиеся физические ограничения. Наличие ограничений жизнедеятельности, обусловленных инвалидностью, оказывает влияние на возможность человеком с инвалидностью использовать предоставляемые обществом социальные условия для жизнедеятельности в социуме. Развитие медицины, использование высокотехнологичных средств реабилитации инвалидов, хотя и позволяют человеку, имеющему серьезные физические ограничения, существенно расширить свои возможности, не всегда могут в достаточной степени компенсировать ему ограничения жизнедеятельности для самообслуживания, получения образования, трудоустройства и пр. Соотношение социальной и биологической адаптированности в совокупности определяет имеющийся у человека потенциал для успешной социальной интеграции и социальной мобильности, его возможности в достижении большего уровня интегрированности в общество, выбор стратегии реализации жизненно важных целей.

Д.А. Лушников при изучении индивидуальной социальной мобильности людей с инвалидностью определяет ее следующий алгоритм: «для успешной ресоциализации (адаптации в новой социальной группе и интеграции в новую среду) необходим достаточный уровень десоциализации (дезадаптации к условиям старой группы и аутфильтрации из нее)»[2]. Таким образом, необходимым условием для вертикальной социальной мобильности человека с инвалидностью является наличие стремления у него уйти от стигмы инвалидности и повысить свой социальный статус, выйти из социальной ниши, навязанной им обществом. Таким образом, при изучении факторов социальной мобильности необходимо рассматривать также влияние на выбор формы реализации жиз-

[1] Алейник Л.А. Институциональные барьеры и стратегии социальной мобильности людей с инвалидностью : дис. … канд. соц. наук. Ставрополь, 2008. С. 128.

[2] Лушников Д.А. Проблемы адаптации и интеграции людей с ограниченными возможностями в контексте системной и социальной интеграции общества // Интеграция людей с инвалидностью в российское общество: теория и практика / под ред. В.К. Шаповалова. – М.: Муравей, 2006. 320 с.

ненной стратегии человеком с инвалидностью его самоидентификации и социального самочувствия. В 2013 году на кафедре социологии и теологии СКФУ было проведено исследование социального самочувствия людей с инвалидностью, в котором приняли участие 190 жителей Ставропольского края в возрасте от 18 лет, имеющих ограниченные возможности здоровья. В рамках данного исследования изучалось социальное самочувствие людей с инвалидностью и его взаимосвязь с социальной интеграцией и социальной мобильностью. Социальное самочувствие, которое нами было интерпретировано как социально-психологическое состояние, являющееся отражением уровня интегрированности человека с инвалидностью в общество и осознания и оценки себя, своих возможностей, перспектив дальнейшей интеграции и удовлетворения жизненно важных потребностей, само является фактором, обуславливающим выбор человеком формы реализации жизненной стратегии, его стремления к социальной мобильности и достижению большего уровня интегрированности в обществе. Необходимо понимать, что осознание уровня своей интегрированности в общество, дальнейших перспектив своей интеграции, реализации жизненной стратегии для каждого человека будет индивидуально даже при наличии условно одинаковых условий жизнедеятельности. Восприятие человеком своего социального положения в обществе и перспектив его изменения зависит не только от объективных факторов, таких как имеющиеся ограничения здоровья, материальное благосостояние, предоставляемые обществом возможности для социальной мобильности, но и индивидуально-личностных характеристик самого человека с инвалидностью, его самоидентификации, психологического самочувствия, осознания своей включенности в жизнь общества – субъективной базы его социального самочувствия.

Осознание уровня интегрированности в общество в рамках данного исследования рассматривалось нами как осознание человеком своей включенности (инклюзии) в данное общество, его чувство сопричастности к данному обществу, интегрированности в него, осознание себя его частью. Для людей, имеющих тяжелые ограничения здоровья и потому испытывающих серьезные трудности с передвижением, общением, реализацией основных жизненных целей, таких как получение образования, трудоустройство, создание семьи, рождение детей, осознание своей включенности в общество нередко является серьезной проблемой. Действительно, сложно ощущать свою сопричастность с обществом, осознавать себя его частью человеку, который вследствие имеющихся физических ограничений не имеет возможности выйти из дома и вынужден месяцами находиться в ограниченном жизненном пространстве, контактируя всего с несколькими людьми из своего окружения – родными, врачами, социальным работником.

Как показало проведенное нами исследование, почти каждый третий (30,9 %) человек с ограниченными возможностями здоровья не считает себя «включенным» в жизнь общества, ощущая определенную дистанцированность от данного общества, и потому испытывает потребность в повышении уровня интегрированности в данное общество. На вопрос о том, почему они не считают себя включенными в общество, респонденты давали следующие ответы:

«инвалиды нигде не нужны», «инвалидов никуда не берут», «не хочу участвовать в жизни общества», «никому нет до меня дела», «не выхожу из дома», «меня не слышат», «не передвигаюсь», «не такой как все». Представленные пояснения демонстрируют, что люди с инвалидностью, имеющие серьезные проблемы со здоровьем, имеют серьезные психологические проблемы, обусловленные осознанием своего исключения из жизни общества и своей самоидентификацией как инвалида, осознанием своей инвалидности как тяжелой ноши, не дающей возможности быть равноправным членом общества.

Проведенный опрос показал, что респонденты негативно оценивают влияние инвалидности на их социальное положение. Почти каждый пятый опрошенный (17,8 %) считает свое положение в обществе низким, а 36,7 % респондентов оценили свое социальное положение как скорее низкое, чем высокое. Более чем каждый третий инвалид (36,1%) считает, что его социальное положение скорее высокое, чем низкое, и менее чем каждый десятый (9,4%) оценивает свое социальное положение как высокое.

В рамках нашего социологического исследования респондентам было предложено оценить, какие препятствия в наибольшей степени мешают их включенности в жизнь общества и повышению их социального статуса. Проведенный опрос показал, что собственную инвалидность и связанные с ней ограничения жизнедеятельности считает серьезным препятствием на пути к достижению большего уровня интегрированности в общество менее чем каждый десятый (9,8 %) опрошенный.

Каждый пятый (21,8 %) опрошенный отнес к числу препятствий для его включенности в общество наличие архитектурных барьеров: 10,1% людей с инвалидностью указали на недоступность социальной инфраструктуры, а 6% опрошенных – на недоступность жилой среды; 6% респондентов отмечают отсутствие у них необходимых средств реабилитации, которые позволили бы максимально компенсировать имеющиеся у них ограничения жизнедеятельности. К числу таких средств реабилитации относятся удобные и маневренные инвалидные коляски, ходунки, костыли, слуховые аппараты, автомобиль (для людей с нарушениями работы опорно-двигательного аппарата, имеющих сложности с передвижением), компьютеры, адаптированные для разных видов инвалидности и др. Физическая среда малодоступна или недоступна людям с тяжелыми формами инвалидности, что существенно ограничивает возможности для выбора и реализации ими активной жизненной стратегии, использования социальных лифтов для повышения своего социального статуса. Вследствие наличия архитектурных барьеров (отсутствие пандусов, тактильной дорожки для слепых, перил), нежелания общества организовывать архитектурную среду с учетом особых потребностей лиц с нетипичными психофизическими свойствами, люди с тяжелой степенью инвалидности причисляются к т.н. «маломобильной группе населения». Между тем, исследования показывают, что невозможность или существенное ограничение физической мобильности объясняется не инвалидностью человека, а архитектурными барьерами, которые существуют в обществе. При учете особых потребностей людей с инвалидностью при строительстве зданий и дорожной инфраструктуры, транспорта, организации безба-

рьерной городской среды возможности для передвижения в условиях города людей с разными видами и формами инвалидности существенно повышаются, что открывает перед ними перспективы для ведения более активного образа жизни, выбора активных форм реализации жизненной стратегии и участия в жизни общества.

Каждый четвертый (25,8 %) респондент, принявший участие в нашем исследовании, при ответе на вопрос о препятствиях на пути его интеграции в общество указал на сложности с трудоустройством: не могут трудоустроиться ни на одну должность 14,9 % опрошенных и не может получить желаемую работу более чем каждый десятый (10,9 %) человек с инвалидностью. Для 6% опрошенных основным препятствием для достижения большего уровня интегрированности в общество стало отсутствие возможности овладеть желаемой специальностью.

К числу субъективных факторов, ограничивающих возможности для социальной мобильности людей с инвалидностью, относятся социальные и психологические барьеры, существующие в российском обществе. Более чем каждый третий (34%) респондент к числу основных препятствий, мешающих его успешной интеграции, отнес проблемы, связанные с восприятием его инвалидности обществом, отношением к нему данного общества: 20,4% людей с инвалидностью назвали главным препятствием непонимание их проблем обществом; 13,6% респондентов указали на неприятие их инвалидности обществом. Относясь к человеку с инвалидностью как к больному, нуждающемуся в помощи и опеке, отводя ему стандартизированную роль «инвалида», общество не готово воспринимать его на равных, как субъекта, а не объекта общественной жизни. Наличие в обществе стигмы инвалидности оказывает влияние и на самого человека с ограниченными возможностями здоровья, формируя его пассивно-иждивенческие настроения, неготовность к выбору активных форм реализации жизненной стратегии, достижения большей степени интегрированности в общество.

Согласно концепции Сорокина, переход из одной социальной позиции в другую, более высокую, предполагает некоторое сопротивление новой социальной группы для принятия нового члена, преодолеваемое стремлением человека адаптироваться в данной группе и достичь более высокого статуса. Однако, как отмечает Л.А. Алейник, существование в российском обществе объективных и субъективных факторов, препятствующих социальной циркуляции людей с инвалидностью, приводит к созданию эффекта возрастания их препятствующего взаимодействия, что в результате чего горизонтальная и чистая мобильность преобладают над вертикальной для данной группы индивидов [1]. Для человека с инвалидностью переход из одной социальной позиции в другую существенно затруднен, причем, как мы отмечаем выше, эти сложности вызваны не столько ограничением физических возможностей людей с инвалидностью, сколько навязыванием им обществом стандартизированных ролей, предпола-

[1] Алейник Л.А. Институциональные барьеры и стратегии социальной мобильности людей с инвалидностью: дис. … канд. соц. наук. Ставрополь, 2008. 205 с.

гающих пассивное, иждивенческое поведение человека, имеющего статус инвалида, уход его от субъектно-субъектных к субъектно-объектным взаимоотношениям с обществом.

В таких условиях достижение целей социальной интеграции людей с инвалидностью в общество будет возможным лишь при условии, что и общество предпримет усилия для создания необходимых условий. На необходимость наличия такого стремления со стороны общества указывает Д.А. Лушников при изучении индивидуальной социальной мобильности людей с инвалидностью. По его мнению, для повышения социального статуса человека с инвалидностью необходимо наличие следующих условий: «энергии остаточного потенциала» самого индивида и «усилий общества», которое создает условия для его инклюзии в общество. Чтобы совершить переход из одной социальной группы в другую, человек с инвалидностью, как отмечает ученый, «использует энергию своего остаточного потенциала, которую дополняют усилия общества», если данное общество «заинтересовано в том, чтобы человек с ограниченными возможностями здоровья стремился к движению в социальном пространстве и достижению большего уровня интегрированности в общество»[1].

Таким образом, создание условий для успешной социальной интеграции людей с инвалидностью в российское общество предполагает организацию такой социальной среды, в которой человек с инвалидностью имеет возможности для успешной вертикальной мобильности. Для этого необходимо элиминировать существующий сегодня эффект препятствующего взаимодействия объективных и субъективных факторов, затрудняющих социальную мобильность людей с инвалидностью. Достижение этой цели возможно лишь при стремлении общества к социальной интеграции людей с инвалидностью, ухода от навязывания людям с ограниченными возможностями стандартизированных ролей, разрушении стигмы инвалидности. Люди с инвалидностью сами являются частью общества, на их самоидентификацию, социальное и психологическое самочувствие, выбор реализации жизненной стратегии оказывают влияние ценности данного общества, стереотипы, которые в нем существуют, поэтому при изменении отношения социума к людям с ограниченными возможностями стремление самих людей с инвалидностью к социальной активности, к достижению большего уровня интегрированности в общество также повысится.

[1] Лушников Д.А. Проблемы адаптации и интеграции людей с ограниченными возможностями в контексте системной и социальной интеграции общества. С. 40.

И.Н. Дементьева,
младший научный сотрудник
Институт социально-экономического развития
территорий РАН, г. Вологда

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ П.А. СОРОКИНА

В условиях политических и экономических трансформаций современного общества актуализируется проблема социально-психологического климата в обществе, обострения внутренних противоречий и конфликтов. Одной из форм выражения конфликта является протестный потенциал населения.

В настоящей статье представлена попытка рассмотреть протестные настроения в регионе в контексте идей П.А. Сорокина. Выявлено состояние потенциала протеста в регионе в 2015 г., определены наиболее значимые факторы, детерминирующие формирование латентной протестной активности.

Исследование проведено на основе данных регулярного мониторинга, осуществляемого ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области.

***Ключевые слова**: протестный потенциал, социально-экономическая ситуация, регион, материальное положение, социальное самочувствие, деятельность властей.*

Социально-политические и экономические трансформации современного российского общества сопровождаются распространением настроений неудовлетворённости людей существующей ситуацией в той или иной сфере общественной жизни, другими словами, социальной напряжённости. Одним из аспектов проявления социальной напряжённости на социально-психологическом и поведенческом уровнях является социальный протест. К протестным формам активности можно отнести бойкоты, подписание петиций к властям, забастовки, митинги, демонстрации, протестное голосование и др.

В отечественной и зарубежной науке существует большое разнообразие классификаций форм и моделей социального протеста. В основе этих классификаций лежат различные критерии, выбор которых определяется многообразием теоретических концепций протеста.

Значительный вклад в теоретическое осмысление причин и динамики крайних форм протеста, носящих насильственный характер и направленных на свержение действующей власти, внёс П.А. Сорокин. Свой опыт теоретического анализа революционного протеста П.А. Сорокин обобщает в книге «Социология революции» (1923 г.). П.А. Сорокин создаёт концепцию революции, рассматривает многообразие объективных и субъективных причин революционной

деятельности масс, предпринимает попытку оценить факторы, влияющие на ход и результаты революции[1].

В современных условиях наблюдается ослабление выражения протеста на поведенческом уровне, тем более в радикальной революционной форме. В этой связи наибольшую актуальность в настоящее время имеет исследование скрытой социальной напряжённости, протестных настроений, латентной формы социального протеста. Протестный потенциал населения, под которым понимают намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях, создаёт серьёзную проблему для поддержания социальной стабильности территории, поскольку при определённых условиях может перерасти в активные протестные выступления.

Институт социально-экономического развития территорий РАН отслеживает основные тенденции динамики протестных настроений жителей региона в рамках регулярного мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области с 1995 г.[2] Данные опросов общественного мнения позволяют проследить динамику потенциала протеста в регионе, выявить группы лиц, отличающихся определенным эмоциональным настроем и допускающих возможность своего участия в протестных выступлениях, проанализировать факторы формирования протестной активности.

Анализ данных мониторинга, осуществляемого Институтом социально-экономического развития территорий РАН в регионе, показал, что в последние годы (2010–2015 гг.) показатель протестного потенциала в Вологодской области стабилизировался и существенных позитивных изменений не происходит: доля жителей, проявляющих протестные настроения, сохраняется на уровне 17-21% (таблица).

Следует особо отметить, что в «протестной группе» преобладает доля приверженцев «мирных» протестных акций («выйду на митинг, демонстрацию» – 11%), по сравнению с теми, кто высказывает готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 5%). Причём доля последних за период с 2000 по 2015 гг. сократилась почти в 2 раза.

---

[1] Студеникина Е.С. Социология революции: П.А. Сорокин vs В.И. Ленин // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21−22 августа 2014 г.: сборник научных трудов / редкол.: И.Е. Фадеева, отв. ред.; В.А. Сулимов, Л.В. Гурленова. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2014. С. 129-135.

[2] Всего опрашивается 1500 респондентов в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий:

– пропорций между городским и сельским населением;

– пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);

– половозрастной структуры взрослого населения области.

Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

Ошибка выборки не превышает 3%.

Динамика потенциала протеста в Вологодской области
(в % от числа опрошенных)

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменение (+/-) 2015 г.	
													к 2014 г.	к 2000 г.
Потенциал протеста	**24,3**	**32,2**	**26,3**	**20,7**	**19,6**	**21,9**	**20,0**	**19,8**	**20,1**	**17,3**	**18,6**	**21,1**	**+3**	**-3**
Выйду на митинг, демонстрацию	8,0	13,9	11,0	9,6	9,7	10,8	9,6	10,9	10,3	9,3	10,7	11,2	+1	+3
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	7,7	10,8	9,0	5,7	5,4	6,0	6,1	4,7	5,7	4,2	3,9	4,9	+1	-3
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	8,6	7,5	6,3	5,3	5,1	5,0	4,3	4,3	4,2	3,8	4,0	4,9	+1	-4

В своих работах П.А. Сорокин в качестве основных причин революционного протеста называет значительное ухудшение положения широких слоев населения и неспособность властей разрешить возникшие проблемы.

В то же время он пытается дать свою оригинальную трактовку причин революции. Так, П.А. Сорокин делает акцент на изменении поведения человека под влиянием «ущемления» любых важных для него инстинктов. В своем исследовании революции он опирается на труды целого ряда психологов, физиологов и социологов того времени: З. Фрейда, Э. Торндайка, И. Павлова, В. Бехтерева, Г. Тарда, Н. Михайловского, В. Парето и многих других.

П.А. Сорокин отрицает полную рациональность человеческого поведения (а тем более, революционного поведения) и пытается обнаружить психологические причины этого иррационализма.

Считая нищету и особенно голод важнейшими факторами, вызывающими протесты населения, он тем не менее настаивает на учете и других «ущемленных» инстинктов: самосохранения и группового самосохранения (которые практически всегда ущемляются во время войн), сексуального инстинкта, потребности в жилье и одежде, собственности, инстинкта самовыражения и собственного достоинства. Кроме того, П.А. Сорокин указывает на то, что невозможность удовлетворить инстинкты драчливости, конкуренции, свободы и др. дозволенными способами можно также рассматривать в качестве фактора, приводящего к революции[1].

[1] Сорокин П.А. Социология революции. М.: Изд-во РОССПЭН, 2005. С. 321.

П.А. Сорокин обращает внимание не только на объективные причины, но и на субъективное восприятие человеком своего достатка и возможностей: «ущемление» усиливается не только тогда, когда трудности удовлетворения того или иного инстинкта растут, но и тогда, когда не возрастая или даже уменьшаясь, они уменьшаются не так быстро, как у других лиц и групп»[1].

Анализ данных социологического мониторинга ИСЭРТ РАН относительно причин формирования потенциальной протестной активности во многом коррелирует с выводами П.А. Сорокина. В результате исследований были выделены 3 группы факторов:

1. Негативные общественно-политические настроения, связанные с неодобрением деятельности властей.

2. Неудовлетворенность населения собственным материальным положением и общей экономической ситуацией в стране и области.

3. Низкий уровень запаса социального терпения и негативное эмоционально-психологическое состояние населения.

Как показывают данные социологических измерений, главным фактором накопления протестного потенциала является критическое, на грани негативного, отношение населения к деятельности различных структур и институтов власти.

Сравнительный анализ данных мониторинга показал, что жители области, характеризующие политическую обстановку в России как «напряжённую, критическую, взрывоопасную», более склонны к протестным проявлениям, чем те, кто считает ее «благополучной, спокойной» (в среднем за 2015 г. – 27 % против 12 %).

Не исключает возможности своего участия в протестных акциях в среднем в 2015 г. 60 % жителей области, отрицательно оценивающих деятельность Президента РФ, и только 13 % населения, «полностью и в основном одобряющего» политику главы государства. При этом у тех, кто отрицательно относится к деятельности главы государства, протестные настроения по сравнению с 2014 г. усилились.

В среднем в 2015 г. 53 % населения Вологодской области, отрицательно относящегося к деятельности Правительства РФ, допускают возможность своего участия в массовых выступлениях протеста. Причем показатель протестного потенциала в данной категории имеет тенденцию к росту. В то время, как численность жителей области, придерживающихся противоположного мнения, почти в 6 раза меньше (9 %).

Наиболее высокий уровень протестных настроений в оценках деятельности региональных и местных органов власти отмечается среди жителей, неодобрительно отзывающихся о деятельности губернатора и глав местных администраций. Доля «протестующих» в соответствующих категориях составляет в среднем 44 %. Среди жителей региона, «полностью и в основном одобряющих работу главы области и глав местных администраций, протестный потенциал составляет 5 и 8 % соответственно.

[1] Там же. С. 322.

Таким образом, неодобрение деятельности властных структур, в основном, федерального уровня, является наиболее показательным для характеристики социальной напряжённости в регионе.

Следующую группу факторов, определяющих характер протестного поведения, составляют положение в экономике страны и региона, а также материальное положение населения.

Как показали результаты опросов, наиболее высоким уровнем протестных настроений отличаются жители области, негативно оценивающие экономическое положение России (в среднем в 2015 г. – 34 %) и области (33 %). Доля тех, кто считает экономическую ситуацию в стране и регионе «очень хорошей и хорошей», составляет только 7 и 5 % соответственно.

Протестные настроения присущи прежде всего жителям области из семей с низкими доходами (в среднем в 2015 г. – 40 %). В группе населения, считающего собственное материальное благосостояние «очень хорошим и хорошим», протестный потенциал находится на более низких отметках (6 %). Причем, если в 2005–2006 гг. разрыв между этими категориями по уровню потенциала протеста был несущественным, то в 2010 г. он составил уже 2,2 раза, в 2014 г. – 6,4 раза; в 2015 г. – 6,7 раза.

Потенциал протеста наиболее высок среди населения, относящего себя к категориям «бедных» и «нищих» (в среднем в 2015 г. – 33 %). В группе «богатых» и «среднеобеспеченных» только 9 % жителей области допускает возможность своего участия в протестных выступлениях. На протяжении всего периода измерений потенциал протеста среди «бедных и нищих» превышал соответствующий показатель среди «богатых и среднеобеспеченных» в 1,2-1,5 раза. В 2010 г. этот разрыв составил 2,5 раза, в 2014 г. – 3,1 раза, в 2015 г. 3,7 раза. Это произошло благодаря увеличению доли «протестующих» среди лиц с низким экономическим статусом.

Наибольшая склонность к протестным проявлениям отмечается среди жителей региона, отличающихся низким уровнем покупательной способности («денег хватает в лучшем случае на еду» – 34 %). Причём в 2015 г. протестные настроения в данной категории усиливаются.

В целом негативные оценки социально-экономической ситуации и материального положения населения является значимым фактором формирования протестных настроений жителей региона. В значительной степени это соотносится с выводами других исследовательских центров о преобладающем росте протестов из-за экономических проблем с вытекающим из них недовольством миграционной политикой и произволом чиновников.

Третья группа факторов, влияющих на уровень потенциала протеста, определяется социальным самочувствием жителей области.

Наибольшую потенциальную склонность к участию в массовых выступлениях по критерию «социального самочувствия» проявляет население, испытывающее отрицательные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску» – в среднем в 2015 г. – 45 %). При этом доля «протестующих» в данной категории по сравнению с 2014 г. заметно выросла. Удельный вес «протестующих» в категории лю-

дей, находящихся в «прекрасном настроении, нормальном, ровном состоянии», составляет в среднем по области 12 % и имеет явную тенденцию к снижению.

Потенциальной протестной активностью отличается и довольно значительная часть населения области с низким уровнем социального терпения («терпеть наше бедственное положение уже невозможно» – в среднем 59 %). Причем по сравнению с 2014 г. протестные настроения в данной категории усилились. Протестный потенциал той части населения, которая высказывает позитивные суждения («все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть»), более чем в 4 раза ниже (14 %).

Говоря о последствиях и значимости революционного протеста для исторического процесса в целом и судьбы отдельной страны в частности, П.А. Сорокин пессимистичен: для него революция – бедствие, ухудшающее, а не улучшающее жизнь населения. В ходе революции страдают практически все слои, а не только привилегированные; свободы не увеличиваются, а уменьшаются; голод и войны невозможно прекратить в одночасье... Поэтому неизбежно наступление второго этапа: реакции и наведения порядка.

Наилучшим же вариантом исторических трансформаций Питирим Александрович считает тщательно спланированные мирные реформы. Тем не менее, он не отрицает неизбежности революций в случаях, когда все предпосылки (тщательно им проанализированные) имеют место.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что сохраняющийся, хотя и невысокий, уровень протестного потенциала в региональном социуме создаёт определенный резерв «горючего» материала, который по мере накопления при определенных условиях может быть использован для дестабилизации обстановки. Хотя есть основания полагать, что масштабные проявления деструктивных форм социальных взаимодействий, конфликтов, социально-политических «взрывов», т.е. резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые не являются ближайшей перспективой внутриполитической обстановки в регионе и стране в целом, наличие отмеченных предпосылок остаётся предметом дальнейших исследований.

В.В. Красулина,
аспирант кафедры социологии
Национальный исследовательский Мордовский
Государственный университет им Н.П. Огарева

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СВОБОДЫ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

В статье рассматриваются теоретические подходы к процессу воспроизводства социально ориентированного предпринимателя в современной России.

Ключевые слова: *социально ориентированный предприниматель, экономический человек, социальный контроль, свобода, справедливость, ответственность, профессиональная этика предпринимателя.*

Проблема воспроизводства социально ориентированного предпринимателя занимает исключительно важное место в современном российском обществе. Эта проблема определяет состояние конкурентоспособности России, ее безопасности и перспектив развития и процветания. Контуры предпринимательской деятельности обрамляют «рамки» *свободы, справедливости и ответственности.*

Предприниматель – субъект хозяйственной жизни общества, субъект экономического производства и хозяйственной деятельности. Предприниматель – важная персона модернизации социального пространства и создания новых форм жизнедеятельности. Для исследования предпринимательства как социального явления и определенной страты современного Российского общества исключительно важной методологической основой служит интегральная социология П. Сорокина и созданная им концепция социального пространства.

Как известно, категория социального пространства впервые была обстоятельно представлена немецким философом и социологом Г. Зиммелем. В 1904 году вышла статья этого автора под названием «Социальное пространство…» Но приоритет применения концепции социального пространства в субстанциальной версии принадлежит П.А. Сорокину, который в ряде своих работ описал и обосновал интегральную социологическую теорию, которая позволяет характеризовать субъекта экономической, политической, хозяйственной и иной социальной жизни современного общества.

Обосновывая целостную характеристику социального субъекта, П.А. Сорокин отвечает, что «*неточно говорить о социокультурных явлениях так, как будто бы они состоят исключительно из людей; помимо людей они включают в себя нематериальные значения и их материальные носители как равно существенные и универсальные компоненты. Структура эмпирических и социокультурных явлений, таким образом, состоит не из одного, а из трех компонентов*»[1]. Мыслитель считает, что игнорирование этого принципа всегда ведет исследователей к грубым ошибкам в теоретических и практических исследованиях социума.

Характеризуя процессы социокультурной динамики, П.А. Сорокин останавливается на анализе различных флуктуаций в обществе, действие которых всегда выражено в трехкомпонентной структурой социокультурных явлений и связано с разными способами удовлетворения потребностей, в т. ч.: с изменением окружающей среды; с изменением себя, своего тела и души; с частичным изменением среды и себя самого[2]. Объектом рассуждений мыслителя становится флуктуация идеациальной и чувственной свободы и свободы в ее отношении к системе власти. Идея свободы традиционно предстает как свобода воли, соотносимая с

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 206.
[2] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 64.

ограничением к принуждению, возможностью действовать в соответствии с волей субъекта, способностью его к моральному самоопределению, свободой выбора, мотива принятия решения. Свобода является важнейшей ценностью для предпринимателя, как субъекта активной деятельности.

Современный российский философ В.В. Ильин подчеркивает мысль о том, что человеческая свобода всегда есть креативный выбор. Но «порядок свободы не спосылается, он создается. Создается по капитальным мотивам – целеценностным, смысловым индикаторам»[1]. В пространстве свободы человек живет «по целям», в криминальных сообществах «по понятиям», человечество в аспекте телескопического взгляде, живет по ценностям. «Два типа жизнеутверждения пересекаются в организации целенаправленного поведения, когда преследование цели мотивно согласуется с обмирщением ценности»[2]. П.А.Сорокин указывал на широкие перспективы целостного подхода в методологии исследований социокультурных явлений и процессов. «Слишком узкая специализация или перспектива никогда не сможет уловить ни логики… изменений, ни даже самого факта долговременных флуктуаций. Как микроскоп, она может наглядно показать в подробностях бесконечно малую частицу реальности, но весь огромный мир бесконечно шире, богаче, многоцветнее этой частицы и, чтобы узнать нечто о вселенной, телескоп необходим не меньше, чем микроскоп»[3]

Индивид всегда «проявляет свободу в действии… Свобода наращивает возможности, социальный отбор закрепляет их, санкционирует оптимальные»[4]. Следует разделить его мнение: «Свобода дает символический план; воля прорабатывает его до утрирования интереса, напряжения усилий; действие удостоверяет его в производстве вещественных значимостей»[5]. Для целей предпринимательства свобода всегда связана с возможностью действовать инициативно и предприимчиво в направлении целей, поставленных обществом. Предпринимательская деятельность служит общественному благу не только в экономическом, но и в собственно моральном аспекте, поскольку только социум с динамично развивающейся экономикой может быть процветающим.

Ценность свободы для предпринимателя, по мысли современных исследователей, занимала и занимает приоритетное место в ряду аксиологических значений. «Человек выбирает между свободой и справедливостью, между равенством и эффективностью, между свободой и принадлежностью. Человек в праве выбрать несвободу, это тоже делает его человечным. Однако выбор между свободой и несвободой может и должен быть свободным»[6]. Так характеризует позицию И. Берлина в предисловии к его книге «Философия свободы» А. Эткинд.

Проблема достижения свободы у Парсонса связана с ценностью достижительности и рассматривается как преодоление невыносимого состояния несво-

---

[1] Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis: монография. – М.: Проспект, 2016 С. 178

[2] Там же. С. 243.

[3] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. С. 453.

[4] Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. С. 246.

[5] Там же. С.187.

[6] Берлин И. Философия свободы. Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 6.

боды, т. е. рабства, вызываемого материальными и духовными условиями. В этом смысле свобода предстает как вызов, порождаемый ходом истории. Центральная роль понятия свободы состоит в том, что через ее посредство вводится проблема человека как основная проблема современности. Человек во все времена борется за свою свободу. Но для каждого времени это понятие своеобразно. Свобода общества является обязательным условием свободы личности и достигается благодаря устанавливаемому контролю над развитием общественного производства, общественной практики и ее результатами[1].

Движению западной культуры и общества к капитализму, движению к автономизации присуща диалектика свободы, представляющей собой способность к добру и к злу. Поэтому социально-философский вопрос заключается в том, насколько может быть оправдана моральная и социальная нейтральность частной собственности, максимизации дохода и ценового механизма. Нравственный смысл имеют такие субъективные мотивы предпринимательской активности, как стремление к самореализации, независимости от опеки различного вида, склонность к благотворительности, меценатству, желание помочь конкретным людям, организациям, движениям. Нравственная регуляция предпринимательской деятельности определяет уменьшение издержек (экстерналий) на юридические процедуры в силу взаимного доверия партнеров по бизнесу. Свобода как возможность действовать в соответствии со своими собственными целями рассматривается в западной традиции как самостоятельная ценность, которая по сравнению с другими ценностями (стабильностью, исчислимостью и защищенностью) занимает наиболее приоритетное место и рассматривается в соотношении с другими ценностями.

Предпринимательство как система свободного труда при капитализме исключает ориентацию экономического процесса на центральные заданные цели по образцу домашнего хозяйства. Этот строй «тем самым не устраняет проблему ценностей, а передает ее в ведение индивидов»[2]. Поэтому экономический индивидуализм обязательно сочетается с этическим индивидуализмом. Практика хозяйствующего субъекта протекает в рамках социальной целостности, в которой учет социальных и этических аспектов экономического поведения может оказаться не только моральным, но и прибыльным. Этическая традиция (за исключением И. Канта) всегда признавала схождение нравственности и правильно понятого собственного интереса. Эта идея была в центре внимания мыслителей прошлого, ее часто подтверждают и современные исследователи экономической теории.

Защитница идеи разумного эгоизма американская писательница Айн Рэнд утверждает, что «нет такой единой сущности, как «общество», поскольку общество – это просто набор личностей…»[3]. Но подобная позиция в современных условиях вызывает серьезное беспокойство, связанное с угрозой распада социаль-

---

[1] Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. 832 с.

[2] Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. Критика социобиологии // Этическая экономия. Исследования по этике, культуре и философии хозяйства. Вып. 1. – М.: Экономическая школа, 1996. С. 46.

[3] Рэнд А. Добродетель эгоизма. М.: Альпина Паблишер, 2015. С. 120

ной ткани общества, вызываемой разрушительными последствиями предпринимательства, ориентированного исключительно на личный успех и контроль[1].

Во главу угла А. Рэнд ставит «право» как моральный принцип, определяющий и утверждающий свободу действий человека в социальном контексте, как право личности поступать согласно собственным суждениям, в условиях свободы от физического принуждения, согласно собственным целям, не навязанному из вне выбору. Согласно данной концепции, «без права собственности никакие другие права не имеют смысла»[2]. Предпринимательская деятельность обязательно предполагает наличие *прав собственности* на средства производства и на продукцию, а также на получаемый доход в условиях рыночно-конкурентной среды с соответствующей ей нравственно-психологической атмосферой в обществе. Поэтому с предпринимательством связан определенный «дух» хозяйственного поведения (М. Вебер), сопровождающий производственную, коммерческую, банковскую, страховую и другие виды деятельности.

Стремление к изучению экономических отношений, присущих человеку в истории цивилизации, обрело «критическую массу» интеллектуального приращения знаний в условиях утверждения буржуазного общества. Одним из создателей классической политической экономии был А. Смит (1723–1790 гг.), который в своей теории придал экономическим отношениям статус автономии. Главным условием процветания государства он считал господство частной собственности; невмешательство государства в экономику; отсутствие препятствий для развития личной инициативы[3]. В концепции А. Смита и Д. Рикардо в качестве центральной фигуры, агента взаимоотношений человека и экономики выступает «экономический человек», именно таковым оказывается *предприниматель*. В рамках описанной ими модели «экономический человек» рассматривался как своего рода машина, стремящаяся в каждом случае достичь наибольшей выгоды с наименьшими затратами.

Собственность для «экономического человека» служит важнейшим условием и мотивом его активности. Она представляет собой систему вещных (экономических), а также волевых или властных (юридических) отношений и прав определенных субъектов по поводу обладания ресурсами и имуществом. Собственность в политической экономии рассматривается как социальный институт, регулирующий общественные отношения и определяющий характер общественного производства, который служит регулятором экономического поведения человека, импульсом его активности, изобретательности, предприимчивости, хозяйственности, других свойств и качеств, пороков и добродетелей.

Важный вклад в современную трактовку собственности внесла «теория прав собственности», важной чертой которой является ее «методологический индивидуализм», проявляющийся в том, что организационным структурам (фирмы или корпорации) не придается никакого самостоятельного поведенче-

---

[1] Сэндл М. Справедливость. Как поступать правильно? – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 63.

[2] Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М.: Альпина Паблишер, 2015. С. 121.

[3] См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. – М.: ЭКОНОВ, КЛЮЧ, 1993. С. 79-396.

ского значения. Они расцениваются как юридические фикции. Действующим лицом всегда признается индивидуум и никогда – организация, поскольку организации не являются живыми объектами; они представляют собой чистые концептуальные артефакты, даже когда наделяются правовым статусом индивидуумов. В условиях частнособственнического правового режима обычно нельзя причинять вреда физически, путем прямого воздействия на потребительную стоимость чужого имущества, но можно наносить ущерб косвенным путем, снижая его меновую стоимость. Предприниматель не вправе разорить конкурента, устроив поджог на его фабрике, но он вправе разорить его, существенно повысив эффективность собственного производства. А в средневековых цехах и этот способ поведения считался бы незаконным.

Справедливость является категорией этики, морального, а также правового и социально-политического сознания и выступает в качестве формы соблюдения свободы, равенства и братства. По определению А.П. Скрипника, справедливость отражает «определенный порядок удовлетворения интересов взаимосвязанных индивидов и групп». Она вырастает и базируется на «чувствах негодования, стремления к возмездию, территориальности, иерархической структуры сообщества с распределением ролей и статусов»[1].

В истории философских и социально политических учений идея справедливости отражена в рефлексии Аристотеля, который выделил справедливость двух форм: распределительную, связанную с распределением благ; и уравнивающую, связанную с произвольным и непроизвольным обменом (обменом вещей и наказаний). Социальная справедливость получила отражение в концепциях либерализма, эголиторизма утилитаризма. И. Бентам является типичным буржуазным теоретиком в духе идей либерализма. Последователем и продолжателем идей Бентама был Дж. Ст. Милль (1806–1873 гг.), который пришел к выводам, что индивидуальное счастье хорошо для отдельного человека, следовательно, общее счастье хорошо для каждого; «справедливость выражается в равной защите прав всех людей»[2].

Предметом современных дискуссий о справедливости является концепция Дж. Ролза, изложенная в книге «Теория справедливости» (1971). Эта теория определяет права, обязанности и распределительные отношения в обществе. Она обеспечивает определенный стандарт для оценки распределительных отношений базовой структуры общества. Действенными способами теории справедливости осуществляется решение проблем продуктивности, координации и устойчивости общества. Концептуальную схему автор реализует посредством принципа рациональности, выстраивает ее на процедуре общественного договора.

Ролз исходит из того, что любой рациональный субъект будет определять справедливое распределение благ в терминах двух принципов и правил приоритета «*Первый принцип*: каждый должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других. *Второй принцип:* социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: а) от них можно было бы ра-

[1] Скрипник А.П. Этика: Учебник. – М.: Проект, 2004. С. 211-212.

[2] Милль Дж. Ст. Утилитаризм. Теория нравственности, основанная на принципе пользы, или наибольшего счастья. Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2013. С. 173.

зумно ожидать преимущества для всех и б) доступ к положениям (positions) и должностям был бы открыт всем»[1]. Принципы справедливости, по мнению автора, должны быть выбраны рациональными субъектами, на основе непредвзятости и рациональности. Смысл принятия условий субъектами взаимодействия достигается посредством опоры на «завесу неведения».

А. Макинтаир критически рассматривает позицию Ролза в ситуации принятия решений, показывает ее несостоятельность на уровне решения споров в социальных конфликтах. Концепция Ролза, по мнению критика, не позволяет обозначить центральное место тем заслугам, о которых идет речь в контексте справедливости и несправедливости[2]. М. Сэндел считает теорию справедливости Д. Ролза наиболее убедительным доводом в пользу общества большего равенства из всех, какие, когда-либо давала американская политическая философия[3].

Становление специальной теории социального контроля происходит в контексте социологического анализа девиантного поведения. Эта тема представлена в работах петербургского периода П.А. Сорокина. В работе «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» автор прослеживает динамику применения кар и наград от интенсивного применения в примитивных и антогонистических социальных структурах, до полного исчезновения в желаемом будущем, что весьма скептически воспринимается многими исследователями.

Социальная ответственность – это идеология служения обществу, которая действует во всех сферах общественного производства и всех социальных институтах (в управлении, образовании, культуре). В процессе развития культуры «расширялась область личной свободы, появились новые объекты ответственности, увеличилось число ее инстанций»[4]. В период первоначального накопления капитала бизнес был нацелен, прежде всего, на получение прибыли. Об антиобщественной направленности бизнеса в эпоху первоначального накопления капитала и промышленной революции свидетельствует многочисленные источники.

Сфера социальной ответственности связана не только со свободным выбором субъекта, но и с заботой о других, а также и с определенным отчетом перед «авторитетной инстанцией» контролирующей совесть и действия предпринимателей. Она ориентирована на функции безопасности, справедливости и другие. Сферами социальной ответственности предпринимательства (бизнеса) являются: препятствие росту нищеты и безработицы; снижению дискриминации женщин и национальных меньшинств в области занятости и оплаты труда; препятствие экологических преступлений и безумной траты невозобновимых природных ресурсов. Важной сферой социальной ответственности бизнеса является область найма рабочей силы и сфера занятости. Преодоление дискриминации в сфере занятости воспроизводится в новых видах деятельности и служит снижению социальной напряженности в обществе.

---

[1] Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. С. 66.

[2] Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 336.

[3] Ролз Дж. Теория справедливости. С. 196.

[4] Сычев А.А. Этика экологической ответственности. М.: АЛЬФА-М, 2014. С. 58.

Н.Н. Курова,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права и процесса
СГУ им. Питирима Сорокина

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ

Статья раскрывает международно-правовой аспект в сфере регулирования занятости и трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья, исследует проблемы дискриминации в сфере труда инвалидов и определяет возможные критерии выявления такой дискриминации.

Ключевые слова: *инвалиды, занятость, трудоустройство, дискриминация, право.*

По мнению П.А. Сорокина, свобода личности – это цель правового развития, а мера раскрепощения личности, расширения её основных прав и свобод – это критерий правового прогресса человечества[1]. Поэтому исследование проблем, с которыми сталкиваются лица с ограниченными возможностями здоровья при трудоустройстве и занятости, получает особую актуальность и значимость в любом цивилизованном государстве, стремящемся не допускать ущемление прав и свобод личности по признаку инвалидности в сфере труда.

Согласно абзацу 1 статьи 2 и части 1 статьи 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными Декларацией, без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения; каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы[2].

На основании статей 9, 10 и 15 Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 г. гарантируется право на профессиональную ориентацию, профессиональную подготовку, право инвалидов на независимость, социальную интеграцию и на участие в жизни общества[3]. В целях обеспечения эффективного осуществления *права на профессиональную ориентацию* государства-участники Хартии обязуются предоставлять или поощрять, по мере

[1] Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве / Питирим Сорокин; Санкт-Петербургский гос. ун-т, Фак. социологии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009.

[2] Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 05 апр.

[3] Европейская социальная хартия (пересмотренная) от 03 мая 1996 г. // Бюллетень международных договоров. 2010. № 4. С. 17–67; частично ратифицирована Федеральным законом от 03.06.2009 № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 23. Ст. 2756.

необходимости, оказание услуг, которые помогают всем лицам, в том числе инвалидам, решать проблемы, связанные с выбором профессии или повышением профессионального уровня с учетом индивидуальных особенностей и возможностей занятости; эта помощь должна предоставляться бесплатно как молодежи, включая школьников, так и взрослым. В целях эффективного осуществления *права на профессиональную подготовку* государства-участники Хартии обязуются: 1) предоставлять или способствовать предоставлению, по мере необходимости и в консультации с организациями работодателей и работников, техническую и профессиональную подготовку всем лицам, включая инвалидов, а также предоставлять средства, дающие доступ к высшему техническому и университетскому образованию исключительно на основе критерия личных способностей; 2) создать или способствовать развитию системы ученичества и иных систем профессиональной подготовки юношей и девушек по различным специальностям по месту работы; 3) обеспечить или развивать по мере необходимости: a) достаточные и легко доступные средства в целях профессиональной подготовки взрослых работников; b) специальные средства в целях профессиональной переподготовки взрослых работников, вызванные потребностями технического прогресса и новыми тенденциями в области занятости; 4) принимать специальные меры или способствовать принятию таких мер в целях переподготовки и включения в производственный процесс длительно безработных; 5) поощрять максимальное использование имеющихся возможностей за счет таких необходимых мер, как: a) сокращение или упразднение всякой платы за обучение; b) предоставление в соответствующих случаях финансовой помощи; c) включение в нормальную продолжительность рабочего дня времени, затрачиваемого работником на дополнительную профессиональную подготовку, которую он получает по просьбе своего работодателя во время работы по найму; d) обеспечение, посредством необходимого контроля, осуществляемого в консультации с организациями работодателей и работников, эффективной системы ученичества и любых других форм профессиональной подготовки молодых работников и их общей надлежащей защиты. Государства-участники Хартии обязуются принимать необходимые меры для обеспечения инвалидам *ориентации, обучения и профессиональной подготовки* в рамках, когда это возможно, соответствующих общих систем, а когда невозможно – через специализированные государственные или частные учреждения; облегчать им *доступ к занятости* с помощью любых мер, поощряющих работодателей к найму и удержанию на работе таких лиц в обычной рабочей среде и, там, где это невозможно по причине инвалидности, адаптировать условия труда к потребностям инвалидов путем приспособления или создания подходящих для них видов занятости в соответствии со степенью их инвалидности. В определенных случаях для осуществления таких мер могут потребоваться специализированные службы трудоустройства и поддержки.

Признавая, что инвалидность – это эволюционирующее понятие и что инвалидность является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни обще-

ства наравне с другими, что дискриминация в отношении любого лица по признаку инвалидности представляет собой ущемление достоинства и ценности, присущих человеческой личности, что важна доступность физического, социального, экономического и культурного окружения, здравоохранения и образования, а также информации и связи, поскольку она позволяет инвалидам в полной мере пользоваться всеми правами человека и основными свободами, имея целью поощрение, защиту и обеспечение полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также поощрение уважения присущего им достоинства, Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.[1] закрепила основные понятия (*к инвалидам* относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими; *дискриминация по признаку инвалидности* означает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области; она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении; *разумное приспособление* означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод; и пр.), общие принципы (уважение присущего человеку достоинства, его личной самостоятельности, включая свободу делать свой собственный выбор, и независимости; недискриминация; полное и эффективное вовлечение и включение в общество; равенство возможностей; доступность и др.), общие обязательства государств-участников Конвенции (в том числе запрет любой дискриминации по признаку инвалидности и гарантии инвалидам равной и эффективной правовой защиты от дискриминации на любой почве, принятие всех надлежащих мер к обеспечению разумного приспособления для поощрения равенства и устранения дискриминации, осуществление просветительно-воспитательной работы, обеспечение доступности – доступа наравне с другими к физическому окружению, к транспорту, к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения, как в городских, так и в сельских районах, реализацию права на образование, права на труд и занятость, предоставление услуг в сфере здравоохранения, абилитации и реабилитации, гарантирование достаточного жизненного уровня и социальной защиты, сбор надлежащей информации, включая статистические и исследовательские данные, позволяющей разрабаты-

[1] Конвенция о правах инвалидов, принята ООН 13 декабря 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2013 г. № 6. Ст. 468; ратифицирована Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2280.

вать и осуществлять стратегии в целях выполнения Конвенции, национальное осуществление и мониторинг, и пр.), и сопутствующие организационно-процедурные положения.

Статья 27 Конвенции о правах инвалидов указывает, что государства-участники признают право инвалидов на труд наравне с другими; оно включает право на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согласился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для инвалидов. Государства-участники обеспечивают и поощряют реализацию права на труд, в том числе теми лицами, которые получают инвалидность во время трудовой деятельности, путем принятия, в том числе в законодательном порядке, надлежащих мер, направленных, в частности, на следующее:

a) запрещение дискриминации по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда;

b) защиту прав инвалидов наравне с другими на справедливые и благоприятные условия труда, включая равные возможности и равное вознаграждение за труд равной ценности, безопасные и здоровые условия труда, включая защиту от домогательств, и удовлетворение жалоб;

c) обеспечение того, чтобы инвалиды могли осуществлять свои трудовые и профсоюзные права наравне с другими;

d) наделение инвалидов возможностью эффективного доступа к общим программам технической и профессиональной ориентации, службам трудоустройства и профессиональному и непрерывному обучению;

e) расширение на рынке труда возможностей для трудоустройства инвалидов и их продвижения по службе, а также оказание помощи в поиске, получении, сохранении и возобновлении работы;

f) расширение возможностей для индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства, развития кооперативов и организации собственного дела;

g) наем инвалидов в государственном секторе;

h) стимулирование найма инвалидов в частном секторе с помощью надлежащих стратегий и мер, которые могут включать программы позитивных действий, стимулы и другие меры;

i) обеспечение инвалидам разумного приспособления рабочего места;

j) поощрение приобретения инвалидами опыта работы в условиях открытого рынка труда;

k) поощрение программ профессиональной и квалификационной реабилитации, сохранения рабочих мест и возвращения на работу для инвалидов.

Государства-участники Конвенции обеспечивают то, чтобы инвалиды не содержались в рабстве или в подневольном состоянии и были защищены наравне с другими от принудительного или обязательного труда.

На основе проведенного анализа международного законодательства в области трудоустройства и занятости инвалидов возможно выявить проявления

дискриминации по признаку инвалидности в сфере труда по следующим основаниям: при приеме на работу (в том числе при информировании о вакансиях и проведении конкурса на замещение вакантных должностей); при профессиональной ориентации и профессиональной подготовке (в том числе при сопровождении в целях формирования трудовых навыков); при оснащении и оборудовании рабочих мест; при обеспечении условий доступности зданий с учетом ограничений жизнедеятельности.

С целью недопущения ущемления прав и свобод человека в области занятости и трудоустройства видится возможным выделить следующие вероятностные критерии дискриминации по признаку инвалидности в сфере труда:

– при приеме на работу (в том числе при информировании о вакансиях и проведении конкурса на замещение вакантных должностей): а) необоснованный отказ в приеме на работу по признаку инвалидности; б) невыполнение работодателем норм о сокращенной продолжительности рабочего времени инвалидов; в) непредставление работодателем удлиненного ежегодного оплачиваемого отпуска инвалидам; г) игнорирование положений национального законодательства о квотировании рабочих мест для инвалидов, в том числе в сфере государственной и муниципальной службы; д) непредставление соискателю информации о наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей, созданных или выделенных для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой для приема на работу инвалидов; е) фактическое отсутствие рабочих мест, созданных или выделенных для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой; ж) непредставление органам службы занятости в установленном порядке информации о наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей, созданных или выделенных для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой для приема на работу инвалидов; з) отсутствие информации о специальном оборудовании (оснащении) рабочих мест для инвалидов; и) указание на включение профессий и должностей, относящихся к категории работ с вредными и (или) опасными условиями труда, в созданные или выделенные работодателем рабочие места для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой; к) предъявление необоснованного условия при приеме на работу – привлечение инвалидов к работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, к сверхурочным работам; л) трудоустройство инвалидов в нарушение индивидуальной программы реабилизации и абилитации или заключения медико-социальной экспертизы; м) несоблюдение специальных санитарно-гигиенических требований к условиям труда инвалидов; н) отсутствие беспрепятственного доступа инвалидам к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур; о) несоблюдение требований доступности к физическому окружению, к транспорту, к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения; п) отказ в разумном предоставлении; р) отсутствие доступа к службам трудоустройства; с) отсутствие информации о расширении возможностей для индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства, развития кооперативов и организации

собственного дела; т) недостаточное стимулирование работодателей со стороны государства по трудоустройству и занятости инвалидов в частном секторе экономики; у) отказ в регистрации инвалида в качестве безработного.

– при профессиональной ориентации и профессиональной подготовке (в том числе при сопровождении в целях формирования трудовых навыков): а) непредоставление инвалидам услуг, связанных с выбором профессии или повышением профессионального уровня с учетом индивидуальных особенностей и возможностей занятости; б) оказание инвалидам услуг, связанных с выбором профессии или повышением профессионального уровня с учетом индивидуальных особенностей и возможностей занятости, на возмездной основе; в) отсутствие специализированных учреждений по профессиональной ориентации, обучению и профессиональной подготовке инвалидов; г) отказ в разумном предоставлении; д) отсутствие либо неразвитость системы ученичества и иных систем профессиональной подготовки инвалидов по различным специальностям по месту работы; е) отсутствие надлежащих условий для профессиональной подготовки инвалидов; ж) отсутствие беспрепятственного доступа инвалидам к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур; з) несоблюдение требований доступности к физическому окружению, к транспорту, к информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения; и) отсутствие доступа к общим программам технической и профессиональной ориентации, службам трудоустройства и профессиональному и непрерывному обучению; к) отсутствие психолого-педагогической поддержки при получении инвалидами образования, в том числе при получении общего образования на дому и в форме семейного образования; л) отсутствие информации о расширении возможностей для индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства, развития кооперативов и организации собственного дела.

– при оснащении и оборудовании рабочих мест: а) несоблюдение основных требований к оснащению (оборудованию) специальных рабочих мест для трудоустройства инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности; б) невыполнение работодателем комплекса мероприятий по адаптации основного и вспомогательного оборудования, технического и организационного оснащения и обеспечения техническими приспособлениями рабочего места для инвалидов; в) несоблюдение специальных санитарно-гигиенических требований к условиям труда инвалидов; г) нецелевое использование денежных средств, предназначенных для оборудования рабочих мест для инвалидов; д) отказ работникам, нуждающимся в переводе на другую работу в соответствии с медицинским заключением, на другую имеющуюся у работодателя работу, не противопоказанную работникам по состоянию здоровья, в связи с невозможностью обеспечения надлежащих условий труда инвалидов, в том числе оснащения (оборудования) рабочего места; е) увольнение работников по признаку инвалидности в связи с невозможностью обеспечения надлежащих условий труда инвалидов, в том числе оснащения (оборудования) рабочего места; ж) отказ в разумном предоставлении.

– при обеспечении условий доступности зданий с учетом ограничений жизнедеятельности: а) отсутствие беспрепятственного доступа инвалидам, в том числе использующих кресла-коляски и собак-проводников к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур; б) несоблюдение требований доступности к физическому окружению, к транспорту, к информации и связи, а также к другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения; в) отказ работникам, нуждающимся в переводе на другую работу в соответствии с медицинским заключением, на другую имеющуюся у работодателя работу, не противопоказанную работникам по состоянию здоровья, в связи с невозможностью обеспечения доступности зданий и сооружений с учетом ограничений жизнедеятельности; г) увольнение работников по признаку инвалидности в связи с невозможностью обеспечения условий доступности зданий и сооружений с учетом ограничений жизнедеятельности; д) отказ в разумном предоставлении.

Представленные критерии дискриминации по признаку инвалидности в сфере занятости и трудоустройства позволят на практике выявлять ущемления прав лиц с ограниченными возможностями здоровья в сфере труда, а также выработать на законодательном уровне действенные организационные, социальные и правовые механизмы, направленные на эффективную борьбу с возможными злоупотреблениями работодателей инвалидов, с целью минимизации и полного устранения возможных нарушений прав и свобод указанных лиц.

И.А. Лецко,
АлтГТУ им. И.И.Ползунова
А.Ю. Бендрикова,
канд. социол. наук, доцент
АлтГТУ им. И.И. Ползунова

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВРЕМЕННОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Работа посвящена анализу ценностных ориентаций современного поколения и их взаимодействию с современным типом культуры. Автором были рассмотрены труды П.А. Сорокина: «Главные тенденции нашего времени»; «Человек. Общество. Цивилизация»; «Социальная и культурная динамика»; использованы результаты проведённых эмпирических социологических исследований по изучению и сравнению системы ценностей, формированию и проявлению девиантного поведения в молодёжной среде.

Ключевые слова: *система ценностей, типы культур, молодое поколение, девиантное поведение.*

В современных условиях экономического кризиса и жёсткой конкуренции жизненные ориентации современной молодежи изменили свой вектор, уйдя от социальной (коллективистской) направленности к индивидуальной. Главным стремлением каждого человека стало личное материальное благосостояние, ценность оплаты труда стала цениться больше свободы или ценности интересной работы. Отсюда проистекает внимание молодежи к таким общественным проблемам, как рост цен, преступности, инфляция, коррупция, социальное разделение общества, проблемы экологии и пассивность граждан[1].

Происходящее формирование новых социальных отношений провоцирует у молодёжи такие социальные явления, как растерянность, пессимизм, неверие в будущее и настоящее, а также различные виды девиантного поведения, которое способствует появлению и увеличению маргинального слоя в обществе. Питирим Александрович Сорокин в книге «Человек. Общество. Цивилизация» описывает поведение человека как социальное явление, которое характеризуется в виде взаимодействия единиц, психически взаимодействующих между собой: «Социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы. Это то, что многие называют «социальной душой», это то, что другие называют цивилизацией и культурой, это то, что третьи определяют термином «мир ценностей», в противоположность миру вещей, образующих объект наук о природе»[2].

Осознание значимости человеческих ценностей происходит на вербальном уровне личности, это сказывается в повседневной жизни молодого поколения и проявляется в поступках, действующих принципах рационализма и прагматизма, в происходящих процессах «размывания» милосердия, норм доброты и честности, а также порядочности. В условиях современных экономических отношений в Российской Федерации недооценка правовой культуры и демократических ценностей в стране порождает порой негативные процессы, выражающиеся в забвении традиционных духовно-нравственных ценностей некоторой частью молодёжи, в росте преступности, в проявлениях ксенофобии и русофобии. Здесь следует подчеркнуть, что свободный, но социально невоспитанный «дух индивидуализма», эгоизм и бездуховность среди молодёжи вырываются на поверхность российской действительности, отбрасывая на своём пути вековую мудрость поколений, девальвируя такие высокие духовно-нравственные ценности как честь, совесть, долг, уважение к человеческому достоинству и другие. Это, по словам Л.П. Буевой, порождает опасность антропологического кризиса в обществе и создаёт отчетливо выраженную угрозу для социальной духовной безопасности нашей страны[3].

---

[1]Ценности современной молодежи [Электронный ресурс]. URL: http://kak-bog.ru/cennosti-sovremennoy-molodezhi (дата обращения: 10.08.2016).

[2] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество.
URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36167 (дата обращения: 12.08.2016).

[3]Хубиева З.А. Духовно-нравственные ценности и их влияние на формирование современной личности [Электронный ресурс]. URL: http://www.dslib.net/soc-filosofia/

Так, Питирим Сорокин в своей работе «Главные тенденции нашего времени» отмечает: «При прекращении контроля глубоко интериоризированных религиозных, этических, эстетических и других ценностей над человеческими существами, индивиды и группы становятся жертвами обмана и грубой силы, которые получают наивысший контроль над их поведением, отношениями и судьбами. В таких обстоятельствах человек превращается в человеческое животное, управляемое, главным образом, своими биологическими побуждениями, страстями и вожделением»[1]. П.А. Сорокин описывает три типа культур: чувственную, идеациональную и интегральную, каждая из которых опирается на ценностные ориентации человека и имеет свои особенности развития.

В подтверждение актуальности обозначенной проблемы в марте 2015 года нами было проведено эмпирическое социологическое исследование по изучению и сравнению системы ценностей, формированию и проявлению девиантного поведения в молодёжной среде у учащихся средних школ и студентов вузов Алтайского края.

В исследовании были использованы методы анкетирования и тестирования. В опросе участвовали учащиеся 9-х и 11-х классов средних общеобразовательных школ Алтайского края, а также студенты, обучающиеся в АлтГТУ, в количестве 280 человек. Участникам опроса был предложен тест М. Рокича, в котором были представлены инструментальные (ценности-средства) и терминальные (ценности-цели) ценности, а также была разработана анкета по выявлению причин девиантного поведения у молодых людей, которое возникает по внутренним мотивам человека.

Ценностные ориентации молодых людей выступают в виде ценностей, определяющих отношение к окружающей действительности и в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Эти ориентиры формируются под влиянием различных социальных институтов, таких как семья, школа, религия и государство. Эти и другие институты играют немаловажную роль в жизни любого человека. С самого детства родители прививают ребёнку социально значимые качества, воспитывают его согласно приоритетным убеждениям. Семья и школа являются одними из самых важных институтов, где происходит социализация индивида, приобретаются социальные навыки и знания, формируются представления об окружающем мире, а также о добре и зле. Со временем у каждого человека складывается определённый тип поведения в зависимости от ценностных ориентаций, которые могут изменяться под действием каких-либо факторов.

Естественно, что большинство молодых людей моделируют свое собственное поведение согласно устоявшимся нормам в обществе, под влиянием средств массовой информации и окружающих людей. П. Сорокин указывает на чувственную форму культуры, которая основывается на чувственно воспринимаемых ценностях, зависит от системы осязания и осмысления, а также является преобладающей в современном обществе. Основополагающий принцип в та-

[1] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36165 (дата обращения: 10.08.2016).

ких условиях существования, по мнению Сорокина: «… истинная реальность и ценность является чувственно воспринимаемой и что за пределами реальности и ценностей, которые мы можем видеть, слышать, ощущать во вкусе, прикосновении и запахе, нет другой реальности и нет реальных ценностей»[1]. Действия по удовлетворению собственных потребностей становятся приоритетными и являются неотъемлемой чертой ценностных ориентаций молодого поколения, складывающихся под влиянием трансформации общественных явлений. «Оно заботится, главным образом, о чувственных ценностях благосостояния, здоровья, телесного комфорта, чувственных удовольствиях и жажде власти и славы», – отмечает П.А. Сорокин[2]. Расширение возможностей, появление и усовершенствование информационных технологий отодвигают на второй план моральные принципы, на которых основывалось первоначальное бытие.

По результатам социологического исследования, студенческая молодёжь Алтайского края, распределяя в приоритетном порядке ценности, чаще всего обращали внимание на ценности в личной жизни, которые свидетельствуют о таких характеристиках, как любовь (35 %), здоровье (27 %), наличие друзей (20 %), общественное признание (19 %) и развлечения (18 %). Учащиеся старших классов выбирают в большинстве случаев здоровье (37 %), материально обеспеченную жизнь (34 %), а также наличие хороших и верных друзей (29 %), и в то же время отвергают красоту природы и искусства (38 %), а также счастье других (27 %), что немаловажно для познания самого себя и других. Также можно сказать, что студенты более осознанно расставляют приоритеты, чем школьники, к старшим курсам возрастает роль ценностей, связанных с профессиональной самореализацией и по-прежнему высок уровень личных ценностей.

К последствиям обезличивания важных ценностей чувственной культуры П. Сорокин относит эгоизм людей, который влечёт за собой жестокость, выраженную в поведении человека. «Вспыхивает индивидуальный и коллективный неограниченный эгоизм; борьба за существование становится интенсивнее; сила становится правом; <…> преступность и другие формы межчеловеческих раздоров и жестокости вспыхивают в беспрецедентном масштабе».[3] В раннем возрасте это может выступать в виде отклоняющегося поведения, которое влечёт за собой негативные последствия, связанные с психическими реакциями человека и отражающиеся на биологическом здоровье. По результатам социологического исследования к основным причинам социальных девиаций опрошенные респонденты относят: неблагополучные ситуации в семье (68 %); особенности возрастной психологии (66 %); недостаток внимания и воспитания со стороны родителей (63 %), а также желание обратить на себя внимание (60 %). Кроме того, среди прочих были отмечены: психические расстройства и влияние на индивида со стороны сверстников и общества; стремление повзрослеть; желание развлечься; стремление получить новые ощущения и заниженная само-

[1] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36165 (дата обращения : 10.08.2016).
[2] Там же.
[3] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36167 (дата обращения: 12.08.2016).

оценка; реакция протеста и безответная любовь. Полученные ответы свидетельствуют о наличии в молодежной среде психологических и социальных причин отклоняющегося поведения, которые проявляются в виде переменчивого настроения, с преобладанием раздражительности (85 %), напряжённости (80 %), а также подавленности (78 %). Такие показатели отрицательно сказываются на внутреннем состоянии человека. «Преступление может быть только психическим явлением, и класс преступных явлений есть класс специфических психических процессов, переживаемых тем или иным индивидом. <…> Так как психические переживания даны только в индивиде, то при определении преступления и преступных деяний можно стоять только на точке зрения того или иного индивида, то есть точкой отнесения неизбежно становится индивид. Для каждого индивида преступными будут те акты, действительные или воображаемые, свои или чужие, которые возбуждают в нём соответственные специфические переживания»[1], – отмечает П. Сорокин.

Отклоняющее поведение, по мнению опрошенных нами респондентов, может проявляться в следующих формах: употребление наркотических веществ (98 %), хищение чужого имущества (94 %), нанесение телесных повреждений (84 %), хулиганство (66 %), распитие спиртных напитков в неограниченных количествах (64 %), нарушение правил поведения в общественных местах (52 %). Подобные девиации могут рассматриваться в виде актов деятельности, отражающиеся в сознании каждого человека, который в соответствии со своими моральными устоями и ценностными ориентациями будет относить либо к одобряемым и рекомендуемым, либо к запрещённым, характеризующиеся нарушением устоявшихся норм общества. П.А. Сорокин характеризует акты «недозволенные» следующим образом: «Такими актами для каждого будут те акты, которые противоречат его представлениям «должного» поведения и нарушают его «должную» норму поведения»[2].

Современный институт государства предпринимает попытки предотвращения подобного вида деятельности посредством реализации различных социальных программ, а также вовлечения молодого поколения в различного рода движения и мероприятия. С одной стороны, в ситуации отсутствия единой координирующей молодежное движение организации сделать это довольно сложно. С другой стороны, появилось множество альтернативных движений, молодежных партий и организаций, пытающихся быть в приоритете. Однако, как показывает исторический опыт, неограниченная свобода вообще для человека, тем более для молодого человека как формирующейся, самоутверждающейся личности с собственными амбициями, максималистскими жизненными целями не всегда дает положительный результат для общества и личный позитивный жизненный опыт. Не всегда и не все молодые люди способны отобрать из огромной социальной практики положительные социальные модели поведения. И в данном случае как никогда актуально социальное воспитание и ориентация

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36167 (дата обращения: 12.08.2016).
[2] Там же.

молодого человека на выбор значимых жизненных приоритетов. Тогда на первый план выходят социальные институты – агенты вторичной социализации, чью роль в жизни молодого человека сложно переоценить. В образовательных учреждениях всё чаще вводят предметы, раскрывающие основы религиозного бытия для формирования полноценной личности подростка, способной делать выбор. Освоение общерелигиозных принципов, ознакомление с моральными нормами, разъяснение таких важных понятий, как честность и порядочность содействует целостному духовно-нравственному и социальному развитию ребенка, формированию мировоззрения, обеспечения его духовного, телесного и психического здоровья через приобщение к высшим ценностям культуры. Сообщая детям самые первые элементарные сведения о Боге, его творении, увязываются воедино духовное и материальное, нравственно умозрительное и практическое. П. Сорокин описывает эмпирические и сверхэмпирические аспекты истинной реальности-ценности, которые выражаются в предметах изящных искусств в рамках интегральной культуры. «Истинной реальностью-ценностью является Неопределённое Многообразие, которое имеет сверхчувственные, рациональные и чувственные формы, неотделимые одна от другой»[1]. Знакомство с устройством храмов, их историей, произведениями литературы и изобразительного искусства позволяют представить духовно-нравственные образы, в эмоционально привлекательной, понятной форме, передающие сведения эстетического, духовно-нравственного и учительного характера. Духовные ценности выступают важнейшим фактором связи человека и общества, способствующим интериоризации человека, усвоению им всего богатства социального опыта общества, его материальной и духовной культуры.

По результатам социологического исследования нравственные и моральные ценности не входят в список базовых ценностей современной молодежи, а духовные и культурные ценности занимают крайние позиции. Красота природы и искусства, счастье других, творчество, эффективность в делах, высокие запросы и непримиримость к недостаткам становятся незначительными в повседневной жизни современного поколения. Это связано с тем, что молодежь согласовывает свою систему ценностей, прежде всего с критериями жизненного успеха. Для них очень важна свобода мыслей, суждений, действий. Девушки, в таком возрасте более склонны выбирать образованность, общественное признание, воспитанность.

Формирование ценностного сознания человека на уровне общества и личности представляет собой некоторую совокупность установок и ориентации на общественные ценности – идеалы, нормы, обычаи, традиции и т.д. Содержание ценностного сознания человека определяется многими факторами, среди которых главную роль играют духовно-нравственные ценности. Поэтому важнейшей задачей в современном обществе является выработка социально одобряемых мировоззренческих, политических и нравственных убеждений и действий, чувства патриотизма и интернационализма, толерантности у широких слоев населения.

[1] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36165 (дата обращения: 10.08.2016).

Это и есть то, что называется системой ценностных ориентации человека как личности. Характер ценностных ориентации во многом зависит, в какой мере человек может распорядиться своими способностями, насколько правильно сможет подчинить свой разум, потребности интересам общества и согласовать свои действия со сложившейся реальной действительностью в стране.[1]

Признавая религиозную веру психологическим феноменом, присущим человеку от рождения, многие отечественные и зарубежные ученые, такие как Р.М. Грановская, З. Фрейд, К.Г. Юнк и другие, указывают на ценность и реальность религиозной жизни для человека. Они видят в ней системообразующий ориентир в организации и упорядочении психики человека, в нравственном становлении личности и совершенствовании общества.

В данном контексте П. Сорокин указывает на наличие идеациональной культуры, которая возносит Царство Бога: «истинная реальность или ценность – это сверхчувственный и сверхрациональный Бог и его Царство, как определено в христианском символе Веры; в то же время чувственная реальность или ценность либо просто мираж, либо даже что-то негативное и греховное. Более того идеациональная культура признавала Божественные откровения как критерий истины и не признавала свидетельство чувств»[2]. Согласно этой культуре любой человек может поступать в соответствии с религиозными убеждениями и отдавать приоритет неземным божествам.

Восприятие и познание мира в основном осуществляется через откровение, интуицию и мистический опыт, рациональное познание отвергается, человек не доверяет своему разуму, больше думает о конце мира, чем о естественном порядке вещей и возможности преобразования действительность. Идеациональное искусство нацелено на религиозную тематику, где доминирующим сюжетом является сверхчувственное царство Бога, героями – сам Бог, ангелы, святые и грешники, тайны мироздания, искупления, распятия, спасения и другие трансцендентные события. «Это не искусство одно профессионального художника, а творчество безымянного коллектива верующих, общающихся с Богом и со своей собственной душой»[3]. Художественный образ идеационального искусства воплощается: в архитектуре церковных зданий, богослужебных музыкальных песнопениях, в религиозных литературных молитвах. Высшей идеациональной истиной у Сорокина является «истина веры». «Она непогрешима и дает адекватное знание о подлинно реальных ценностях»[4]. Главным является безупречное исполнение людьми своих обязанностей между Богом и обществом.

П.А. Сорокин в своём труде «Социальная и культурная динамика» подробно описывает закат чувственной культуры, где на первый план выходят

---

[1]Хубиева З.А. Духовно-нравственные ценности и их влияние на формирование современной личности [Электронный ресурс]. URL: http://www.dslib.net/soc-filosofia/

[2] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36165 (дата обращения: 10.08.2016).

[3] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36167 (дата обращения: 12.08.2016).

[4] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Электронный ресурс]. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36167 (дата обращения: 12.08.2016).

грубость в отношениях и циничный обман. Продолжается распад семьи как священного союза мужа и жены, родителей и детей, которые всё больше отдаляются от родителей, уменьшается безопасность жизни и имущества, а также происходит рост самоубийств, психических расстройств и преступлений. Всё это, по мнению П. Сорокина, ведёт к смене данного типа культуры на новый – идеациональный, где чувственные ценности окажутся в подчинении.

Каждая из этих культур обладает собственной ментальностъю, системой истины и знания, философией, особым типом религии, своими представлениями о правильном и неправильном, особыми формами искусства и литературы, нравов, законов, правил поведения, собственной экономической и политической организацией, специфическим типом личности с особым складом ума и манерами поведения. Современный тип культуры в соотнесении его с системой ценностей человека и молодежи особенно нуждается в дополнительном исследовании. И не столько даже для выявления жизненных приоритетов современного человека, сколько для изучения имеющихся социальных ресурсов и потенциала в целях сохранения культурного, духовно-нравственного и этического опыта, трансляции его последующим поколениям.

И.Е. Лыскова,
канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и менеджмента
Коми республиканская академия
государственной службы и управления

ВЗГЛЯДЫ Н.И. КАРЕЕВА И П.А. СОРОКИНА ПО ВОПРОСАМ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО РЕИНЖИНИРИНГА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В статье рассматриваются проблемы истории персонального менеджмента России конца XIX – начала XX века, предлагается общий анализ взглядов известных русских учёных Н.И. Кареева и П.А. Сорокина по вопросам мотивации персонального развития, подчёркивается значимость и ценностные приоритеты российской управленческой мысли в аспекте современных задач реинжиниринга человеческих ресурсов.

Ключевые слова: *история управленческой и экономической мысли, персональный менеджмент; мотивация и цели персонального развития; инновация; научное наследие Н.И. Кареева и П.А. Сорокина.*

Эффективность современной экономической и социальной политики российского государства неразрывно связана с качеством человеческих ресурсов. Перспективы социально-экономического развития всё чаще связывают со стратегией инновационного развития, экономического роста, обеспечения роста социального благополучия и качества жизни населения. Сегодня актуализируется

роль человеческих ресурсов как мощного фактора развития материального и духовного производства[1]. В современной России приходит осознание значимости эффективного управления человеческими ресурсами, создания благоприятных условий для развития инновационного потенциала и внедрения инноваций в современные бизнес-процессы, и в частности в систему управления персоналом организаций[2].

На протяжении ряда десятилетий одним из самых сложных и противоречивых вопросов остаётся вопрос о мотивации трудовой деятельности. В условиях глобализации экономических процессов, обострения конкуренции, стремительного развития информационных и производственных технологий, формирования и развития экономики знаний, актуализации формирования общекультурных и профессиональных компетенций современных специалистов задачи мотивации персонального развития приобретают особую значимость.

Современная экономика знаний предъявляет высокие требования к сотрудникам организации. Сегодня конкурентоспособность производства во многом зависит от интеллектуального потенциала специалистов. Интеллектуальный потенциал организации определяется в значительной степени определяется системой мотивации коллективной и индивидуальной трудовой деятельности. Современная концепция управления знаниями неразрывно связана с концепцией реинжиниринга человеческих ресурсов. С практической точки зрения подобные модели управления человеческими ресурсами внедряются очень сложно[3].

---

[1] Блинов А.О. Нравственная экономика и либерализм России // Российский академический журнал. 2014. № 1. Т. 27, январь-март. С. 26-29; Блинов, А.О. Нравственные проблемы бедности в России. Экономический ракурс // Мир новой экономики. 2014. № 1. С. 35-41; Блинов А.О. Роль государства в организации когнитивного менеджмента // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. 2012. № 1. С. 87-94.

[2] Блинов А.О., Яшева Г.А. Реинжиниринг бизнес-процессов как управленческая инновация современных организаций: методологический аспект // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2014. № 1 (26). С. 147-160; Лыскова И.Е. Персональный менеджмент как технология современного реинжиниринга человеческих ресурсов // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы IX Меджунар. науч.-практ. конф. (Минск 19-20 мая 2016 г.): в 2 т. – Минск: БГЭУ, 2016. Т. 1. С. 89-90; Лыскова, И. Базовые принципы персонального менеджмента как технологии реинжиниринга человеческих ресурсов организации. Application of new technologies in management and economy. 5th International Conference. 21-23 April 2016, Belgrad, Serbia. V. 2. Pp. 99-106.

[3] Блинов А.О., Лыскова И.Е. Персональный менеджмент в процессе современного реинжиниринга человеческих ресурсов // Экономика и предпринимательство. 2016. № 3-1. (68-1). С. 622-626; Блинов А.О., Лыскова И.Е. Концептуальные основы формирования нравственной культуры бизнес-процессов в современной организации // Экономика и предпринимательство. 2016. № 2-1 (67-1). С. 931-937; Блинов А., Лыскова И. Нравственная культура руководителя в аспекте управления человеческими ресурсами // Application of new technologies in management and economy. 5th International Conference. 21-23 April 2016, Belgrad, Serbia. V. 1. Pp. 201-210; Лыскова И.Е. Философские и социологические корни персонального менеджмента // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. № 7.2 (55). С. 757-776.

Следует отметить, что реинжиниринг характеризуется как радикальное перепроектирование бизнес-процессов для достижения существенных, резких, скачкообразных улучшений по наиболее значимым современным показателям деятельности организации, таким как стоимость, качество, сервис, темпы. Основной целью реинжиниринга как средства реконструкции производственных процессов является обеспечение конкурентного преимущества организации. Соответственно одним из существенных процессов реинжиниринга в целом важно признать реинжиниринг человеческих ресурсов, основанный на обновлённых подходах к управлению человеческими ресурсами организации. Бесспорно, что глубокие качественные изменения, как на внутриорганизационном уровне, так и во внешней среде способны обеспечить только высококвалифицированные специалисты, обладающие высоким уровнем мотивации и вовлечённости в сам процесс неизбежных изменений.

Важно подчеркнуть, что в современных организациях нередко наблюдаются явные признаки сопротивления изменениям. Это проявляется в процессе индивидуального и коллективного труда. На индивидуальном это может характеризоваться нежеланием включаться в процесс изменений, негативными эмоциональными переживаниями, проявляться в неуверенности в собственных способностях и квалификации, нежелании рисковать, недоверии к руководству в плане обоснованности перемен, отсутствии мотивации для освоения новых видов деятельности и пр. На организационном уровне сложности внедрения обновлений в систему профессиональной деятельности могут объясняться преобладанием административных рычагов, неэффективностью системы управления организацией и др. Нередко от самих руководителей требуется обеспечить высокий темп организационных изменений в соответствии с поставленными задачами, обеспечить высокую степень управляемости изменений, а также не допустить негативных проявлений в системе организационных коммуникаций.

В современных условиях вполне обоснована значимость новых подходов к управлению человеческими ресурсами, формированию условий для развития социально направлений менеджмента – когнитивного, креативного, экзистенциального, формирующих основы персонального менеджмента, совершенствование методов развития личности сотрудника, эффективного использования интеллектуального, творческого потенциала работника для развития инновационной деятельности в современных бизнес-процессах. Современный мир предъявляет высокие требования к эффективности организационных процессов. Ощущается важность обеспечения профессиональной конкурентоспособности каждого специалиста, базирующаяся на качестве профессиональных знаний, способностях, навыках и компетенциях. Соответственно значительный интерес в аспекте управления человеческими ресурсами вызывают темы, связанные с повышением персональной эффективности, внедрением практик применения эффективных инструментов развития личности и организации в целом. Сегодня недопустимо игнорирование ценности человека как богатого инновационного ресурса в аспекте экономического, социального и культурного развития организации.

В основе конкурентоспособности организации – способность её сотрудников постоянно развиваться, приобретать новые знания, совершенствоваться в

профессиональном отношении, повышать уровень личной мотивации на качественное улучшение результатов всех сфер жизнедеятельности человека. Одним из существенных достижений современного персонального менеджмента можно признать идею о значимости духовной культуры личности, об осознании приоритетности и направленности изменений «изнутри» во внешний мир жизнедеятельности человека.

Процесс развития личности определяется спецификой интеллектуального труда, способностью человека выдвигать новые идеи, генерировать оригинальные мысли, ставить цели, осознавать рациональные и эффективные способы их достижения. Одной из актуальных характеристик в системе когнитивного и креативного менеджмента следует признать способность человека анализировать, систематизировать, структурировать информацию, переходить от репродуктивной модели мышления, к наиболее эффективным способам решению профессиональных задач. В современных бизнес-процессах делается ставка на уникальность интеллектуальной творческой деятельности человека с высокой степенью свободы и самомотивации труда, самоорганизации, самоконтроля, осознанием личной ответственности за процесс и результат труда.

Ключевые тенденции социально-экономического и социокультурного развития современных организаций требуют переосмысления исторического опыта решения задач персонального развития, актуализации универсальности и бесспорной ценности знаний в области теории и практики персонального менеджмента. Значительный интерес в данном отношении представляют не только история западноевропейской и североамериканской, но и российской управленческой и экономической мысли. Особого внимания в этом отношении заслуживают взгляды известных учёных в области социально-гуманитарного знания Н.И. Кареева (1850–1931) и П.А. Сорокина (1889–1968), признанных корифеев, стоящих у истоков русской социологии.

Важно отметить, что Н.И. Кареев и П.А. Сорокин были лично знакомы. Знакомство П. Сорокина с Н.И. Кареевым состоялось на вечерних общеобразовательных курсах для взрослых, основателем и руководителем которых Александр Сергеевич Черняев (1873–1916). Стоит подчеркнуть, что в конце XIX – начале XX века в России по примеру Западной Европы и Северной Америке активно развивалась система самообразования, очень популярная среди молодёжи, как альтернативная модель университетскому образованию, продиктованная исключительно мотивами персонального развития[1]. На упомянутых Черняевских курсах, где учился П. Сорокин, преподавали известные русские учёные: историк, философ, социолог Н.И. Кареев, невропатолог, физиолог, психиатр, психолог В.М. Бехтерев (1857–1927), литературовед С.А. Венгеров (1855–1920), физиолог Н.Е. Введенский (1852–1922), коми этнограф, философ

[1] Лыскова И.Е. Русская интеллигенция о роли общественного движения University Extension в процессе развития системы образования и персонального менеджмента в России в конце XIX– начале XX века // Интеллигенция и мир. Российский научный журнал. Ивановский государственный университет, Иваново. 2015. № 2. С. 17-33.

и писатель К.Ф. Жаков (1866–1926) и др.[1] Знакомство и общение П. Сорокина и Н.И. Кареева продолжилось, когда первый в 1909 г. поступил в Психоневрологический институт, основанный В.М. Бехтеревым. Н.И. Кареев в то время был деканом словесно-исторического отделения педагогического факультета Психоневрологического института. Важно заметить, что значительную роль в развитии этого института и формировании научных взглядов П. Сорокина сыграли известные специалисты и наставники М.М. Ковалевский (1851–1916) и Е.В. Де-Роберти (1843–1915), ставшие по возвращению в Россию первыми преподавателями социологии. Н.И. Кареев в Париже в Высшей русской школе, созданной М.М. Ковалевским, также читал курс социологии. Позже, когда П. Сорокин перевелся из Психоневрологического института в Санкт-Петербургский университет, его научная биография была во многом определена М.М. Ковалевским и Е.В. Де-Роберти, пригласившими после окончания университета остаться П.А. Сорокина и К.М. Тахтарева (1871–1925) для подготовки к профессорскому званию. Вскоре начинается активная преподавательская деятельность. В 1915 г. П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев преподавали курс социологии в Психоневрологическом институте. В 1917 г. П.А. Сорокин стал доцентом Санкт-Петербургского университета. С 1920 г. работал здесь на кафедре социологии. Н.И. Кареев признавал значимую роль П.А. Сорокина и К.М. Тахтарева и развитии Социологического общества им. М.М. Ковалевского, и в целом в развитии социологической мысли в России. По словам Н.И. Кареева, до П.А. Сорокина и К.М. Тахтарева социология в России была «добавочным предметом занятий для представителей разных других специальностей». Они же специализировались в социологии[2]. Однако не без сожаления Н.И. Кареев отмечал, что Социологическое общество оказалось «недолговечным», и сами социологи «скоро сошли со сцены». П.А. Сорокин эмигрировал сначала в Западную Европу, потом в Северную Америку, а К.М. Тахтарев, уезжавший в Англию, по возвращении в Россию прожил недолго. Жизнь за пределами России обеспечила возможность П.А. Сорокину познакомиться с североамериканской и западноевропейской социологией. Как подчёркивал Н.И. Кареев, «это не могло не поставить перед ними задачи систематизации социологического знания и самостоятельного пересмотра всех основных вопросов науки». Социологические взгляды П.А. Сорокина и К.М. Тахтарева под влиянием новейшей американской социологии были переплетены с концепцией бихевиоризма. П.А. Сорокину близка была и «рефлексологическая точка зрения» В.М. Бехтерева. Н.И. Кареев отмечал, что П.А. Сорокин «был талантливее Тахтарева». Однако в заслугу обоим ставил, что «они выдвинули вперёд проблему строения общества в то время, когда прежде на первом плане стояла проблема его развития»[3].

[1] Лыскова И.Е. Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. Сыктывкар: КРАГСиУ. 2010. 180 с.; Золотарёв В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013. № 3. С.78-88.

[2] Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 261.

[3] Там же. С. 263.

Нельзя не отметить тот факт, что Н.И. Кареев был рецензентом «Системы социологии» П.А. Сорокина и участником диспута, на котором обсуждалась эта работа молодого социолога. Н.И. Кареев отмечал, что П.А. Сорокин «выступает как хороший знаток современной социологической литературы на разных языках, что также свидетельствует о его научной подготовке к свершению такого обширного замысла, каким является целая система одной из важнейших наук. Позиция автора «Системы социологии – последовательный плюрализм, т.е. обращение не к одному какому-либо началу, как исходному пункту, а принятие в расчёт сложности и многогранности общественных явлений, делающих невозможным, чтобы все замки социологии отпирались одним и тем же ключом»[1].

Мнение Н.И. Кареева о работе П.А. Сорокина было очень значимо в глазах научной общественности. Вспомним, что в период с 1899 по 1917 гг. Н.И. Кареев был вице-президентом и президентом Международного института социологии, созданного в 1893 г. в Париже. Отметим, что ранее пост президента Международного института социологии занимал М.М. Ковалевский, а позже и сам П.А. Сорокин был удостоен этой чести. После смерти А.С. Лаппо-Данилевского (1863-1919) Н.И. Кареев был избран председателем Социологического общества им. М.М. Ковалевского. В 1903 г. был избран членом-корреспондентом Краковской, в 1910 г. – Петербургской Академии наук. В 1917 г. вошёл в состав Оргкомитета по подготовке очередного Международного исторического конгресса.

Позже в своем исследовании «Основы русской социологии» Н.И. Кареев даст глубокую оценку научному творчеству П.А. Сорокина до момента отъезда его из Советской России в 1922 г. Н.И. Кареев писал: «…Сорокин явился последователем американских социологов, обогатив русскую социологическую литературу её данными и выводами. Это влияние американской социологии на Сорокина видно было уже из определения им социологии как «науки о поведении взаимодействующих людей и его результатах». По мнению Н.И. Кареева в социологии П.А. Сорокина преобладала «психологическая точка зрения», несмотря на то, что стремился устранить из своей науки «субъективную психологию», заменяя её «чисто объективной рефлексологией»[2]. Взаимодействие между людьми П.А. Сорокин определял как простейшее социальное явление, которое характеризовалось самими людьми, их действиями и взаимодействиями, передающими «психическую энергию» от индивида к индивиду.

Поведение человека, безусловно, определяется его мотивами. В контексте современных бизнес-процессов идеи П.А. Сорокина и Н.И. Кареева можно интерпретировать в связи с концепциями управления человеческими ресурсами, в частности концепциями организационной культуры, организационного поведения, лидерства, мотивации трудовой деятельности, персонального развития и др. Отметим лишь некоторые идеи известных учёных, получившие особую значимость в современных условиях.

[1] Золотарёв В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013. № 3. С.84.
[2] Кареев Н.И. Основы русской социологии. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996. С. 273.

На протяжении ряда десятилетий Н.И. Кареев активно занимался исследованием проблем персонального развития. Серия работ, посвященных проблемам персонального развития, имела грандиозный успех. Речь идёт о таких трудах ученого как «Письма к учащейся молодежи о самообразовании», «Беседы о выработке миросозерцания», «Мысли об основах нравственности», «Мысли о сущности общественной деятельности», «Выбор факультета и прохождение университетского курса», «Идеалы общего образования». Многие идеи ученого по проблемам общего и профессионального образования, самообразования, всестороннего развития личности, значимости общественной деятельности в аспекте самореализации человека не только не потеряли своей актуальности, но глубоко поражают созвучностью проблемам современной жизни[1].

Размышления Н.И. Кареева о проблемах персонального развития постепенно выстроились в стройную систему взглядов. Он уделял внимание как теоретическим, так и практическим аспектам организации всестороннего развития личности, теории и практике персонального менеджмента. Н.И. Кареев актуализировал множество задач политико-правового, социально-экономического и культурологического содержания, неразрывно связанных с проблемами персонального развития. Однако первостепенная роль в этом отношении, по мнению Н.И. Кареева, отводилась самому субъекту. Подчёркивая нравственные аспекты социального развития личности, учёный утверждал, что «у человека, кроме обязанностей по отношению к другим людям, есть обязанности по отношению к самому себе». Учёный призывал «больше и чаще думать» над вопросами смысла и ценности жизни, «побольше думать и больше читать». Он писал: «Пусть каждый прежде всего «познает самого себя» и определит своё жизненное призвание в зависимости от наклонностей и способностей своей природы»[2].

---

[1] Лыскова И.Е. Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. – Сыктывкар: КРАГСиУ. 2010. 180 с.; Лыскова, И.Е. Идея прогресса в аспекте персонального менеджмента // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: сб. ст.: в 2 ч. Ч. I. / ред. кол.: А.Е. Карлик (отв. ред.) и [др.]. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. С. 66-70; Lyskova, I.E.The first experience of the university extension movement in Russia (to the question of the history of self-management). From the Other Shore: London Journals in Economics, Marketing, Finance, Business and Innovation. A Collection of Scientific Papers. London, 2015. P. 144-148.

[2] Лыскова И.Е. Н.И. Кареев о цели жизни и жизненном призвании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. – М: Тип. «Литера», Институт Стратегических Исследований, – 2014, № 7. С. 162-166; Лыскова, И. Социально-психологические основы персонального менеджмента (исторический аспект) // Law, Economy and management in Modern Ambience. 4th International Conference. 17-19 April 2015, Belgrad (Serbia), 2015. pp. 251-260; Лыскова И.Е. Психологический аспект персонального менеджмента // Пятнадцатая международная научно-практическая юбилейная конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». 24-27 ноября 2015 г.: мат-лы конф. СПб.: Изд-во ИМЦ «НВШ-СПб», 2015. С. 188-194; Лыскова И.Е. Нравственная ответственность и нравственная свобода в аспекте персонального менеджмента // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития: сб. мат-в XX Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Издательство ЦРНС. 2015. С. 16–24; Лыскова И.Е. Мотивация персонального развития в системе взглядов П.Л. Лаврова и Н.И. Кареева (к вопросу истории персонального менеджмента в России) // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: материалы VIII Международной научно-практической конференции. СПб.: Информационный издательский учебно-научный центр

Размышляя о проблемах всестороннего интеллектуального, нравственного, социального развития личности, Н.И. Кареев выводит нас на совершенно уникальное понимание сущности «инновации». Именно этот термин Н.И. Кареев использовал для характеристики процессов индивидуального и социального развития человека. Инновацию он характеризовал как «личную инициативу». В свою очередь инициатива рассматривалась им как «высшее проявление личности» (с. 539) «Инновационная деятельность личности» определялась Н.И. Кареевым как неуклонное, осознанное и целенаправленное стремление человека к «творчеству и саморазвитию». Выстраивая систему персонального развития, анализируя совокупность внешних и внутренних факторов, обеспечивающих или сдерживающих персональное развитие, Н.И. Кареев рассматривал соотношение категорий «традиция – инновация» и «догматизация – критика», подчёркивал наличие традиционного и инноваторского подходов к решению личностных и социальных задач.

Особенно ярко это прослеживается в процессе поиска ответов на вопросы о цели жизни и жизненном призвании. Самыми правильными средствами в этом отношении является критическое мышление и самоанализ. Н.И. Кареев нередко проводил аналогии между высшими целями культурно-социального прогресса и задачами всестороннего и непрерывного развития личности. По мнению учёного, «человека нужно учить, развивая в нём мыслительную способность, умение анализировать явления жизни и продукты чужого и собственного мышления, привычку критически относиться к каждому вопросу и каждому его решению, обогащая его ум фактическим и идейным знанием и тем помогая ему в его искании цели жизни, в его стремлении найти жизненное призвание: это – путь ума, путь исследования, анализа, критики, путь доказательства и убеждения, путь знания и науки, путь наиболее верный и надёжный»[1].

Не отрицая значимости социально-экономических факторов, влияющих на индивидуальные мотивы персонального развития, Н.И. Кареев особенно подчеркивал роль самой личности в данном процессе.

Характеризуя задачи развития личности в контексте эволюции социологической мысли в России на протяжении полувека, Н.И. Кареев подчёркивал, что эта наука «находится ещё в самом начале своего развития, что в ней ещё слишком много несовершенного, неясного, гипотетического, спорного» и что строить её должны учёные самых различных гуманитарных специальностей: историки, экономисты, юристы, государствоведы, психологи, философы – каждый с

«Стратегия будущего», 2014. Т. 2. С. 65-69; Lyskova I.E. The Sources of Self-Management in Russia // The Second International Conference on Economic Sciences. Proceedings of the Conference (June 16, 2014). “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2014. pp. 40-46; Lyskova, I.E. The purpose of life and professional aptitude in the interpretation of Nikolai Kareev // В мире научных открытий / Социально-гуманитарные науки, Красноярск: Научно-инновационный центр. 2014. № 9.3 (57). С. 1229-1241.

[1] Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 2-е изд. 574 с.

какой-либо особой стороны»[1]. Эта позиция может быть отнесена и к характеристике вопросов мотивации персонального развития.

Что касается взглядов П.А. Сорокина по данной тематике, следует отметить, что требуется глубокий и всесторонний анализ мотивов индивидуального и коллективного поведения. Остановимся лишь на некоторых нюансах социально-экономического характера[2].

П.А. Сорокин актуализирует значимость социально-экономических факторов, определяющих условия индивидуального развития, обеспечения социального благополучия, стабильности, качества жизни населения страны. По мнению П.А. Сорокина, революции, войны, голод, разруха в России в начале XX века привели население страны к глубокой деформации в экономическом, политическом, социальном, культурном, нравственном отношении. Населению страны был нанесен не только количественный, но и «качественный урон». П.А. Сорокин подчёркивал, что сложившиеся условия жизни приводили и к биологической, и к социальной деградации. Особенно опасными подобные социальные деформации были для молодого поколения. Он приводил множество примеров, характеризующих ослабление «духовных творческих сил молодого поколения», «понижение психически-творческой силы и энергии». Отмечал неизбежность изменения поведения и психики в нравственном отношении, что вело к «нравственной, умственной и социальной деградации».

Ситуация политической нестабильности и экономической разрухи приводила к ужасающим последствиям. П.А. Сорокин писал: «С обнищанием государства … дело приняло поистине трагический характер. Деревенская молодёжь растёт безграмотной, ибо школы закрылись или существуют фиктивно. Учёбы нет. Нет книг, пособий, бумаги, учителей и т. д. То же приходится сказать о средней и высшей школе. Преподаватели высших и средних школ в один голос констатируют понижение умственного уровня студентов и учеников. Помимо таких причин, как неотапливаемые помещения школ, отсутствие света, пособий, книг, реактивов и т. д., к тому же результату вела и необходимость поисков куска хлеба. На чистое учение и науку времени не остаётся…»[3].

Невозможность человека удовлетворить самые насущные потребности приводит к деформации сознания, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. В частности это может закрепляться в негативных моделях поведения социально-трудового характера. По словам П.А. Сорокина, за годы экономической разрухи «… население отвыкло, а молодое поколение не приучилось к систематически-активному производительно-разумному труду. Энергии тратится пропасть, но без толку. «Честный труд» отошёл в область преданий. Место его заняло то, что носит название «урвать», «снять жир», «спекульнуть», «скомбинировать», «смошенничать», «изловчиться», «сжулить» и т. д. «Чест-

[1] Кареев Н.И. Основы русской социологии. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 279.

[2] Сорокин П.А. Верую, Господи! Помоги моему неверию // Наследие. 2013. № 3. С. 158-165; Сорокин П.А. Голод и убеждения (идеология) человека // Наследие. 2013. № 3. С. 165-172; Сорокин П.А. Голод и идеология общества // Квинтэссенция: Филос. Альманах / сост. В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. – М.: Политиздат, 1990. С. 371-413.

[3] Сорокин, П.А. Верую, Господи! Помоги моему неверию // Наследие. 2013. № 3. С. 162.

ный труд – для дураков – вот трудовая формула нашего времени. Добросовестность, здоровое интенсивное напряжение, полезность, разумность и т. д. – все эти категории, необходимые для нормального трудового производства общества, исчезли. На их место пришли шакализм, леность, мошенничество, спекуляция и хищничество, проникшее в поведение старых и малых, буржуев и пролетариев, тёмных людей и интеллигенции до её верхушек, частных, правительственных и общественно-кооперативных организаций»[1].

В целом, характеризуя политическую, социально-экономическую и социокультурную ситуацию в России в начале 20-х гг. XX века, П.А. Сорокин приходил к печальным выводам: «биологическая деградация, потеря нравственных, умственных и культурных ценностей, безграничное экономическое обнищание». Он констатировал факты, что ситуация безысходности приводит человека к потере нравственно-правовых убеждений, «отуплению» моральной «чуткости».

Научное наследие известных российских учёных Н.И. Кареева и П.А. Сорокина многоаспектно. Современная жизнь требует новых подходов к оценке философских, психологических, исторических, социологических, экономических идей этих исследователей. Современная интерпретация взглядов учёных способна дать объективную оценку опыту социально-экономического и политического развития России и обеспечить глубокие качественные изменения в системе управления человеческими ресурсами в настоящее время.

О.И. Максименко,
аспирант 1 курса
СГУ им. Питирима Сорокина

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ПРИ АНАЛИЗЕ РЫНОЧНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ КОМПАНИЙ

Исследование направлено на применение теории экономической стратификации при анализе капитализации публичных компаний. Была проанализирована динамика капитализации стран мира, определено место Российской Федерации на экономической арене. Увязывая выводы теории экономической стратификации Питирима Сорокина, методику разделения социального пространства на два измерения, при анализе внутренней капитализации стран были протестированы гипотезы. Результаты исследования могут быть использованы инвесторами для прогнозирования поведения фондовых рынков.

Ключевые слова: *экономическая стратификация, капитализация, ВВП.*

[1] Там же. С. 162-163.

Изучению вопросов рыночной капитализации публичных компаний и связанных с ней областей посвятили свои труды многие исследователи, такие как Е.А. Бадокина,[1] И.Н. Швецова,[2] и др.[3], однако попыток увязать теорию экономической стратификации Питирима Сорокина с областью теории корпоративных финансов предпринято не было.

Целью работы является применение теории экономической стратификации при анализе рыночной капитализации публичных компаний.

По мнению Питирима Сорокина, для определения индивида как социальной единицы пространства необходимо уточнить его положение относительно его окружения и социальных объектов. Если рассматривать внутренние рынки стран как обособленные объекты (что является грубым абстрагированием, однако данный метод аналогии приемлем для нашего исследования в целях проверки выдвигаемых нами гипотез), социальные группы у нас будут представлены количественным показателем – рыночная капитализация внутренних рынков. Именно капитализация, выраженная в сопоставимых единицах измерения и наглядно отражающая уровень развития фондового рынка той или иной страны, позволит определить положение стран на горизонтальной оси ординат[4].

В своей работе мы проверим гипотезы, соотносящиеся с первым типом флуктуации экономического состояния (общества у Питирима Сорокина), а именно флуктуации экономического статуса группы как единого целого и увяжем результаты применительно к российским публичным компаниям.

Н 1: Наличие колебаний экономической стратификации среди стран по уровню внутренней капитализации.

Н 2: Наличие постоянного направления динамики флуктуаций.

Н3: Отсутствие тенденции уменьшения экономического неравенства.

Используя методику разделения социального пространства на два измерения (горизонтальное и вертикальное), обоснуем приемлемость выбранных показателей.

---

[1] Бадокина Е.А. Дивидендная политика и рыночная стоимость компании // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2010. № 3.

[2] Бадокина Е.А., Швецова И.Н. Факторы создания акционерной стоимости российских компаний // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 3. С. 65-82. URL: http://www.vestnik-ku.ru/images/articles/2015/3/6.pdf.

[3] Максименко О.И. Влияние чистой прибыли на рост рыночной стоимости орг анизации // Актуальные проблемы развития финансово-экономических систем и институтов: материалы и доклады 1 международной научно-методической конференции / под общ. ред. А.Н. Сорочайкина. – Самара, 2010. С. 430-437; Дробышевская Л.Н., Петровская А.В., Ермакова Ю.С. Совершенствование системы учета субъектов малого предпринимательства для оценки их вклада в налоговый потенциал региона // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10-1 (63-1). С. 465-471.

4 Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 302-373. (Серия «Мыслители XX века»).

Питирим Сорокин закладывал в горизонтальное измерение вхождение индивида в заданную группу (врачей, итальянцев, русских, художников); аналогично, мы в своей работе фиксировали принадлежность публичных компаний с точки зрения страновой определенности владельцев акционерного капитала. Для этого была использована статистическая информация сайта Всемирного банка[1], находящаяся в открытом доступе. Была сформирована выборка за период 1975–2015 гг., включающая себя 213 государства. Далее, в целях повышения достоверности результатов анализа, из выборки были исключены 169 позиций, данные по капитализации которых отсутствовали хотя бы за один период, начиная с 2009 г. В результате дальнейшей обработке подлежала информация по 44 странам, включая Российскую Федерацию.

По каждому году были построены графики, затем для наглядности они были сведены в общий рисунок 1, отражающий позицию стран по уровню капитализации. Бесспорными лидерами за рассматриваемые периоды выступили США, Япония и Китай. На протяжении всего анализируемого периода, за исключением 1987–1990 гг., США занимали ведущее положение, достигнув к концу 2015 г. капитализации внутреннего рынка в 25 трлн долл. США. Второе место по уровню капитализации до 2007 г. занимала Япония, однако с 2008 г. вплоть до настоящего времени уступила его Китаю. Устойчивый рост рыночной стоимости компаний Китая с 2007 г. обеспечил снижение ключевых процентных ставок Народным банком КНР, а также ожидания дальнейших шагов властей по стимулированию ослабляющейся экономики страны. Период 2010–2013 гг. отмечен наибольшим спадом в общей динамике капитализации стран: он был связан напрямую с отсутствием IPO в КНР. Начиная с середины 2013 г. Китай показывает стремительный рост показателя – возобновление IPO наряду с запуском программы взаимосвязи фондовых бирж Гонконга и Шанхая.

Учитывая то, что три китайские компании входят в десятку мировых лидеров по рыночной стоимости (крупнейшая из них – PetroChina, уступающая по этому показателю только американским Exxon Mobil и Apple), а крупнейшая японская компания Toyota Motor занимает лишь 34-е место, можно сделать прогноз о сохранении за Китаем 2-го места среди стран по уровню внутренней рыночной капитализации.

Среди стран с развитой экономикой фондовый рынок Японии в 1948 г. возник самым последним. Оценивая динамику показателя данной страны, отметим тенденцию постоянной флуктуации. В 1987–1990 гг. Япония по уровню внутренней капитализации обогнала США, это было связано со стремительными темпами развития фондового рынка страны. Кризисный период 1990–1991 гг. выявил серьезные недостатки функционирования и регулирования финансового рынка и привел к необходимости реформы, проводившейся в несколько этапов. В последующие годы она устойчиво занимала второе место в мире, вплоть до 2007 г. И в настоящий момент, несмотря на периодические серьезные снижения котировок акций и проблемы в регулировании финансовой системы,

[1] Всемирный банк: Данные и исследования, статистика. URL: http://data.worldbank.org/

компании Японии занимают по совокупной капитализации третье место в мире после США и Китая[1].

Для дальнейшего исследования набор данных был проанализирован с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics 21. В Таблице 1 приведена описательная статистика внутренней капитализации стран за 2009–2015 гг. Как следует из таблицы 1, среднее значение капитализации за 2009 г. составляет 898,16 млрд долл. Приведенный ниже статистический анализ показал, что минимальное значение капитализации компаний – 1,23 млрд долл. в 2009 г., а максимальное значение – 26330,59 млрд долл.

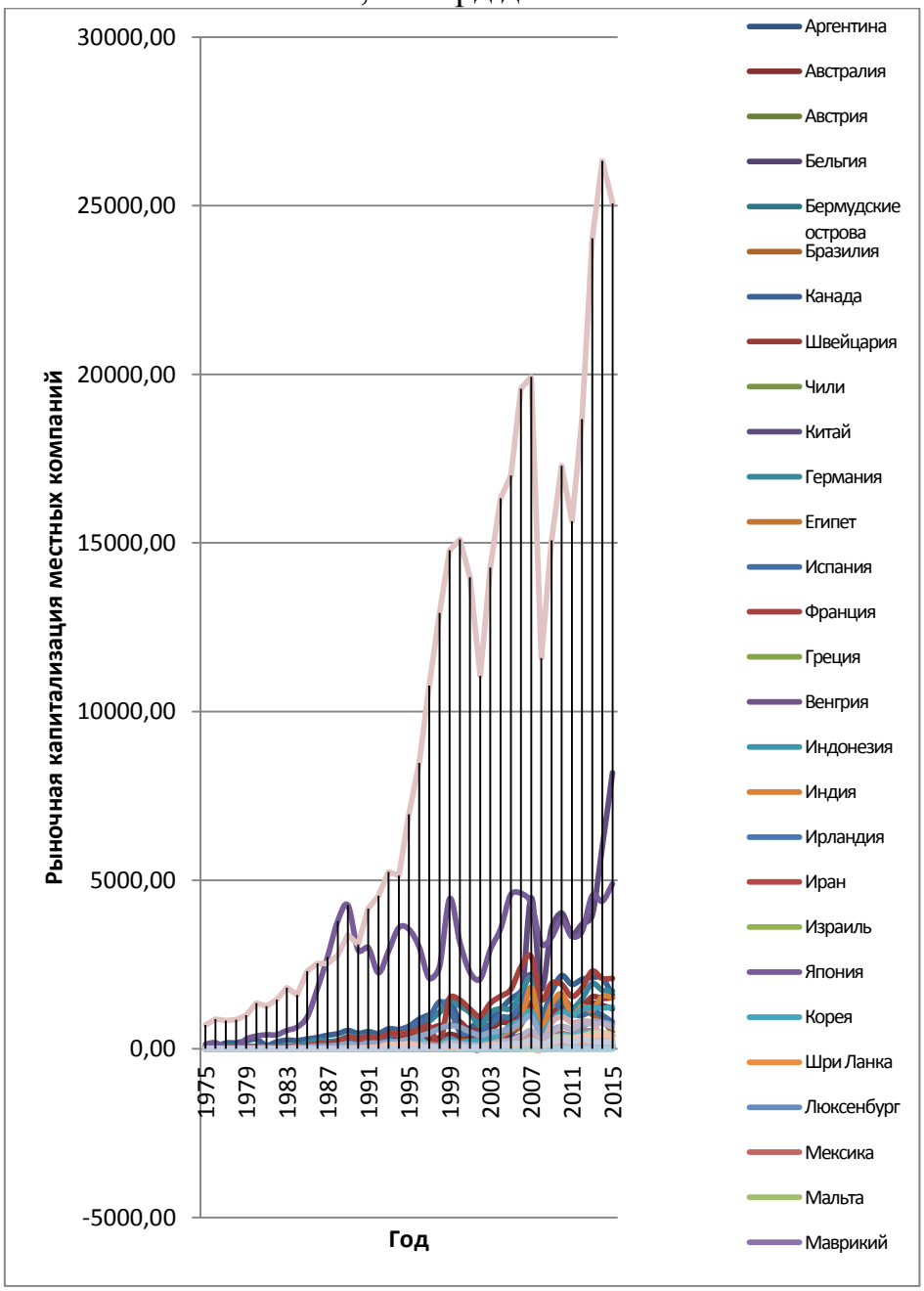

Рис. 1. Динамика рыночной капитализации местных компаний за 1975–2015 гг., млрд долл. США.

[1] Вести. Экономика // Пять финансовых центров планеты 28.11.2014. URL: http://www.vestifinance.ru/articles/50021?page=1

Таблица 1

Описательная статистика, млрд. долл. США

Год	Размах	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение	Дисперсия
2009	15075,93	1,36	15077,29	898,16	2336,02	5456976,88
2010	17281,92	1,53	17283,45	1036,34	2672,05	7139870,47
2011	15639,47	1,23	15640,71	897,67	2405,82	5787961,89
2012	18666,85	1,49	18668,33	1033,50	2849,36	8118842,82
2013	24033,39	1,47	24034,85	1222,64	3655,07	13359503,49
2014	26328,99	1,60	26330,59	1291,15	4032,75	16263068,40
2015	25065,69	1,85	25067,54	1280,39	3940,81	15529945,34

Отметим особенность минимального значения за весь рассматриваемый период: оно принадлежит торгующим компаниям Бермудских Островов. Для наглядности ситуации приведем рисунок 2, который свидетельствует и том, что рыночная капитализация в Бермудских Островах в 2015 году была равна 1,85 млрд долл., что на 249 млн долл. больше, чем в 2014 году (1,60 млрд долл.). Темп роста по сравнению с 2014 годом оказался равным 15,5 %. За период с 2007 по 2015 годы рыночная капитализация торгующихся компаний в Бермудских Островах увеличилась на 560 тыс. долл., а среднее значение показателя составило 1,82 млрд долл. Среднегодовой темп роста рыночной капитализации торгующихся компаний в Бермудских Островах за этот период составил 0,003 %. Максимальный рост рыночной капитализации торгующихся компаний в Бермудских Островах наблюдался в 2006 году – 579 млн долл., максимальное падение в 2008 году – 819 млн долл. Максимальное значение рыночной капитализации торгующихся компаний в Бермудских Островах было достигнуто в 2007 году – 2,73 млрд долл., минимальное наблюдалось в 2011 году – 1,23 млрд долл. В целом по рисунку 2 наблюдается тенденция скачкообразного снижения рыночной стоимости.

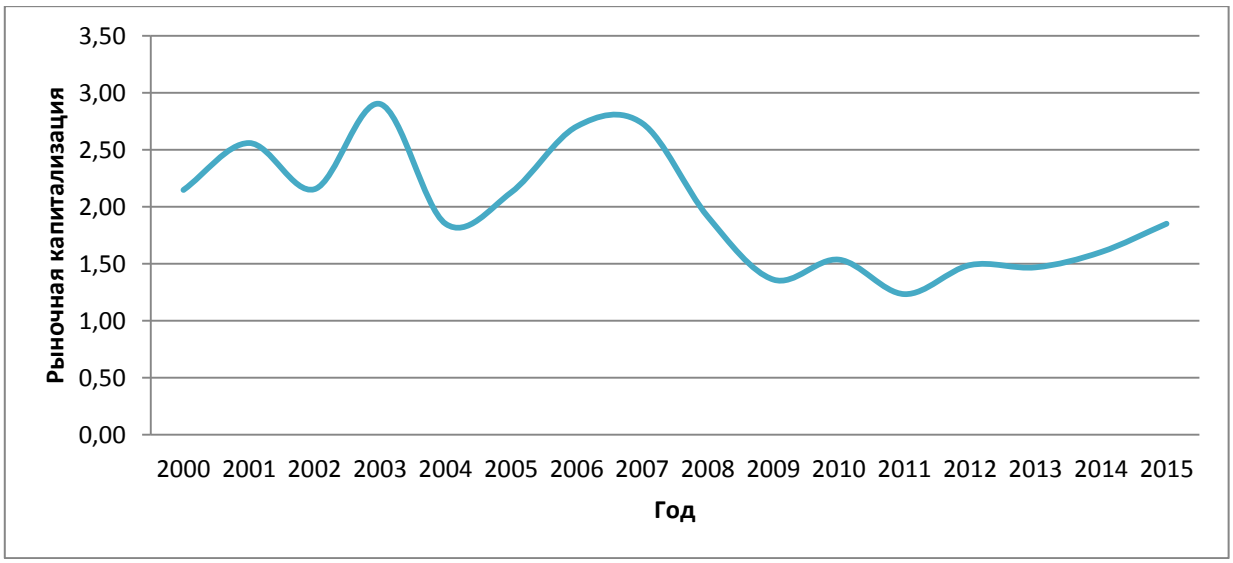

Рис. 2. Рыночная капитализация торгующихся компаний Бермудские острова за 2000–2015 гг., млрд долл. США.

Большинство максимальных значений, как было показано выше, принадлежит компаниям США. Максимальные значения выборки, в противовес наименьшим (см. Таблицу 1), имеют тенденцию к постоянному росту.

На рисунке 3 представлена динамика среднего значения и среднеквадратического отклонения внутренней капитализации 44 стран. На протяжении анализируемого периода среднее значение капитализации по странам постепенно возрастало. Неоспоримое влияние на эту тенденцию оказали США, Китай и Япония. Стандартное отклонение при этом в некоторые периоды достигало колоссальных значений (например, 4032,75 млрд долл. США в 2014 г.), что свидетельствует о недостоверности выявленного тренда и высокой вариабельности показателя. Описанная динамика хорошо показывает темпы роста внутренней капитализации стран с развитой экономикой.

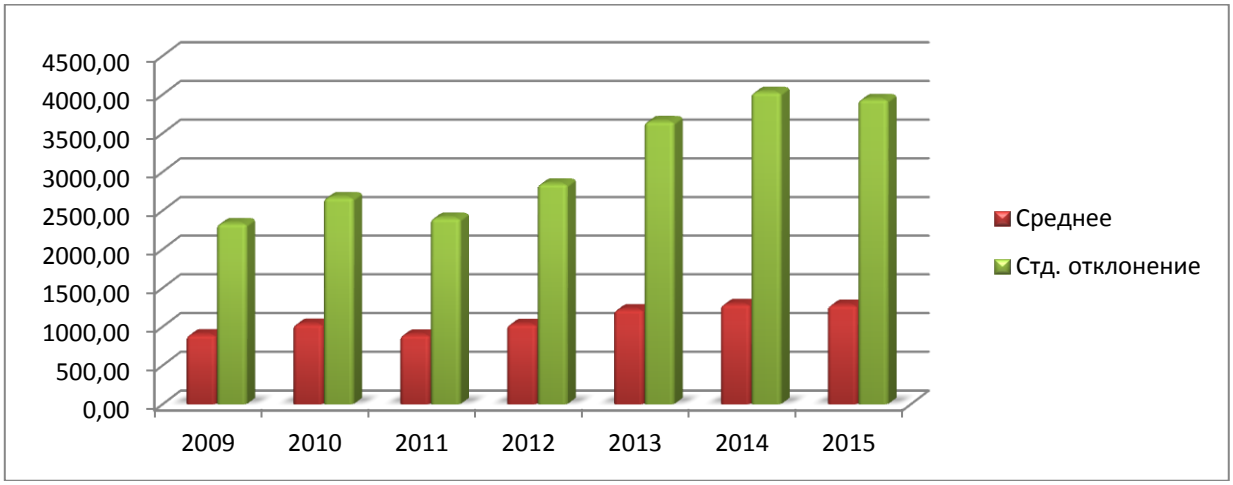

Рис. 3. Флуктуация среднего значения и среднеквадратического отклонения внутренней капитализации стран за 2009–2015 гг., млрд долл. США

Исключив из выборки США, Китай и Японию, нами была сформирована описательная статистика для оставшихся 33 стран с 1975–2015 гг. (см. таблицу 2).

Таблица 2

Описательные статистики

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
1975	11	0,47	63,10	22,61	23,47
1976	11	0,80	56,40	21,24	20,84
1977	10	0,83	173,94	33,66	53,19
1978	12	0,74	179,69	37,20	50,97
1979	15	1,20	238,94	37,64	60,39
1980	15	1,30	285,71	41,83	71,48
1981	17	1,01	105,57	25,38	28,61
1982	17	0,97	207,09	29,17	49,43
1983	17	1,39	257,63	35,35	61,65
1984	17	1,17	246,63	37,56	58,51
1985	17	2,04	292,88	52,07	76,92
1986	17	1,59	336,90	76,24	98,08

1987	17	1,42	405,60	85,22	107,27
1988	17	2,55	446,81	102,28	119,72
1989	18	3,20	543,40	131,06	151,91
1990	18	3,62	458,68	123,04	139,64
1991	19	11,28	508,63	139,01	151,51
1992	19	11,83	457,95	134,43	131,45
1993	24	0,70	595,52	152,70	166,24
1994	24	1,32	575,72	161,43	178,64
1995	26	1,34	671,74	174,84	208,54
1996	27	1,49	879,80	201,12	253,96
1997	31	1,52	1010,51	191,67	296,83
1998	31	1,70	1390,69	210,58	366,07
1999	32	1,52	1502,95	285,99	460,20
2000	34	1,07	1446,63	219,03	361,06
2001	35	0,98	1174,66	181,11	289,24
2002	36	1,19	967,02	162,31	256,31
2003	36	1,85	1355,93	231,38	335,97
2004	38	1,85	1559,11	272,77	390,24
2005	38	2,12	1758,51	318,50	439,82
2006	39	2,70	2428,25	417,09	572,02
2007	39	2,73	2740,34	553,71	726,51
2008	39	1,91	1472,41	272,01	369,71
2009	41	1,36	1946,19	428,36	538,50
2010	41	1,53	2171,19	499,02	601,41
2011	41	1,23	1912,87	417,55	496,43
2012	41	1,49	2059,97	478,77	557,45
2013	41	1,47	2301,09	518,76	618,23
2014	41	1,60	2095,42	490,18	597,62
2015	41	1,85	2088,32	443,58	558,32

Полученные стандартные отклонения таблицы 2 дают возможность более достоверно описать выборку. Ниже приведен аналогичный ранее построенному график (см. рисунок 4).

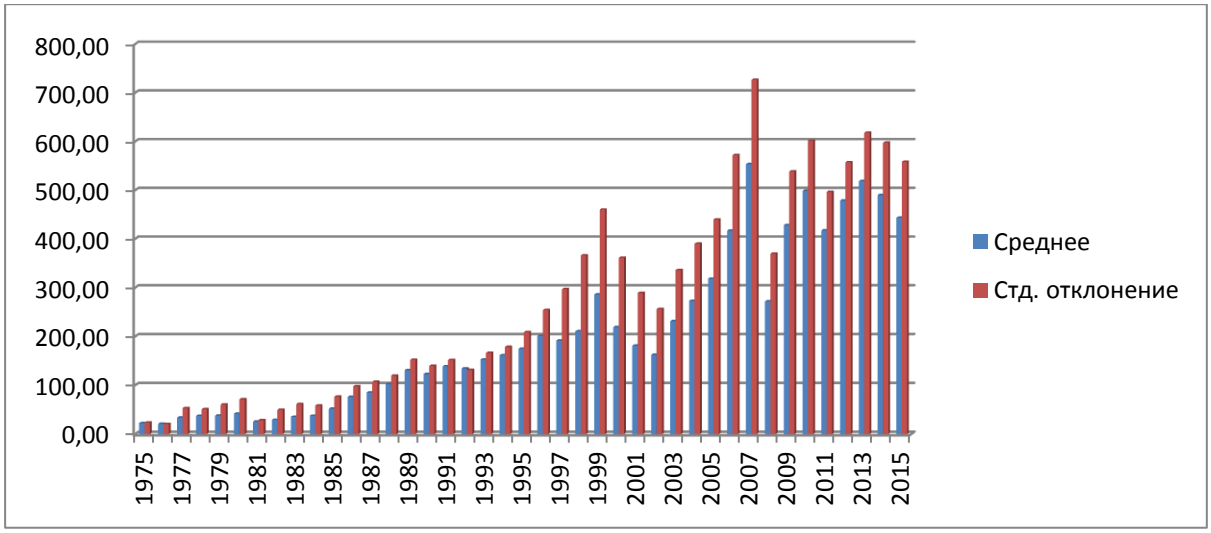

Рис. 4. Динамика среднего значения и среднеквадратического отклонения внутренней капитализации стран за 1975–2015 гг., млрд долл. США

Таким образом, на основе проведенного анализа гипотеза о наличии колебаний экономической стратификации среди стран по уровню внутренней капитализации была обоснована. Причем чем с ростом уровня развития внутреннего рынка капитализации страны, колебания показателя усиливаются.

До конца XX века наблюдался устойчивый рост уровня капитализации, что подтверждает вторую гипотезу о наличии постоянного направления динамики флуктуаций. С 2000 г. наблюдался скачкообразные периоды повышения показателя, сменяемые его падением, вызванным кризисными явлениями в мировой экономике. В целом динамика роста присутствует на развитых рынках (США, Китай, Япония), в странах с меньшей капитализацией процесс менее выявлен.

В связи с этим, для уточнения результатов тестирования второй гипотезы и подтверждения (опровержения третьей) данные стран на основе информации 2015г. были сгруппированы и разбиты на 4 подгруппы с равномерными интервалами значений. Такой вид статистической группировки позволил выделить группу по уровню капитализации в диапазоне 243,9–728,49 млрд долл., в которую вошли Нидерланды, Сингапур, Бразилия, Саудовская Аравия, Бельгия, Мексика, Российская Федерация, Малайзия, Индонезия, Таиланд и Израиль.

Таблица 3

Описательная статистика

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
2009	11	176,96	1337,25	449,07	344,12
2010	11	227,61	1545,57	559,64	391,65
2011	11	156,94	1228,94	490,31	305,15
2012	11	161,86	1227,45	555,73	297,24
2013	11	203,30	1020,46	556,89	248,91
2014	11	200,52	843,89	511,20	198,41
2015	11	243,90	728,49	438,09	137,07

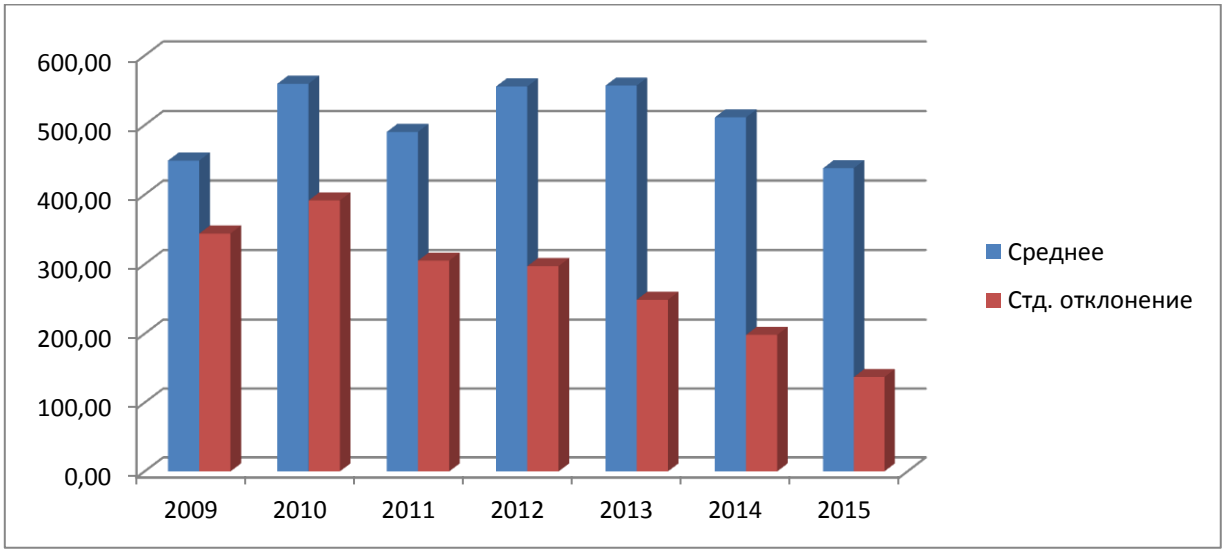

Рис. 5. Динамика среднего значения и среднеквадратического отклонения внутренней капитализации стран за 2009-2015гг., млрд долл. США

Как показывает рисунок 5, среднее значение внутренней капитализации 11 стран за рассматриваемый период находилось в пределах 400–550 млрд долл. США, подвергаясь небольшим изменениям. Стандартное отклонение на порядок ниже, чем в описательной статистике 44 стран, поэтому выявленный тренд более достоверен.

Поэтому динамику капитализации Российской Федерации, как и оставшихся стран с меньшим значением показателя, следует рассматривать отдельно от тройки лидеров. На рисунке 6 нисходящая кривая отражает негативную картину. Так, начиная с 2010 г. отечественные компании РФ теряли свою рыночную стоимость. Данная тенденция повторяет направление минимальных значений описательной статистики (см. таблицу 3). Рыночная капитализация торгующихся компаний в России в 2015 году была равна 393 млрд долл., что на 7,31 млрд долл. больше, чем в 2014 году (386 млрд долл.). Темп роста по сравнению с 2014 годом оказался равным 1,89 %. Однако период повышения стоимости компаний не изменил направление общего тренда. За период с 2009 по 2015 годы рыночная капитализация торгующихся компаний (текущие цены) в России снизилась на 368,5 млрд долл. (более чем в 2 раза), среднее значение составило 695,96 млрд долл. Среднегодовой темп роста рыночной капитализации торгующихся компаний в России за этот период составил 52 %. Максимальный рост рыночной капитализации торгующихся компаний в России наблюдался в 2010 году на 190 млрд долл., максимальное падение в 2014 году на 385 млрд долл. Максимальное значение рыночной капитализации торгующихся компаний в России было достигнуто в 2010 году – 951 млрд долл., минимальное наблюдалось в 2014 году – 386 млрд долл.

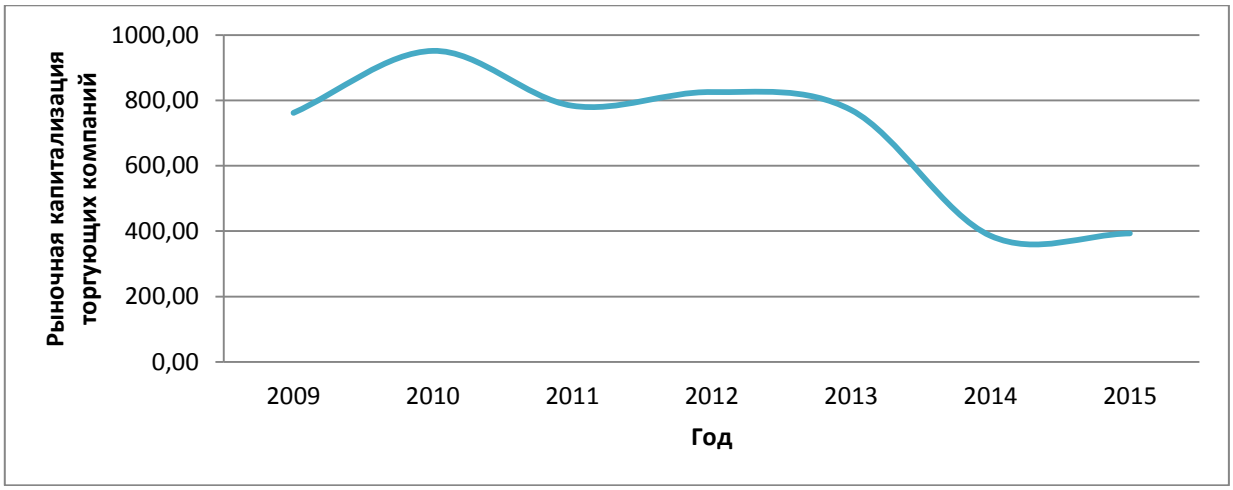

Рис. 6. Рыночная капитализация торгующихся компаний Российской Федерации за 2009-2015 гг., млрд долл. США.

Бесспорным лидером в рейтинге российских компаний по уровню капитализации является крупнейшая мировая газодобывающая компания «Газпром», капитализация которой на конец 2015 года составила 44,3 млрд долл. США. На втором месте за газовой корпорацией находился лидер российской нефтедобычи НК «Роснефть», с капитализацией в 37,3 млрд долл. США. При этом по ито-

гам 2015 года в первую тройку вошел, поднявшись с шестого места годом ранее, лидер российского банковского сектора Сбербанк, увеличив свою стоимость на рынке до 30,0 млрд долл. США. В первой десятке оказались также ЛУКОЙЛ, НОВАТЭК, ГМК «Норильский никель», «Сургутнефтегаз», «Магнит», ВТБ и «Газпром нефть»[1].

Итак, в результате уточненного анализа гипотеза №2 в части менее развитых стран по уровню капитализации не получила доказательств. Отметим тривиальный характер полученных результатов для проверки гипотезы №3: страны, относящиеся к группе с развитой экономикой, будут занимать лидирующие позиции и по показателям развития фондовых рынков. Поэтому, т.к. нас интересует более точное применение теории экономической стратификации в заданных условиях, для составления полной картины положения нашей страны на фондовом рынке мира мы, следуя примеру Питирима Сорокина, введем второе измерение для наших уже заданных координат.

Здесь уместно будет упомянуть определение социальной стратификации – как дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы. Она проявляется в наличии высших и низших слоев. Ее основа и сама сущность состоит в неравномерном распределении прав и привилегий, обязанностей и ответственности, социальных благ и лишений, социальной власти и влияния среди членов того или иного сообщества»[2]. Сорокин выделяет три основания стратификации: экономическое (по состоятельности), политическое (по наличию власти, влияния) и профессиональное (по положению человека внутри своей профессии, а также по положению его профессии в обществе).

В своей работе мы используем методику экономической стратификации в части первого типа флуктуации – «Колебания экономического статуса группы как единого целого вследствие роста (спада) экономического благосостояния».

В целях определения предмета исследования рассмотрим трактовку понятия экономического благосостояния. Под чистым экономическим благосостоянием понимается величина ВНП либо ВВП уменьшенного на величину стоимостной оценки факторов, отрицательно сказывающихся на благосостояние и учета недекларированных и нерыночных доходов. Методика расчета была предложена в 1972 году американскими профессорами У. Нордхауз и Дж. Тобином. Однако на сегодняшний момент экономическое сообщество так и не выработало единых способов и показателей абсолютного измерения объемов теневой экономики, досуга, загрязнения[3].

Поэтому, при оценке благосостояние страны, уместно, на наш взгляд, применение именно экономической стратификации на базе показателя состоятельности, представленного валовым внутренним продуктом – укрупненным и более точным индикатором экономического благосостояния. За основу построе-

---

[1] РИА РЕЙТИНГ. Рейтинг самых дорогих публичных компаний-2016. URL http://www.riarating.ru/infografika/20160127/630007042.html

[2] Чеснокова В.Ф. Уильям Л. Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 116-130.

[3] Смагин И.И. Вызовы глобализации и коррекционные императивы показателей благосостояния // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 7 (123).

ния графика были использованы данные Всемирного банка за 2009-2015гг., была построена линия тренда, составлен график поведения выведенной функции. Результаты представлены на рис. 7.

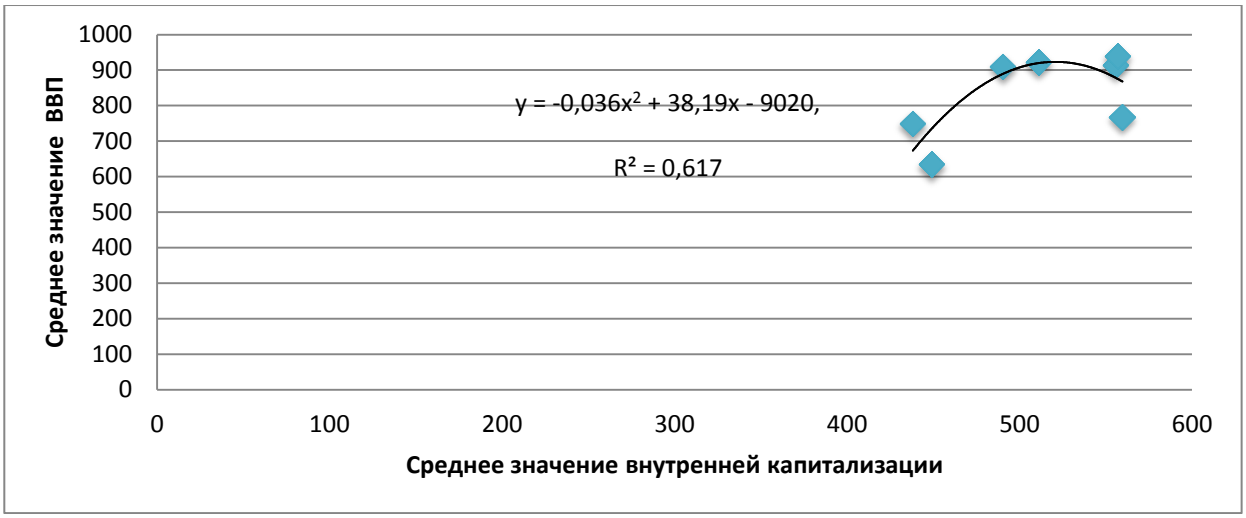

Рис.7. Флуктуация средних значений внутренней капитализации и ВВП 11 стран за 2009-2015 гг., млрд долл. США

На основании полиномиального графика Рисунка 7, был сделан вывод об отсутствии постоянного направления динамики флуктуации. Полученное уравнение, отражающее поведение тренда имеет вид: $y = -0{,}0367x^2 + 38{,}194x - 9020{,}6$. При этом коэффициент детерминации $R^2 = 0{,}6173$, что свидетельствует о наличии, но недостаточно сильной связи между средними значениями внутренней капитализации стран и уровнем ВВП. Тем не менее, учитывая длительность временных рамок наблюдения, результаты анализа позволяют подтвердить третью гипотезу об отсутствии тенденции уменьшения экономического неравенства.

Принимая во внимание результаты вышеизложенного исследования, дедуктивно-аксиоматически для Российской Федерации были сделаны следующие выводы:

- Несмотря на то, что Россия была отнесена во вторую группу по уровню внутренней капитализации, колебания экономической стратификации до 2015 г. сказывались на ее позиции внутри выделенной группы. Снижение цен на нефть и металлы привело к сокращению в 2015 году среди самых дорогих публичных компаний России доли предприятий нефтегазового сектора (аналогично 2014 г.) и металлургической отрасли. Сократилось также представительство телекоммуникационного сегмента. В то же время в кризис укрепили свои позиции в рейтинге компании финансового сектора и представители пищевой промышленности. Рост стоимости бизнеса продемонстрировало и отечественное машиностроение.
- Отсутствие постоянного направления динамики флуктуаций на протяжении анализируемого периода. Прямая зависимость между кризисными периодами и уровнем капитализации внутри страны.

- В долгосрочной перспективе в случае сохранения темпов роста ВВП отечественным компаниям будет проблематично нарастить свою рыночную стоимость вследствие сохранения экономического неравенства между странами.

По итогам проведенной работы был сделан вывод о сохранении значимости трудов Питирима Сорокина, их актуальности и практической применимости в смежных с социологией областях.

Для дальнейшей работы над темой исследования интересным представляется вопрос дальнейшей конвергенции теории экономической стратификации Питирима Сорокина и направлений финансового менеджмента, связанных с такими аспектами, как макроэкономические показатели стран, учитывающие масштабы и особенности фондовых рынков, реализуемой дивидендной политики, детерминантов, ее определяющих.

О.Г. Минина,
канд. филос. наук, доцент,
зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации
СГУ им. Питирима Сорокина

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ АЛЬТРУИЗМ П.А. СОРОКИНА, «РУССКИЙ НОБЕЛЬ» Х.С. ЛЕДЕНЦОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЦЕНАТСТВА

Статья посвящена рассмотрению идеи созидательного альтруизма П.А. Сорокина применительно к модели современного меценатства. Наряду с теоретическими принципами альтруизма в статье рассматривается практическая деятельность вологодского мецената Х.С. Леденцова и созданного им Общества содействия успехам опытных наук, а также его влияние на развитие российской науки XIX–XX веков. Автор прослеживает взаимосвязь между теорией созидательного альтруизма, опытом ее практического воплощения и возможностями их использования при построении моделей современного меценатства.

***Ключевые слова**: созидательный альтруизм, меценатство, благотворительность, П.А. Сорокин, Х.С. Леденцов.*

Уникальный характер социологии П.А. Сорокина заключается в его стремлении привнести морально-христианские критерии оценки личности в систему политических оценок государств и политических режимов. В частности, это касается его системы созидательного альтруизма и любви при построении соци-

альных систем, к которой он постоянно апеллировал во многих своих работах[1]. Большая часть его трудов по данной теме была издана на английском языке в конце Второй мировой войны и в послевоенный период, когда ученый пытался решить проблему мирного существования людей и предотвращения конфликтов[2]. К анализу теории созидательного альтруизма обращались в своих исследованиях как отечественные[3], так и зарубежные ученые[4], она имеет как сторонников, так и противников, считающих ее идеалистической утопией. Постараемся рассмотреть, кто же из них прав.

---

[1] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997; Сорокин П.А. Внешняя политика мира // Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма. – Вологда: Древности Севера, 2011.

[2] Sorokin P.A. Russia and the United States. New York: E.P. Dutton and Co., 1944.

Sorokin P.A. Love: The Most Effective Force in the World. Guideposts Magazine, vol. 13, no. 2, April 1958, pp. 16-17 (MSS 56 II.A. 13) box 3

Sorokin P.A., Lunden W.A. Power and Morality: Who shall Guard the Guardians? Boston: Sargent, 1959.

Sorokin P.A. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type, International Journal of the Contemporary Sociology, 1960, 1(2), pp. 143–176.

Sorokin P.A. The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation. Philadelphia: Templeton Foundation Press, 2002.

[3] Александер Дж. Мораль как культурная система: о солидарности гражданской и негражданской // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования / под ред. Д.В. Ефремен ко. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 101–108; Бек У. Переосмысливая неравенство и власть в эпоху климатических изменений: Появление «космополитических» риск-сообществ // Социологический ежегодник, 2010: сб. науч. тр. / ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии ГУ-ВШЭ, 2010. С. 39–53; Долгов А.Ю. Историко-методологическая реконструкция теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина // Социологические исследования. 2014а, 9, с. 104–114; Долгов А.Ю. Питирим Сорокин о методах альтруизации личности, общества и культуры // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2014б. С. 205–221; Долгов А.Ю. Теория альтруизма Питирима Сорокина: глобальная перспектива к научной биографии: сб. науч. тр. / под ред. Д.В. Ефременко, П.П. Кротова. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 22–46; Зюзев Н.Ф. Питирим Сорокин и моральные аспекты глобализации // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004, VII(3), с. 89–98.

[4] Del Pozo E. A Sociological Approach to the Study of Altruism: The Case of Amnesty International, Michigan Sociological Review, 2002, 16, pp. 39–62; Eckhardt W. Pioneers of Peace Research III: Pitirim A. Sorokin: Apostle of Love, International Interactions, 1983, 10(2), pp. 147–177; Johnston B.V. Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. Lawrence: University Press of Kansas, 1995; Monroe K.R. The Heart of Altruism: Perceptions of a Common Humanity. Princeton: Princeton University Press, 1996; Nichols L.T. Sorokin as Lifelong Russian Intellectual: The Enactment of an Historically Rooted Sensibility, American Sociologist, 2012, 43(4), pp. 374–405; Tiriakyan E.A. Global Altruism: Some Considerations, in: Handbook of Public Sociology, ed. by V. Jeffries. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2009, pp. 409–428; Weinstein J. Giving Altruism its Due: A Possible World or Possibly no World at All, Journal of Applied Social Science, 2008, 2(2), pp. 39–53; Weinstein J. North Central Sociological Association Presidential Address: What the World Needs Now: A Model of Rational Altruism, Sociological Focus, 2009, 42(3), pp. 198– 211.

Теория созидательного альтруизма формировалась П.А. Сорокиным в рамках деятельности открытого им в феврале 1949 г. Гарвардского исследовательского центра, который, однако, не получил должной поддержки в США и не смог долго существовать. Тем не менее в рамках центра самим П.А. Сорокиным и его учениками был написан ряд фундаментальных работ, проводились конференции, что безусловно оставило значительный след в социологии.

В одной из своих статей “Love: The most Effective Force in the World” П.А. Сорокин дает ключевое понимание своей концепции. На примерах из личной жизни он показывает, что в самые трагичные и тяжелые времена люди стремились оказывать поддержку и проявлять любовь друг к другу. Автор задается вопросом: «Почему в самые трагические времена мои друзья так часто обращались к любви?» И сам отвечает: «Я думаю, каждый из них ощущал глубокую природу любви как силу, исходящую от Бога. Я думаю, они понимали, что, когда они привносили любовь в свою жизни, они привносили в нее Бога. Любовь служила своего рода антидотом. Ее сила создавала маленькие островки здоровья посреди болезней. Именно это дает мне надежду сегодня. Мы живем в другой эпохе насилия и ненависти, тем не менее, именно потому, что я жил в похожее время, мои надежды правильны. Однажды – быть может очень скоро – человечество узнает то, что люди всегда знали: Любовь – это единственная верная созидающая сила в нашем мире»[1]. И действительно, как показала история, именно нематериальные духовные ценности и позволили русскому обществу выжить и сохраниться как народу в период революции, гражданской и Великой отечественной войн. Кризис 90-ых годов был тоже достаточно трудным и разрушительным для общества, но благодаря человеческому альтруизму и национальным ценностям Россия возрождается и укрепляется.

В результате длительных размышлений ученый приходит к мысли о том, что создание системы ценностей с общими базовыми категориями, какой является и альтруистическая любовь, позволит укрепить сотрудничество любых социальных групп, даже антагонистических, что, в свою очередь позволит решить проблему социальных конфликтов и даже войн. Он предлагает построить программу преобразований социума на основе данных идеалов, что кардинально противоречило традиционному пониманию государства, концепция которого строилась и строится на оппозиции «свой — чужой», а политика воспринимается как несовместимая с моралью (согласно Н. Макиавелли). И при этом развитие общества сопровождается разрушением традиционных культурно-социальных норм и внедрением ценностей потребления, в корне меняющих менталитет. Это мы в полной мере видим и в настоящее время в современном нам обществе. Характеризуя современную нам эпоху, можно, не боясь преувеличений, сказать, что мы наблюдаем общее падение морали, даже если сравнивать с серединой XX века; господство монетаристской и индивидуалистической философии; отсутствие в России общенациональной идеологии; разрушение

[1] Sorokin P.A. Love: The Most Effective Force in the World. Guideposts Magazine, vol. 13, no. 2, April 1958, pp. 16-17 (MSS 56 II.A. 13) box 3

системы образования и превращение университетов из духовных и культурных центров в организации, предоставляющие образовательные услуги; отсутствие выдающихся имен в области литературы, музыки, отсутствие прорывов в сфере науки; падение общей культурно-исторической грамотности населения, патриотизма и духовности. Современный человек больше настроен потреблять, нежели чем создавать и строить.

И в этой связи теории П.А. Сорокина, переосмысленные и адаптированные для настоящего времени, в том числе и теория созидательного альтруизма, могли бы быть исключительно полезны для формирования современного российского общества.

Обратимся к интерпретации его концепции любви и альтруизма применительно к актуальной сейчас для России проблеме меценатства, которая до настоящего времени и в данном ключе не рассматривалась. Почему именно меценатство? Обращение к данной теме связано с желанием переосмыслить роль предпринимательства в нашем обществе, задаться вопросом о том, должна ли экономика быть моральной или она, как и политика, с моралью несовместима.

Определим для начала понятие самого термина «меценат». Согласно словарю иностранных слов Н.Г. Комлева[1], термин образован от имени собственного [лат. Maecenas (Maecenatis)] римского политического деятеля времен императора Августа, известного как покровителя наук и искусств, почему его имя и стало нарицательным. В настоящее время термин имеет значение «богатый покровитель наук или искусств». Синонимы: благодетель, донатор, жертвователь, филантроп, покровитель, спонсор.

Но, как известно, синонимы отличаются нюансами своего значения и концептуальным наполнением. Так, слово «филантро́п» произошло от греческого φιλέω – «любить» и ἄνθρωπος – «человек», им называют человека, занимающегося помощью нуждающимся. Под спонсорством понимается осуществление юридическим или физическим лицом (спонсором) вклада (в виде предоставления имущества, результатов интеллектуальной деятельности, оказания услуг, проведения работ) в деятельность другого юридического или физического лица (спонсируемого) на условиях распространения спонсируемым рекламы о спонсоре, его товарах – то есть это совсем не благотворительность, а взаимовыгодный бизнес, вид рекламной деятельности[2]. Благотворительностью называется оказание безвозмездной (или на льготных условиях) помощи тем, кто в этом нуждается. Основной чертой благотворительности является свободный и непринужденный выбор формы, времени и места, а также содержания помощи. Древнейшей формой благотворительности является милостыня и помощь нищим, главным образом при церквях и монастырях.

Таким образом, меценаты – это бескорыстные покровители науки, литературы, искусства. В отличие от филантропа, благотворителя, меценат не ограничивается разовой помощью нуждающимся, он создает систему постоянной и

[1] Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2006.

[2] http://rkpm.ru/pravoslavnoe-metsenatstvo/metsenatstvo-v-chem-ego-otlichie-ot-blagotvoritelnosti-i-sponsorstva-istoriya-metsenatstva

прогрессирующей поддержки какого-либо одного направления деятельности, человека или группы. В отличие от спонсора, меценат не стремится получить выгоду от своей деятельности, и, если и сообщает о своих добрых делах, то не в рекламных целях, а чтобы привлечь к своему делу как можно больше людей. В отличие от всех других видов благотворительности, (в особенности, в современной России) меценатство неразрывно связано с духовностью, оно функционирует на прочных морально-нравственных основаниях, на православной вере[1].

В России меценатство имеет давнюю традицию. Помощь русских меценатов получали многие писатели и художники, университеты и научные школы, Академия наук, отдельные научные проекты, экспедиции, музеи и театры. Имена русских меценатов XVIII-XX века широко известны – это Шереметевы, Бутурлины, Демидовы, Строгановы, Морозовы, Мамонтовы, Щукины, Третьяковы, Прохоровы, Солдатенков, Бахрушин, Штиглиц и многие другие. Они обогатили Россию, не только строя мануфактуры, фабрики, заводы, железные дороги, но и создавая театры и библиотеки, музеи и картинные галереи, собирая и передавая в государственное владение грандиозные коллекции, поддерживая ученых, художников и литераторов, Церковь и благотворительные учреждения, создавая достойные условия труда, обучения и здравоохранения народа, поддерживая доступные издания книг. Принципиально важно то, что российские меценаты не только поддерживали деятелей культуры и искусства, но и заботились о том, чтобы культурные ценности были доступны широким слоям общества. Благотворительная деятельность по учреждению новых школ и училищ, строительству новых институтов и университетов, выделение субсидий на стипендии студентам, многочисленные фонды в помощь учащимся была в России XIX века делом обычным[2] . Целью данной деятельности было не обогащение с помощью саморекламы, а выполнение своего рода миссии, которую Бог возлагал на тех, кому было даровано богатство. Миссией этой было поддержка науки и культуры в обществе и компенсация социального неравенства.

Удивительным меценатом, «русским Нобелем» был наш земляк – Христофор Семенович Леденцов, инвестировавший не как другие – в искусство, а в науку и хозяйственные технологии. На нем следует остановиться подробнее не только потому, что он поддерживал науки и образование, и многие его идеи были бы полезны и в наши дни, но и потому что он внес значительный вклад в развитие технического прогресса государства, опередив это государство по сумме инвестиций в разы. А также потому, что принципы Х.С. Леденцова удивительным образом перекликались с идеалами и принципами П.А. Сорокина, доказывая их реалистичность. Но обо всем по порядку.

Христофо́р Семёнович Леденцо́в родился 24 июля 1842 г. в Вологде в очень богатой семье купца 1-й гильдии Семена Алексеевича Леденцова. После краткого обучения в Кембридже он окончил в 1862 г. Московскую практическую Академию коммерческих наук и занялся предпринимательством. Зная 8

[1] http://rkpm.ru/pravoslavnoe-metsenatstvo/metsenatstvo-v-chem-ego-otlichie-ot-blagotvoritelnosti-i-sponsorstva-istoriya-metsenatstva

[2] Там же

языков, Х.С. Леденцов изучил в Европе организацию различных производств, собрал уникальную научную и техническую библиотеку (несколько тысяч томов), занимался торговлей пушниной и льном, баснословный доход ему принесли инвестиции в акции железных дорог. В 1890-е гг. Леденцов стал одним из крупных русских миллионеров. Но параллельно с предпринимательством Х.С. Леденцов почти сразу же активно занимается благотворительностью и меценатством. В 1869 г. Леденцов входил в состав комитета «Скулябинский дом призрения бедных граждан», а в 1884 г. сам открыл богадельню. На протяжении 16 лет Христофор Семенович был депутатом Вологодской городской Думы, а с 1883 по 1887 г. — ее главой.

К числу его технических и хозяйственных инноваций можно отнести первый в России ломбард, Музей содействия труду и Общество содействия успехам опытных наук.

Ломбард был учрежден Х.С. Леденцовым для искоренения ростовщичества и был чрезвычайно популярен среди бедноты. Каждый операционный день в ломбард обращалось до 500 человек. Устав ломбарда стал образцом при создании ломбардов в других городах России. Вот его основные принципы:

- Люби и уважай человека. Любовь и уважение к человеку со стороны предпринимателя – залог ответной любви и благорасположения.

- Уважай право частной собственности. Свободное предпринимательство – основа благополучия государства. Российский предприниматель должен заботиться о благе своей отчизны.

- Уважай власть. Власть – необходимое условие ведения дел.

- Живи по средствам. Не зарывайся. Выбирай дело по плечу. Всегда оценивай свои возможности.

- Будь честен и правдив. Честность и правдивость – основа предпринимательства, предпосылка честной прибыли и уважительных отношений в делах.

- Будь добродетелен, честен, правдив и милосерден.

- Будь верен своему слову. «Единожды солгав, кто тебе поверит?» Успех в делах зависит от того, в какой степени окружающие доверяют тебе.

- Будь целеустремленным. Всегда имей перед собой ясную цель. В стремлении достичь заветной цели не переходи грани дозволенного. Никакая цель не может быть выше моральных ценностей[1] .

Поразительно, как эти принципы перекликаются с теорией созидательного альтруизма П.А. Сорокина.

Но на этом он не остановился. «Я не хочу дела благотворения, исцеляющего язвы людей, случайно опрокинутых жизнью, — заявлял Христофор Семенович, — я ищу дела, которое должно коснуться самого корня человеческого благополучия». Этот корень Леденцов увидел в техническом прогрессе. В 1900 г. меценат пожертвовал Русскому техническому обществу 50 тыс. руб. золотом на открытие «Музея содействия труду», основными задачами которого стала сбор и пропаганда изобретений, улучшавших условия и производительность труда рабочих, а также создание профсоюзных организаций.

[1] http://www.proza.ru/2015/02/05/480

С 1903 года он совместно с ректором Императорского Московского университета (ИМУ) А.А. Тихомировым, директором Императорского Московского технического училища (ИМТУ) С.А. Федоровым и президентом Московского общества испытателей природы Н.А. Умовым ведет подготовку по созданию «Общества содействия успехам опытных наук». Открытие общества затянулось и Х.С.Леденцов, тяжело больной туберкулезом, уехал на лечение в Женеву, где и умер 18 (31) марта 1907 г. Тем не менее, он успел передать будущему Обществу 100 тыс. руб. и разместил в американской страховой компании и швейцарском банке для финансирования ИМО и ИМТУ. (В 1913 г. эта сумма составляла 1,9 млн руб.). При этом жертвователь настаивал, чтобы пособия выдавались преимущественно «тем открытиям и изобретениям, которые при наименьшей затрате капитала могли бы принести возможно большую пользу для большинства населения, причем эти пособия должны содействовать осуществлению и проведению в жизнь упомянутых открытий и изобретений, а не следовать за ними в виде премий, субсидий, медалей и тому подобного».

Леденцовское Общество было открыто в 1909 г. Первым председателем его совета стал Тихомиров; его замом Умов, обнаруживший в бумагах основателя изречение «Наука — Труд — Любовь — Довольство», который стал девизом Общества. Общество инициировало ряд инновационных проектов. Как отмечают сегодня многие экономисты, оно «имело организационную структуру наиболее эффективную из всех известных к тому времени как в России, так и за рубежом. Это была венчурная структура, которая обеспечивала быстрое внедрение разработок в производство и реальную помощь исследователям и изобретателям»[1] .

Созданное отчасти по образу и подобию Фонда А. Нобеля, Леденцовское общество обладало суммами, превышающими взнос шведского мецената. Все расходы производились из процентов с неприкосновенного капитала (в год они составляли от 100 до 200 тыс. руб.), причем направлены были главным образом на разработку и внедрение открытий и изобретений, а не вознаграждение изобретателей. Деятельность Общества была прекращена в 1918 году, а имущество национализировано.

Каковы же итоги деятельности Общества для нашей науки и системы хозяйствования?

- Оказав помощь «отцу русской авиации» Н.Е. Жуковскому в создании аэродинамической лаборатории при ИМУ и лаборатории аэродинамических испытаний в ИМТУ, из которой впоследствии вырос Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Общество фактически заложило фундамент всего будущего воздухоплавания нашей страны вплоть до освоения космического пространства.

- Из научной школы Жуковского вышла плеяда знаменитых учеников – С.А. Чаплыгин, А.И. Некрасов, А.Н. Туполев, В.П. Ветчинкин и др.

- Общество помогло открыть физическую лабораторию, в которой профессор П.Н. Лебедев создал первую физическую школу в России, давшую всемир-

[1] http://business.vib.edu.ru

но известных ученых П.П. Лазарева, С.И. Вавилова, В.К. Аркадьева, Т.П. Кравца и др. (всего 30 человек). Позднее физическая лаборатория переросла в НИИ биофизики и физики, разместившийся в построенном в 1916 г. на деньги Фонда Леденцова здании на Миусской площади в Москве. В последующие годы от НИИ отпочковались Институт физики Земли, Институт рентгенологии и радиологии, Институт стекла, Институт биофизики, а в 1929 г. НИИ окончательно реорганизовался в Физический институт АН СССР (ФИАН).

- Общество помогло геохимику В.И. Вернадскому изучить проблему радиоактивности. В 1909 г. академик создал на деньги Общества специальное радиологическое отделение при Петербургской геохимической лаборатории, прообраз нескольких будущих институтов АН СССР, а через несколько лет разработал атомную программу, организовал несколько экспедиций по поиску месторождений урана.

- Общество выделяло денежные пособия академику Российской АН, лауреату Нобелевской премии И.П. Павлову — для разработки плана будущей физиологической лаборатории по изучению высшей нервной деятельности, на ее строительство в Петербурге и оборудование. Фактически на средства Леденцова Павловым был создан в 1929 г. весь комплекс изучения физиологии высшей нервной деятельности в Колтушах и основана крупнейшая в мире физиологическая школа, давшая замечательных ученых — Б.Ф. Вериго, Н.Е. Введенского, В.В. Пашутина, Г.В. Хлопина, М.Н. Шатерникова и др.

- Общество оказывало материальную поддержку многим химикам: профессору МВТУ А.Е. Чичибабину, изучавшему отходы от переработки нефти и извлекавшему из них остродефицитные медицинские препараты — морфий, кодеин и др.; Н.Я. Демьянову, получавшему новокаин в Московском сельскохозяйственном институте; изобретателю И.И. Остромысленскому, работавшему над проблемой получения каучука и превращения его в резину; изобретателю противогаза Н.Д. Зелинскому и т.д.

- Общество субсидировало и изыскания основоположника современной космонавтики К.Э. Циолковского в области дирижаблестроения; работы В.И. Гриневицкого по двигателям внутреннего сгорания; работы биолога И.И. Мечникова, социолога М.М. Ковалевского, физиолога К.А. Тимирязева, экономиста Н.А. Каблукова.

- На основе патентного отдела Общества было создано патентное бюро, а затем институт патентоведения, положившие начало патентному делу в стране.

- Общество финансировало создание рентгеновских установок для медицинских целей; пионерные разработки телефона, телеграфа, телевидения; новации в машиностроении и станкостроении, теплотехнике и электротехнике; технологии производства легкой и пищевой промышленности…

- Издавало научные труды Д.И. Менделеева, И.И. Мечникова, Н.А. Умова, а также вело патентование изобретений и открытий.

По имеющимся в архивах документам, на деньги, оставшиеся в Обществе на 1 января 1919 г., были построены павильоны Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСНХ, позднее ВДНХ, ныне ВВЦ). Основная же часть капитала (2 млн руб золотом) была размещена душеприказчиками в Страховом

обществе «Эквитабль» (Нью-Йорк, США). На сегодняшний день вклад «Х.С. Леденцов» в «Эквитабле» вырос до $ 180 млн и до сих пор не может быть возвращён России[1].

В результате жизни и деятельности Х.С. Леденцова в экономическую теорию были включены принципы исключительной важности: о том, что высокая нравственность и гуманность отнюдь не противоречат предпринимательству и бизнесу, а наоборот – именно таким предпринимательство и должно быть. Вероятно, опыт жизни и деятельности Х.С. Леденцова, широко известный в России, послужил основой для создания П.А .Сорокиным его теории созидательного альтруизма. Кроме того, многие известные сейчас фонды за рубежом (Карнеги, Рокфеллеров и др.) возникли на основе финансовых идей и механизмов, используемых Х.С. Леденцовым, но не смогли реализовать его принципы духовного и нравственного бизнеса, превратив их лишь в средство обогащения.

Х.С. Леденцов и его последователи смогли на примере своей исключительно успешной деятельности доказать возможность достижения колоссальных результатов, значимых для всего государства, при сравнительно небольших денежных инвестициях. Его экономическая система и принципы хозяйствования и управления, построенные на основе высокой нравственности, творчества и научного поиска ждет своего изучения и возрождения уже в условиях современной России. Именно они и именно в России, где не столь развито монетаристское мышление они могут принести максимальную пользу для прорыва в области технологий и хозяйствования.

Благородные традиции благотворительности пресеклись с октябрьской революцией, сменой власти и духовных приоритетов. Исчезли не только поколения предпринимателей, но социально ответственный бизнес, меценатство как явление. И только за последние 10 лет мы можем наблюдать медленное его возрождение. Наряду с отдельными благотворителями возникают целые клубы и организации меценатов (Российский клуб православных меценатов и др.). В 2002 году Общество было возрождено под названием Фонда содействия развитию опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова. Оно зарегистрировано 9 апреля 2002 года правнучкой Леденцова, Н.Д. Луковцевой и её соратниками Ю.С. Полиновым и О.В. Лупаиной[2].

Но возрождение традиций меценатства после длительного забвения не легкое дело: утрачены не только технологии инвестирования в проекты, но и менталитет благотворительности бизнеса. Отсюда проблемы и неэффективность работы этой системы взаимоотношений. С одной стороны, благотворителей упрекают в том, что они часто поддерживают не отечественные проекты, а зарубежные, или что решение о поддержании проекта определяется не нуждами государства, а личными пристрастиями и вкусами жертвователя, или что до фондов вообще трудно достучаться. С другой стороны, проекты, подаваемые на финансирование, часто не имеют большой значимости для развития государства и их будущая польза не определенна.

[1] http://www.proza.ru/2015/02/05/480

[2] http://www.pbrus.org/forum/topic_96

Тем не менее во всех этих случаях рецепт может быть достаточно прост: идеологической опорой и мерилом современного меценатства может как раз стать теория созидательного альтруизма П.А. Сорокина и пример деятельности Х.С. Леденцова. Другими словами, созидание на благо отечества и своего народа, любовь к нему и стремление к его процветанию. Как не уставал говорить П.А. Сорокин в своих трудах: «Однажды – быть может очень скоро – человечество узнает то, что люди всегда знали: Любовь – это единственная верная созидающая сила в нашем мире» [1]. Любовь к Отечеству и своему народу и должна стать критерием деятельности и современных меценатов, а то, что это прочная основа бизнеса и развития, уже доказали, в том числе и на примере своей жизни П.А. Сорокин и Х.С. Леденцов.

М.Е. Наймушин,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического института

Н.В. Збаражский,
доцент кафедры государственно-правовых
дисциплин юридического института СГУ им. Питирима Сорокина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Разнообразие теорий происхождения права в современной юриспруденции составляет обширную методологическую основу правоотношения. Конкретное сопоставление отдельных теоретических положений и судебной практики на современном этапе развития российской правовой системы позволяют сделать определенные выводы о тенденциях и содержании российской юридической науки, что позволяет использовать эти результаты в учебном процессе и новые методологические подходы и формы в процессе обучения.

В современных условиях функционирования российской правовой системы определенный научный интерес представляет анализ конкретных положений социологической теории права, поскольку, на наш взгляд, социология и юриспруденция во взаимодействии и взаимосвязи позволяют определить направление развития отдельных отраслей российского права и сформировать методологическую основу в учебном процессе, поскольку требования, предъявляемые к профессиональным знания юристов в различных сферах юриспруденции очень высокие и заложить теоретическую основу знаний юристов необхо-

[1] Sorokin P.A. Love: The Most Effective Force in the World. Guideposts Magazine, vol. 13, no. 2, April 1958, pp. 16-17 (MSS 56 II.A. 13) box 3

димо с использованием новых методологических подходов в исследовании отдельных положений социологической теории права.

Социологическая юриспруденция начала формироваться в конце XIX в. В это время социология выделяется в самостоятельную отрасль знаний. Основоположником социологии является П.А. Сорокин (1889–1968 гг.), разработавший теорию социальной мобильности и стратификации, которая стала методологической основой развития современной социологической теории права. В современной России положение и значение социологической теории имеет определенный научный интерес – практика юриспруденции подтверждает либо опровергает отдельные положения теории. Социологические теории права складываются с одной стороны, путем формирования правовых концепций в рамках общей социологии, с другой – путем распространения социологических методов познания в юриспруденции. Сторонниками данной теории считают, что право возникает и действует при реализации законов. К основателям социологической юриспруденции относятся Ф. Жени (1861–1959; Франция), Е. Эрлих (1862–1922; Австрия), С.А. Муромцев (1850–1910; Россия), Р. Паунд (1870–194, США)[1].

В современных условиях развития российской правовой системы фундаментальные положения социологической теории права получают новое содержание – сфера реализации права и правоприменительной практики становится приоритетной. Социологический подход концептуально формируется тогда, когда нормы права, рассчитанные на свободную конкуренцию, перестали удовлетворять значительную часть общества.

Социологическая теория права формируется в результате практической юриспруденции[2]. Находится во взаимосвязи и взаимодействии с реальными процессами, происходящих в правовом регулировании, подчеркивается приоритет общественных отношений как содержания над правовой формой, методологическая основа познания права и анализа эффективности правовых норм и совершенствование системы права[3].

В работе Е. Эрлиха «Основы социологии права» научно обоснована точка зрения: «право создается союзом организаций и лиц в процессе экономических связей, предпринимательской деятельности, торговли, отношений между работодателями и рабочими»[4]. Соответственно в центре находится правовой плюрализм и свобода судейского и административного правотворчества в законных пределах. Точка зрения Р. Паунда в данном вопросе более конкретна, который считает, что право – это социальный инструмент, орудие «социальной инженерии», юристы, применяющие право, обязаны обеспечить компромисс и гармонию социальных интересов. Право – это не только совокупность юридических предписаний государства, но и режим упорядоченных отношений между субъектами и административной практики («динамический правопорядок»)[5].

---

1 Социология права. – М.: Юрайт, 2011. С. 13.
2 Социология права: теория и практика. – М.: БЕК, 2013.
3 URL: www.grandars.ru
4 Ерлих Е. Основы социологии права. – М.: Академический Проект, 2007. С. 17.
5 URL: StateLawacdemic.ru

Среди современных научных работ по социологической теории права можно отметить монографию А.Н. Медушевского «Социология права»[1]. Автор, используя основные методологические подходы социологической теории права, раскрывает широкий по объекту фактологический материал о роли права в современных социально-экономических и политических условиях российской правовой системы, представлены аргументированные доводы в области частного и публичного права, законодательных проектов и их реализации, разработка земельного законодательства, конституционная и судебная реформа в современных условиях российского общества.

Сложным дискуссионным вопросом в социологической теории является соотношение с позитивным правом, так как без существующей системы материального и процессуального права создание новых форм и их реализация в практической юриспруденции невозможна. Поэтому основой в социологической теории можно считать общую для практической юриспруденции судебную практику судов РФ. Но здесь главным моментом является неукоснительное соблюдение принципа законности при осуществлении правосудия на территории всей РФ и неукоснительное соблюдение требований материального и процессуального законодательства – суды не создают право – они только выполняют возложенные на них судебные функции. Анализ судебной деятельности в РФ за последние годы показал, что в различных субъектах существуют различия по статистическим данным по гражданским и уголовным делам[2]. Кроме того, в практике осуществления правосудия зафиксированы судебные ошибки, исправление которых осуществлялось в апелляционном судопроизводстве.

Главную руководящую роль в единообразном применении действующего процессуального законодательства в РФ, соответственно формированию и функционированию права – в контексте сущности социологической теории, занимают Постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые являются обязательными для соблюдения и исполнения всеми судами РФ. Разъяснения нижестоящим судам сущности закона и правовой позиции по конкретной правовой позиции позволяет практически в полном объеме получить обязательный стандарт в практической юриспруденции при осуществлении правосудия.

Научно обоснованная социологическая теория права за основу считает взаимосвязь и взаимодействие практической юриспруденции с реальными социально-экономическими процессами в обществе. И определить общий знаменатель для двух важнейших категорий (юриспруденции и социально-экономические процессы в российском обществе на современном этапе развития) достаточно сложно. Но именно положение социологической теории указало на правильный путь развития и совершенствование российской правовой системы в сфере практической юриспруденции – Постановления Верховного суда РФ выполняет важнейшую функцию по стабилизации судебной деятельности в РФ на современном этапе. За последнее время были приняты актуальные по

---

[1] Медушевский А.Н. Социология права. М.: Бек, 2014. 564 с.

[2] Обзор судебной практики по отдельным категориям гражданских и уголовных дел. Вестник ВС РФ. – М., 2013.

своему юридическому содержанию Постановления Верховного суда РФ[1] с учетом тех объективных условий социально-экономического и политического развития российского общества, что в целом является составляющим и неотъемлемым элементом другой научной концепции – теории правового государства: «верховенства права и закона в государстве и обществе».

Теоретическое наследие П.А. Сорокина позволило обосновать и развивать новые научные направления в юриспруденции, ставшие составной частью в практической деятельности институтов судебной системы России на современном этапе развития общества.

С.В. Рязанцев,
член-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор,
руководитель Центра социальной демографии
и экономической социологии
института социально-политических исследований РАН

А.С. Лукьянец,
канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник
Центра социальной демографии
и экономической социологии
института социально-политических исследований РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭМИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ РОССИИ

(Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-7322.2015.6)

В статье рассматриваются демографические характеристики молодежной когорты в Российской Федерации, в том числе ее динамика и структура. Выделены причины и факторы эмиграции молодежи из России в 1990–2010-е

1 О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7; О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21; О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. № 41; О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 24.05.2016); О применении судами некоторых положений гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.03.2016 г. № 7; О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22.12.2015 г. № 58; О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 05.12.2006 г. № 60.

годы. Дана оценка эффективности государственной статистики эмиграции из России. Определены формы, каналы и масштабы эмиграции российской молодежи. Описана образовательная миграция как основной путь эмиграции молодых людей за рубеж из России. Даны оценки численности трудовых, образовательных, коммерческих эмигрантов из России, включая молодежь. Описаны некоторые аспекты миграционной политики Российской Федерации относительно регулирования эмиграции.

Ключевые слова: *эмиграция, молодежь, Российская Федерация, факторы, формы, каналы, миграционная политика.*

Демографические характеристики молодежи в России. В любом обществе молодежь является одним из основных субъектов общественного воспроизводства. И хотя молодые люди не всегда непосредственно участвуют в общественном производстве, именно в молодежных возрастных когортах находится ресурс репродуктивного и трудового потенциала населения страны. Кроме того, молодежь представляет собой социальный и модернизационный ресурс развития страны: общество обновляется, совершенствует структуру, передает опыт, культуру, систему норм, ценностей от старших поколений младшим.

В отечественной науке понятие «молодежь» определяется на основе *социально-демографического подхода как* группа в составе населения, главными критериями выделения которой обычно служат два компонента: социальный (интересы, ценности, статус и пр.) и демографический (возраст). Российский ученый В. Лисовский в 1968 году впервые в отечественной социологии предложил следующее определение понятия «молодёжь»: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции». Российские демографы и социологи (Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский) считают, что возрастной показатель является основным при определении понятия «молодежь». Современные возрастные границы понятия «молодежь» лежат в интервале от 14 до 30 лет. Как правило, нижняя граница молодежи определяется 14–16 годами, а верхняя – 25–30 годами. Именно эти возрастные границы понятия «молодежь» в основном используются в современном российском законодательстве при решении вопросов, связанных с реализацией государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровнях. Официальные документы в Российской Федерации определяют статус молодежи как социально-демографической группы таким демографическим критерием, как возраст. Эта группа включает население в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники).[1]

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ госу-

Несмотря на негативные демографические тенденции в Российской Федерации в 1990-е годы, на фоне сокращения общей численности населения, численность молодежи в стране увеличилась вплоть до 2005 года (35,3 млн человек). Следует отметить, что в 1989 году численность молодежи в Российской Федерации составляла 32,3 млн человек. Начиная с 2006 года численность молодежи в стране стала сокращаться, а общая численность населения в России стала расти. Подобный «зеркальный» характер изменений численности молодежи в возрасте от 15 до 29 лет и общей численности населения обусловлен тем, что на численность контингента молодых людей оказывают влияние тенденции рождаемости, которые однако, проявляются в среднесрочной перспективе, только через 15 лет. Например, когда в 1990-е годы и первой половине 2000-х годов рождаемость в Российской Федерации сократилась, то это отразилось на сокращении численности молодежи только в 2005–2015 годах. Родившиеся в 1990–1995 годах вошли в категорию молодежи только в 2005–2010 годах. Дети, родившиеся в 1999 году, статистически попали в категорию молодежи только в 2014 году. В 2014 году численность молодежи в России достигла своего минимума и составила 29,5 млн человек (рис. 1).

Рис. 1. Общая численность населения и молодежи в Российской Федерации в 1989–2014 годах, человек

Доля молодежи в общей численности населения Российской Федерации в 2014 году составила 20,4 %, в то время как в 2002 г. приходилось 24 % (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности молодежи в России в 1989–2014 гг., тыс. человек

	1989		2002		2014	
	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Общая численность населения	**147.021.869**	**100,0**	**145.166.731**	**100,0**	**143.666.931**	**100,0**
Численность молодежи, в том числе	32.273.465	21,9	34.880.008	24,0	29.448.759	20,4
15-19 лет	9.961.611	6,8	12.800.628	8,8	6.955.412	4,8
20-24 года	9.754.620	6,6	11.466.404	7,9	9.970.877	6,9
25-29 лет	12.557.234	8,5	10.612.976	7,3	12.522.470	8,7

Начиная с 2005 года численность молодежи в Российской Федерации сокращалась, но динамика различных возрастных когорт была неоднозначной. В частности, резкое сокращение отмечалось в когорте 15–19-летних, более плавное снижение численности было у 20–24-летних. Наконец, рост численности был отмечен в возрастной группе молодых людей 25–29 лет (рис. 2).

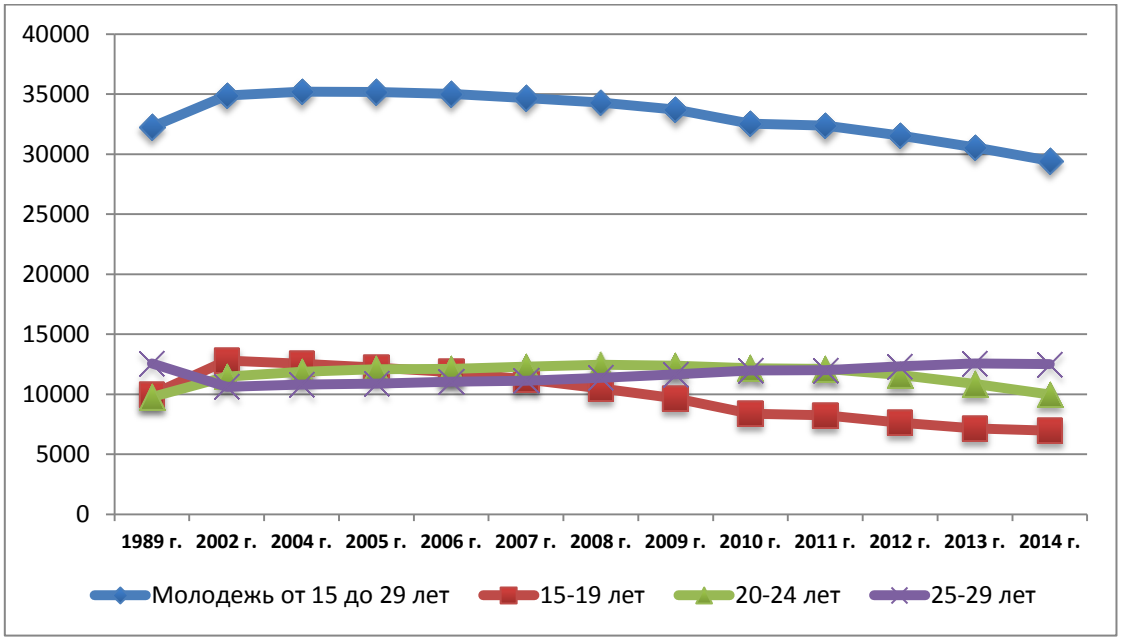

Рис. 2. Динамика численности молодежи в России, тыс. человек

Эти тенденции изменили возрастную структуру молодежи в России. В ней обозначились тенденции увеличения доли молодежи верхней возрастной группы 25–29 лет: в 2014 году ее доля составила 42 % от общей численности молодежи. Около 34 % молодежи приходилось на возрастную группу от 20 до 24 лет и 24 % – на самую молодую возрастную группу от 15 до 19 лет (рис. 3).

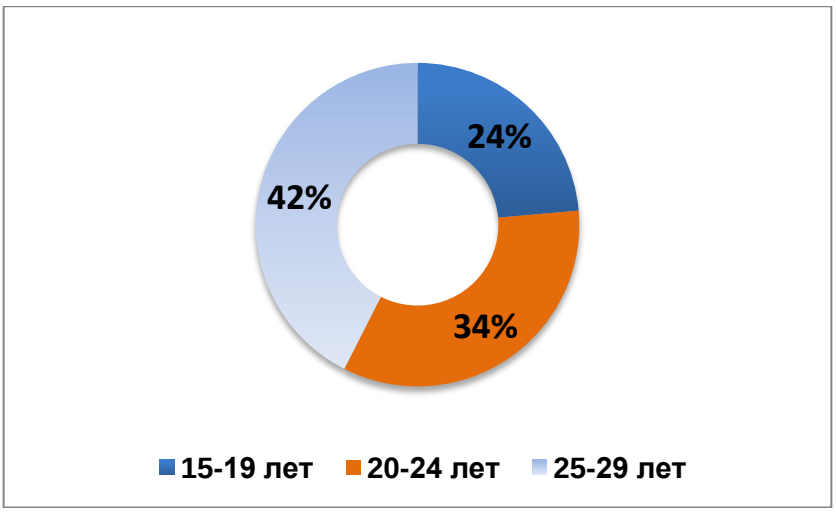

Рис. 3. Возрастная структура молодежи в России в 2014 году, %

Российская молодежь концентрируется в городах. В 1995 году в городах страны проживало 23,3 млн молодых людей от 15 до 29 лет, а в сельской местности – 7,7 млн человек. В 2009 году численность молодежи в городах составила 24,2 млн, а в сельской местности проживали около 8,8 млн человек. В 2014 году численность молодежи в городах России составила 22,4 млн, а в сельской местности – 7,1 млн человек. Причем, в городах и селах в 2014 году среди молодежи преобладала старшая возрастная группа – наиболее многочисленной была возрастная когорта от 25 до 29 лет – 9,6 млн человек и 2,8 млн человек.

Масштабы и формы эмиграции молодежи из России. Социально-экономические факторы стали основными причинами эмиграционного оттока молодежи из России. Традиционно в отечественной и зарубежной научной литературе об эмиграции из России анализировались потоки эмигрантов на постоянное место жительство за рубеж. Главным образом, авторы исследовали процессы «утечки умов». Статистический учет эмиграции в России также был традиционно ориентирован на фиксацию потоков эмигрантов на постоянное место жительства. В то же самое время временные формы эмиграции, как правило, недооценивались. Однако в 2000–2010 гг. эмиграционные потоки из России существенно увеличились. Кроме того, существенно расширилась социальная база временной эмиграции – в нее активно включились россияне из провинции, люди со средним уровнем образования, женщины, молодежь.

Основные трудности связаны с неэффективной системой статического учета в России форм миграции вообще, а также эмиграции в частности. Специфическими трудностями учета эмиграции из России является: 1) традиционная «привязка» учета эмиграции к системе регистрации (прописки»), а именно к факту снятия с регистрационного учета только при выезде на постоянное место жительство за границу; 2) отсутствие координации между статистикой Министерства внутренних дел (регистрация по месту постоянного жительства и месту временного пребывания) и пограничной службы (факты пересечения границы); 3) отсутствие полной информации и эффективной системы учета российских граждан, проживающих и находящихся за пределами России; 4) отсутствие координации Федеральной службы государственной статистики с нацио-

нальными статистическими службами других стран по численности российских граждан.

Приведенные данные о численности российских эмигрантов являются примерными и носят оценочный характер. Они основаны на экспертной оценке авторов работы, которая в свою очередь опирается на анализ данных из различных источников информации в России и за границей (табл. 2).

Основные формы и каналы эмиграции молодежи из России. К традиционным каналам эмиграции молодежи из России относятся эмиграция на постоянное место жительство с родителями и без них, трудовая миграция, миграция с целью воссоединения семьи, брачная миграция. К специфическим каналам следуют отнести учебную или образовательную миграцию, а также популярные в последние годы многочисленные программы культурного и научного обмена. Эти формы зачастую тесно переплетаются между собой и дополняют друг друга. Можно выделить несколько форм эмиграции молодежи из России, которые стали основными.

Ключевым каналом эмиграции молодежи в настоящее время является ***образовательная эмиграция.*** Она существенно активизировалась в 2000–2010 годы, когда многие обеспеченные родители стали отправлять своих детей на обучение за границу. Также образовательную миграцию стимулировали программы поддержки обучения российских студентов, которые развивали страны Европы и США. Основными странами обучения российских студентов являются США, Великобритания, Германия, Австралия, Франция. Очень часто образовательная миграция переходит в форму трудовой эмиграции – многие российские студенты остаются на работу в принимающих странах. Более того, сформировался феномен «постоянно циркулирующих» образовательных мигрантов из России. Некоторая часть молодых людей постоянно продлевает свое пребывание за рубежом на основе различных грантов и прочее, чтобы не возвращаться в Россию.

Наиболее известным программам международного обмена можно отнести следующие.

Во-первых, ***государственная программа «Глобальное образование».*** Государственным заказчиком Программы является Министерство образования и науки Российской Федерации. Программа направлена на сохранение и приумножение научных, педагогических, медицинских и инженерных кадров, управленческих кадров в социальной сфере, а также на поддержку граждан Российской Федерации, самостоятельно поступивших в ведущие иностранные образовательные организации, и их последующее трудоустройство. Программа ориентирована на укомплектование высококвалифицированными кадрами организаций-работодателей, в том числе зарегистрированных на территориях опережающего социально-экономического развития, расположенных на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, в целях обеспечения ускорения модернизационных процессов и внедрения новейших технологий для реформы социальной сферы.

Целевые показатели программы: 1) обучение не менее 718 граждан Российской Федерации в ведущих иностранных образовательных организациях по

приоритетным для российской экономики специальностям и направлениям подготовки; 2) трудоустройство не менее 718 участников Программы, завершивших обучение в ведущих иностранных образовательных организациях[1]. Грант выдается для обучения в магистратуре, ординатуре и аспирантуре (грант не выдается на стажировки, программы MBA и на обучение одновременно в российском и зарубежном вузе). Максимальный размер гранта 2,763 млн руб. в год. Эта сумма покрывает расходы на проезд до места обучения и обратно, питания, проживания, медицинской страховки, расходов на учебную литературу по следующим основным направлениям: наука, образование, медицина, инженерия, управление в социальной сфере. Оператором Программы является Московская школа управления СКОЛКОВО, которая осуществляет организационно-техническое и информационно-аналитическое обеспечение Программы.

Требования к кандидату: гражданство РФ; наличие квалификации бакалавра или специалиста; документ о поступлении/обучении в ведущем зарубежном университете по программам магистратуры, аспирантуры (PhD) или ординатуры; согласие с условиями Программы (в том числе, намерение после окончания учебы продолжить свою карьеру в ведущих российских компаниях). Участник самостоятельно выбирает организацию из перечня и договаривается о трудоустройстве и условиях работы.

Во-вторых, ***Work&Travel USA*** – самая популярная программа среди студентов. Программа предназначена исключительно для студентов вузов не старше 23 лет, не первого и не последнего года обучения. Участники программы могут работать в различных сферах деятельности за исключением медицинских, образовательных учреждений, стюардами или стюардессами на транспорте международного сообщения, а также сиделками или няньками в семьях. Обязательным условием является знание английского языка. Средняя стоимость участия в программе в 2015 г. составила 1360 долл. США. Программа рассчитана на 4 летних месяца, один из которых предполагает путешествие по США. В 2013 г. по данным Департамента национальной безопасности США число россиян, принявших участие в программах обмена составило свыше 20 тыс. человек[2].

В-третьих, ***Au Pair*** – программа, направленная на изучение иностранного языка, знакомство с культурой принимающей страны. Молодые люди живут в принимающих их семьях, делающую определённую работу (чаще всего занимаются воспитанием детей). В качестве компенсации получают питание, помещение для проживания и небольшую плату. Основная цель программы – возможность выучить иностранный язык, для чего участник обучается на языковых курсах. Оплата курсов зависит от принимающей семьи и страны. Наибольшим спросом в России пользуются такие страны, как Бельгия, Германия, США, Франция. Участник должен быть заинтересован в стране и культуре принимающей семьи и готов к изучению иностранного языка, официально ис-

[1]Государственная программа «Глобальное образование» http://educationglobal.ru/

[2] Yearbook of Immigration Statistics: 2013. U.S. Department of Homeland Security: Washington, D.C., 2014, P.80

пользуемого в данной стране. Наличие базовых знаний родного языка принимающей семьи всегда очень приветствуется. Программа обычно длится 12 месяцев. Основные требование к участнику: возраст от 18 до 27 лет, в некоторых странах до 26 лет; хорошее состояние здоровья; отсутствие криминального прошлого; законченное школьное образование.

В-четвертых, ***Camp America*** – программа для молодежи и студентов, владеющих определенными навыками и умениями для работы в детских американских детских лагерях. Похожа на программу Work&Travel USA, однако существуют жесткие ограничения относительно места работы первые 9 недель программы – работа в лагере обслуживающим персоналом. В остальном требования аналогичны программе Work&Travel.

В-пятых, ***FLEX*** – программа обмена, осуществляемая Государственным департаментом США, представляющая старшеклассникам (в возрасте 15–17 лет) из стран бывшего Советского Союза возможность бесплатно провести год в США, живя в американской семье и посещая американскую школу. Программа полностью финансируется правительством США, включая проезд, стипендию на карманные расходы и медицинскую страховку. С конца 2014 г. Правительство РФ запретило участие российских школьников в программе.

Среди других программ, менее популярных, можно отметить: 1) ***Work in France*** – работа для студентов во Франции в гостиницах, ресторанах, парках отдыха, в розничной торговле и на любой другой летней работе, не требующей специального образования; ***Teach in China*** – программа для тех, кто хочет работать преподавателем английского языка в Китае; ***Internship/Training Programin USA*** – профессиональная стажировка, которая дает возможность молодым специалистам усовершенствовать свое образование и обогатить свой опыт через профессиональный тренинг в компаниях в США; ***Study and Work in Portugal*** – аналог популярной американской программы Work&Travel USA, предполагающая работу в Португалии; ***волонтерские стажировки*** – исследовательские проекты от Всемирного фонда дикой природы WWF; ***Working Holiday Canada; Fulbright Program USA –*** Магистерская/аспирантская программа, предоставляющая гранты на поездки в университеты США для обучения или проведения исследований по всем предметным дисциплинам выпускникам российских вузов и аспирантам.

К сожалению, точных данных относительно масштабов эмиграции нет, как и нет четкой классификации выезжающих граждан. Зачастую часть участников таких программ остаются и продолжают жить (легально или нелегально) в стране. Как показывает практика, основанная на опросах молодых людей, принимавших участие в одной из указанных программ, чаще всего молодежь выбирает США как страну нового постоянного места жительства, реже страны Европы. Популярность США объясняется в первую очередь тем, что в отличие от Европы, в ней можно относительно легко трудоустроиться, не имея на это законных оснований (рабочей визы). Немаловажное значение имеет и размер оплаты труда, который в США для данной категории мигрантов значительно выше.

Трудовая эмиграция молодежи из России также получила распространение в последние годы. По официальным данным в последние годы она со-

ставляла 60–70 тыс. человек. Недостатком данного массива информации является учет только тех трудовых мигрантов, которые трудоустроились через официальные каналы (фирмы, имеющие лицензию Федеральной миграционной службы на трудоустройство, а также непосредственно через Федеральную миграционную службу). В 2012 г. согласно данным ФМС около 65 тыс. российских граждан получили разрешение на работу за рубежом. Однако исследования показывают, что многие российские граждане в настоящее время находят работу за рубежом, минуя официальные каналы, выезжая в различные страны по рабочим, деловым, туристическим и гостевым визам, напрямую выходя на работодателей и не попадают в данные Федеральной миграционной службы. Масштабы временной трудовой эмиграции из России на порядок выше – по нашим оценкам они составляют около 150–200 тыс. человек ежегодно. Большая часть российских временных трудовых эмигрантов направляется на работу в Америку и Европу. В последнее время все заметнее присутствие россиян на рынках труда в Азии, Австралии и Латинской Америке (это страны «новой трудовой эмиграции россиян»). Основными странами трудоустройства россиян являются Либерия, Кипр, США, Мальта, Нидерланды, Камбоджа, Германия, Панама, Багамские острова, Греция. Некоторые из государств являются странами с “дешевыми флагами”, к которым приписаны морские суда, были или остаются офшорами, позволяют в упрощенном порядке приобретать недвижимость и вкладывать капитал, что привлекает россиян. Страны СНГ на фоне государств “старого” зарубежья пользуются гораздо меньшей популярностью у молодых россиян, хотя трудовая миграция в них тоже присутствует в небольших объемах. Сопоставление зарубежных и отечественных данных по трудовой миграции россиян за границу свидетельствует о том, что миграция из страны была как минимум в 2 раза больше (по некоторым странам в отдельные годы еще больше).

В региональном отношении в трудовую эмиграцию в большей степени вовлечены жители приграничных регионов Российской Федерации. Расчеты показывают, что доля трудовых эмигрантов в занятом населении на региональном уровне максимальна именно в приграничных регионах: Приморском и Хабаровском краях, Краснодарском крае, Карелии, Калининградской и Ленинградской областях. Причем сложились устойчивые «миграционные коридоры»: жители регионов Дальнего Востока преимущественно ориентированы на работу в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии, Корее, Китае, Австралии, странах Юго-Восточной Азии); мигранты из регионов Северного Кавказа в основном выезжают в страны Ближнего Востока (Турцию, ОАЭ, Кипр, Израиль и пр.); жители северо-западных приграничных районов – в государства Скандинавии (Норвегию, Швецию, Финляндию); мигранты из Европейской части России стремятся на работу в Европу, США, Канаду.

Доля молодежи в возрасте 16–29 лет в потоке трудовой миграции составляет 35 %, что свидетельствует о том, что на международном рынке труда востребованы молодые люди. Экономический фактор является определяющим при формировании миграционных установок молодежи. Стремление повысить свой уровень жизни в другой стране среди молодых людей является основополагающим фактором эмиграции, который в сумме превышает удельный весь всех

остальных факторов, среди которых климатические условия, уровень безопасности, проблемы государственного управления, уровень коррупции.

Выводы для миграционной политики России. Таким образом, эмиграция молодежи получила широкое распространение в России, стала достаточно разнообразной и многоликой. При этом формы эмиграции молодежи из России учитываются пока недостаточно точно, а их социально-экономическая значимость недооценивается.

Совершенно очевидно, что на протяжении 2000–2010-х годов произошли существенные трансформации форм молодежной эмиграции из России в пользу временной эмиграции. При этом понятие временности стало весьма относительным, то есть многие молодые российские граждане стали чаще выезжать за рубеж, больше времени проводить в зарубежных поездках. Зачастую временная миграция становится первым этапом на пути переезда на постоянное место жительства в ту или иную страну, особенно это справедливо по отношению к учебной миграции. Очевидно, что в условиях глобализации в России сложилась новая модель эмиграции, которая характеризуется преобладанием временных форм. При этом статистические службы пока недостаточно гибко учитывают фактор времени и цели выезда эмигрантов, недостаточно развивают инструменты учета многообразных форм эмиграции.

Также необходимо отметить, что российская миграционная политика была традиционно ориентирована на решение иммиграционных проблем. Например, 13 июня 2012 г. Указом Президента РФ В.В. Путина была утверждена Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., в которой эта проблема вообще не рассматривается, только сообщается одним предложением во II разделе, что «продолжается эмиграционный отток из страны» и «эмигранты» также упоминаются вскользь в контексте возвратной миграции. Исследования показывают, что за пределами России могут проживать временно или постоянно до 15 миллионов человек с российским гражданством. Многие из них сохраняют социально-экономические связи с Россией. И теснота этой связи, и их миграционные установки находятся в зависимости от отношения российского государства, открытости его институтов. В случае россиян вряд ли можно говорить о «диаспоре» в классическом понимании, особенно в случае временных мигрантов, скорее это русскоговорящие общины. Однако, то что русскоговорящие сообщества, состоящие из временных и постоянных мигрантов, представляют существенный социально-экономический и демографический ресурс страны, совершенно очевидно. Россия могла бы выстроить более плотные отношения с общинами, признать двойное гражданство, привлечь их к инвестициям в российскую экономику и в социальные проекты. В этой связи важны два направления работы. Во-первых, движения государственных институтов, представляющих Россию за рубежом (посольства, консульства, представительства, фонды и пр.) «навстречу» соотечественникам, в том числе временно проживающим за границей – поддержка их культурных, социальных и экономических инициатив. Во-вторых, меры, направленные на развитие инвестиционного климата, налоговой системы, облегчения условий ведения бизнеса внутри России. Это могло бы дать перспективы для жизни, работы и развития бизнеса в России многим тем, кто настроен на работу или эмиграцию за границу.

З.В. Силаева,
канд. полит наук, доцент кафедры религиоведения
Казанский (Приволжский) федеральный университет

СПЕЦИФИКА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

В статье поднимаются проблемы, связанные с влиянием многоуровневых факторов на этнорелигиозное самоопределение индивидов в условиях внутриличностной и социальной напряженности и конфликтов, выявляется специфика идентификационных процессов в России. В ней рассматриваются разные подходы к изучению и пониманию природы «этнорелигиозной идентичности», выявляются механизмы и условия ее конверсии. Анализу подвергаются различные методологические подходы и концептуальные модели исследования идентичности. Особая роль отводится теории рационального выбора. В статье был выявлен круг проблем, связанный с рисками своеобразной адаптации идентичности в условиях этноконфессиональной напряженности для общественной безопасности.

Ключевые слова: *идентичность, многоуровневая идентичность, религиозная и этническая напряженность, религиозная идентичность, религия, толерантность.*

Отношение людей к религии и этносу можно рассматривать как один из критериев их духовного развития. В то же время идентичность нередко рассматривается более приземленно – как возможность отождествления себя с кем-то или чем-то, например, с общностью людей или родом занятий, или территорией. Человеку проще жить, отождествляя себя, присоединяясь к кому-либо или чему-либо. Это обусловлено социальной сущностью человека[1]. Выстраиваемые человеком границы, следовательно, есть акт сознания. Таким образом, идентичность как цивилизационное явление представляет собой проблему, которая одновременно является и широко изученной, и в то же время достаточно новой.

Двойственность характера темы обусловлена, с одной стороны, концептуально-методологическими подходами к изучению данного явления, с другой – социально-экономической и политической трансформацией общественной жизни, в которой происходит самоопределение индивида. Действительно, процесс идентификации человека начал анализироваться еще более 100 лет назад. О нем говорил еще З. Фрейд, рассматривая процесс приобретения идентичности как один из важных механизмов взаимодействия между индивидом и социальной группой.

[1] Ysseldyk R., Matheson K., Anisman H. Religiosity as identity: Toward an understanding of religion from a social identity perspective // Personality and Social Psychology Review. 2010. Т. 14. № 1. P. 66.

Однако, с другой стороны, именно этническая и религиозная идентичности продемонстрировали то, что процесс их становления длится на протяжении всей жизни человека и может трансформироваться при внешнем воздействии или при наличии особых социально-экономических и политических условий. Например, отказ от политики государственного атеизма в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, а также республиках бывшего Советского Союза привел к возросшему интересу к проблемам религиозности.

В современном мире религия превратилась в один из важнейших элементов идентичности на разных уровнях. Приверженность к той или иной религиозной системе начала рассматриваться не просто как проявление чувств верующих, но и как составная часть этнической и гражданской самоидентификации. Как констатируют ученые, во многих странах мира на уровне массового сознания граждан религия стала восприниматься как возвращение к народным традициям предков и в то же время как дело индивидуального выбора.

Долгий период времени в субъектах России религиозная, этническая и гражданская идентичность рассматривались как своего рода «троичная» идентичность, в которых все три компоненты являлись неотъемлемыми частями единого целого и не вступали в противоречие друг с другом: «Я татарин» (этническая компонента), «Я – мусульманин» (религиозная компонента), «Я гражданин своей страны» (гражданская компонента).

И, как правило, они всегда рассматривались совместно; религия была как один из основных компонентов этничности. Как отмечает А.Р. Аклаев, «этнические группы идентифицируют себя по этническим критериям, т.е. по тому или иному сочетанию таких элементов групповой общности, как территория, язык, религия, другие культурные характеристики, образ жизни, обычаи и традиции, представления об общности происхождения и исторической судьбы[1].

В целом стоит отметить, и здесь нельзя не согласиться с мнением ряда ученых, что по сравнению с иными видами идентичности для этнической и религиозной идентичностей характерны ярко выраженные психологические особенности. Например, сильный эмоциональный отклик и чувство ответственности перед своей общностью, т.е. коллективная солидарность.

«Троичная идентичность» обозначала существование культурно отличных групп и форм идентичности, а также определяла гражданскую позицию. Она представляла собой набор достаточно устойчивых, хотя изредка и изменяемых значений, придаваемых индивидом своему членству в этноконфессиональной общности. Однако именно такой подход долгое время обеспечивал своего рода стабильность в поликонфессиональных обществах.

В настоящее время расширение информационного потока влечет за собой изменения в социально-экономической и общественной жизни, которая ускоряется, модернизируется. Это, в свою очередь, способствует постепенному распа-

[1] Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент: учеб. пособие / А.Р. Аклаев; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Российской Федерации. 2-е изд., испр. – М.: Дело, 2008. С. 58.

ду данной «троичной идентичности». Нередко, благодаря воздействию через информационные потоки, именно на психологическое состояние индивидов.

Так в одном из субъектов Российской Федерации была применена технология психологического воздействия, связанная с формированием у целевой группы внутриличностного конфликта, направленного на перестройку идентичности. Данная технология должна была привести к дискредитации естественного чувства любви, уважения и почитания предков, родителей, Национальной истории, Родины и замене их на фанатичное почитание религиозных авторитетов.

Необходимо отметить, что данная технология не является изобретением XXI века. Она была реализована с помощью регионального информационного поля.

Удивительно, но конфликт идентичностей нашел свое отражение еще в жизни средневекового человека. Интерес в данном контексте представляет средневековый exemplum, описанный А.Я. Гуревичем. В нем рассказывается о непростом выборе героя, который был врачом. Однажды заболел его друг, и он его вылечил, однако после этого ангелы сообщили ему о том, что больного хотел забрать к себе Бог. Чуть позже друг заболевает повторно, и у героя начинаются душевные муки. Перед ним стоит дилемма относительно дальнейших действий. Что он должен или не должен делать как врач, верующий, христианин, друг, человек. Этот пример иллюстрирует наличие внутриличностного конфликта, обусловленного наличием у него нескольких видов идентичностей, находящихся, с одной стороны, на разных уровнях, а с другой стороны, в тесной взаимосвязи друг с другом.

Данная ситуация возможна, когда при определенных условиях индивид вынужден идентифицировать себя одновременно с разными социальными группами, в рамках которой он вынужден выполнять ряд противоречащих друг другу ролей. Это приводит к тому, что преобладающая идентичность, в силу наличия определенных практик, например, религиозных, или опыта, может вытеснить более слабую идентификационную связь или разрушить ее, если они обе рассматриваются как противоположные друг другу.

В приведенном нами примере, перед врачом встает вопрос, как поступить, и что выбрать? С точки зрения науки, наш анализ ситуации и дальнейшего конфликтного состояния, и, как следствие, ответ на эти вопросы, во многом зависит от трактовки природы религиозности у данного врача. В современной литературе сложилось три основных подхода к определению религиозности: примордиалистский (эссенциалистский), инструменталистский и конструктивистский. Кратко остановимся на определении их сущности.

С точки зрения примордиалистов, религиозная идентичность представляет собой жестко закрепленную и ригидную характеристику, получаемую человеком при рождении. Для них важно религиозное восприятие и приверженность индивида своей религиозной группе, возникающей из чувства естественного сходства, а не из практики социального взаимодействия. Таким образом, используя, риторику примордиалистов можно оправдать отказ от лечения по религиозным убеждениям. Может и должен ли человек в данном случае ограничивать себя какой-либо идентичностью, является ли это этичным? Ответы на данный вопрос разнятся. Каждый сам выбирает и отвечает за свой выбор. Отмечу только то, что

данный подход жестко критикуется за свою иррационализацию, мистификацию и романтизацию. С позиции примордиализма сложно объяснить возникновение новых идентичностей или трансформацию имеющихся.

В то же время эти изменения достаточно легко объясняются с точки зрения инструменталистского подхода. Согласно ему религиозная идентичность может создаваться и воссоздаваться вновь для того, чтобы служить новым, конкретным экономическим и политическим обстоятельствам. Таким образом, конфликт врача, описанного А.Я. Гуревичем в данном контексте можно рассматривать как одну из форм проявления конфликтного взаимодействия соперничающих ролей, выполняемых им, и которое камуфлирует в профессиональной сфере проявление других конфликтов. Важно отметить, что в данном случае религиозность не будет являться самостоятельной причиной конфликта. Такая ситуация может возникнуть в случае, если врач использует религиозность, например, для прикрытия несвоевременного вмешательства или ошибки.

С точки зрения конструктивистского подхода, религиозную идентичность можно рассматривать как одну из категорий социальной идентичности, ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения, и наличием договорного характера границ между религиозными категориями. В то же время, говоря о взаимосвязи религиозности и этничности, конструктивисты отмечают, что этничность представляет собой социальное явление, а не характеристику индивида. По их мнению, этнические признаки, к которым в том числе относится и религия, существуют объективно и находятся за пределами выбора и контроля индивида. Одновременно они отмечают, что каждый из этнических признаков, а значит и религия, может быть характерен и для других типов социальных связей.

Следовательно, конфликт интерпретаций может быть обусловлен работой в разных парадигмах и различными научными подходами к определению одного и того же понятия и привести к экспертным войнам внутри научных сообществ. Во многом это обусловлено тем, что нередко в публикациях как отечественных, так и зарубежных авторов мало внимания уделяется концептуально-методологическим основам и возможным их переплетениям при интерпретации терминов «религиозная и этническая идентичность». Для большинства из них эти понятия по своей сути воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, что не надо объяснять. Эта же ошибка воспроизводится и в количественных социологических исследованиях. В результате в ходе исследования респонденты подвергают эти понятия вольной трактовке, что потом сказывается на ходе самого исследования и на полученных данных.

В последнее время все чаще встречаются работы, посвященные различным видам идентичности, которые могут тесно переплетаться в отдельной личности, вступать в конфликт друг с другом, либо трансформироваться. И объяснить эти процессы с точки зрения представленных выше подходов не всегда представляется возможным.

В зависимости от конъюнктуры религиозная идентичность может не только, как мы выяснили выше, по-разному интерпретироваться, но и реализовываться различными субъектами социально-политического процесса. В современном обществе у любого индивида существует несколько идентичностей: религиозная, профессиональная, этническая, гражданская, национальная, воз-

растная, социально-групповая. Их наличие, с одной стороны, способствует мобилизации людей на основе «коллективного мы», а с другой – может привести к внутриличностным конфликтам, социальной раздробленности.

Имеющиеся в обществе тенденции говорят о том, что в мире речь идет прежде всего не об изначальной религиозной принадлежности (примордиалистском подходе), а о попытке самоопределения и уже потом самоидентификации в многообразном мире в условиях внутриличностных и социально-экономических кризисов и роста этноконфессиональной напряженности.

Таким образом, этническая и религиозная идентичности как теоретические конструкты претерпевают в настоящее время сложный период. В первую очередь, это обусловлено тем, что одновременно с самоопределением индивида, ощущающего свою причастность к народному наследию и соответствующему вероисповеданию, сформировалось и иное понимание этничности, религиозности и, собственно, религии. Религия перестает в настоящее время рассматриваться только как элемент этнической идентичности, а начинает осознаваться как самостоятельный, внеэтнический выбор «своей» религиозной группы на основе либо осознания вероучения, восприятия культа и организационных форм, либо в силу складывающейся конъюнктуры.

В то же время активное возвращение религии в публичную сферу, политику и международные отношения в конце XX века способствовало не только восстановлению нарушенной связи между поколениями, памяти предков, но и радикализации, антиобщественным проявлениям, появлению новых религиозных групп, активизации деятельности СМИ и, как правило, использованию религиозного фактора с целью поднятия рейтингов отдельных каналов и программ. Под воздействием этих факторов начинает формироваться новый тип религиозной идентичности, который вступает в конфликт со старой, трансформируя последнюю. Происходит отход от институциональной идентичности к идентичности групповой, общностной. При том, если идентичность не была сформирована в условиях первичной социализации, то далее она конструируется либо самим человеком, либо агентом вторичной социализации, которая может при этом преследовать свои собственные цели.

В данном контексте интересными с точки зрения анализа религиозной и этнической идентичности представляются данные, полученные в ходе анкетирования иностранных студентов, обучающихся в вузах Республики Татарстан. Целью данного исследования было выявление степени удовлетворенности иностранными студентами условий для реализации ими своих культурных и этноконфессиональных потребностей в Республике Татарстан, в рамках которого их просили отметить свою религиозную и этническую идентичности, что было собственно второстепенным для исследования. Всего было опрошено 574 человека разной этнической и религиозной принадлежности. В исследовании приняли участие представители 35 стран мира.

Первичная обработка материалов позволила выявить следующие тенденции: во-первых, около четверти респондентов отказались отметить свою религиозную и этническую идентичность. Во-вторых, подтвердилась тенденция распада «троичной идентичности». В-третьих, проявилась тенденция к двойной

этнической идентификации, например, греко-украинец. В-четвертых, были выявлены единичные случаи процесса переключения религиозных и этнических предпочтений в ситуации сильного личностного переживания (религиозного опыта), приобретенного на территории республики. В-пятых, наличие устойчивой мотивации к идентификации себя с регионом временного проживания и обучения путем идентификационного приспособления.

В то же время исследование показало, что изучить этническую и религиозную идентичности до конца не представляется возможным. Это обусловлено тем, что свободный выбор религии в большинстве случаев ограничивает возможности исследователя выявить критерии выбора, а также самоопределение респондента может и не отражать его религиозности, либо этничности. Это всего лишь выбор группы, которая могла бы ему подойти. Почему эта группа подходит респонденту, чем обусловлен его выбор и входит ли он в нее, остается только догадываться.

Как отмечает в одной из своих работ Л.С. Астахова, и с ней нельзя не согласиться, «в современном мире религиозная идентичность от конфессионального уровня переходит к личностному, так как именно личностное самоопределение должно было бы быть ее основой в условиях свободы совести. Однако все чаще, как в случае и с этнической идентичностью, имеет место быть не свободный выбор и самоидентификация, а групповая идентичность как результат социализации и ресоциализации в конфессиональной группе через приобщение к нормам вероисповедания, жизни, поведения. Процесс социализации, как правило, предполагает наличие обучения, которое нередко является базовым условием для вступления в группу, идентификацию себя с ней»[1]. Таким образом, не выбор, а прохождение обучения становится основополагающим фактором идентичности.

Подводя итог, можно отметить, что своеобразное дрейфование от идентификации себя то с одной, то с другой группой, отсутствие в государстве периодического целенаправленного мониторинга и анализа идентификационных предпочтений и изменений, упор на политику толерантности может лечь в основу угрозы национальной безопасности. Так как любое малейшее ограничение или давление (в том числе со стороны СМИ) могут привести к кризису идентичности. В условиях возникновения конфликта идентичностей и для его урегулирования акцент необходимо делать на сходствах разных идентификационных моделях, а не на их различиях.

[1] Астахова Л.С. Нетрадиционные религиозные движения и культы: кризис идентичности. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 3.

Т.А. Силина,
инженер-исследователь
ЛЭСИ ИСЭРТ РАН

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена изучению межинституционального доверия в региональном социуме как основе эффективного сетевого взаимодействия и социального капитала с позиций социокультурного подхода. В центре внимания феномен «доверия», его влияние на развитие социальных структур, трансляцию ценностей и норм, социальный капитал как «общественное благо», стягивающее все структуры и их особенности с социокультурными характеристиками региона вообще. Анализируются результаты исследования, проводившегося ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области. Эмпирические данные позволяют наблюдать слабое наличие готовности к развитию сетевого взаимодействия, что рассматривается как важное основание к более детальному изучению качественных характеристик социального капитала и социокультурного пространства региона с целью создания рекомендательной базы по повышению, в первую очередь, уровня доверия.

Ключевые слова: *доверие, сетевое взаимодействие, социальный капитал, ценности, нормы, социокультурное пространство, регион.*

В социальном пространстве взаимодействие индивидов основано на триаде «значение – ценность – норма». Эти постоянные образуют три грани социального: личность – общество – культура. Значимые ценности и нормы формируют некую социальную связь, или социокультурное пространство. Социальная связь характеризуется также и доверием между индивидами, социальными структурами. Социальные структуры, в свою очередь, складываются в города и регионы, надстраивая над собой в процессе жизнедеятельности определенное социокультурное пространство, основанное на присущих данной территории социальных и культурных ценностях, нормах, традициях.

Понятия «доверие», «сетевое взаимодействие» (взаимодействие внутри социальных структур, сетей), «социокультурное пространство» неразрывно связаны и взаимозависимы. Изучение качественных основ социокультурного пространства на уровне региона с целью выработки рекомендаций для роста всех характеристик представляется актуальным и практически значимым. С точки зрения социокультурного подхода социальное сетевое взаимодействие между индивидами, внутри структур, между ними, происходит в рамках определенных ценностей, норм, культурных традиций, присущих социокультурному пространству региона согласно его историческим, экономическим, территориальным и прочим особенностям. Трансляция социокультурных основ общественной и личной жизни эффективнее происходит в тех структурах, где выше уровень доверия, не столько межличностный, сколько институциональный. И наоборот.

Доверие – это важное связующее звено не только между двумя близкими людьми, внутри семьи, но и между членами одной организации, жителями одного дома, партнерами по бизнесу. Без доверия не может быть успеха ни в семейной жизни, ни в предпринимательской деятельности. Доверие является одной из основных составляющих социального капитала – базисного показателя уровня жизни населения, региона, страны.

Социальный капитал это своего рода социальный клей, цементирующий общество. Он складывается из социальных сетей, социальных норм взаимодействия и доверия, возникающего в таких отношениях. В процессе социального взаимодействия «социальное» становится «культурным», так как индивиды действуют в рамках определенной культуры и продиктованных ею норм, ценностей, традиций и т.д. Развитая структура социальных сетей с высоким уровнем межличностного и институционального доверия являются основой современного социокультурного пространства. Доверие, являясь ресурсом развития общества, обеспечивает экономический рост и улучшает благосостояние людей. Доверие как можно большему числу людей, развитое межинституциональное доверие, наряду с «информационным обществом», являются ключевыми понятиями социокультурного пространства. Стабильные и успешные группы объединяются в институты, осуществляя координацию деятельности, входящих в них индивидов. Институты образуют государства, последние – социокультурное пространство вообще, являющееся системой отношений людей к окружающему миру и между собой.

Согласно Ф. Фукуяме, доверие – это возникающее у членов общества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами[1]. Под этими общими нормами следует, прежде всего, понимать традиции, обычаи и общепринятые этические ценности. На формирование институтов оказывают непосредственное влияние сами акторы, поэтому определение того, в какой степени проблемы доверия или его дефицит влияют на действующие институты и экономику в целом, очевиден – поведение, основанное на доверии, будет значительно более эффективным, нежели поведение, основанное на формальных правилах, которые нужно постоянно вырабатывать и согласовывать, а затем и отстаивать их соблюдение, в том числе с помощью мер принуждения[2]. Более того, преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от которого избавлены общества с высоким уровнем дохода[3]. Если же говорить языком институциональной экономической теории, дефицит доверия влечет рост трансакционных издержек в обществе[4].

---

[1] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ; Ермак, 2004. С. 55

[2] Белянин А., Зинченко В. Доверие в экономике и общественной жизни. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С.11

[3] Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. С. 55

[4] Кривошеева-Медянцева Д. Д. Доверие как фактор экономического развития: исследования с позиций институциональной экономической теории // Пространство экономики. 2013. № 2–2.

С понятиями «доверие», «сетевое взаимодействие» неотрывно связана категория «социальный капитал». Анализ одного, невозможен без измерения другого.

В своем определении социального капитала Фукуяма (1997) утверждает, что только определенные общие нормы и ценности должны рассматриваться как социальный капитал. В этом смысле понятие социального капитала приравнивается к понятию социокультурного пространства. «Социальный капитал можно определить просто как набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы, и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы. …Само по себе принятие группой людей общих ценностей и норм не производит социальный капитал, потому что ценности могут быть и ложными… Нормы же, которые производят социальный капитал, должны, напротив, включать в себя такие ценности, как: правдивость, выполнение обязательства, сотрудничество с другими людьми»[1].

Таким образом, социальный капитал обозначает сети социальных отношений, характеризующиеся нормами доверия и взаимности[2]. Социальный капитал повышает производительность индивидов и групп. Социальный капитал это в некотором роде «общественное благо». Одним из устоявшихся утверждений в литературе является то, что социальный капитал может облегчить решение проблем коллективных действий. Понятие социального капитала основано на идее, что социальные отношения и социальные нормы могут предоставить доступ к ценным ресурсам, которые могут улучшить благосостояние людей, семьи, сообществ или даже регионов или стран[3].

Все новые и новые социальные структуры появляются и взаимодействуют в рамках одного региона, например. Они сталкиваются, находят точки соприкосновения, конфликтуют, развиваются, поддерживают социально-экономическую жизнедеятельность региона. Так образуется «общественное благо», стягивающее все структуры и их особенности с социокультурными характеристиками региона вообще.

В рамках данного исследования нам импонирует та типология социального капитала, в которой, например, Р. Патнэм различает ограничивающий и перекрывающий социальный капитал. Ограничивающий укрепляет связи внутри однородных групп, объединяет сходных людей, а перекрывающий налаживает узы связей поверх однородных групп, сплачивая людей разных. Очевидно, что экономические эффекты от сетевого взаимодействия разнородных групп, являющихся перекрывающими, будут положительными. Подобные типы социального капитала описывал и М. Грановеттер[4]. С единственной разницей – исследователь использовал другую терминологию. Ограничивающий социальный капитал у Грановеттера определяется как «сильные» связи, а перекрывающий – «слабые». Учёный «ввёл полезное различие между сильными и слабыми связя-

[1] Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2008. С. 30.

[2] Афанасьев Д.В. К исследованию роли социального капитала в условиях социально-экономического кризиса // Доклад ИСЭРТ РАН. – Вологда, 2015.

[3] Там же.

[4] Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009, сентябрь. Т. 10. № 4. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf

ми, утверждая, что последний вид предоставляет различные выгоды для своих членов, особенно в плане поиска работы. Слабые связи открывают более эффективные информационные потоки и поэтому особенно полезны для фасилитации коллективных действий»[1]. Также в научной литературе встречаются такие названия описанных типов социального капитала, как «открытый» и «закрытый» капитал, «группы Патнэма» и «группы Олсона»[2].

«Слабые» связи, «открытый», перекрывающий социальный капитал оказывает положительное влияние на экономический рост. Второй тип капитала выгоден внутри однородной группы, или семьи. На внешнем поле он может стать причиной конфликтов, расколов, отрицательных экономических эффектов. Д.В. Афанасьев отмечает: «…инвестиции в перекрывающий социальный капитал лучше с точки зрения роста».

Самым простым примером здесь могут служить две конфликтующие семьи. Внутри каждой из них сильные связи дают много положительных эффектов, за пределами – знак «плюс» сменяется минусом. В случае развития перекрывающих связей между враждующими кланами, налаживания отношений, на выходе можно наблюдать, в том числе, и полезный экономический эффект (совместный успешный бизнес, например).

В исследованиях социального капитала также можно встретить третий «соединяющий» тип. Л. Полищук и Р. Меняшев называют его «вертикальный». Этот тип связан с отношениями между неравными по статусу людьми, которые формируют сети власти. А связи перекрывающего и ограничивающего типа учёные называют «горизонтальными», формирующими сети доверия.

Ограничивающие связи – это наиболее сильные, развитые связи. Однако в исследованиях социального капитала большая часть респондентов демонстрируют высокий уровень доверия внутри семей, тесных профессиональных групп, сообществ по интересам. Так, например, в исследовании, проведенном ИСЭРТ РАН весной 2016 года, 61 % опрошенных жителей Вологодчины отметили, что доверяют только близким друзьям и родным.

Но для эффективного роста экономики региона важно развитие перекрывающих, «слабых» связей. В этом же исследовании лишь 13,5% выбрали альтернативы «доверять можно большинству знакомых» и «доверять можно всем без исключения». Описание горизонтальных перекрывающих, «слабых», открытых связей (типа социального капитала), а также причины и следствия их «зародышевого» состояния, что негативно влияет на экономический рост, а также укрепление социокультурного пространства региона, представляются наиболее интересными в рамках данной работы.

Доверие, социальные сети и просоциальные нормы поведения, отражающие и личный и общий интерес являются основой коллективных действий. Сети укрепляют доверие между участниками и способствуют распространению и

[1] Афанасьев Д.В. К исследованию роли социального капитала в условиях социально-экономического кризиса // Доклад ИСЭРТ РАН. – Вологда, 2015.

[2] Меняшев Р.Ш., Полищук Л.И. Экономическая отдача на социальный капитал: о чем говорят российские данные? // XI Межународная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2011. Т. 2. С. 159-170.

укреплению просоциальных норм, а общность ценностей и взаимное доверие расширяют социальные сети и контакты.

Доверие и нормы, способствующие коллективным действиям, выступают элементами культуры, которая передается из поколения в поколение и формируется в процессе эволюционного отбора. Культура воплощается в предпочтениях индивидов, функции полезности которых зависят не только от личного достатка, но и от того, в какой мере индивидуальное поведение соответствует общественным нормам – следование нормам повышает полезность (эффект, известный под названием «warm glow», «теплое свечение»), а отклонение от них наказывается внутренними «моральными санкциями». В более развитой форме просоциальные нормы не только удерживают индивида от неподобающего поведения, но и побуждают его контролировать поведение окружающих[1].

Распространяемые в сетях нормы повышают эффективность общественного контроля, усиливают «горизонтальный» социальный капитал. Эффективные социокультурные процессы находятся в прямой зависимости с развитой структурой социальных сетей. Продуктивное взаимодействие внутри одной социальной сети, а также налаживание мостов между разными социальными объединениями, как мы уже отмечали, невозможно без наличия межличностного и институционального доверия. В контексте нашего исследования, как уже упоминалось, представляется важным измерение именно «слабых» (перекрывающих) социальных связей внутри структур и между ними, основанных на большом радиусе доверия[2]. Сила «слабых» связей, и качественные характеристики социокультурного пространства вообще, в региональном разрезе на сегодняшний день исследованы мало.

Социальные сети – это структуры отношений, в которых взаимодействуют социальные субъекты. Одним из первых теорию социальной сети стал разрабатывать американский социолог Р. Эмерсон. Поведенческий аспект доверия (опыт взаимодействия, общения, трудовой совместной деятельности) представляется важной составляющей в измерении социальных сетей и сетевых возможностей. Сетевые возможности – по Э. Элиоту и Дж. Урри – возможности, возникающие на основе владения огромным сетевым капиталом, которые позволяют устанавливать более высокие формы связи посредством сетей и центров внимания. Сетевой капитал в этом смысле – это своего рода «доверие на расстоянии». В научных поисках Дж. Урри, «сетевой капитал – это способность порождать и поддерживать социальные отношения с людьми, не обязательно находящимися в географическом соседстве, получая от этих отношений эмоци-

[1] Меняшев Р.Ш., Полищук Л.И. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12.

[2] Фукуяма определил «радиус доверия» (или «круг доверия»), как совокупность индивидов, которым доверяет отдельный индивид. При малом радиусе доверие ограничено узким кругом лиц – родственников, близких друзей, а большой радиус отражает доверие к людям вообще, не обусловленное личными или родственными связями или различного рода идентичностями.

ональные, финансовые или практические выгоды»[1]. Ученый делает акцент на том, что концепции социального капитала более ориентированы на узкие круги доверия, тогда как сетевой капитал значительно расширяет границы мобильности и социального взаимодействия людей.

Значимость «доверия на расстоянии» подтверждается и нашими эмпирическими данными. Ориентация личности на более широкий круг доверия, развитую структуру социальной сети, открывает перед ней больше возможностей в социально-экономической и других сферах.

Очевидно, что для многих социальных задач, таких, как поиск работы, например, «слабые» связи оказываются намного эффективнее, чем «сильные». «Сильные» и «слабые» социальные связи – это разные формы межличностных отношений по критерию частоты и длительности контактов. Подробный анализ социальных сетей и связей в них провел еще в 1970 году упомянутый нами выше американский социолог М. Грановеттер[2]. Примером «сильных» связей выступают близкие родственники, друзья; «слабых» – соседи, знакомые, коллеги по работе.

М. Грановеттер определил, что внутри социальных сетей «слабые» связи имеют большее значение, чем «сильные». Объясняется это тем, что информация быстрее и шире распространяется именно через «слабые» связи. Слабые связи играют значимую роль для расширения возможностей взаимодействия участников социальных сетей и для их взаимодействия с другими сетями. «Сильные» связи образуют только локальную связь. Радиус доверия в пространстве «слабых» связей шире. Это утверждение явилось основополагающим при анализе эмпирических данных в проведенном исследовании[3].

Сила связей внутри сетей и между ними напрямую зависит от уровня доверия, как межличностного, так и институционального. Это две неразрывные характеристики. Измерение одной не возможно без измерения другой. И наоборот. Здесь применимо понятие «радиус доверия» (или «круг доверия»), как совокупность индивидов, которым доверяет отдельный индивид. Фукуяма пишет о том, что при малом радиусе доверие ограничено узким кругом лиц – родственников, близких друзей, а большой радиус отражает доверие к людям вообще, не обусловленное личными или родственными связями или различного рода идентичностями. В нашем исследовании мы подразумеваем, что маленький радиус доверия присущ тем людям, которые, собственно, доверяют только

---

[1] Федотов Леонид Николаевич, Китаева Ольга Николаевна Новые категории социологии // ЗПУ. 2013. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/novye-kategorii-sotsiologii (дата обращения: 11.07.2016).

[2] Грановеттер М. Сила слабых связей //Экономическая социология Т. 10. № 4. Сентябрь 2009 Электронный журнал. Источник: Granovetter M. S. 1973. The Strength of Weak Ties. The American Journal of Sociology. 78 (6): 1360–1380. Публикуется с разрешения журнала «The American Journal of Sociology». Пер. с англ. З. В. Котельникова Науч. ред. В. В. Радаев, Г. Б. Юдин https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf

[3] Эмпирические данные получены по результатам проведённого в апреле 2016 г. массового социологического опроса населения Вологодской области весной. В программу данного исследования были включены также количественные показатели для измерения социального капитала.

«сильным» связям в своем окружении. Они не верят в «силу» слабых связей, в действительную помощь соседей, коллег по работе, в необходимость и важность создания и функционирования развитой системы гражданского общества, так, как верят в это респонденты, считающие, что «доверять можно большинству знакомых, или всем без исключения».

При анализе доверия в социальном взаимодействии мы условно делим респондентов на три группы. Первые, с наиболее узким радиусом доверия, ориентированы только и исключительно на «сильные» связи в сетевом взаимодействии. Это респонденты, выбравшие позицию «*в наше время никому нельзя доверять*». Таковых в общей выборке 26%. Вторую группу, наиболее многочисленную, также составляют вологжане с малым радиусом доверия, по-прежнему, более ориентированные на «сильные» связи в сети. Альтернативу «Доверять можно только самым близким друзьям и родственникам» выбрали 61% респондентов. Третью группу составляют люди, открытые «слабым» связям, доверяющие «*большинству знакомых или всем без исключения*». Это наиболее малочисленная группа в исследовании – 13% от числа опрошенных. И уже только поэтому она представляет для нас особый интерес. Та часть населения, которая должна и может стать активной основой качественного развития социокультурного пространства региона, способного снять груз ответственности с государственных формальных институтов в социально-экономической деятельности, при условии эффективных доверительных деловых (и не только) взаимоотношений, на сегодняшний день составляет мизерную долю вологодского населения.

Доверие в сетевом взаимодействии, его роль в пространстве «сильных» и «слабых» связей ярко просматривается в следующих данных. (Рисунок 1.)

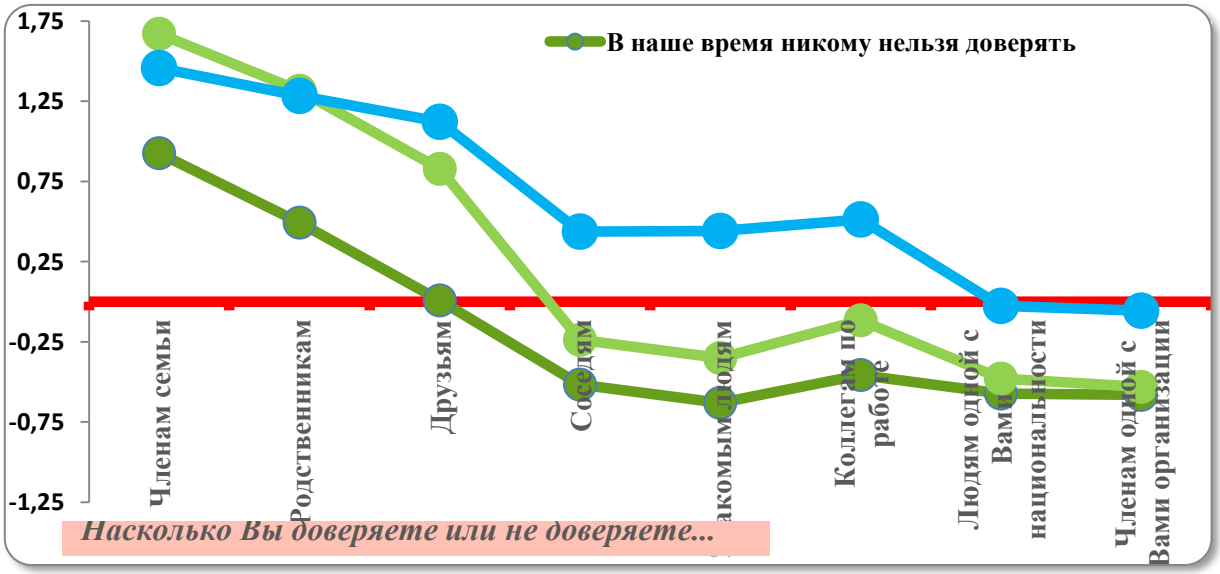

Рис. 1. «Насколько Вы доверяете или не доверяете…» *(графики построены на основе значений индекса доверия[1]; среди респондентов-представителей выделенных трех групп)*

[1] На рисунке приводятся данные *индекса доверия,* который рассчитывается как разница взвешенных положительных и отрицательных альтернатив. Пределы колебаний индекса от -2 до 2. Положительное значение свидетельствует о преобладании доверия к…, отрицательное – о недоверии. Значимым считается значения больше 0,5, и меньше -0,5.

Данные графиков на Рисунке 1 демонстрируют, как по мере «усиления» социальных связей сужается радиус доверия. Там, где круг социального взаимодействия расширяется до уровня доверия соседям, знакомым людям, коллегам по работе, «членам одной с Вами организации», людям «одной с Вами национальности», большая часть ответов респондентов первой и второй исследуемых групп концентрируется в области графика с отрицательными значениями индекса доверия (вертикальная ось ниже «0»).

Что касается вологжан, определивших свой радиус сетевого взаимодействия как «доверять можно большинству знакомых, всем без исключения», то индекс доверия, рассчитанный на основе распределения сделанных ими выборов, в основном находится в поле значимых положительных значений. (Средних в случае категорий «доверяете людям одной с Вами национальности», «членам одной с Вами организации»).

Данные показывают то, что, собственно, мы подразумеваем под «сильными» и «слабыми» связями. Респонденты, доверяющие «только самым близким друзьям и родственникам», больше всех доверяют членам семьи. Чуть менее активно они готовы взаимодействовать на основе доверия с другими родственниками и друзьями. Начиная с категории «соседи» для вологжан с узким кругом доверия индекс доверия «слабым связям» приобретает отрицательные значения. Для группы «доверять можно большинству знакомых, всем без исключения» значимым представляются как «сильные», так и «слабые» связи. Согласно полученным данным, к «слабым» связям в основном относим социальное взаимодействие с соседями, знакомыми людьми, коллегами по работе.

В группе «в наше время никому нельзя доверять» положительный значимый (от 0,5) для анализа индекс доверия наблюдаем по отношению к категориям «членам семьи», «родственникам». Анализируя выборы трех исследуемых групп (с разным радиусом доверия), к «сильным» связям относим социальное сетевое взаимодействие с членами семьи и родственниками. Категория «друзья» не может быть однозначно отнесена к «сильным» или «слабым» связям.

Согласно полученным данным, вологжане, с большим радиусом доверия, субъективно оценивают свой уровень жизни выше, чем респонденты с малым кругом доверия. Радиус доверия, широкие сети «слабых» связей находятся в положительной зависимости с материальной самоидентификацией жителей Вологодчины. Хорошее материальное положение, в свою очередь, наличествует благодаря деловой, экономической успешности в трудовой деятельности, развитой сети отношений. Практическая убежденность в том, что «доверять можно большинству знакомых, всем без исключения», облегчает распространение, обмен информацией, укрепляет доверие между партнерами по бизнесу, делает индивидуальную репутацию общественным достоянием, мобилизует ресурсы для общественных проектов, является несомненным ресурсом экономического развития и эффективных социокультурных процессов.

Социокультурных и других провалов помогает избежать координация действий, когда каждый участник отказывается от индивидуально наилучшего решения ради общего блага и в итоге получает более высокий результат. Коллек-

тивным действиям способствуют социальные сети, которые, в свою очередь, укрепляют доверие между участниками, а взаимное доверие расширяет социальные сети и контакты.

Общий процент вологжан, участвующих в формальных общественных организациях, очень невысок. А мы понимаем, что трансляция и интегрирование ценностей, норм, традиций социокультурного пространства, эффективнее в организованных социальных структурах, институтах. Тем не менее, данные, приведенные ниже, демонстрируют чуть более активное участие в организованных объединениях тех респондентов, кто более ориентирован на «слабые» связи в социальном взаимодействии. Так, например, среди респондентов третьей группы наименьшее количество выбравших альтернативу «нигде не участвую» (72,4%). В первой группе таковых 90,1%, во второй – 78,2%. Также в первой группе чаще, чем в других, встречаются члены профсоюзов, благотворительных организаций, политических, религиозных объединений.

Задача роста численности граждан, более ориентированных на эффективное социальное сетевое взаимодействие посредством «слабых» связей, слишком глобальна, и должна (и может) решаться не только усилиями социологов. Социологические исследования должны стать источником более детального анализа этой проблемы.

Таблица 1

«В каких официально зарегистрированных общественных организациях Вы участвуете?» *(данные приведены в % от числа опрошенных; в сопряжении с результатами ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?»)*

	Профсоюз на предприятии/в организации	Ветеранская	Благотворительная	Женская	Молодежная	Студенческая	Политическая	Экологическая	Землячество	Религиозная	Творческая	Историко-культурной направленности	Физкультуры, спорта и ЗОЖ	*Нигде не участвую*
В наше время никому нельзя доверять	5,1	0,8	0,8	1,1	0,5	0,3	0,0	0,5	0,3	0,5	0,8	0,0	1,3	**90,1**
Только самым близким друзьям и родственникам	11,6	2,1	2,3	0,4	1,1	1,2	0,9	0,6	0,4	0,8	1,2	0,6	3,7	78,2
Доверять можно большинству знакомых, всем без исключения	**14,8**	2,6	**5,1**	0,5	**3,6**	1,0	**2,6**	0,0	1,0	**3,1**	2,0	1,0	4,1	72,4

Анализ полученных в нашем исследовании данных показывает необходимость более глубокого измерения именно сетевого капитала региона, основанного на широкой сети «слабых» связей. На поиске причин малочисленности третьей исследовательской группы, «доверяющей большинству». На качественных характеристиках социокультурного регионального пространства. Задача роста, в первую очередь, межинституционального доверия в сетевом взаимодействии, ложится на региональные, муниципальные власти. Это касается и тех вологжан, которые в своей жизнедеятельности склонны к более широкому

социальному кругу доверия. Результаты анализируемого исследования показывают, что последние, тем не менее, недостаточно доверяют таким важным социальным мостам, как «члены одной с Вами организации», или «люди одной с Вами национальности».

Доверие, социальные сети как составляющие социального капитала и социокультурного пространства региона являются очень важным экономическим ресурсом, и не только. Это, во-первых, в координация действий экономических агентов по предотвращению провалов рынка без участия государства, во-вторых, содействие консолидации и политической активности граждан (целью коллективных действий надлежащая работа государства и его институтов), в-третьих, «настройка» социокультурного пространства региона на людей с разным уровнем дохода и прочих характеристик, чтобы каждый мог найти в нем свое место, при этом мирно сосуществуя с другими. При выполнении последнего условия, в регионе начнет «наливаться» культура, способная стать ресурсом эффективных социокультурных инноваций.

А.М. Стеблева,
аспирант специальности социальная философия
МГУ им. Н.П. Огарёва, г. Саранск

ФЕНОМЕН МАРГИНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ П.А. СОРОКИНА

В данной статье рассматривается значение социкультурного подхода П.А. Сорокина для понимания феномена маргинальности. Так же рассматривается влияние процесса маргинализации на изменения идеологии и моральных установок, в ходе которых возникает культурной неопределенность.

Ключевые слова: *маргинальность, социокультурное пространство, социальная мобильность, П.А. Сорокин*

Проблема маргинальности оказалась в фокусе исследования социологов после первой мировой войны, в ситуации экономического кризиса, масштабной урбанизации и миграции. Р.Парк, Ф. Знанецкий, У. А. Томас и др. показывали как целые группы вынуждены были перемещаться из одного состояния в другое, часто оказываясь в промежуточном, пограничном состоянии. Социологов интереовали процессы адаптации маргиналов (прежде всего, мигрантов) к новым ценностям и препятствия на этом пути. С этого было получено большое количество эмпирических данных, способствующих лучшему пониманию проблемы.

Глобализация социальных проблем в XX столетии сделала задачу понимания маргинализации еще более актуальной. Системные социально-экономические и политические трансформации современного общества: глобализация, переход к постиндустриальному обществу, масштабные кризисы в по-

литической, социальной, экономической, духовной сферах деятельности человека привели к возникновению многочисленных переходных и периферийных групп и «потерянных» индивидов. В настоящее время процесс маргинализации охватил весь мир, поэтому она признается процессом, играющим важную роль для понимания путей развития современного обществе.[1] Поэтому для понимания особенностей формирования маргинального сегмента в социальной структуре проблему необходимо рассматривать в широком контексте процесса преобразования общества и происходящих в нем явлений. Помощь в понимании процессов, способствующих ускорению процессов маргинализации в обществе, оказывают классические социальные теории, позволяющие показать взаимосвязь социальных, культурных и личностных аспектов маргинализации. В этой связи Н. С. Кулешова справедливо утверждает: «Процесс маргинализации населения, так же как другие массовые процессы современности, может быть правильно понят и теоретически осмыслен только на основе междисциплинарного и интегративного в своей основе изучения, с использованием методологических принципов концепции социокультурной динамики, разработанной в середине XX века П.А. Сорокиным»[2].

П. А. Сорокин исследовал социальное расслоения общества, или социальную стратификацию. По его мнению: «Социальная стратификация – это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [3].

Социально стратифицированной является каждая социальная группа. Социальные группы не постоянны. Члены групп занимают разные положения. Каждое общество подвержено расслоению и демократические страны не исключение. Социальному расслоению подвержено любое организованное общество.

Социальная мобильность является ключевым моментом в ходе исследования маргинализации. Социальная мобильность возникает, когда люди переходят из одной социальной группы и слоев в другую.

П. А. Сорокин, рассматривал маргинализацию в контексте проблем социальной мобильности. В частности, он писал об институтах, способствующих мобильности индивидов (социальных лифтах) и явлениях, ей препятствующих (социальных фильтрах). К числу социальных лифтов он относил образование, брак, церковь. Что касается социальных фильтров, то, рассматривая сложности, возникающие у индивида при движении «наверх», он указывал на закрытый образ жизни элит, который они тщательно сохраняют, создавая структуры, принимая правила и законы, ограничивающие доступ другим в свои ряды. В числе подобных фильтров – ведение семейного бизнеса, обучение в частных специализиро-

[1] Сорокин П. Главные тенденции нашего времени / П. Сорокин. М.: Наука, 1997. 104 с.

[2] Кулешова Н. С. Маргиналы современной России: социокультурный подход // Вестник МГУКИ. 2011. № 1. С. 72.

[3] Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.:Политиздат, 1992. 302 с.

ванных учебных заведениях, искусственное уменьшение доступности соответствующего образования (юридического и экономического) и т.д. Жесткое разделение на «своих» и «чужих» и барьеры, возводимые на пути последних, должны были сохранить в неизменности свой образ жизни, ценности и статус.

Подобное состояние закрытости, полагал Сорокин, характерно не только для элиты: подобным же образом ограничивают к себе доступ и многие другие социальные группы. Можно сказать, что они используют для этого труднопроницаемую социокультурную оболочку, то есть ведут определенный, характерный только для них образ жизни, используют сленг, особую манеру одеваться, этикет и т. п.

В ситуации сложных экономических, политических, духовных трансформаций в современном обществе происходит изменение социальной структуры: индивиды, а иногда и целые группы людей теряют свое прежнее положение и статус в обществе, но из-за наличия различных препятствий не могут занять стабильного положения в новых условиях: например, они не способны вписаться в другой круг общения, не знают как правильно себя вести, о чем говорить и как выглядеть. Такие индивиды, существующие на пограничье различных культур, и не принадлежащие ни к одной из них, маргинализируются. То же качается и групп: они переходят в разряд маргинальных, если по каким-либо определенным причинам не происходит институционализации новых отношений в обществе.

Таким образом, выделяется индивидуальная и групповая маргинальность. При индивидуальной маргинальности индивид отчужден, он не полностью входит в социальную группу, а группа, в свою очередь, его не принимает. Групповая маргинальность формируется как следствие трансформаций социальной структуры, образования в экономической и политической сферах новых групп, которые вытесняют прежние группы, тем самым дестабилизируя их положение в обществе.

Маргинализация является амбивалентным процессом, результатом которого являются как положительные, так и отрицательные явления, характер которых зависит от сложного комплекса социальных факторов К негативным проявлением маргинализации можно отнести дестабилизацию социальной структуры, которая приводит к увеличению социальной фрустрации, к углублению «социального дна». Неотъемлемой частью маргинальности являются отрицательные психологические переживания. Возникающие маргинальные субъекты обладают особыми социальными и психологическими характеристиками, которые определяют их социальное самочувствие. Если маргинальный субъект долгое время пребывает в состоянии неопределенности (маргинализации), то неизбежно изменится и его мировоззрение, которое будет лишено многих нормативных ориентиров. Состояние маргинальности можно назвать депрессивным, поскольку маргинал чувствует себя не нужным, лишним, находиться за пределами общества, остается с собой один на один со своими мыслями и переживаниями. Данное состояние может быть опасным. Увеличение маргинальных масс в обществе ведет и к увеличению социальной напряженности, что в свою очередь негативно влияет на многие социальные процессы.

Позитивными же проявлениями маргинализации являются увеличение творческого потенциала общества, увеличение степени адаптации общества к современным вызовам. Маргинальное состояние может послужить толчком для приспособления к обществу, для восстановления своего положения в нем, либо для изменения самой общественной структуры. В последнем случае для образования новых социальных общностей (религиозных, профессиональных и т. д.) необходимы маргиналы с их незаурядным мышлением. К «позитивному» потенциалу маргинализации относится ее направленность на умение мыслить иначе, не так как все, не придерживаться устоявшихся взглядов, возможность иметь собственное мнение и способность его выражать. Основными положительными качествами маргинала являются: незаурядное и независимое мышление, умение принимать правильное решение, маргинал способен оригинально выйти из любой ситуации, не используя при этом традиционных методов, широкий кругозор, так же является творческой личностью. Кроме того, маргинал способен осуществлять ряд положительных функций, к которым относятся: межкультурный обмен (если он является носителем нескольких культур), способность дать независимую критическую оценку социальным и культурным ценностям, внедрять инновации, трансформировать социальную структуру.

Социальная мобильность функционирует на различных уровнях жизни общества:

- на уровне географического пространства: переселение народов, колонизация, миграция;
- на уровне социального пространства: переход в другое сословие или класс, смена профессии и получение образования;
- на уровне культурного пространства: смена вероисповедания, разрыв со старыми (например, крестьянскими) ценностями;
- на экономическом уровне: образование нуворишей или разорение, обнищание народа;
- на политическом уровне: приобретение и потеря власти.

Соответственно, невозможность передвижения из одного статуса в другой порождает маргинальность. Мигрант уехал из своей страны, но не стал своим в новой стране; человек переходит в более высокое сословие, но не принят обществом; крестьянин в городе отказывается от деревенской культуры, но не понимает особенностей городской культуры; обнищание людей заставляет их отказаться от привычного образа жизни; активная общественность в результате усиления авторитарных тенденций теряет возможность влияния на власть и оказывается в роли маргинальной несистемной оппозиции и т. д.

История России последних столетий демонстрирует множество вариантов маргинализации. В начале XX века важным каналом маргинализации стала массовая миграция из села в город. Одним из таких примеров в нашей стране является период конца 1920-х – 1930-е гг. Стремительный процесс индустриализации того времени требовал увеличения количества специалистов и рабочих. Большие массы сельских жителей хлынули в город занимать рабочие места. Далее их охватил постепенный процесс маргинализации: бывшие жители села стали терять связь с прежним (деревенским) жизненным укладом, с трудом

вливаясь в городскую среду. В итоге они оборвали прежние социальные связи и отказались от духовных ценностей. Большими маргинализированными группами, лишенными корней, было легко манипулировать, что создавало основу для авторитарного режима[1].

Другим каналом маргинализации в России стала система отправления наказаний. Люди, отбывшие свой срок наказания и возвратившиеся на свободу, как правило, пополняли ряды маргиналов. Учитывая репрессивную политику в нашей стране в XX веке и практиковавшиеся массовые аресты, этот канал играл важную роль в изменении общественной структуры.

Существует еще одна маргинальная страта, изучение которой актуально для понимания процессов, происходящих в нашей стране в конце XX – начале XXI в. – страта безработных. Огромное количество людей, особенно молодые специалисты, не могут найти себе работу по специальности и уезжают в большие города в поисках хорошей заработной платы. Потерявший работу индивид тоже рискует стать маргиналом, если он не может вернуться к своей прежней работе или переквалифицироваться и найти другую работу.

В определенной степени к группе маргиналов можно отнести и военнослужащих срочной службы (по призыву), студентов и курсантов, обучающихся в системе среднего и высшего профессионального образования. Пока они не получат необходимых знаний, умений и навыков, они не смогут считаться членами соответствующих профессиональных групп.

Маргинальными могут быть и социальные объекты. Например, некоторые культурные нововведения (музыка, мода и т. д.) могут не признаваться большинством и существовать в виде субкультур.

В результате горизонтальной или восходящей вертикальной мобильности возникает естественная маргинализация. Часто процесс маргинализации связан с реформированием структуры общества и с коренными преобразованиями в нем. В ходе реформирования и революций частично или полностью разрушаются устойчивые общности, все это приводит к массовому понижению социального статуса. Некоторые маргинальные элементы повторяют попытки встраивания в социальную систему, в следствии этого увеличивается массовая мобильность (перевороты и революции, восстания и войны). Так же в результате переворотов и революций могут образоваться новые общественные группы, которые борются с другими группами.

Социальная мобильность рассматривается на государственном уровне. Государству известны социальные перемещения, которые происходят в обществе, а так же причины их возникновения. Это необходимо для контроля данных процессов и для их воздействия, что бы сохранить стабильность в обществе.

Для понимания причин возникновения маргинальности в обществе надо исследовать источник образования социальной стратификации и социальной мобильности.

В результате изменения идеологии и моральных установок возникает состояние культурной неясности, все это приводит к разрушению сбалансированности

[1] Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. 104 с.

социальной стратификации. Далее исчезает центр, который сплачивает и является знаком власти. В ходе культурной неопределенности обезличивается понятие доминирующей культуры, исчезают идеи нормы и отклонения, в следствии термин другой утрачивает смысл. В результате происходит процесс актуализации осознания индивидуальной и групповой идентичности. Происходят переосмысления о месте в социальной иерархии, уровне сплоченности, системе ценностей.

Таким образом, феномен маргинальности обозначает особое положение индивида или группы в социальном пространстве. Субъект находится в пространстве между двух культур, однако он не принадлежит ни к одной из этих культур, вытесняясь тем самым на периферию жизни общества. Маргинальная группа не принимает некоторые ценности и традиции той культуры, в которой возникает, и устанавливает собственные нормы и ценности. На данный момент процесс маргинализации охватил весь мир. Увеличивается число маргиналов, которые сознательно вытесняются на обочину жизни представителями «здорового» большинства. В итоге маргинальный статус в современном мире становится не исключением, а нормой жизни для миллионов жителей планеты.

В.М. Теребихин,
канд. филос. наук, эксперт Общественной палаты
Республики Коми и Центр «Наследие»
им. Питирима Сорокина

Н.М. Теребихин,
д-р филос. наук, профессор
Северного (Арктического) федерального университета

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИИ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ СОЦИОФИЛОСОФИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

В статье представлен ряд основоположений к проектированию концепции социогуманитарного преображения России. Обоснован каузальный комплекс актуальности разработки и осуществления данного концептуального документа. Показано, что в теоретико-методологический комплекс концепции, наряду с другими концептуальными основоположениями, должна быть органически включена интегральная социофилософическая теория, в том числе вся «сумма антропологий», антропологическая теория Питирима Сорокина, включая и его концепцию человека.

Ключевые слова: *социогуманитарное преображение, антропологический кризис, гуманитарная политика (антропополитика), человеко-ориентированное государство, желаемый интегральный социогуманитарный образ России.*

Преображение нас самих неотделимо от преображения нашей культуры,
институтов и общественной жизни.
П.А. Сорокин

Преображение – это мечта, это надежда и это задание…
это та программа, которую Бог дал роду человеческому,
и вся наша жизнь должна быть направлена на то,
чтобы преображать себя и окружающий нас мир,
преображать личные, семейные, общественные отношения…
Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл

Глубоко убеждён в том, что в сердце нашей философии
должно быть развитие человека, развитие моральное,
интеллектуальное и физическое.
В.В. Путин

Актуальность проектирования и реализации концепции социогуманитарного преображения России как составной части стратегии гуманитарного развития страны, формирования человеко-ориентированного государства, имеет «множественную каузацию» (П. Сорокин).

Во-первых, проектирование и практическая реализация концепции детерминируется необходимостью преодоления сложившегося противоречия между кризисностью социогуманитарной (антропологической) ситуации в России и отсутствием в российском законодательном пространстве и системе государственного управления интегральной концепции стратегии гуманитарного развития, доктрины социогуманитарного преображения России.

Системный анализ российских антропопроцессов позволяет сделать вывод о том, что с начала 90-х годов страна устойчиво находится в пространстве «гуманитарной неуспешности», что интегральной, интегративной оценкой современного уровня гуманитарного развития страны, ее социогуманитарной жизнеспособности, является социогуманитарный (гуманитарный, антропологический) кризис.

Антропологический кризис как многоаспектный, поликомпонентный, интегральный антропофеномен – современная антропогенная реальность, форма отражения современной антропоситуации и интегративная оценка антропологического состояния России и интегральная характеристика кризиса человеческого развития, концептуализируется автором, как «системокомплекс», системная целостность синхронизированных по времени возникновения и протекания, относительно самостоятельных, но при этом, когерентных, всесторонне взаимозависимых антропокризисов: «демографического кризиса», кризиса популяционного здоровья, духовного кризиса (как единства когерентных, всесторонне взаимозависимых кризисов: духовно-нравственного и духовно-аксиолого-экзистенциального), «тяжелого психологического кризиса» (А.Л Журавлев, А.В. Юревич), комплекса кризисов идентичности, телеологического кризиса (кризиса цели), аксиологического, «экзистенциального кризиса»

(В.В. Пастухов), «рефлексивной катастрофы» (В.Е. Лепский), кризиса межпоколенческой солидарности, кризиса системы фидуциарных институтов – субъектов, которые призваны генерализировать ценности и создавать условия для процесса устойчивого человеческого развития: институционального кризиса традиционной семьи и семейных отношений (П.А. Сорокин), системы воспитания граждан, морального контроля, кризиса массовой культуры (Святейший Патриарх Кирилл), кризиса современной модели массового образования, здравоохранения, СМИ, и целого ряда других. Это процесс «социогуманитарной рецессии» (Н.И. Лапин), доминирование негативных антропотенденций над позитивными.

Антропокризис имеет системный, многомерный характер, является одной из актуальных угроз гуманитарной, человеческой безопасности России. Несмотря на ряд относительно позитивных антропотенденций в период 2000–2015 годов, кризисные тренды антропологических процессов в 2016 году и на прогнозируемую перспективу сохранят основные негативные интегративные характеристики. Развернутое определение, основные тенденции и характеристика антропокризиса представлена в ряде публикаций одного из авторов доклада[1].

Во-вторых, актуальность проектирования и практической реализации концепции социогуманитарного преображения России обусловлена объективной необходимостью практического достижения высшей стратегической цели государственного управления – «создание условий для свободного развития человека» (в соответствии со ст.7 Конституции РФ).

В Указе Президента РФ «Об основах государственной культурной политики», зафиксировано, что главной целью государственной культурной политики России является «формирование гармонично развитой личности»[2].

Поскольку эти взаимосвязанные и взаимообусловленные стратегические цели являются системными, комплексными, многосложными, поэтому необходимо проектирование, принятие и практическая реализация интегральной концепции и стратегии социогуманитарного преображения, включающей все основные направления и государственные гуманитарные субполитики, (в том числе, и государственную культурную политику), обеспечивающие создание условий для свободного человеческого развития как одного из важнейших условий формирования гармонично развитой личности.

В-третьих, стимулирующим фактором социопроектирования и реализации концепции социогуманитарного преображения России является необходимость принципиальной реконструкции существующей в России «экономикоцентристской» модели государственной политики и формирование гуманистической, социогуманитарной, «человекоцентрированной» парадигмы и человекоориентированной модели политико-административного управления, обеспечивающей пе-

[1] Теребихин В.М. Концепция «качество качеств населения» в контексте проектирования концептосферы социоинновационной «человеческой» модернизации России: контуры исследовательского поля. URL: http://www.gosbook.ru/node/53464

[2] Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. URL: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf

реход от «человекопотребляющего» типа развития к «человековоспроизводству», формированию, развитию и повышению качества человеческого потенциала, становлению «человекоцентричной модели» человеко-ориентированного государства.

В данном контексте мы в полной мере согласны с авторами монографии «Антропологическое измерение российского государства» о том, что «важно перевернуть пирамиду детерминации, перейти от общества экономической детерминации, порождающей отчужденные формы отношений между людьми, беспомощность человека перед безличными социальными структурами, информационным манипулированием, к «постэкономической детерминации, когда целью общественного развития станет развитие самого человека»[1]

Архитектоника, институциональный дизайн концепции имеют сложную полиструктуру, каждый элемент которой, является системным и входит в состав «системокомплекса», включающего: каузальный, теоретико-методологический, аксиологический, телеологический комплексы, а также, принципы, основные направления, институты, механизмы и процедуры реализации концепции, включающих комплекс высоких социогуманитарных «человекоориентированных» технологий и критериально – индикативный комплекс (система квалиметрии и квантификации оценки эффективности реализации концепции и, в целом, гуманитарной успешности страны, социогуманитарного преображения России.

Главным, исходным тезисом и парадигмальной установкой осуществления социогуманитарного преображения России является Человек, его гармоничное развитие. Человек – альфа и омега социогуманитарного преображения, центр и фокус развития современного регионального социума.

Субстанциальное, методологическое основание концепции – понимание сущности человека как сверхсложной, многоуровневой, многомерной архитектонически функционирующей космо-био-психо-социо-культурно-экзистенциальной антропосистемы, высшей ценности и самоцели общественного развития, главного достояния государства и его ключевой движущей силой.

В теоретико-методологический комплекс концепции, наряду с другими концептуальными основоположениями должна быть органически включена – интегральная социофилософическая теория, в том числе вся «сумма антропологий», антропологическая теория Питирима Сорокина, включая концепцию человека, как многомерного и, в тоже время, «удивительно интегрального существа», «совпадения противоположностей», человека, обладающего «сложной многомерной социокультурной природой, включающей одновременно рациональное и чувственное, сверхрациональное и сверхчувственные начала, и в тоже время, неустойчивость, агрессивность депрессивность, противоречивость»… и т. д.[2]

---

[1] Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. С. 56.

[2] Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Антропология Питирима Сорокина: парадоксы интегрализма: монография. – СПб.: Астерион, 2015. 169 с.; Теребихин В.М. Человек в интегральной homo-социологии Питирима Сорокина // Наследие. 2014. №.2(5). С. 87-98; Теребихин В.М. Концепция сущности человека в философической социологии Питирима Сорокина // Питирим

В общем комплексе научной и научно-практической деятельности по проектированию «Концепции социогуманитарного преображения России», как мы полагаем, необходимо:

- разработать систему концептообразующих, основополагающих понятий проектируемого документа, в том числе: «преображение», «социогуманитарное преображение», «человеко-ориентированное государство», «гуманитарная успешность России», «желаемый, интегральный социогуманитарный образ России», государственная гуманитарная политика («антропополитика») и другие «категориальные» теоретические понятия концепции;
- определить стратегические цели;
- сформулировать «желаемый, интегральный социогуманитарный образ России», ее «социогуманитарную футуромодель» как «итоговое видение» успешности процессов реализации концепции и стратегии социогуманитарного преображения и др.

Для экспертного обсуждения предлагаются следующие варианты номинирования некоторых перечисленных выше понятий:

Во-первых, авторы рассматривают концепт «преображение» как «глубоко укорененное в архетипах традиционной российской ментальности и русской (российской) духовной культуре»[1] понятие в следующих смыслах:

- как комплекс всесторонне взаимозависимых, многомерных качественных, позитивных пре(про)образований всех сфер общественной жизни с целью обеспечения устойчивого процветания России и реализации ее цивилизационной миссии;
- как процесс возрождения российской цивилизационной идентичности, реализации идентификационной сущности России, заложенных в ней многомерных потенциалов жизнеспособности;
- как духовно-аксиологическую, интегративно-интегральную форму российского прогресса, развития России, условие ее процветания;
- как «духовную основу стратегии России», «идею и принцип духовного смысла изменений к лучшему в России»[2]
- как сложнокомпонентную, многомерную, «идеалоемкую» категорию, обладающую системными свойствами эмерджентности, «синергийного модернизма» (В.Э. Багдасарян);
- как междисциплинарную, многомерную, полисемантическую, полифункциональную и одновременно интегральную категорию синтезирующую всю гамму многообразных, когерентных форм, процессов и векторов преображающего развития: пре (про)образование, возрождение, гармонизация, инновация, модернизация, трансформация, и др.

Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21-22 августа 2014: сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. С. 395-409.

[1] Теребихин Н.М. Метафизика Севера. – Архангельск: Поморский университет, 2004. С. 29-30.

[2] О стратегии Преображения России: идеалы и шансы. ИЭНС. – М., 2011. С. 25.

• как качественно изменяющий страну и обеспечивающий ее устойчивое процветание, процесс солидарной деятельности институтов государственной власти и местного самоуправления, гражданского общества и граждан по преображению «сущностных атрибутов», «образующих начал страны» (С.С. Сулакшин): территории (повышение территориальной витальности), народонаселения (антропологическое, гуманитарное, духовно-нравственное преображение), государственного управления (повышение качества власти, ее качеств и способностей, нравственности, компетентности власти, качества и эффективности властвования»;

• как категорию, обозначающую прогрессивный, направленный, необратимый процесс позитивных качественных изменений в человеческом развитии, процесс свободного, всестороннего и гармонического развития человека. Это понимание развития человека как процесса реализации его сущности, заложенных в нем многомерных потенциалов, расширения поля человеческой идентичности;

• это сложный комплекс когерентных, взаимообусловленных, всесторонне взаимозависимых, многомерных позитивных процессов человеческого развития включающих: народосбережение, системное расширяющееся, опережающее воспроизводство и развитие человеческого потенциала: психофизиологического, демосоциального, трудового, общественно-политического, духовного, морально-нравственного и др.), эффективное, сберегающее использование человеческого капитала, сбалансированное, устойчивое человеческое развитие, процесс актуализации заложенного в человеке потенциала, развития пассионарности.

Понятие «Социогуманитарное преображение России» концептуализируется и эксплицируется автором следующим образом:

• это «системокомплекс» когерентных, взаимообусловленных, всесторонне взаимозависимых процессов развития «целеориентированных» на создание условий для опережающего, динамически устойчивого, сбалансированного человеческого развития России;

• это гуманистическое, человеко-ориентированное, социокультурное, духовно-нравственное развитие страны;

• это «гуманистически ориентированная модернизация» (С.А. Кравченко), нацеленная на раскрытие многогранных духовных и интеллектуальных потенций Человека в сложном современном социуме;

• это такое развитие и креативное управление региональным развитием, при котором обеспечивается существенный и опережающий рост «гуманитарных инвестиций» превосходящих по уровню, и опережающих по темпам инвестиции в материальные производственные фонды, рост абсолютных размеров нематериального (или невещного) накопления в человекоориентированные инвестиционные сферы обеспечивающих создание необходимых инфраструктурных, «средовых» условий для гармоничного развития человека, повышения качества человеческого потенциала региона, формирования «инновационного человека», процесс модернизации всех сфер (подсистем) социальной и духовной

жизни страны, процесс формирования новой российской идентичности, целостности социогуманитарного пространства, «создания новой культурной среды функционирования социума» (О.Н. Астафьева), преображения российского социокультурного ландшафта; это такое развитие страны, которое расширяет возможности населения получить хорошее образование, прожить долгую и здоровую жизнь, иметь интересную и достойную работу, способную обеспечить духовное и материальное благополучие.

Социогуманитарное преображение России с точки зрения государственного управления понимается нами как осуществляемый органами государственной власти и местного управления, при конструктивном, солидарном участии политически активного населения и институтов гражданского общества, синхронный и интерактивный, общественно согласованный процесс научно-обоснованных инновационных, креативных институциональных, структурно-функциональных преобразований (изменений) в системе управления социогуманитарным развитием страны, процесс формирования человеко-ориентированной модели государственного управления и местного самоуправления, процесс модернизации социальных и гуманитарных (человеко-ориентированных) государственных политик, внедрение технологий ценностно-ориентированного, креативного управления, инкорпорирование высоких инновационных гуманитарных технологий (креативных социогуманитарных, социокультурных инноваций) в практику государственного управления и местного самоуправления.

Стратегические цели осуществления концепции социогуманитарного преображения страны:

- обеспечение расширенного воспроизводства условий (социальных, экономических, политических, правовых, гуманитарных и др.) для свободного развития человека, как высшей, приоритетной цели государственного управления, диалектического перехода от самодостаточной цели повышения качества жизни к системе повышения «качества качеств» человеческого потенциала, реализации заложенных в человеке многомерных способностей и потенций, «формирования гармонично развитой личности», «креативного», «инновационного человека» (Э. Хаген), человека, способного адаптироваться к постоянным изменениям, быть активным инициатором и производителем этих изменений, человека здорового (в плане телесного, душевного, духовного), человека пассионарного (обладающего волей к лучшей жизни), человека культурного, человека обладающего гражданской ответственностью, человека общественно активного, человека толерантного, предприимчивого, человека рефлексивного, умеющего конструировать свою жизнь, карьеру, собственную идентичность, человека, человека нравственного, человека компетентного, создание условий для формирования у граждан компетенций инновационной деятельности;
- реконструкция доминирующей в настоящее время в стране «экономико-центристской» модели государственной политики и формирование гуманистической, социогуманитарной, «человекоцентрированной» парадигмы государственной политики и человекоориентированной модели политико-административного управления, обеспечивающей переход от «человекопотребляющего» типа разви-

тия к «человековоспроизводству», повышению гуманитарной успешности страны, формирование человекоориентированного государства.

«Первоцелями» практической реализации концепции или ее «минимакс – стратегией» являются: демпфирование кризисности антропологической ситуации, смягчение остроты социально-антропологической напряженности в стране.

Индикативными целями концепции социогуманитарного преображения России могут быть цели приближения основных качественных индикаторов человеческого развития к границе уровня «human development» государств, достигших лучших показателей по основным параметрам развития человека: здоровья, образования, уровня социального самочувствия ,культуры, нравственности, демографическим показателям (рождаемости, смертности, состояния семейно-брачных отношений и др.)

Для определения хронотелеологических параметров, темпоральной перспективы реализации концепции антропологического преображения целесообразно исходить из «вывода-оценки» П.А. Сорокина, что «преображение человеческих существ…не может совершиться в полной мере автоматически, за короткий отрезок времени. В истории человечества ничто и никогда не совершалось автоматически. Каждая осознанная ценность требует напряженных усилий со стороны своих создателей»[1].

Для проектирования темпоральных целей достижения некоторых позитивных результатов реализации концепции, можно воспользоваться временными рамками, предложенными в Указе Президента РФ «Основы государственной культурной политики». В данном документе предполагается, что «достижение целей и задач государственной культурной политики потребует не менее 15–20 лет, в течение которых сформируется новое поколение»[2].

Основными интегрированными, взаимозависимыми и взаимообусловленными направлениями стратегии социогуманитарного преображения, гуманитарного развития, обеспечивающими реализацию ее целей, по нашему мнению, являются:

- духовное и нравственное, социокультурное преображение России;
- демографическое и социальное преображение России;
- преображение общественных отношений в России;

«Желаемый интегральный социогуманитарный образ России» может быть номинирован и репрезентирован следующим образом:

- «Россия есть человекоориентированное, нравственное, демократическое, правовое государство, в котором целевым вектором интегративного стратегического развития является человеческое счастье;
- Россия – это страна, в которой органами государственной власти и местного самоуправления осуществляется системная работа по созданию условий для развития человека;

[1] Сорокин П.А.. Американская сексуальная революция. – М.: Проспект, 2006. С.125.

[2] Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. URL: http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf

- Россия – это страна, в которой реализуются принципы социальной справедливости, социогуманизма, преемственности поколений, солидарности, социальной сплоченности, обеспечивается сохранение культурного разнообразия и поддержка межкультурного диалога, гражданский мир, межнациональное и межконфессиональное согласие, реализация конституционных прав и свобод граждан, их активное участие в государственном управлении и местном самоуправлении.

Комплекс научно обоснованных идей к формированию образа будущей России (в том числе и социогуманитарного), предложен генеральным директором Центра научной политической мысли и идеологии С.С. Сулакшиным.[1]

Учитывая, что одной из стратегических целей осуществления концепции социогуманитарного преображения России и стратегии гуманитарного развития является формирование человеко-ориентированного государства, важнейшим теоретическим компонентом концепции, рассматриваемой в данном докладе, является понятие «человеко-ориентированное государство».

Поскольку в российском социогуманитарном научном дискурсе нет единой точки зрения по номинации данной категории, а имеющиеся, не удовлетворяют целям концепции, представим авторский, первоначальный, развернутый вариант этого понятия, как «желаемый, модельный, идеальный образ человеко-ориентированного государства.

В политико-философском контексте категория «человеко-ориентированное государство» концептуализируется автором как «высшее проявление, степень развития и форма государства, государственная политика которого направлена на создание условий для свободного развития человека, формирования гармонично развитой личности, развития и повышения качества человеческого потенциала страны, реализации заложенных в человеке потенций, достижения человеком избранных им смысложизненных стратегий.

В политико-правовом аспекте понятие «человекоориентированное государство» трактуется нами как «государство, в котором основополагающим конституционным принципом является «человекоцентризм» (антропоцентризм) – признание человека, его прав и свобод высшей ценностью. Это государство, в котором каждый человек «равноценен и равнодостоин». Это государство, в котором, в соответствии с высшим конституционным принципом человекоцентризма, государство осуществляет комплекс мер, направленных на создание условий для свободного развития человека, формирования гармонично развитой личности, качества жизни и несет конституционную ответственность перед гражданами.

Это государство, в котором функционирует «институт общественной оценки (порицания, предупреждения) деятельности государственных органов» (С.С. Сулакшин), а «общество по результатам публичной оценки деятельности государственных органов, их должностных лиц может вынести им обществен-

[1] Сулакшин.С.С. Образ будущей России. URL: http: //rusrand.ru/docconf/obraz-buduschej-rossii

ное порицание и, наряду с иными государственными органами, их должностными лицами инициировать применение к ним мер ответственности»[1].

«Главная цель социогуманитарного государства и общества (человекоориентированного государства – В.Т.) – гармоничное развитие человека, рост его позитивных качеств. Гармоничное развитие человека предполагает сопряженный рост составляющих человеческого капитала – витального, интеллектуального и духовного. Они характеризуют качество человека как биологического, социального и духовного субъекта соответственно. Экономика в социогуманитарном государстве – не цель, а средство гармоничного развития человека»[2].

Это государство, в котором «финансовые вложения» в развитие человека, повышение «качества качеств человека» (всех групп населения страны) превосходят по уровню и опережают по темпам инвестиции в материальные производственные фонды. Человекоориентированное государство – это государство, в основании которого заложена человекоориентированная парадигма государственного управления, обеспечивающая единство реализации целей, задач, функций демократического, правового, «активного» социального государства» (В.И. Спиридонова), гуманистического, светского и нравственного государства. При этом нравственное государство трактуется как «государство, доминантно целеполагающее в своей деятельности достижение в общественных отношениях преобладания нравственных ценностей-мотиваторов»[3]

В государственно-управленческом «преломлении», понятие «человекоориентированное государство» рассматривается нами как государство, в котором сформирована человекоориентированная модель государственного управления, а государственная власть («верховная», исполнительная, законодательная, судебная, правоохранительная), высший политический класс, система государственной службы и управления страны), обладая ресурсами и качествами власти нравственной, высоким уровнем морально-политической легитимности, морально-компетентностного авторитета, политической этики и нравственности (превосходящей общий уровень и стандарты духовно-нравственного развития современного российского социума), осуществляет системное, компетентное, ответственное, эффективное человекоориентированное, «нравственное государственное управление» научно-обоснованной, «умной», нравственной, гуманистичной, транспарентной государственной гуманитарной (антропологической) мегаполитикой, обеспечивающей «возрождение духовного, культурного кода нации» (Патриарх Кирилл), мобилизацию духовной «иммунной системы страны» (С.С. Сулакшин), «подъем духовных энергий», «национального сознания» (А.И. Агеев), «духовно-нравственную консолидацию общества»

---

[1] Нравственное государство. От теории к проекту / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, М.В. Вилисов, М.С. Нетесова, Е.Г. Пономарева, Е.С. Сазонова, В.И. Спиридонова / под общ. ред. С.С. Сулакшина. – М.: Наука и политика, 2015. С. 67.

[2] Бушуев В.В., Голубев В.С., Коробейников А.А., Скляренко Б.В., Тарко А.М. Будущее России: Социогуманитарный проект. – М.: ЛЕНАНД, 2011. 72 с.

[3] Нравственное государство. От теории к проекту / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М.: Наука и политика, 2015. С. 45.

(Л.А. Гореликов), духовно-нравственное преображение, расширенное воспроизводство условий для свободного духовно-нравственного развития граждан.

Человекоориентированное государство – государство нравственное. «Государство и общество в России обеспечивают нравственное содержание всех общественных отношений, их направленность на воплощение высших ценностей России, а также, социальность целеполагания и деятельности всех государственных органов и их должностных лиц, организаций. Государственные институты, государственное строительство, целеполагание и деятельность государственных органов и их должностных лиц основываются на важности и ценности каждого человека вне зависимости от возрастной, религиозной, национальной, языковой и профессиональной принадлежности, социального статуса, индивидуальных особенностей, а также признаков пола и места проживания»[1].

В человекоориентированном, нравственном государстве эффективно функционирует вся совокупность обладающих высокой моральной легитимностью фидуциарных институтов (институтов, занимающихся генерализацией ценностей и смыслостроительством): семья, образование, воспитание, СМИ, культура, традиционные религиозные конфессии (при ведущей, смыслообразующей роли РПЦ) и других гуманитарных конституентов, что позволяет им обеспечивать создание условий для духовно-нравственного развития и воспитания граждан.

Человекоориентированное государство осуществляет государственную антропологическую политику гуманитарного развития страны, «формирование идейно-духовного ресурса в качестве государственного управления» (В.И. Якунин, В.Э.Багдасарян, С.С.Сулакшин) на основе системы научно обоснованных концепций, доктрин политик, имеющих общественно-государственную модель их осуществления.

Человекоориентированное государство – это сильное, гуманистическое, социогуманитарное государство. Доминантной аксиолого-духовной основой государственной политики государства является социальный гуманизм, социальная справедливость, социальная солидарность, социальная сплоченность, свобода, достоинство, Отчизна и комплекс «ценностей – мотиваторов: труд, стремление к совершенству, коллективизм, душа, креативность, сопереживание, любовь (семья, дети), терпимость, альтруизм, нематериальные ценности» (С.С. Сулакшин).

Человекоориентированное государство занимает лидирующие позиции в мировом рейтинге государств по всем индикаторам, характеризующих качество развития человеческого потенциала и качество жизни, в том числе, по абсолютным размерам нематериального (или невещного) накопления, то есть вложений в развитие человеческого потенциала страны, затрат в человекоориентированные инвестиционные сферы – образование, науку и здравоохранение, культуру, систему воспитания.

[1] Там же, с. 49

Категория «человекоориентированное государство» имеет множество совпадений с основными характеристиками «социогуманитарного государства», идеи формирования которого разработаны группой ученых[1].

Как мы уже отмечали, «человекоориентированное государство» – есть государство нравственное. Теоретический концепт и модель нравственного государства как грядущего этапа эволюции этого института, а также, проект строительства нравственного государства осуществлен коллективом Центра научной и политической мысли и идеологии (руководитель С.С. Сулакшин)[2].

Реализацию целей концепции социогуманитарного преображения обеспечивает государственная гуманитарная мегаполитика (антропополитика), включающая комплекс (более 30) государственных «человекоориентированных», гуманитарных политик, имеющих научно обоснованные, нормативно оформленные, концепции или доктрины, программно-целевой комплекс, бюджетное финансирование, государственно-общественную модель управления и единую систему государственного управления, в том числе и координации всех многосубъектных институтов участвующих в осуществлении гуманитарной политики (антропополитики), а также систему средств – современных “высоких социогуманитарных, «человекоориентированных» технологий на основе интеграции гуманитарных и естественно-научных областей знаний (в том числе и гуманитарных технологий рефлексивного управления), и критериально-индикативную систему оценки эффективности целедостижения. Ее нормативная модель представлена одним из авторов доклада в ряде научных публикаций[3].

Е.А. Толчинская,
музыковед, психолог

МУЗЫКАЛЬНАЯ КОРРЕКЦИЯ СОСТОЯНИЯ ЛЮДЕЙ

Статья раскрывает проблему коррекционного влияния восприятия музыки на психофизиологическое состояние людей. Рассматривается влияние музыки на состояние пожилых людей, родственников алкоголиков (созависимых), молодых инвалидов, беременных женщин. Суть целебного воздействия музыки заключается в том, что звуки, преобразованные в электрические импульсы

[1] Бушуев В.В., Голубев В.С., Коробейников А.А., Скляренко Б.В., Тарко А.М. Будущее России: Социогуманитарный проект. – М.: ЛЕНАНД, 2011. 72 с.

[2] Нравственное государство. От теории к проекту / под общ. ред. С.С. Сулакшина. – М.: Наука и политика, 2015. 424 с. URL: http://rusrand.ru/library/monographs/nravstvennoe-gosudarstvo-ot-teorii-k-proektu

[3] Теребихин В.М. Антропополитика – гуманитарная мегаполитика развития человеческого потенциала как цели и условия системной модернизации России: идеи к проектированию концепции // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.8. РАН ИНИОН. Отд. научного сотрудничества и международных связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. Ч. 1. С. 145–151.

посредством слухового восприятия, передаются в кору головного мозга и являются источником его энергии и организма в целом.

Эффективность музыкальной коррекции зависит от соответствия музыки психофизиологическому состоянию человека. В результате музыкальной коррекции состояния людей улучшается настроение, самочувствие, активизируется работа психических функций.

Ключевые слова: *музыкальная терапия, психологическая коррекция средствами музыки, беременность, созависимость, задержка психического развития, психические функции.*

Музыкальная терапия как дополнительный метод коррекции психофизиологического состояния людей среди медикаментозных и психологических методов известен с древних времен. Привлекают внимание высказывания о благотворности влияния музыки на психическое состояние человека древнегреческих врачей: Гиппократа, Галена (врачам той эпохи вменялось в обязанность владеть игрой на каком-либо музыкальном инструменте), а также мыслителей: Сократа, Платона, Аристотеля, Пифагора («Музыка создает такой порядок и гармонию в душе человека, какой царит в космосе» – Пифагор).

Научные исследования по данной проблеме относятся к концу XIX века. В нашей стране в 1-й половине прошлого века значимыми работами в области музыкальной терапии следует назвать исследования В.М. Бехтерева, Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского. Однако в России музыкальная терапия пребывает в тени других видов психологической помощи. В последние 20 лет появляются отечественные исследования в данной области: В.И. Петрушин,1997; С.В. Шушарджан, 1998; М.Л. Лазарев, 2007; В.М. Элькин, 2000; И.А. Евдокимова, 2007; А.Г. Юсфин, 2003; А.С. Клюев, 2012.

Опыт автора касается исследования влияния музыки на состояние пожилых людей, молодых инвалидов, родственников зависимых от алкоголя (созависимых), женщин в период беременности.

Психологическая коррекция средствами музыки состояния пожилых людей и инвалидов осуществляется в течение 7 лет. Возраст пожилых посетителей составляет группу людей старше 50 лет. Их заболевания касаются в основном опорно-двигательного аппарата (остеоартрозы, остеохондрозы), сердечно-сосудистой системы (атеросклероз).

Психологические особенности созависимых участников группы музыкальной коррекции: страхи, тревожность, у некоторых в прошлом – алкогольная зависимость, нарушение сна, эмоциональные проблемы, нарушение взаимоотношений в семье, психосоматические заболевания, невротические реакции. Музыкально-коррекционная работа с пожилыми и созависимыми имеет психолого-педагогическую направленность.

Форма занятий:

- краткая диагностика состояния (частота сердечных сокращений – ЧСС, частота дыхания – ЧД, задержка дыхания на выдохе, т.е. контрольная пауза –

КП, цветовой тест М. Люшера для определения уровня тревожности и энергии);

- беседа на психологическую тему с просветительской целью;
- релаксация;
- прослушивание духовной музыки;
- прослушивание фортепианной музыки;
- пение: романсы, психотерапевтические песни В.И. Петрушина[1];
- совместное музицирование участников группы (детские музыкальные инструменты: металлофоны, ксилофоны, бубны, ложки, маракасы) в сопровождении фортепиано;
- просмотр видеофильма (виды природы на фоне звучания классической музыки);
- диагностика состояния после занятия по указанным выше параметрам.

В ходе занятия присутствующие заполняют анкету – самоотчет, куда заносят данные об изменении своего состояния и особенностях музыкального восприятия.

Музыкальный репертуар: лирическая, мелодичная, не громкая (mf,p.) музыка. Её образно-эмоциональное содержание – мечтательность, созерцательность, нежность (т.е. музыка, выражающая сочувствие и отстраняющая от тягостных переживаний, переключающая на красоту звуков и благородство образов).

Цель музыкально-коррекционных занятий с пожилыми людьми и созависимыми: снижение тревоги, улучшение настроения, научение адекватному музыкальному восприятию (т.е. переживание вследствие звучания музыки не своих проблем, а сочувствие авторскому образу; умение находить созвучие своему состоянию).

В процессе музыкально-коррекционных занятий с пожилыми людьми и созависимыми выявлены следующие результаты:

- Нормализация частоты сердечных сокращений на фоне наступления релаксации.
- Повышение энергии (показатель КП) на фоне наступления релаксации.
- Улучшение эмоционального состояния: повышение настроения; ощущение отдыха, умиротворения, покоя, радости. При этом нормализовалось артериальное давление, проходила головная боль.
- В редких случаях наблюдалось ухудшение эмоционального состояния: появлялось раздражение, головная боль. Можно предположить, что невротическая реакция в процессе музыкального восприятия была вызвана обострением хронических заболеваний этих посетителей, а также эмоциональным напряжением вследствие психотравмирующих факторов.
- Подавляющее большинство посетителей любят музыкально-коррекционные занятия, обращаясь вновь и вновь к этому виду психологической помощи.

Приведем цитату из анкеты-самоотчета посетительницы занятий В. (созависимость): «Я увидела в себе внутреннего потерянного ребенка. С этой

[1] Петрушин В.И. Музыкальная психотерапия. – М.: Владос, 1997.

музыкой на меня изливалась Божественная любовь, и «мой потерянный ребенок» оживает. (Реакция на звучание песни индийского гостя из оперы «Садко» Р.-Корсакова; мелодии для флейты из оперы «Орфей» К. Глюка; вальса цветов из балета «Щелкунчик» П. Чайковского).

Музыкальная коррекция состояния молодых инвалидов, посещающих реабилитационный центр, осуществляется в течение одного года. Возраст 18–40 лет. Количество человек в группе от 4-х до 10-ти. У всех посещающих группу имеется задержка психического развития вследствие различных причин: родовая травма; гидроцефалия; у одного человека – аутизм; травма головы в периоде новорождённости; эпилепсия; у одной участницы группы – синдром Дауна. Их образование – вспомогательная школа. В отношениях друг с другом проявляют разные чувства: симпатия, доброжелательность, ревность, обида, агрессия.

Цель занятий: улучшение настроения; формирование интереса к музыке; развитие психических функций: музыкальное восприятие, концентрация внимания на музыкальных впечатлениях; музыкальная память. Занятия проходят один раз в неделю, время занятия – 1 час.

Содержание занятий:

- Просмотр видеофильма «Природа и музыка» с обсуждением соответствия музыкального образа средствам музыкальной выразительности (темп в музыке, тембр музыкальных инструментов, ладовые различия: мажор, минор; динамические оттенки).
- Прослушивание 2–3-х коротких произведений и одновременное с прослушиванием раскрашивание картинок, образ которых соответствует музыкальному образу пьесы. В перерывах между звучаниями происходит обсуждение соответствия характера музыки и выбираемого цвета для раскраски (рисуют цветными карандашами). Это занятие способствует развитию адекватного музыкального восприятия: слушатели учатся подбирать цвет для раскрашивания, соответствующий не только своему состоянию в данный момент, но и настроению музыки. Таким образом, музыка помогает выразительному раскрашиванию, а раскраска помогает воспринимать музыку образно. Ставится задача запомнить музыку, имя её автора.
- Заучивание песен и исполнение их совместно (ансамблем) и соло.
- Движение под музыку (используется танцевальная, маршевая музыка).
- Музыкальные загадки: прослушивание музыкальных фрагментов с угадыванием жанра (танец, песня), темпа (быстро, умеренно, медленно), настроения (грустно, светло, радостно).
- Музицирование: игра на музыкальных инструментах (указаны выше) в сопровождении фортепиано небольших пьес.

Пение, танец и музицирование являются активной формой музыкального восприятия, сменяя его пассивную форму в виде прослушивания музыки, что переключает внимание, предотвращая утомляемость участников группы.

В качестве результатов музыкально-коррекционной работы с этим контингентом следует отметить следующее:

- В конце занятия у присутствующих можно было наблюдать состояние покоя, умиротворения, смягчение обид (держатся за руки, улыбаются друг другу).
- Среди разнообразного репертуара, услышанного на занятиях, запомнились и полюбились некоторые произведения (например: «Турецкое рондо» Моцарта, «К Элизе» Бетховена, «Итальянская полька» Рахманинова; разученные на занятиях песни).
- Появился интерес к раскрашиванию под музыку; любимые образы раскрасок: цветы, птицы, животные, сказочные герои, образы природы. На занятия ходят с удовольствием.
- Известно, что выбор цветов для раскрашивания и их сочетание являются средством диагностики психофизиологического состояния рисующих (автор имеет в виду цветодиагностику М. Люшера). В начале курса музыкальной коррекции состояния молодых людей у некоторых из них цветовыбор не соответствовал музыкальному образу (например, светлая, мечтательная по содержанию музыка, соответствующая образу картинки для раскрашивания, побуждала к выбору тёмных цветов; а их сочетание могло носить несколько агрессивный характер; раскрашивание неаккуратное). Это свидетельствует о том, что такой цветовыбор отражает напряжённость состояния человека, а не его понимание музыки и живописного образа. В конце курса занятий у указанных участников в их рисунках гораздо чаще наблюдалось соответствие цвета характеру музыки и образу рисунка. По качеству работы раскрашивание стало более аккуратным, нажим на карандаш – более мягким.

На основе приведённых наблюдений можно сделать следующий выбор: музыкально-коррекционные занятия с молодыми людьми, обладающими указанными психологическими особенностями развития, улучшают психологический комфорт в их состоянии; развивают музыкальный кругозор и психические функции (музыкальное восприятие, концентрация внимания, музыкальная память, воображение). Это обогащает положительными и полезными впечатлениями их ограниченную возможностями жизнь, способствует развитию доброжелательности в их отношениях друг с другом.

В настоящее время особую значимость музыкальная терапия (МТ) обретает при беременности, что вызвано рядом обстоятельств: ухудшение здоровья людей в России; множество осложняющих течение беременности и родов негативных социальных факторов; значительная часть женщин испытывает трудности адаптации к беременности, а также ограниченность в период вынашивания медикаментозных возможностей коррекции состояния. Использование музыки в терапевтических методах помощи беременным является мягким, эффективным и безопасным способом помощи, позитивно влияющим также и на психофизиологическое развитие детей до и после их рождения.

Сеансы музыкальной коррекции состояния беременных женщин проводятся в течение пятнадцати лет. Цель занятий: улучшение самочувствия и эмоционального состояния будущих матерей в процессе психологической

подготовки к родам; изучение их музыкальных предпочтений в зависимости от состояния и личностных свойств. Из числа обследованных женщин составлена экспериментальная группа. Изучение самочувствия беременных в динамике происходило в сравнении с контрольной группой. Контрольную группу составили женщины, посещавшие дневной стационар женской консультации, где им оказывалась медикаментозная помощь. Беременные экспериментальной группы также получали медикаментозную помощь. Практическая цель в обеих группах – подготовка к успешным родам.

Занятия с беременными женщинами проводились 1-2 раза в неделю. Продолжительность занятия – 1 ч. 30 мин. Занятия групповые (от 2-х до 10-ти человек). Содержание занятий: в начале и конце занятия – краткая диагностика состояния женщин (ЧСС-частота сердечных сокращений, ЧД-частота дыхания, КП-проба с задержкой дыхания на выдохе, цветовой тест М. Люшера); беседа (на одну из тем перинатальной психологии); затем прослушивание 4-5 произведений-миниатюр в „живом" фортепианном исполнении (репертуар – шедевры классического искусства, народные песни и романсы без участия голоса и текста).

Вторая часть занятия посвящена упражнению, развивающему навык релаксации, которая происходит на фоне звучания медитативной музыки в магнитофонной записи и произнесения коррекционного настроя.

Далее следует более активная часть занятия: беременные женщины разучивали и пели колыбельные песни, а также песни по уходу за детьми. В этой работе использовались элементы методики «Сонатал» и песни М.Л. Лазарева[1]. Таким образом, основное место в музыкально-коррекционных занятиях занимает музыка в ее пассивной и активной формах восприятия.

Сравнение динамики самочувствия будущих мам в экспериментальной и контрольной группах показывает преимущество экспериментальной группы в положительной динамике большинства показателей.

Были исследованы различия в характере протекания родов женщин экспериментальной и контрольной групп. Сравнение этих различий показывает благотворность влияния психологической подготовки к родам с использованием средств музыки: при большем количестве случаев вынашивания в условиях психотравм в экспериментальной группе, необходимость применения операции кесарева сечения и медицинских вмешательств была намного ниже, чем у женщин контрольной группы.

Результаты исследования привели к выводу: музыкальная коррекция состояния беременных женщин может применяться в качестве дополнительного и эффективного средства психологической помощи при подготовке к родам.

[1] Лазарев М.Л. Интоника. – М.: Издательское объединение «Композитор», 1994.

И.Н. Швецова,
канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой финансового менеджмента
института экономики и финансов
СГУ им. Питирима Сорокина

ПИТИРИМ СОРОКИН И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В статье представлены ключевые показатели социально-экономического развития территории, показаны возможные сценарии социально-экономического развития в начале XXI века – продолжения XX века, определенного Питиримом Сорокиным как период тотального кризиса, периода смены социально-культурных систем.

***Ключевые слова**: экономическое развитие, качество жизни, сценарии развития.*

В современных кризисных для российской экономики условиях и сложной геополитической обстановки актуальным является поиск новых ориентиров экономического развития и выявления фундаментальных факторов такого развития.

Важным является использование современных методов анализа и способов выявления проблем социально-экономического развития стран, регионов, муниципальных образований, прогнозирования ключевых тенденций и остроты проблем в будущем. Это создает ценность полученных результатов для органов государственного и муниципального управления, решающих задачу оптимального распределения и использования ограниченных средств бюджета и финансовых ресурсов территорий.

Комплексная оценка социально-экономического развития страны, региона, муниципального образования – это один из наиболее доступных способов, лежащих в основе актуальных изменений состояния территории, ее пространственного развития, обеспечения качества жизни и сосредоточения внимания на эффективность бюджетных расходов.

Введение устойчивой системы оценки результатов социально-экономического развития территории и прогнозирования создает возможность обеспечить преемственность социально-экономической политики на территории, сделать оценку и прогнозирование универсальной, неотъемлемой процедурой для государственного и муниципального управления.

Для начала должен быть рассмотрен вопрос понимания собственно социально-экономического развития территории.

Л.Г. Аргунова и др. рассматривает социально-экономическое развитие как цель стратегического управления[1]. Автор определяет следующие основные признаки развития: качественный характер изменений, необратимость изменений, направленность. Местное развитие предлагается рассматривать как

[1] Аргунова Л.Г. Стратегическое управление развитием муниципального образования / Л.Г.Аргунова, В.И. Катаева, М.С. Козырев. – М. Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 110.

«вполне конкретный режим функционирования различных территориальных систем, который ориентирован на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и взаимодополняющим воспроизводством социального, ресурсного и хозяйственного потенциала»[1].

Л.Г. Аргунова и др. приходит к выводу, что местное развитие есть совокупность экономического и социального развития определенной территории. Социальные аспекты жизнедеятельности населения обуславливаются уровнем экономического развития, а экономическое развитие – социальной обеспеченностью[2].

Как отмечает О.В. Кожевина, социально-экономическое развитие регионов России неравномерно в силу действия объективных и субъективных факторов. Объективные факторы асимметрии регионального развития: значительная территориальная протяженность; существенные зональные отличия природно-климатических условий; различия в обеспеченности сырьевыми ресурсами и транспортной инфраструктурой; региональная отраслевая структура экономики; неравномерность плотности и численности населения; интенсивность миграции, агломерационные процессы и трансформация населения. Субъективные факторы – пространственное размещение производительных сил; институциональная среда и стратегирование устойчивого социально-экономического развития территории; информационная грамотность населения и открытость региона; инновационно-инвестиционная деятельность; эффективность и качество государственного и корпоративного управления на региональном уровне; социальный климат. В совокупности объективные и субъективные факторы формируют вектор развития региона[3].

Что касается социального развития, то главная цель государственного и муниципального управления – повышение качества жизни населения на территории.

Качество жизни человека – понятие, связанное целеполаганием и формированием государственной и муниципальной политики – выражается через систему показателей уровня жизни (безопасность, здоровье, обеспеченность жильем, уровень материального благосостояния, состояние окружающей среды, образование, удовлетворение культурных и досуговых потребностей, доступ к информации, возможность передвижения и т.д.) степень их удовлетворения.

Интегральный показатель качества жизни может быть определен весьма условно, но можно установить некую систему локальных показателей, каждый из которых поддается измерению.

В международной статистике для этого используют три показателя:

– средняя продолжительность жизни (косвенно характеризует и состояние здоровья населения)

---

[1] Там же. С. 102.

[2] Там же. С. 110.

[3] Кожевина О.В. Стратегирование пространственного развития муниципального образования: монография / О.В. Кожевина, М.В. Сиротенко. – М. : РУСАЙНС, 2015. С. 7.

– средний уровень материального благосостояния (годовой доход или валовой внутренний продукт на душу населения)

– средний уровень образованности населения

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – средневзвешенное значение этих трех показателей (по методике Мирового банка).

Показателей, характеризующих качество жизни населения, гораздо больше. Измерителями их могут выступать потребительские, социальные, экологические, образовательные и иные стандарты и нормативы[1].

Экономическое развитие территории – комплексный процесс изменений в экономике, направленный на улучшение качества жизни на данной территории, управляемый органами государственного и муниципального управления при привлечении всех прочих заинтересованных сторон. Это сложный процесс, в котором переплетаются интересы государства, общества и бизнеса.

Основой жизнеобеспечения и повышения качества жизни населения любой территории всегда была экономическая деятельность.

Управление экономическими процессами и получение доходов от экономической деятельности хозяйствующих субъектов является ключевой задачей органов управления определенной территорией при создании материальной базы и реализации социальных программ.

Выявлению проблем социально-экономического развития и процессу разработки стратегии предшествует этап оценки состояния развития территории.

Индикаторы, характеризующие успешное развитие территорий, определяются на основе статистических и социологических показателей, используемых в прогнозировании и проектировании, а также анализе динамики[2].

Кроме того, в определении социально-экономического состояния территории значительное место отводится изучению разнообразных факторов: социальных, экономических, политических, экологических, демографических, девиантных и др.

Опираясь на исследование Л.Г. Аргуновой, определим следующие ключевые показатели социально-экономического развития территории (таблица 1).

Таблица 1

Ключевые показатели социально-экономического развития территории

Блоки	**Показатели**
Блок демографических показателей	структура населения по полу, возрасту, национальности, месту жительства, семейному положению, число детей на душу населения
Блок социально-профессиональных показателей	уровни образования в различных социальных группах, соотношение численности рабочих, принадлежащих к различным социально-профессиональным группам, рациональность использования и качество подготовки кадров и состояние повышения их квалификации

[1] Аргунова Л.Г. Стратегическое управление развитием муниципального образования / Л.Г. Аргунова, В.И. Катаева, М.С. Козырев. – М. Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 111-112.

[2] Там же. С. 116.

Блок показателей социальной активности	занятость населения, социально-политическая активность
Блоки показателей условий труда и условий производственного быта	содержание в воздухе вредных примесей, температурные условия, уровень шума, освещенность, санитарно-бытовое состояние помещений, организация рабочих мест, сводные – коэффициент благоприятной зоны и коэффициент условий труда
Блок показателей условий жизни населения	уровень средней заработной платы, обеспеченность детскими учреждениями, оценка торгового обслуживания (потребительского рынка)
Блок обеспеченности населения оздоровительными услугами	оценка обеспеченности медицинским обслуживанием, рекреационная деятельность, развитие физкультуры и спорта

Источник: составлено по: Аргунова Л.Г. Стратегическое управление развитием муниципального образования / Л.Г. Аргунова, В.И. Катаева, М.С. Козырев. – М. Берлин: Директ-Медиа, 2015. С.. 118–132.

В вопросах прогнозирования и выбора модели экономического развития важно обратить внимание на социальную составляющую.

Исследователи в отдельную группу выделяют макросоциальные факторы, которые в отличие от социальных явлений на микроуровне, оказывающих влияние на результаты деятельности фирм и предприятий, воздействуют на экономику в целом. Их эффект сказывается на макроэкономических процессах по следующим направлениям. Первое – формирование рабочей силы в условиях современного научно-технического прогресса. Второе – поддержание через социальную сферу известного соответствия между рыночным спросом на товары и услуги и их предложением[1].

Делая акцент на социальных факторах и прогнозируя их динамику, становится возможным прогнозировать и этапы экономического развития определенной территории. В этой связи в вопросах прогнозирования экономического развития возможно опереться на теорию социокультурной динамики Питирима Сорокина и уже на ее основе определить будущие этапы экономического развития современного общества.

Одним из основополагающих методологических принципов П.А. Сорокина была идея о нелинейности исторического процесса, о том, что «исторические тенденции идут не прямолинейно, несмотря на свое постоянство, а дают временные повышения и понижения»[2]. С точки зрения П.А. Сорокина, «если бы никаких повторений в истории не было, и если бы неповторяющийся в целом исторический процесс не состоял из повторяющихся элементов, то нужно было бы проститься с возможностью формулировки законов общественной жизни, в

[1] Надель С. Социальные факторы экономического роста // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5. С. 26-33 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dlib.eastview.com/search/simple/doc?art=15&id=7786581&hl

[2] Шаповалов В.А., Василенко В.В. Кризис нашего времени в научном наследии П.А. Сорокина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 29-44 [Электронный ресурс]. URL: http://dlib.eastview.com/browse/doc/22076973 со ссылкой на Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – СПб.: Изд. Я.Г. Долбышева, 1914. С. 11.

том числе и законов развития»[1]. XX вв. н.э. – периоды тотального кризиса по П.А. Сорокину; переходный период, в который совершается смена социокультурных систем[2].

Очевидными являются три сценария будущего развития в XXI веке – дальнейший спад экономик стран, сохранение стадии кризиса либо выход из кризиса и переход к экономическому росту.

Обращаясь к динамике валового внутреннего продукта ведущих развитых стран и России и давая прогнозные оценки, спад экономик и реализация первого сценарии маловероятна. Динамика валового внутреннего продукта в среднем по Европейским странам, США, России превышает 100 %, за исключением 2009 года (таблица 2, рисунок 1).

Таблица 2

Динамика валового внутреннего продукта в странах Европы, США и России за 2005–2013 годы

Страны	годы								
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Россия	106,4	108,2	108,5	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3
Европа	104,2	105,2	104,9	101,5	94,2	102,1	102,4	100,1	100,7
США	103,1	102,7	101,9	99,7	96,9	102,5	101,8	102,8	101,9

Источник: расчеты автора по данным Росстата

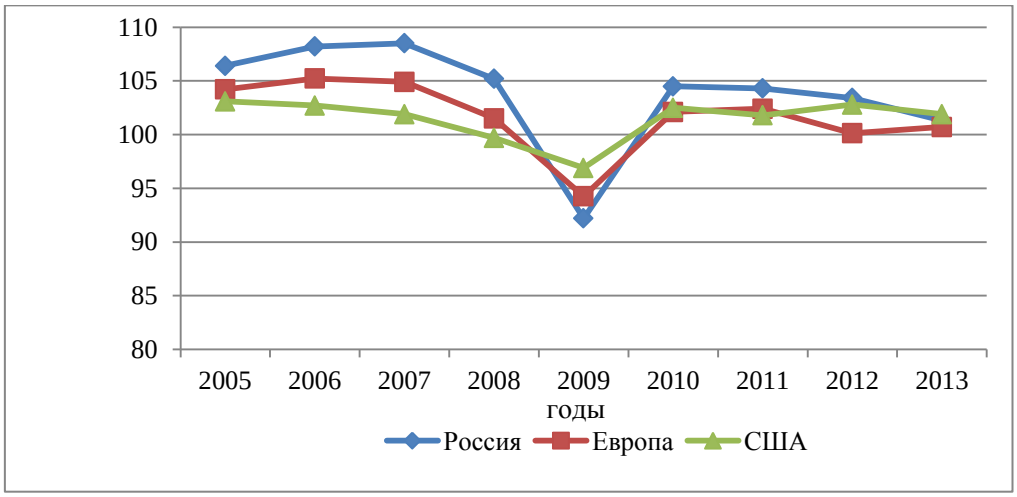

Рисунок 1 – Динамика валового внутреннего продукта в странах Европы, США и России

Индекс промышленного производства по Европейским странам, США, России за 2005-2012 годы сохраняет свой уровень (таблица 3, рисунок 2).

[1] Шаповалов В.А., Василенко В.В. Кризис нашего времени в научном наследии П.А. Сорокина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 29-44 [Электронный ресурс]. URL: http://dlib.eastview.com/browse/doc/22076973 со ссылкой на: Сорокин П. А. Бухарин Н. И. (1888-1938). Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии // Экономист. 1922. № 4. С. 210.

[2] Шаповалов В.А., Василенко В.В. Кризис нашего времени в научном наследии П.А. Сорокина // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 29-44 (С.31) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://dlib.eastview.com/browse/doc/22076973.

Таблица 3

Индекс промышленного производства в странах Европы, США и России за 2005–2012 годы

Страны	годы							
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Россия	105,1	106,3	106,8	100,6	89,3	107,3	105	103,4
Европа	103,2	105,8	105,5	100,6	87,1	106,9	104,4	100,0
США	103	102	103	97	89	106	104	104

Источник: расчеты автора по данным Росстата

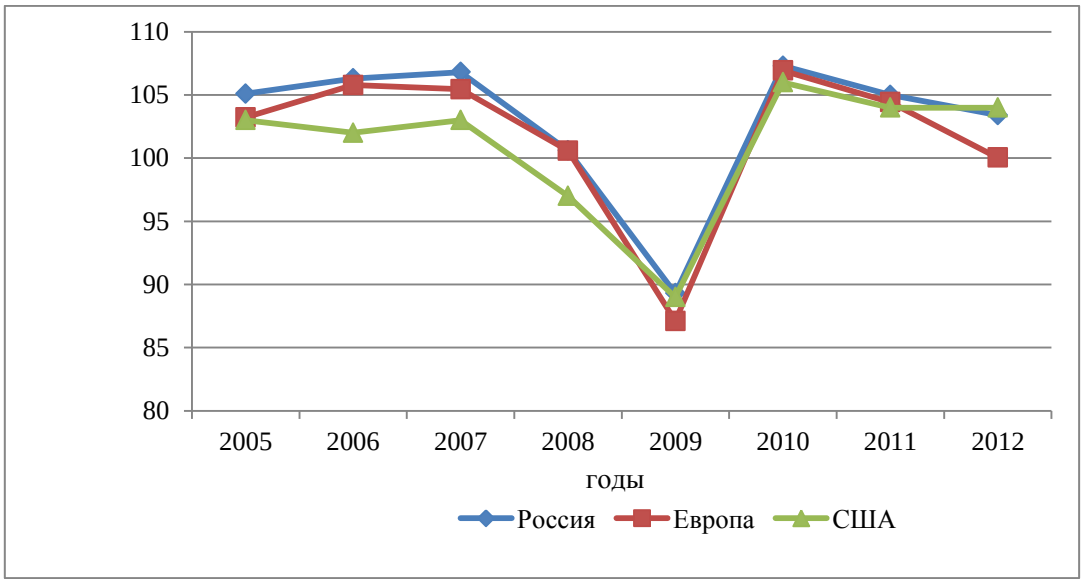

Рисунок 2 – Индекс промышленного производства в странах Европы, США и России за 2005-2012 годы

Что касается сохранения стадии кризиса, то такой прогноз маловероятен, учитывая прогнозы прироста ВВП Мирового банка (таблица 4, рисунок 3).

Таблица 4

Прирост реального ВВП по оценкам Мирового банка в 2013-2018 годах, %

Группы стран	годы					
	2013	2014	2015 (оценка)	2016 (прогноз)	2017 (прогноз)	2018 (прогноз)
Страны с развитой экономикой	1,1	1,7	1,8	1,7	1,9	1,9
Страны с высоким уровнем доходов	1,2	1,7	1,6	1,5	1,9	1,9
Развивающиеся страны	5,3	4,9	4,3	4,3	4,9	5,1
Страны с низким уровнем дохода	6,5	6,1	4,5	5,3	6,3	6,6
БРИКС	5,7	5,1	3,8	4,2	5,1	5,3
Страны с формирующимися рынками и развива-	4,7	4,2	3,4	3,5	4,4	4,7

ющимися экономиками						
Мир	2,4	2,6	2,4	2,4	2,8	3

Источник: Прирост реального ВВП по оценкам Мирового банка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects (дата обращения 25.08.2016).

Рисунок 3 – Прирост реального ВВП по оценкам Мирового банка в 2013-2018 годах

Наиболее оптимистичным является третий сценарий экономического развития – выход из кризиса и переход к экономическому росту.

Реализация указанного сценария опирается на ряд предпосылок, которые лежат не только в плоскости количественных показателей, но и качественных.

Достаточно высокая доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте РФ на протяжении 2012–2015 годов более 20%[1] позволяет говорить о возможности перехода к другому типу постиндустриального развития (рисунок 4).

Однако препятствием является, на наш взгляд, падающий на протяжении 2003–2014 годов прирост индексов производительности труда. Так, индекс производительности труда в 2014 году по сравнению с индексом 2013 года составил 100,9 %[2], т.е. повышение производительности труда было минимальным.

Для российской экономики в качестве важных количественных показателей следует рассматривать показатели импортозамещения (таблица 5).

[1] Технологическое развитие отраслей экономики РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/#(дата обращения: 29.08.2016)

[2] Там же.

Рисунок 4 – Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП РФ за 2011-2015 годы

Таблица 5

Товарная структура импорта (по данным ФТС России с учетом взаимной торговли с государствами-членами ЕАЭС), в % к итогу

Статьи	2015 год	2016 год					
		январь	февраль	март	апрель	май	июнь
Импорт – всего	100	100	100	100	100	100	100
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного) для их производства	14,5	16,6	16,1	14,3	14,2	14,8	12,5
Минеральные продукты	2,7	2,1	1,7	1,6	1,9	2,0	1,9
Продукция химической промышленности, каучук	18,6	18,6	18,9	19,5	20,2	20,3	19,9
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,5	0,5	0,5	0,5	0,3	0,4	0,4
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,0	2,2	2,0	1,9	2,0	2,0	1,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	5,9	7,9	7,7	6,2	4,9	4,8	5,9
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	6,8	6,2	6,6	6,5	6,0	6,5	6,9
Машины, оборудование и транспортные средства	44,8	41,8	42,1	45,7	47,0	45,4	46,5
Прочие товары	4,2	4,0	4,2	3,9	3,5	3,8	4,1

Источник: Показатели импортозамещения российской экономики [Электронный ресурс]: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/# (дата обращения: 29.08.2016).

Как видно из данных таблицы 5, в структуре импорта преобладает импорт машин, оборудования и транспортных средств. Преодоление данной тенденции и развитие собственного производства является существенной предпосылкой на пути выхода из кризиса и обеспечения экономического роста.

В качестве ключевого качественного показателя выступает активный переход на программный способ планирования социально-экономического развития. В связи с этим бюджеты, составляющие финансовую основу такому развитию, расходуются не через сметы учреждений, а в соответствии с государственными и муниципальными программами, в которых определяются конечные результаты.

Для реализации данного сценария развития возникает перечень вопросов и проблем, требующих усиленного внимания и направлений решения на территории: миграционный отток населения, сокращение занятости населения, снижение масштабов обрабатывающих производств, обеспечивающих набольший прирост добавленной стоимости, что впоследствии может привести к снижению налоговых доходов бюджетов, снижение объема собственного сельскохозяйственного производства, что создает угрозу обеспечения продовольственной безопасности, повышение инвестиционной привлекательности и обеспечение софинансирования инвестиционных проектов, усиление форм поддержки малого и среднего предпринимательства на территории. Все вышеперечисленные проблемы взаимосвязаны и взаимообусловлены, в частности, решение проблемы занятости невозможно без развития предпринимательской инициативы. Важно обеспечение функционирования местных предприятий, которое позволит создать эффективную занятость жителей конкретной территории и сформировать устойчивую налоговую базу.

Важным условием реализации оптимистичного сценария экономического развития становится обеспечение эффективного использования всех территориальных ресурсов, включая финансовые средства, объекты государственной и муниципальной собственности (недвижимость, земельные ресурсы, ценные бумаги) и пр., для создания нового качества территориальной среды.

При этом стратегическими приоритетами социально-экономического развития территорий должны стать: сохранение численности и снижение миграционного оттока населения; обеспечение занятости населения; стимулирование роста масштабов обрабатывающих производств; обеспечение сохранения объемов собственного сельскохозяйственного производства; обеспечение стабильного роста инвестиций организаций; усиление форм поддержки малого и среднего предпринимательства на территории.

2.2. СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ПИТИРИМА СОРОКИНА

В.Ф. Анурин,
д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и психологии
Нижегородский институт управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

ЗАКОН ПЕРЕМЕНЫ ТРУДА И НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В статье исследуются проявления воздействия закона перемены труда на рынок труда современной России и на контуры профессиональной стратификации. Выявляются причины расширения диапазона непрерывного образования на современном этапе и в исторической перспективе.

Ключевые слова: *профессиональная стратификация, закон перемены труд, креденциализм, дипломная болезнь, непрерывное образование*

Как известно, в своей классической работе «Социальная мобильность» П.А. Сорокин ввел понятие *социального пространства*, называя этим термином народонаселение данного общества[1]. В то же время подразумевалось, что, по сути, помимо самих индивидов, образующих это народонаселение, в социальное пространство включаются также все социальные статусы, которыми обладают эти индивиды. Это означало, что «плотность заселения» социального пространства существенно выше, нежели плотность населения геометрического пространства, поскольку каждый из находящихся в нем индивидов обладает более чем одним статусом[2]. Такой огромный объем числа социальных координат превращает эмпирическое определение их в задачу непомерной трудности. Однако решение этой задачи во многом облегчается тем, что среди множества

[1] "…резюмируем: 1) *социальное пространство – это народонаселение Земли;* 2) *социальное положение – это совокупность его связей со всеми группами населения внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами;* 3) *положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей;* 4) *совокупность таких групп, а также положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определит социальное положение каждого индивида* (Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // П.А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. С. 299).

[2] Одна моя студентка, выполняя задание на тему "Мой статусный набор", насчитала у себя 37(!) различных статусов, включая описание прав и обязанностей по каждому из них, тип и принадлежность к тому или иному социальному институту.

разнообразных статусов, которыми обладает один и тот же член современного общества, можно выделить *главные* (или ключевые) – те, что решающим образом определяют все остальные его социальные позиции в обществе в целом (то есть задают конфигурации всех других – второстепенных – статусов)[1]. Чаще всего эти главные статусы, как определяет П. Сорокин, связаны с экономической, политической и профессиональной деятельностью их обладателей.

Это означает, что социальное пространство – трехмерное, и, по аналогии с декартовой системой координат (используемой для измерения геометрического пространства), оно имеет три статусные оси – экономическую, политическую и профессиональную. Каждая из этих осей образует, в свою очередь, собственное социальное субпространство (также трехмерное), и для эмпирического измерения каждого из них следует использовать определенные координаты (параметры). Так, экономический статус (позиция в экономическом подпространстве) индивида или группы описывается с помощью следующих координат: отношение к собственности на средства производства, место в организации труда, размер дохода. Для измерения политического статуса (т.е. позиции в политическом подпространстве) используются координаты: ранг в государственной иерархии, партийная принадлежность, ранг в партийной иерархии. В свое время мы предпринимали попытки эмпирического измерения и описания стратификации в этих двух подпространствах[2].

Когда мы выделяем профессиональное подпространство в качестве особой сферы социальной жизнедеятельности, следует учесть, по меньшей мере, два момента. Во-первых, переменные, с помощью которых будет измеряться профессиональный статус, должны быть иными, нежели переменные двух подпространств, рассмотренных выше. Другими словами, здесь уже неправомерно было бы прибегать ни к денежной оценке труда (это ведь не что иное, как координата «доход» в экономическом подпространстве), ни к должностной или властной иерархии (которая измеряется координатами «место в организации труда» в экономическом подпространстве или «ранг в государственной иерархии» в политическом подпространстве). Во-вторых, операционализацию переменных целесообразно проводить таким образом, чтобы они были доступны более или менее прямому эмпирическому измерению. Поэтому нам представляются не вполне убедительными для операционализации измерения профессиональной стратификации, особенно современной, те шкалы, которые предлагает в своей работе сам П. Сорокин («ручной» или «умственный» характер труда, отношение его к функциям социальной организации и контроля, уровень дохода[3]).

В поисках осей координат для измерения позиций в экономическом и политическом подпространствах мы опирались на общие определения экономики

---

[1] См. Анурин В.Ф. Общая социология. – М.: Академический проект. 2003. С.160.

[2] См. Анурин В.Ф. Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования. 1995. №1; Анурин В.Ф., Новичков Н.В. О политической стратификации нижегородского студенчества // Социологические исследования. 1995. № 6; Анурин В.Ф. Политическая стратификация: содержательный аспект // Социологические исследования. 1996. № 12.

[3] См. Сорокин П.А. Цит. соч. С. 356.

и политики как особых видов социальной жизнедеятельности. Вспомним, что *экономика* – это не что иное, как система отношений между людьми и социальными группами по поводу производства, распределения и потребления материальных благ. *Политика* – система отношений по поводу завоевания, удержания, распределения и использования государственной власти. Видимо, и поиски системы координат профессионального подпространства было бы целесообразно начать с такого определения.

В западной социологии вокруг употребления понятий *профессия, профессионал, профессионализм* сложилась традиция, относящая их исключительно к занятиям представителей среднего класса и выше: «род деятельности любой группы занятости среднего класса, характеризуемый требованиями высокого уровня интеллектуальных и технических экспертных знаний, автономией в комплектовании личного состава и обязанностью службы. “Традиционными” профессиями являются право, медицина, богослужение [church] и воинская служба»[1]. В соответствии с таким определением, к трудовой деятельности любого представителя рабочего класса, даже высококвалифицированного, понятие «профессия» никоим образом не относится.

Если же исходить из более широкого и общего концепта профессии, которую, например, Советский Энциклопедический Словарь определяет как любой «род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования»[2], становятся ясными как минимум два основных критерия, определяющих суть любой профессии: 1) необходимость специальной подготовки и 2) функция источника средств существования. Именно они отделяют *профессионала* (мастера) с одной стороны от *дилетанта*, который может блестяще овладеть какими-то навыками трудовой деятельности, но не использовать их для получения дохода, а с другой – от *неквалифицированного* работника, хотя и живущего за счет оплаты выполнения им какой-то работы (чаще всего не очень сложной), но не получившего необходимой и достаточной для этой деятельности специальной подготовки и поэтому выполняющего эти трудовые операции гораздо менее рационально и эффективно, нежели истинный профессионал. Это позволяет без особого труда определить три главных параметра, определяющих профессиональный статус.

Образование. Этот показатель может прямо измеряться числом лет, затраченных индивидом на получение формального общего и профессионального образования. Таким образом, мы получаем шкалу, проградуированную либо во временном измерении – годами, либо по ранговой шкале – в уровнях того или иного креденциала[3]. Именно образование дает необходимый для профессиональной работы объем общей и специальной информации, навыки логического мышления, а также вырабатывает методы поиска дополнительных знаний, требуемых по мере нарастающего изменения содержания профессии и связанных с нею технологий.

---

[1] David Jary & Julia Jary. Collins Dictionary of Sociology. – Glasgow, 1995. P.524.

[2] Советский Энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1980. С.1086.

[3] Credential – (*амер.*) аттестат, диплом об образовании

Квалификация. Эта переменная может измеряться по ранговой шкале и характеризует степень общепризнанного мастерства – в тех категориях и рангах, какие приняты в данном обществе. Для работников физического (ручного) труда она может измеряться в разрядности или классности. У работников управленческого труда это может быть воинское (или приравненное к нему) звание, либо опять же разряд (наподобие принятых в России для государственных служащих разрядов Единой Тарифной Сетки). Для интеллектуальных работников – это ученая степень и/или ученое звание. Отметим, что эта переменная в определенной степени коррелирует со значениями предыдущей координатной оси, но не обязательно совпадает с ними: так, одному потребуется десять лет на выполнение, завершение и защиту кандидатской диссертации (из которых лишь три года аспирантуры пойдут в зачет формального образования), а другой потратит на это всего год-два, причем, вообще минуя официальное положение аспиранта.

Ранг профессии. По аналогии с *партийной принадлежностью* в политических осях координат мы могли бы назвать эту переменную просто «профессиональной принадлежностью». Однако хотелось бы подчеркнуть, что мы стремимся зафиксировать расположение профессий в ранжированном ряду, по шкале, организованной по принципу «выше–ниже» Другими словами, нас интересует *престиж* конкретной профессии в данном социуме, характерный для данного периода времени. В чем может проявляться такого рода престиж? Вероятно, прежде всего – в тех позициях, которые занимают представители той или иной профессии на рынке труда. Здесь всегда спрос на одни профессии превышает спрос на другие (а соответственно определяется и цена этого труда, выражаемая в его оплате). Соответственно возрастает и привлекательность данной профессии в глазах широких слоев населения (что может проявляться, в частности в конкурсах в соответствующие вузы).

П. Сорокин выделял также две формы профессиональной стратификации – *внутрипрофессиональную* и *межпрофессиональную*. Понятно, что две первые из описанных выше координатных осей – образования и квалификации – выступают параметрами внутрипрофессиональной стратификации, поскольку служат для сравнения статусных позиций людей, принадлежащих к одной и той же профессии. Схема же межпрофессиональной стратификации, по Сорокину, заключается в сопоставлении между собою различных родов и видов занятий. Она основывается на том, что «определенные *классы профессий* всегда составляли верхние социальные страты, в то время как другие профессиональные группы почти всегда находились у основания социального конуса (курсив мой. – *В.А.*)»[1]. Так как же сравнить между собою позиции, которые занимают в профессиональном подпространстве два человека с одинаковыми уровнями образования и квалификации, но принадлежащие к разным профессиональным группам? Здесь и возникает необходимость выбора особого параметра межпрофессиональной стратификации, которую определяет нам параметр «ранга профессии».

[1] П. Сорокин. Социальная и культурная мобильность. С. 353.

Отметим, что социальная мобильность в профессиональном пространстве (которую составляет суть *профессиональной карьеры*) может осуществляться как в индивидуальном, так и в групповом порядке. Индивидуальная восходящая профессиональная мобильность осуществляется вдоль осей *образования* и *квалификации*. Отметим, что нисходящая мобильность по этим осям невозможна в принципе: знания и умения, приобретенные на протяжении учебной и трудовой деятельности и подтвержденные соответствующим креденциалом (диплом, аттестат, сертификат и т.п.) утратить нельзя. Что касается мобильности по оси «ранг профессии», то она может быть как индивидуальной (смена профессии отдельным работником), так и групповой – на протяжении последних десятилетий мы были свидетелями того, как в России целые профессиональные группы приобретали неведомый прежде престиж и соответствующие преференции, а другие группы его утрачивали. Это говорит также о том, что вдоль этой оси возможна как восходящая, так и нисходящая мобильность.

Разумеется, профессиональная стратификация, будучи частью социальной структуры в целом, не являет собою нечто застывшее и неподвижное. Это весьма подвижная, динамичная, непрерывно изменяющаяся система, испытывающая на себе мощное воздействие самых разнообразных социальных изменений. И, конечно же, профессиональная стратификация российского общества, наряду с экономической и политической, не могла не претерпеть огромных изменений в течение последней четверти века. Эти изменения являются следствием и проявлением действия *закона перемены труда*.

Закон перемены труда – один из тех социально-экономических законов, которые, с одной стороны недостаточно исследованы, а с другой – неверно толкуются многими обществоведами. Понятие этого закона вводит К. Маркс в первом томе «Капитала» и довольно жестко трактует его сущность: «если *перемена труда* теперь прокладывает себе путь только как *непреодолимый естественный закон* и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, *всеобщим законом общественного производства*, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения (курсив мой. – *В.А.*)»[1].

Суть сказанного Марксом о законе перемены труда может быть, на наш взгляд, конкретизирована в виде следующих основных положений.

1. Интересы прогрессивного развития общественного производства требуют постоянного приведения характера рабочей силы (образовательного, квалификационного, психологического и т.п.) в соответствие с действующим и быстро изменяющимся технико-экономическим уровнем производства – содержанием труда.

2. Это, в свою очередь, обусловливает необходимость постоянной готовности участников производительного процесса к тому, чтобы привести в такое же соответствие свои знания, умения и навыки, как в количественном, так и в ка-

[1] Маркс К. Капитал. Т.1. – М.: Политиздат, 1988. С.498-99.

чественном (вплоть до смены специальности или даже профессии в целом) отношении – то, что Маркс называет *всесторонней подвижностью*.

3. Закон этот *объективен*, то есть действует вне и независимо от воли отдельных людей, того, чего они хотят или не хотят, осознают или не осознают – со слепой, иногда даже «разрушительной» силой естественного закона. Отменить, уничтожить или даже затормозить его действие не дано никому, его можно и должно лишь учитывать, приспосабливаться к нему. Его сила будет действительно разрушительной до тех пор, пока мы не сумеем раскрыть его механизмы и приспособить к ним свою жизнь, либо направить их действие в выгодное для субъекта производственных отношений русло.

4. Закон перемены труда вступает в полную силу на стадии появления *крупной промышленности* и по мере развития индустриальной, а затем и информационной революции заявляет о себе все более мощно. В наибольшей степени характер действия и проявления его зависят главным образом от уровня производительных сил, поскольку в нем отражается именно характер и темпы их развития.

5. Действие этого закона, как никакого другого, стимулирует развитие интеллекта – прежде всего индивидуального. Оно, «как вопрос жизни и смерти», по выражению Маркса, ставит такого рода задачу: «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции заменить *всесторонне развитым индивидуумом*, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности (курсив мой. – *В.А.*)»[1].

Обратим внимание на то, что понятие «всестороннего развития» имеет здесь вовсе не тот возвышенный смысл, который придавали ему некоторые советские обществоведы в эпоху хрущевской эйфории ожидания скорого наступления коммунизма[2]. Как следует из общего марксова контекста, это гораздо более приземленная характеристика, суть которой состоит в готовности работника быстро изменить род своей деятельности в том или ином направлении, обучиться выполнению новых технических функций, когда этого потребует изменение технико-технологических условий общественного производства.

Закон перемены труда проявляет свое действие по всем трем координатным осям профессиональной стратификации, но по каждой из них – поразному. Если индивид остается верен своей профессии и в то же время осознает сущность происходящих в ней технологических, организационных, правовых, социально-психологических или чисто технических изменений, он стремится расширить свой интеллектуальный кругозор в том направлении, которое позволит повысить эффективность его личного труда, или хотя бы не отстать от этих изменений. Для этого ему необходимо: а) быть в курсе такого рода перемен; б) ощущать мотивацию к соответствующим изменениям своих личностных и профессиональных качеств; в) иметь интеллектуальные способности и материальные возможности для получения необходимой информации и допол-

[1] Маркс К. Капитал. Т.1. – М.: Политиздат, 1988. С. 498-499.

[2] См. напр. Кайдалов Д.П. Закон перемены труда и всестороннее развитие человека. – М.: Мысль, 1968.

нительных навыков. Результатом воздействия такого рода факторов и направляемых ими усилий становится его мобильность по осям профессиональных координат *образование* и *квалификация*.

В тех же случаях, когда индивид ощущает, что занимаемая им профессиональная ниша не соответствует его представлениям о жизненном успехе, он будет стремиться к тому, чтобы изменить свою социальную позицию по оси *ранг профессии*. А это, в свою очередь, неизбежно потребует определенных средств и усилий для изменения своих позиций по осям *образование* и *квалификация*. Здесь многое, разумеется, зависит от общей политической и экономической ситуации в обществе. В тридцатые годы прошлого века в СССР самой престижной была профессия военного (в особенности летчика). Пять-шесть десятилетий назад чрезвычайно возрос престиж физиков, авиастроителей, создателей космической техники – вообще всех профессий и специальностей, требовавшихся в оборонном комплексе. В условиях нарастающей коммерциализации народного хозяйства, резко повысился спрос на юристов, банкиров, маркетологов, а также на специалистов по менеджменту, бухгалтерскому учету и экономическому анализу.

Ситуация в России в девяностых годах прошлого века, конечно, отличалась своей спецификой. Реструктуризация экономики была обусловлена быстрым (и к тому же довольно хаотичным) переводом ее на рыночные рельсы. Всего за полтора десятка лет – с 1985 по 2002 гг. – доля занятости на предприятиях, находящихся в частной собственности, возросла с 8,9 до 49,7 %[1]. И это не могло не вызвать радикальных трансформаций рынка труда. К примеру, одна из наиболее востребованных в тот период профессий – юрист. Однако, как справедливо отметил один из моих коллег, если бы завтра отменили частную собственность, кому бы эти юристы были нужны? В самом деле, чем более сложными и запутанными становятся правила игры, руководящие деятельностью предприятий, в особенности частных, и их взаимоотношений с государством, тем более востребованными становятся профессии юриста, бухгалтера, аудитора.

В то же время большое число специалистов и обладателей профессий, еще четверть века назад пользовавшихся большим спросом, оказались практически не у дел. Понятно, что молодежь, находящаяся на стадии вторичной социализации и только еще готовящаяся перейти в разряд самостоятельных экономических агентов, пыталась сориентироваться в этой ситуации, насколько возможно, быстро. А что оставалось делать тем, кто уже перевалил на вторую половину своего трудового стажа? Альтернатива выглядела довольно жестко: либо полное прозябание, либо коренная переквалификация: инженеры становились брокерами, педагоги – риэлторами, инженеры – юристами и издателями. Так – довольно неожиданно – проявлял свое действие закон перемены труда. Не столько тяга к новым знаниям, сколько суровая жизненная необходимость побуждала миллионы россиян срочно переучиваться, покидая привычные трудо-

[1] См. Попова И.П. Профессиональный статус специалистов в меняющемся российском обществе. – М.: Наука, 2004. С.53.

вые ниши, обжитые порою много лет назад, и пытаясь внедриться в новоиспеченные ниши, создаваемые изменяющимися экономическими отношениями.

Таблица 1

Профессиональная мобильность обладателей наиболее распространенных специальностей по диплому

Специальность по первому диплому	Всего в выборке	Дали ответы о нынешней профессии	Распределения Работают по той же специальности (в %% от общего числа давших ответы о нынешней профессии)	Прошли переподготовку и сменили профессию	Понизили статус
Инженер	1001	733	33,8	41,1	25,1
Учитель	822	503	67,2	16,1	16,7
Бухгалтер	484	293	59,7	6,8	33,5
Экономист	382	244	70,9	6,6	22,5
Медсестра	308	203	75,4	7,9	16,7
Юрист	278	151	52,3	17,9	29,8
Врач	164	145	80,0	11,0	9,0
Товаровед	160	76	21,1	22,4	56,5
Техник-механик	256	189	32,3	18,5	49,2
Повар/кондитер	235	153	51,6	11,7	36,7
Всего	4090	2690	53,4	20,4	26,2

В таблице 1 приведены данные о том, как протекал процесс перемены труда среди обладателей десяти наиболее распространенных профессий (по *первому* диплому), согласно результатам общероссийского опроса, проведенного в 2004 г. Институтом общественного проектирования (15200 респондентов в 54 субъектах РФ). Доля обладателей этих десяти профессий в общем объеме выборки составила почти 27 процентов (а от числа давших ответ о наименовании своей нынешней профессии – 32 процента). Нетрудно убедиться, глядя на последнюю строку таблицы, что смена профессии как результат реструктуризации российской экономики была уготована каждому пятому из этой группы, а понижение профессионального статуса – каждому четвертому.

По данным того же опроса, через те или иные формы *второго профессионального образования* (после уже полученного ранее) прошли 24,9% от числа давших ответ на вопрос об этом. Каждый шестой в составе действующей рабочей силы прошел, как минимум, курсы повышения квалификации; более 6 процентов получили второе среднее специальное, 2 процента – второе высшее образование (а от числа уже имевших ранее высшее образование *второе высшее* получили более 6 процентов). Нам думается, в учебные аудитории этих, уже вполне зрелых людей (доля получивших второе профессиональное образование примерно одинакова во всех возрастных группах старше 25 лет – в том числе и среди тех, кому сейчас более 60 лет, что вряд ли удивительно, поскольку начало рыночных реформ застало их 40-летними) приводила не столько жажда но-

вых знаний, сколько стремление *приспособить свою трудовую ситуацию к изменившимся условиям*. Кроме того, почти половина тех, кто имел незаконченное высшее образование (а значит, с большой степенью вероятности приобретала его на момент опроса), принадлежала к возрастным группам старше 25 лет, то есть получали образование без отрыва от работы.

Сравнивая некоторые характеристики двух групп – получивших второе высшее профессиональное образование и не получивших его (сохранив свою первую специальность), можно было бы отметить два момента. Средний доход в группе получивших второе образование оказался на 15 процентов выше в сравнении с теми, кто не получил. А на вопрос о самооценке престижа своей нынешней (новой) специальности по 10-балльной шкале первые отметили в среднем по группе 6,14, вторые – 5,79.

Переход на двухступенчатую систему высшего образования (бакалавриат – магистратура) вносит новые штрихи в картину действия закона перемены труда. Приведенные в таблице 2 данные пилотажного опроса слушателей магистратуры Нижегородского института управления РАНХиГС, проведенного в мае нынешнего года, показывают, что едва ли не половина магистрантов коренным образом меняют профиль своей специальности, а каждый пятый намерен обучаться по специальности, смежной с той, что была получена на специалитете или бакалавриате. Сравнение с дипломами по первой специальности показывает, что на специальности, связанные с государственным и муниципальным управлением и юриспруденцией, нередко поступали специалисты с дипломами инженеров, педагогов, филологов и стоматологов.

Таблица 2

Обучаются в магистратуре…

	частота	процент
по той же специальности, которую получили в вузе	26	31,3
по смежной со специальностью, полученной в вузе	18	21,7
по совсем другой специальности	39	47,0

Распределение ответов на вопрос о мотивации поступления в магистратуру, приведенные в таблице 3, показывает, что среди такого рода причин наиболее весомой по частоте упоминания является необходимость получения дополнительных знаний для успешной работы. Не последнее место занимает и несколько пренебрежительное восприятие диплома бакалавра как всего лишь первой ступеньки высшего образования.

Таблица 3

Основные причины намерения поступать в магистратуру

Характер ответа	частота	процент
для работы необходимы знания из различных сфер профессиональной деятельности, а магистратура позволяет их получить с меньшими затратами (по сравнению с получением второго высшего образования по другой специальности)	24	28,9
мне просто нравится учиться	21	25,3
для работы необходимы более глубокие знания, которые предоставляет магистратура	19	22,9
современный специалист обязан знать свою профессию на самом высоком уровне	19	22,9
не воспринимаю бакалавриат как полноценное образование	19	22,9
специальность, по которой я работаю сейчас, существенно отличается по содержанию от того, чему нас учили в вузе	17	20,5
работодатели требуют диплом магистра	13	15,7
это даст два лишних года, чтобы определиться с окончательным выбором профессии, более обоснованно решить – чего я на самом деле хочу	7	8,4

Обратим внимание на то, что среди отмеченных вариантов не так уж мало тех, что связаны с удовлетворением требований повышения квалификации со стороны работодателя (хотя в то же время лишь один магистрант указал, что учебу оплачивает направившее его предприятие). Это говорит о том, что в отечественной системе наемного труда начинает получать все более широкое распространение такое явление, как *кредениализм*[1]. Этим понятием в социологии обозначают размещение индивидов по социальным позициям, в особенности – по родам трудовых занятий – исключительно на основе документов об образовании и квалификации, независимо от действительных профессиональных качеств у данного соискателя. Дело в том, что усложнение современной экономики предъявляет все более высокие требования к образовательным креденциалам (сертификаты, дипломы, степени и т. п.), которые регулируют потоки рабочей силы. В укрупненном виде такого рода требования закреплены в нормативных документах. При этом форма и содержание образования, полученного работником (или претендентом на вакантную должность), имеют вторичную важность. А первичное значение приобретает уровень достигнутой квалификации, зафиксированный в официально подтвержденном документе. Стремление к получению таких креденциалов становится самоцелью, приводящей к тому, что Рональд Дор назвал “ *дипломной болезнью*”[2]. На Западе нередко можно видеть, как стены рабочих кабинетов (или просто рабочих мест в офисах) завешиваются многочисленными сертификатами, призванными подтвердить высокую квалификацию их обладателей.

[1] В некоторых русскоязычных источниках – “кредентализм”.

[2] Dore R. The Diploma Decease. London: Allen and Unwin, 1976.

Значительная часть слушателей магистратуры не рассматривают предстоящую защиту магистерской диссертации как завершение своей образовательной карьеры. Некоторые из них (около 5 процентов) намерены в будущем поступать в аспирантуру. Но многие надеются на дальнейшее получение все новых и новых знаний в качестве критериев жизненного успеха. В анкете был вопрос: «Что было бы наиболее важным лично для Вас в будущей профессиональной жизни при самых благоприятных условиях (чтобы считать, что “жизнь удалась”)?». Распределение ответов на него приведено в таблице 4. Мы видим, что, наряду с чисто прагматическими показателями благополучия и служебной карьеры, определенная часть опрошенных магистрантов рассматривают получение дополнительного образования и регулярного освоения профессиональной информации в иной форме (кстати, и зарубежные стажировки можно рассматривать в качестве одного из таких источников).

Таблица 4

Предполагаемые показатели жизненного успеха[1]

	частота	процент
последовательное улучшение жилищных и бытовых условий	82	98,8
последовательное восхождение по служебной лестнице – с получением все более высоких должностей	38	45,8
последовательное повышение размеров заработной платы	28	33,7
удовольствие, получаемое от работы	25	30,1
постоянное освоение инноваций в своей отрасли	15	18,1
спокойная, ровная профессиональная деятельность	13	15,7
получение дополнительного образования более высокого уровня	10	12,0
получение информации и более углубленных знаний в смежных профессиональных сферах	8	9,6
регулярное прохождение курсов повышения квалификации	7	8,4
возможность зарубежных командировок и стажировок	7	8,4

Всего полвека назад на поступление в вузы настраивались менее трети выпускников средних школ. Сегодня – практически вдвое больше. По данным нашего опроса нижегородских школьников выпускных классов (n = 620), получить высшее образование намерены 60 процентов из них (6% собираются поступать в колледжи; 7% – пойти работать; остальные не дали определенного ответа). Если так пойдет и дальше, то скоро можно будет говорить о *всеобщем высшем образовании* (конечно же – пока на уровне того самого «неполноценного» бакалавриата).

Однако это еще не означает, что, выбрав профессию на выходе со школьного порога, сегодняшние и завтрашние самостоятельные экономические агенты сохранят ее вплоть до выхода на пенсию. Наши собственные наблюдения показывают, что некоторые из нынешних студентов уже обучаются одновременно в двух вузах, возможно, стараясь получить запасной вариант трудоустройства в случае потенциального изменения конъюнктуры на рынке труда

[1] Сумма превышает 100%, т.к. можно было выбрать несколько вариантов.

(либо дополнительные преимущества при поступлении на работу). Немалая доля их, поступивших даже в вузы с высоким конкурсом, уже сейчас не намерена работать по получаемой специальности. Так, по некоторым данным, реально становятся врачами лишь 10 процентов выпускников Нижегородской медицинской академии[1] (и это при том, что профессия врача стоит на высшей планке желательных профессий в опросе нижегородских старшеклассников – более 10 процентов упоминаний).

По утверждению А.И. Кравченко, «в ряде регионов страны до 50% выпускников вузов и до 64% выпускников средних специальных учебных заведений меняют свою профессию сразу же после окончания учебного заведения. Огромное количество молодых людей вынуждены заново решать проблему организации своей профессиональной карьеры. В силу этих причин, необходимо продвигать концепцию образования на протяжении всей жизни человека со всеми ее преимуществами – гибкостью, разнообразием и доступностью во времени и пространстве»[2].

Однако и многие из тех, кто остается верен избранной профессии на протяжении всей трудовой биографии, нередко сохраняют ее только номинально, т.е. по наименованию. Возможно, наиболее отчетливо видят это специалисты в сфере информационных технологий. Содержание труда тех из них, кто начал трудиться тридцать (или даже двадцать) лет назад, сегодня поменялось практически полностью. Им приходилось переучиваться неоднократно, осваивать новую информацию практически *непрерывно*, причем не только формальным путем – в стационарных учебных заведениях, на различных курсах, конференциях, семинарах и т.п., но и в неформальных беседах с коллегами или вполне самостоятельно. Необходимо учитывать, что самообразование, наряду с формализованным обучением, является существенной частью любого образовательного процесса. И доля таких профессий в современном мире постоянно расширяется.

[1] Эти данные прозвучали в выпуске региональных новостей (Вести – Приволжье, 9.04.2005).

[2] Кравченко А.И. Непрерывное образование: электронный ресурс: http://www.elitarium.ru/nepreryvnoe-obrazovanie-obuchenie-razvitie-chelovek-programma-navyki-kultura/

Г.В. Болотова,
канд. филол. наук, доцент кафедры теории и методики обучения

Н.Н. Новикова,
канд. пед. наук, доцент кафедры общетехнических дисциплин
и методики обучения технологии

А.Е. Квашнева,
начальник управления по организации и планированию учебного процесса
СГУ им. Питирима Сорокина

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОВМЕСТНЫХ МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ КАК КАНАЛОВ ВЕРТИКАЛЬНОЙ ЦИРКУЛЯЦИИ

В статье рассматриваются модели совместных образовательных программ магистратуры с зарубежными образовательными организациями в качестве каналов вертикальной циркуляции, представлены основные этапы нормативно-правового проектирования совместной образовательной программы и организационно-методические возможности электронного обучения при реализации магистерской программы УГСН «Образование и педагогические науки».

Ключевые слова: *вертикальная циркуляция, модернизация педагогического образования, международная совместная образовательная программа, электронное обучение.*

Система педагогического образования, функционирующая в Российской Федерации, актуализирует общественные ожидания, связанные с повышением качества образовательных результатов на всех уровнях образовательного пространства Российской Федерации, и отражает государственную политику, направленную на интернационализацию российской системы образования с целью демонстрации высоких рейтингов российских обучающихся в Международной программе по оценке образовательных достижений (PISA). В этой связи, знаковым явлением для профессионального педагогического сообщества стал Проект модернизация педагогического образования[1], задачами которого является изменение содержания и технологий подготовки педагогических кадров в соответствии с Профессиональными стандартами в сфере образования, развитие сетевого взаимодействия образовательных организаций и академиче-

[1] Программа «Модернизация педагогического образования в Российской Федерации»: Аналитическая справка о ходе реализации проекта [Электронный ресурс] / А.А. Марголис, М.А. Сафронова, А.Г. Каспржак, С.П. Калашников; ред. В.А. Болотов, В.В. Рубцов, И.Д. Фрумин. – М., 2015. Режим доступа: URL http://минобрнауки.рф/проекты/484/файл/4683/2015_итог_май.pdf (дата обращения: 22.08.2016).

ской мобильности обучающихся и преподавателей, что позволяет обеспечить многоканальный вход в педагогическую профессию, в том числе на международном трансграничном образовательном пространстве.

Вышеобозначенные задачи акцентируют внимание профессионального сообщества на технологиях управленческого проектирования нормативно-правового и организационно-методического сопровождения реализации моделей сетевого взаимодействия образовательных организаций разных типов, в том числе зарубежных образовательных организаций, в целях повышения качества педагогического образования в Российской Федерации. Исследуя потенциал возможностей сетевых форм взаимодействия образовательных организаций в процессе подготовки и переподготовки педагога, необходимо рассмотреть траектории управления моделями сетевого взаимодействия, которые являются основой для конструирования, функционирования и развития основных профессиональных образовательных программ магистратуры УГНС «Образование и педагогические науки». В соответствии с Национальной рамкой квалификаций, утвержденной приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 12 апреля 2013 г., № 148н[1], в данном виде образовательных программ согласно показателям 7-8 уровней квалификаций, у обучающихся-магистров должен формироваться характер знаний и умений, направленный на решение стратегических задач отрасли образования. Основанные на инновационных технологиях критического мышления сформированные профессиональные компетенции уровней могут настроить выпускника магистерской программы УГНС «Образование и педагогические науки» создавать и реализовывать новые смыслы развития образовательных организаций разных типов, непрерывно формировать инновационно-технологическое поколение граждан Российской Федерации. В этом смысле образовательные программы магистратуры УГНС «Образование и педагогические науки» необходимо рассматривать как канал вертикальной циркуляции, позволяющий в дальнейшем не только занимать более высокий социальный уровень[2], но и принимать решения на уровне крупных образовательных организаций в регионе, на уровне региональных и трансграничных систем образования.

Одной из важнейших задач Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг., которая направлена на совершенствование нормативно-правовых основ функционирования системы образования в условиях изменяющегося нормативно-правового базиса экономики и социальной сферы, является *создание и распространение структурных и технологических инноваций* в среднем профессиональном и высшем образовании, что предполагает выработку реальных практических механизмов для успешной реализации ряда норм Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и «поз-

[1]Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов: Приказ Минтруда России №148н от 12 апреля 2013 г. [Электронный ресурс].Режим доступа: URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/48 (дата обращения 18.05.2016).

[2] Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. С. 146.

волит также избежать правовых коллизий и тупиков, связанных с многоуровневым распределением полномочий в сфере образования между Российской Федерацией, ее субъектами, муниципальными образованиями и образовательными организациями»[1].

Одной из таких структурных и технологических инноваций являются модели сетевой формы реализации образовательных программ магистратуры совместно с зарубежными образовательными организациями, транслирующими международные практики открытого образования, которое способствует интернационализации лучших мировых практик в области образования, в том числе и российских. На наш взгляд, формирование модели педагога, способного быть конкурентным и эффективным в любой международной системе образования, может стать миссией совместной магистерской международной программы «Международное сравнительное образование» с участием неограниченного количества зарубежных участников, готовых включиться в совместную деятельность с российским университетом, имеющим опыт реализации магистерских программ УГСН «Образование и педагогические науки» и являющимся стратегическим лидером сферы образования в регионе. В рамках федерального проекта «Модернизация педагогического образования» в региональных профессиональных образовательных системах совершаются смысловые транзакции, которые приводят к созданию новых моделей сетевого взаимодействия для решения инновационных образовательных задач:

– развитие сетевого взаимодействия организаций сферы образования и других отраслей общественного сектора;

– создание сетей внутри образовательной системы между образовательными организациями разных типов и уровней, в том числе муниципального, регионального, федерального, международного;

– создание сетевого взаимодействия образовательных организаций для решения конкретных стратегических задач внутри отрасли образования, например, для создания единого научно-образовательного пространства или обмена опытом (например, в вопросах реализации требований новых федеральных государственных образовательных стандартов, методического взаимообогащения и пр.

Обозначенные модели сетевого взаимодействия возникли для решения назревших управленческих задач организации и планирования деятельности разнотиповых по структуре и тактике образовательных организаций, участвующих в реализации основных профессиональных образовательных программ УГНС «Образование и педагогические науки», стратегическая цель которых – достигнуть повышения качества педагогического образования, соответствующего требованиям инновационного развития Российской Федерации, современным потребностям общества и каждого гражданина. Открытым остается вопрос о нормативно-правовом и организационно-методическом сопровождении сете-

[1] О Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 23 мая 2015 г. № 497. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL :http://study.garant.ru/#/document/71044750/paragraph/1:4 (дата обращения: 15.06.2016).

вых форм реализации образовательных программ как структурных *траекторий технологического развития* образовательных организаций и образовательных программ.

Вступивший в силу с 1 сентября 2013 г. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» в статье 15 обозначил сетевую форму реализации образовательных программ двух типов: реализация программы только одной организацией, осуществляющей образовательную деятельность, с использованием ресурсов других организаций, в том числе иностранных; реализация образовательной программы совместно несколькими организациями, осуществляющими образовательную деятельность, при этом «Методические рекомендации по организации образовательной деятельности с использованием сетевых форм реализации образовательных программ»[1], закрепили в качестве дефиниции моделей организации сетевой формы не образовательные организации, а «образовательную программу». В целях решения стратегических вопросов модернизации и дальнейшего поступательного развития педагогического образования как социально-значимой образовательной платформы, наращивания системных преобразований качества российского образования, нам важно затронуть вопрос о правовых дефинициях договора о совместной деятельности образовательных организации разных стран. Предметом договора будет являться сотрудничество сторон в процессе реализации образовательных программ магистратуры, также в договоре должны быть обозначены условия и порядок осуществления образовательной деятельности по образовательной программе, реализуемой посредством сетевой формы, представлены регламентирующие позиции по распределению обязанностей между организациями, раскрыт поэтапно порядок реализации образовательной программы, описаны характер и объем ресурсов, используемых каждой организацией, реализующей образовательные программы посредством сетевой формы. Совместную магистерскую образовательную программу «Международное сравнительное образование» необходимо рассматривать как последовательную смену образовательных явлений в развитии; совокупность последовательных действий для достижения образовательного результата, как организованный процесс, в ходе которого осуществляется поэтапная реализация Федеральных государственных образовательных стандартов Российской Федерации и требований к результатам освоения образовательных программ магистратуры, предъявляемых в конкретной зарубежной образовательной организации. Миссия основной профессиональной образовательной программы магистратуры должна быть связана с процессом диверсификации, включающим качественные изменения компетентностной модели выпускника по УГНС «Образование и педагогические науки», который «преображаясь» переходит на качественно новый уровень образовательных результатов, синкретичными с Профессиональными стандартами в сфере образования Российской Федерации и нормативными документами Международной

[1] О методических рекомендациях: Письмо Министерства образования и науки РФ от 28 августа 2015 г. №АК-2563/05 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://study.garant.ru/#/document/71175428:0 (дата обращения: 3.03. 2016).

стандартной классификации образования (МСКО)» в редакции, представленной на 56 сессии генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 2011 год).

В этом смысле значительное методологическое обогащение проектирования новых подходов к системе управления образовательными организациями произошло благодаря возможностям, заложенным в методических рекомендациях Министерства образования и науки РФ о сетевой форме реализации основных образовательных программ, в которых раскрываются модели управления профессиональной образовательной сетью. Объектом формирования сетевых моделей являются не образовательные организации, а образовательные программы, представляющие открытый «комплекс основных характеристик (объем, содержание, планируемые результаты), организационно-педагогических условий…и иных компонентов»[1], способный на преобразования, а значит, на развитие в зависимости от образовательных целей, ресурсов, способов и методов управления сетевой основной профессиональной образовательной программой магистратуры с зарубежной образовательной организацией.

Выделение пяти моделей организации сетевой формы, которые, как отмечается в рекомендациях Министерства образования и науки Российской Федерации, не являются исчерпывающим, и позволяют их рассматривать в качестве организационного ресурса структурных и технологических инноваций в подготовке педагогических кадров на основе функционирующих Профессиональных стандартов, при этом, на наш взгляд, наиболее эффективным будет выбор двух моделей реализации совместной образовательной программы по УГСН «Образование и педагогические науки» с зарубежной образовательной организацией:

1. «Модель включения» модулей образовательных программ магистратуры, реализующихся в российской организации высшего образования, имеющей лицензию на осуществление образовательной деятельности, включая все уровни образования, и зарубежной организаций, осуществляющих образовательную деятельность по педагогическому направлению. Данная модель относится к наиболее доступным по правовому и методическому сопровождению вариантам реализации сетевой формы освоения образовательных программ магистратуры и предполагает «согласованное использование» образовательными организациями дисциплин (модулей), включенных в основные профессиональные образовательные программы образовательных организаций – партнеров. Профессиональным критерием согласования в этом случае будет являться заинтересованность в уникальном образовательном продукте по содержанию или в образовательной технологии, кадровом составе.

2. Модель «индивидуальный выбор» (включая выбор изучаемых дисциплин (модулей)), предполагающая академическую свободу студента и преподавателей, в том числе свободу территориального передвижения и единой онлайн платформы. Создается новая основная профессиональная образовательная

[1] Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016): Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.08.2016).

программа как уникальный образовательный продукт, *интеллектуальная собственность двух образовательных организаций*, что требует формирования организациями – партнерами согласованной матрицы рабочего учебного плана с модульным построением структуры, утвержденной аннотированной основной профессиональной образовательной программы на уровне образовательных организаций-партнеров, регламентации условий и порядка осуществления образовательной деятельности по совместной образовательной программе, реализуемой посредством сетевой формы, в том числе распределение обязанностей между организациями, совместное календарное планирование, решение вопроса о выдаваемых документе или документах об образовании и (или) о квалификации, документ или документы об обучении.

Данная модель не находит детального отражения в нормативно–правовых документах Российской Федерации, регламентирующих образовательную деятельность, при этом позволяет российской и зарубежной организациям наиболее полно реализовать академические возможности интернационализации и создать концептуально качественный образовательный продукт на основе синкретизма образовательных традиций и новаторства различных систем образования. Такая модель предполагает включение механизмов управления образовательными траекториями обучающихся с использованием электронной информационно-образовательной среды, в том числе составление образовательных дистанционных курсов, онлайн образовательной программы, обеспечивающих индивидуальные онлайн-маршруты обучающихся и преподавателей.

Рост числа образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий соответствует Образовательной политике ЮНЕСКО, провозгласившей в качестве одного из своих приоритетов «образование для всех». В условиях глобализации системы образования наблюдается увеличение количества международных совместных образовательных программ, т.е. программ без территориальных границ благодаря декретному провозглашению электронного обучения и дистанционных технологий полноправными образовательными информационно-коммуникационными платформами обучения. Международная практика внедрения электронного обучения стала одним из социокультурных факторов доступности образования для всех слоев общества, ускорению вертикальной циркуляции (П. Сорокин), в которой территориальные и социальные условия получения образования не являются доминирующими. Закономерным фактором успешности образовательной программы становится ее интернационализация, т.е. доступность не социальная, а межконтинентальная, определяющаяся, в том числе количеством иностранных студентов, заинтересованных в получении образования по конкретной образовательной программе. При проектировании совместных образовательных программ в организациях–партнерах (российской и зарубежной образовательной организации) особое внимание следует уделить созданию и функционированию современной электронной образовательной среды, нацеленной на создание условий для освоения обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места их нахождения. Электронная образовательная среда в данном случае должна включать: электронные информацион-

ные и образовательные ресурсы; сервисы для разработки образовательного контента; комплекс современных технических устройств; телекоммуникации и средства связи для организации интерактивного взаимодействия между субъектами образовательного процесса. В процессе освоения содержания образовательных программ обучающиеся должны иметь неограниченный доступ к электронным образовательным ресурсам, системе тестирования, базам данных, новейшим электронным библиотекам, образовательным электронным платформам и т.д. в различных формах представления информации (текст, звук, графика, анимация, видео). При этом важное значение приобретают современные организационные формы обучения, способствующие развитию активной деятельности обучающихся с образовательным контентом. На наш взгляд, одной из лучших международных образовательных платформ, позволяющих реализовывать образовательные и научно-исследовательские возможности для качественного формирования совместных образовательных программ, является международная электронная образовательная платформа Blackboard. При этом выбор данной системы обусловливается: количеством и качеством предоставляемых системой средств организации интерактивного взаимодействия; соответствием используемых системой технологий масштабам образовательного процесса каждого отдельного университета; наличием технического и консультационного сопровождения производителя; возможностью быстрого и эффективного вовлечения обучающихся в образовательный процесс.

В то же время, ограничение реальных возможностей управления совместной образовательной программой магистратуры связано, прежде всего, с непригодностью привычных образцов деятельности в образовательных организациях, административные усилия которых направлены на текущее функционирование организационной структуры образовательной организации и ее деятельности (экономической, хозяйственной, правовой и т.д.). Этим процессом необходимо управлять, исходя из образовательных смыслов процессов преобразований, заложенных в совместной основной профессиональной образовательной программе. Процессное управление качественным функционированием образовательной программы, включает согласование и нормативно-правовое регламентирование обязательных форм учебно-методической документации, необходимой для организации образовательного процесса: учебный план, календарный учебный график, рабочие программы учебных дисциплин, фонды оценочных средств, методические материалы и т.д., содержание и проектирование которых зависит от выбора модели совместной магистерской программы, ее стратегической образовательной цели, утвержденной в образовательных организациях и уровня сформированности управленческих компетенций руководителей образовательных программ.

На наш взгляд, немаловажное значение при проектировании цикла управления совместной магистерской образовательной программой «Международное сравнительное образование» является изначальная апробация реализуемых модулей, которая включает ряд организационных мероприятий, таких как формирование и утверждение состава рабочей группы по реализации образовательной программы, согласование платформы для онлайн-управления совместным обу-

чением; разработка учебного плана совместной образовательной программы; утверждение перечня научно-исследовательских проектов по проблематике совместной образовательной программы; утверждение проекта совместной образовательной программы; объявление приема обучающихся на совместную образовательную программу по итогам апробации; подготовка маркетинговых материалов в каждом университете для набора абитуриентов; публикация маркетинговых материалов на сайтах вузов и двух (обязательно) рекрутинговых студенческих сайтах; мониторинг качества совместной образовательной программы; рецензирование проекта совместной образовательной программы представителями профессионального сообщества, работодателями, аккредитационными агентствами. Немаловажное значение имеет также разработка и утверждение локальной нормативной базы для реализации совместной образовательной программы и определение основных позиций для формирования учебно-методической документации и апробации курсов: формирование и согласование унифицированной матрицы онлайн-курсов (количество зачетных единиц, компетенции, элементы онлайн-структуры, форма содержания – Паспорт курса); утверждение паспорта онлайн-курсов для платформы Blackboard; разработка и реализация онлайн-курсов; мониторинг качества апробации онлайн-курсов.

Обязательные мониторинговые мероприятия, направленные на проверку эффективности выбранной модели реализации совместной международной программы, позволят решать не только тактические, требующие постоянных корректирующих действий, но и стратегические задачи касательно ее развития. На наш взгляд, представленный процессный цикл управленческой деятельности, применимый для реализации магистерской программы «Международное сравнительное образование», позволит профессионально отработать эффективный ресурс сетевого взаимодействия образовательных организаций разных стран в целях повышения образовательного потенциала направлений подготовки УГНС «Образование и педагогические науки».

И.И. Гливенко,
магистрант направления подготовки «Культурология»
профиль «Прикладная культурология»
Северо-Кавказский федеральный университет

ИДЕИ ПИТИРИМА СОРОКИНА И ГУМАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

На материале ряда работ российского, советского и американского периода научной деятельности П.А. Сорокина в статье показаны характерные черты гражданского гуманизма социологической концепции, где проблемы морали и ценности человеческой жизни тесно связаны с образованием. Рассмотрено, что культура и альтруистическая любовь являются основными источни-

ками гуманизации истории человечества. Раскрывается эвристический потенциал концепции социального пространства и сложный характер социальной мобильности в современном российском обществе. Обращается внимание на образование как один из главных социальных лифтов, способствующий изменению социального статуса и продвижению людей.

Ключевые слова: *П.А. Сорокин, социальное пространство, гуманистический потенциал, интегральная личность, социальные институты, социальная мобильность, социальная стратификация, гуманизация, образование, исторические ролевые игры.*

Изучая величайшее творческое наследие выдающегося русского и американского социолога и культуролога Питирима Александровича Сорокина (1889–1968), в новом свете становится видна глубина и значимость его социологии. Из «одного из родоначальников буржуазных теорий социальной мобильности и стратификации»[1] он прославился как социолог-гуманист с мировым именем. В письме от 25 мая 1955 года сотрудники отделения социальных отношений Гарвардского университета отметили, что труды П.А. Сорокина обеспечили ему «прочное место в анналах науки и гуманизма»[2]. Научные труды П.А. Сорокина наглядно демонстрируют огромный пласт проблем изучения общества, несут в себе идеи просвещения и гуманизма. Гуманизм как целостная система взглядов и обширное течение общественной мысли формируется в эпоху Возрождения, в дальнейшем обретая различные направления: религиозный, светский, просветительский, научный, этический и др. Гражданский гуманизм, по моему мнению, является отличительной чертой гуманистического мировоззрения П.А. Сорокина, в которой проблемы ценности человеческой жизни и морали тесно переплетаются с образованием.

Еще в детстве, живя среди народа коми, П.А. Сорокин впитал высокие нравственные принципы повседневной жизни. В своей автобиографии он выделяет, что «общинная мораль и нравы коми основывались на обычаях золотого века, десяти заповедях и взаимопомощи. Эти нравственные принципы рассматривались как данные свыше, безусловно, обязательные и императивные. В качестве таковых они составляли основу человеческих взаимоотношений не на словах, а на деле»[3]. Нравственные ценности христианства он проносит через всю свою жизнь. Успешно закончив Гамскую школу второй ступени, П. Сорокин получает рекомендации к продолжению образования в учительской семинарии, готовившей учителей для церковно- приходских школ. Новый круг общения, народный гнев, вылившийся в революцию 1905 года, существенным образом изменили его мировоззрение. В 17 лет П.А. Сорокин вступил на путь ре-

[1] Ульяновский В.И. Гражданский гуманизм социологической концепции П.А. Сорокина. Вестн. Север. (Арктич.) федер. ун- та. Вып. № 2. 2014. С. 627.

[2] Сорокин С.П. Мемуары. URL: http://pitirim.org/index.php/unsorted/sergei-sorokin/memoirs?showall=&limitstart

[3] Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография: пер. с англ. / общ. ред., предисл. и примеч. А.В. Липского. – М.: Терра; Московский рабочий, 1992. С.14.

волюционной деятельности, став одним из лидеров партии социалистов-революционеров. Он пишет: «политическая индифферентность уступила место революционному порыву. Я превратился в активного агитатора за свержение царизма», став «бродячим миссионером революции»[1]. Первый научный труд П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда» был написан, когда он был еще студентом Санкт- Петербургского университета. В работе на основе гуманистической морали строится диалектика концептов преступления и кары, подвига и награды. Источником преступления является конфликт разнородных шаблонов поведения, и, как следствие, резко возрастает амплитуда кар и наград. Через одно-два-три поколения шаблоны поведения выравниваются, необходимость в слишком суровых карах и слишком высоких наградах отпадает. Когда мир будет составлять единую замиренную группу, тогда надобность в карах и наградах исчезнет, преступлений и подвигов больше не будет, тогда, считает П. Сорокин, возникнет сверхчеловек, стоящий по ту сторону права и морали[2].

В 1906 и в 1913 годах Питирим Александрович был арестован царской полицией, а в 1918 году большевистским правительством за участие в антибольшевистских организациях и агитацию против власти заставили его по-новому взглянуть на ценность жизни. В своей автобиографии П. Сорокин пишет о пережитых ужасах «красного террора»: «Наконец, меня арестовали и приговорили к смерти. Ежедневно в течение шести недель я ожидал расстрела и видел, как расстреливали моих друзей и заключенных. Кому понадобилось, в чьих интересах лишать жизни этих молодых людей? Их смерть необходима во имя счастья человечества и светлого будущего последующих поколений. Хотел бы я посмотреть новые поколения, которые построят свое счастье на крови и страданиях предыдущих генераций»[3]. Вероятно, во время этих трудных испытаний судьбы он пришел к осознанию того, что «жизнь, даже самая тяжелая, – это самое драгоценное сокровище в мире. Следование долгу – другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменять своим идеалам. Третья вещь, которую я познал, заключается в том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении»[4]. Имея отторжение в душе по отношению к советской власти, но понимая, что старые утопические идеи нежизнеспособны и отсутствуют реальные политические силы, способные противостоять коммунистическому режиму, П. Сорокин решает отойти от политической деятельности. Он посвящает себя науке и преподаванию социологии, так как еще в 1917 году при Временном правительстве А.Ф. Керенского социология была введена в число изучаемых дисциплин в университетах. В 1920 году была опубликована его «Система социологии», ко-

[1] Там же. С. 37.
[2] Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М., 2006.
[3] Сорокин П.А. Долгий путь. – Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР; Шыпас, 1994. С. 133.
[4] Сорокин П.А. Дальняя дорога. С. 144-145.

торая в 1922 году была представлена к защите и получила одобрение оппонентов и слушателей, практически став магистерской диссертацией. По мнению В.В. Василенко, с гуманистических позиций П.А. Сорокин рассматривает проблемы толерантности, вполне актуальные для России нашего времени. В обществе значительных социальных контрастов, противоречий, конфликтов толерантность является одним из главных условий стабильности[1]. Обращаясь к истокам христианства, П. Сорокин предостерегает от понимания толерантности как пассивного воздержания от действия. Этика христианства не является этикой пассивного бездействия. Это этика высшей толерантности[2]. Будучи человеком, пережившим три российских революции, Питирим Сорокин отрицает революцию как форму решения социальных проблем. Он критически относится к итогам социалистической революции, когда обещанная свобода обернулась диктаторским деспотизмом власти, жесточайшей гражданской войной и катастрофической нищетой народа. В работе «Социология революции» он выдвигает утверждение, что «…революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс. На словах обещается реализация величайших ценностей, на деле же… достигаются совершенно другие результаты. Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение класса. Чего бы она не добивалась, достигается это чудовищной и непропорционально великой ценой»[3]. Исторический опыт доказывает, что все революции совершаются под одними лозунгами, но через некоторое время эти лозунги забываются и плодами революции пользуется новая политическая элита. Расхождение между идеалами и лозунгами революций и их реальными результатами П.А. Сорокин называет «законом социального иллюзионизма». Согласно мнению П.А. Сорокина, реформы не должны унижать человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам; тщательное научное исследование конкретных условий должно предшествовать любой практической реализации их реформирования; каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе; реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами. Революции же презирают эти ограничения[4].

П.А. Сорокин трагически воспринял начавшуюся Вторую мировую войну. Он считал, что существующие теории и рецепты истребления войн политическими средствами и демократическими реформами не гарантируют их уничтожения. В поисках особенного механизма спасения общества, идущего к гибели, П.А. Сорокин обращается к поиску путей нравственного совершенствования общества на основе альтруистической любви. Эта бескорыстная, созидательная любовь, о которой мы знаем все еще очень мало, потенциально является огром-

[1] Василенко В.В. П.А. Сорокин – выдающийся ученый, педагог и общественный деятель прошлого века // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.18. 2010. № 1. С. 31-44.
[2] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. С. 195.
[3] Там же. С. 270.
[4] Там же. С. 271.

ной энергией – настоящей misterium tremendum et fascinosum (лат. «тайна великая и завораживающая»). Именно созидательная любовь потенциально обладает огромной энергией, и проблема состоит в том, как сделать людей альтруистичными, чтобы люди вели себя как представители человечества, объединенные в одну крепкую семью[1]. По мнению П.А. Сорокина, любовь, созидающий альтруизм – это путь спасения человечества. А такие методы и древние приемы воспитания альтруизма, как йога, буддизм – из арсенала монашеских орденов, – остались непревзойденными по своей изобретательности, тонкости и эффективности. Понимание феномена бескорыстной созидательной любви невозможно без объективных знаний об обществе, культуре, системе ценностей. Культура – основной источник гуманизации человеческой истории. П. Сорокин уделяет огромное внимание изучению динамики социокультурных и ценностных систем. Этим проблемам посвящены работы «Социальная и культурная динамика», «Социальная мобильность», «Кризис нашего века» и др. Изучать общество он предлагает как с точки зрения объективных изменений социокультурных суперсистем, так и с точки зрения интегральной сущности человека. П. Сорокин считает, что общий принцип социокультурной суперсистемы, на основе которой формируется историческая и социальная жизнь обществ, – это господствующая система истин, философии, мировоззрения, религии, литературы, эстетики, искусства, экономики и политики.

Как отмечает В.И. Ульяновский: «Возникнув, социокультурная суперсистема получает свою логику развития, эволюционирует по своим внутренним законам. Эти изменения составляют сущность социокультурной динамики. В своем историческом изменении социокультурная система циклически проходит идеациональную, идеалистическую (интеграционную) и чувственную фазы. Главный критерий выделения той или иной фазы – определенный способ осмысления реальности»[2]. Значительное место в творчестве П. Сорокина занимает выдвинутая им концепция интегральной личности, которая формируется под воздействием космических, биологических, социально-психологических, но прежде всего – социокультурных факторов. Идеал интегральной личности должен соответствовать интегральной ценности существующего мира – Истины, Красоты и Добра. Здесь просматривается следование христианскому идеалу – духовно богатой личности, но бедной материально. Доброта, утверждает П.А. Сорокин, может положить конец агрессивности индивидов и групп, преобразовать враждебные отношения в дружеские. Но проблема в том, что достижения в области Добра значительно уступают достижениям в области Истины и Красоты. Очень жаль, что при осуществлении революционных преобразований в России никогда не ставился вопрос о гуманности путей и средств достижения поставленных целей, об их соответствии интегральной природе человека. Огромнейшим эвристическим потенциалом в понимании структурной организации общества обладает представленная П.А. Сорокиным концепция со-

[1] Сорокин П.А. Дальняя дорога. С. 196-197.

[2] Ульяновский В.И. Гражданский гуманизм социологической концепции П.А. Сорокина // Вестн. Север. (Арктич.) федер. ун- та. 2014. Вып. № 2. С. 163.

циального пространства. Внутренний смысл социально-пространственного восприятия общественных отношений состоит в том, что оно позволяет всесторонне отразить специфику социального мира человека – его социальное окружение, круг общения, уровень сближения или отчуждения как между людьми, так и субъектами власти. В качестве каналов вертикальной мобильности П.А. Сорокин указывает такие социальные институты, как семья, школы, армия, церковь, политические и профессиональные организации. Это не только каналы вертикальной циркуляции, но в то же время «сито», которое тестирует, просеивает, отбирает и распределяет индивидов по различным стратам и позициям[1].

Социальная статистика последних лет (2013–2015 гг.) констатирует факт значительной деградации первичной ячейки общества – семьи как социального института, что выявилось в увеличении количества детей, рожденных вне зарегистрированного брака (около 40 %), социальных сирот при живых родителях, росте детской и подростковой преступности и др. Не секрет, что школа, образование как социальный институт находятся сегодня в кризисном состоянии. По мнению В.И. Ульяновского, «существующая система образования вступила в противоречие с потребностями экономики, но не общества! Гуманистическое и гражданское общество должно поощрять молодых людей, стремящихся к знаниям, а обращенные к молодежи примитивные призывы политиков получать рабочие профессии, объективно не могут обладать привлекательностью. Стремление молодежи к получению высшего образования оправдано не только престижностью умственного, управленческого труда, но и материальными соображениями»[2]. Знаменитый американский ученый, экономист Гэри Стэнли Бэккер, лауреат Нобелевской премии по экономике (1992), первым осуществил статистически корректный подсчет экономической эффективности образования. Проведя анализ заработков лиц, имеющих высшее образование в течении определенного жизненного периода, он показал существенный разрыв их доходов по сравнению с лицами, имеющими среднее образование[3].

Стоит отметить, что в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» в Главе 1 статье 3. «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования» говорится, что одним из главных принципов является «гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования»[4].

Перекликается с идеями гуманизации Питирима Сорокина доклад ЮНЕСКО «Переосмысливая образование. Образование как всеобщее благо?». Во

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 405.

[2] Ульяновский В.И. Гражданский гуманизм социологической концепции П.А. Сорокина. С. 164.

[3] Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // Тезис. 1993. Т.1. Вып.1. С.38.

[4] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон N 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2015-2016 года (Гл.1 ст.3).

второй главе «Подтверждение гуманистической концепции образования» говорится о гуманистическом подходе к образованию, об обеспечении более инклюзивного образования, о трансформации образовательного ландшафта, о роли преподавателя в обществе, основанном на знаниях. Авторы доклада задаются вопросами: какое образование необходимо в XXI веке? Какова цель образования в условиях реформирования общества? Как должно быть организовано обучение? И содержание данной публикации позволяет наиболее полно и точно ответить на эти волнующие современное мировое сообщество вопросы. В сложном меняющемся мире и образование должно меняться. В условиях значительных трансформаций общества требуются новые формы образования, способствующие развитию высоких профессиональных знаний, особенно нужных обществам и экономикам как сегодня, так и завтра. Это значит, что помимо обучения грамотности и навыкам счета, надо сосредоточиться на изучении окружающего мира и на использовании новых подходов к обучению и воспитанию во имя большей справедливости, социального равенства и глобальной солидарности.

Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова считает «Образование должно учить людей тому, как жить на нашей планете, испытывающей сегодня колоссальную нагрузку, учить культурной грамотности, основанной на уважении и равноправном достоинстве, помогая свести воедино социальные, экономические и экологические аспекты устойчивого развития. В этом состоит гуманистическое видение образования как важнейшего общественного блага»[1]. Нельзя не согласиться с этим мнением, так как я тоже считаю, что образование должно соответствовать требованиям времени.

«В гуманистической концепции образования подтверждается набор универсальных этических принципов, которые должны быть положены в основу комплексного рассмотрения цели и организации образования для всех. Подобный подход оказывает влияние на параметры процессов обучения, способствующих приобретению соответствующих знаний и развитию навыков в интересах всего человечества. Гуманистический подход выводит дискуссию об образовании за рамки его утилитарной роли в экономическом развитии. Главное внимание в нем уделяется инклюзивности образования и тому, чтобы в рамках такого образования никто не оказался в социальной изоляции или чувствовал себя изгоем. Такой подход служит руководящим принципом в процессе трансформации глобального образовательного ландшафта, в котором учителям и другим воспитателям по-прежнему отводится ключевая роль содействия обучению в интересах устойчивого развития для всех»[2].

Идеи гуманизации также близки автору как учителю истории и обществознания в школе № 1 города Ставрополя, в которой работаю 15 лет. Жизнь учителя – это постоянное восхождение к достижениям человеческой культуры, стремление «быть с веком наравне», непрерывное учение и самовоспитание (у жизни, книг, своих учеников). Все лучшее, прогрессивное впитывается учите-

[1] Всемирный доклад ЮНЕСКО «Переосмысливая образование. Образование как всеобщее благо?». 2015. С. 3.
[2] Там же. С. 37.

лем, становится личным достоянием и в конце концов отдается делу. Счастье учителя – воспитание человека высокой нравственности, подлинной культуры и интеллигентности, обостренной совести и долга, человека которому можно доверить оружие солдата, самый сложный механизм, права и обязанности гражданина. Я думаю, как вырастить такого человека, как развить его ум и душу и в своей деятельности применяю всевозможные способы, формы, средства деятельности как на уроке, так и после, чтобы сделать учение сердцевиной духовной жизни школьников, а их самих активными, заинтересованными и сознательными участниками собственного обучения и воспитания. Я применяю различные формы уроков от традиционных (уроки изучения нового учебного материала; уроки совершенствования знаний, умений и навыков; уроки обобщения и систематизации, комбинированные уроки; уроки контроля и коррекции знаний, умений и навыков и т.д.) до нетрадиционных (уроки в форме соревнований и игр: конкурс, турнир, деловая игра, ролевая игра, кроссворд, викторина; уроки, основанные на формах, жанрах и методах работы, известных в общественной практике: исследование, изобретательство, анализ первоисточников, комментарии, мозговая атака, интервью, репортаж, рецензия; уроки, напоминающие публичные формы общения: пресс-конференция, аукцион, митинг, регламентированная дискуссия, панорама, телепередача, диалог, «живая газета», устный журнал; уроки, основанные на имитации деятельности учреждений и организаций: суд, следствие, трибунал, ученый Совет;интегрированные урокии т.д.). Яркой особенностью, креативом, в хорошем смысле этого слова, являются в нашей первой школе исторические ролевые игры по разным темам: Древняя Греция – Герои Эллады; Средневековый рыцарский турнир; Фестиваль средневековой культуры; Русь изначальная; Отечественная война 1812 года; Подвиг декабристов; Героям Великой Отечественной войны посвящается и т.д. В процессе подготовки к играм ребята несколько месяцев готовятся к ним: собирают материал, шьют костюмы, готовят реквизит, пишут сценарии с помощью учителей и родителей, без устали репетируют. А затем, самое приятное и интересное – на сцене школьного актового зала выступают перед многочисленными зрителями. Игры проходят как увлекательный праздник! В первой школе ролевые игры по истории стали уже хорошей традицией, важным компонентом разнообразной внеклассной жизни, где любой ребёнок может раскрыть и показать свои творческие возможности. Прекрасное знание учеников, понимание и уважение их запросов, проблем, потребностей и интересов позволяют мне находить действенные формы обучения постепенно усложняя и обогащая их содержание, увеличиваю долю самостоятельности учеников, развивая мотивацию, создавая условия для наиболее полной реализации способностей детей. Достойные результаты (победители и призёры олимпиад разных уровней по истории, обществознанию, праву, экономике; высокие баллы по ЕГЭ и ОГЭ по истории и обществознанию, победа и участие в исторических конкурсах и играх и т.д.) моей педагогической деятельности – лучшее доказательство плодотворности такого гуманного, ставящего в центр внимания личность ученика, подхода к его воспитанию и обучению. По новым стандартам ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образование должно в первую очередь в процессе обу-

чения воспитывать учащегося достойным гражданином своей страны, знающим историю и любящим свою Родину!

Таким образом, можно сделать вывод, что идеи Питирима Александровича Сорокина, ориентированные на признание ценности человеческой жизни и гуманизацию условий бытия человека, не только являются актуальными и в настоящее время, а также их гуманистический потенциал получает дальнейшее развитие в отечественной и зарубежной науке и в российском образовании.

Л.В. Канаева,
канд. филос. наук, доцент
НИУ ЮУрГУ

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье предпринята попытка актуализировать теории социальной мобильности и социокультурной динамики Питирима Сорокина в контексте процессов, наблюдаемых в российском высшем образовании. Проводится аналитическая операционализация количественных критериев всеобщности и интенсивности образовательной мобильности молодежи в период эклектического завершения большого социально-образовательного цикла. Критически оценивается слабо селектируемая массовость обладателей высшим образовательным цензом с точки зрения нереализованности накапливаемого молодёжью образовательного капитала и рисков на рынке труда. При рассмотрении современной модели интенсивности прохождения образовательных ступеней вводится противоположное понятие квазиинтенсивности, связанное с излишним пребыванием на этапе образования в виде «пролонгированных образовательных карьер».

Ключевые слова: *Питирим Сорокин, теория социальной мобильности, теория социокультурной динамики, образовательный канал мобильности, массовизация высшего образования, образовательная интенсивность, молодёжный рынок труда.*

Качество эмпирических исследований и социального управления во многом зависит от актуального состояния теорий, на которые опираются ученые и управленцы. Это касается и фундаментальных теорий Питирима Сорокина – социальной мобильности (1926 г.) и социокультурной динамики (1937 г.) – также требующих методологических уточнений и контекстных обновлений в соответствии с конкретным периодом социокультурного цикла. Разработанные выдающимся русско-американским социологом классические виды и базовые понятия социальной мобильности весьма активно используются в анализе со-

временного гипермобильного общества, в том числе и в исследованиях мобильных процессов в сфере российского высшего образования.

Его мобильность как института[1] сегодня имеет тревожную специфику: затянувшаяся модернизация, множественные флуктуации, отрицательные девиации – становятся всё более очевидными. И указывают на низкую эффективность образовательного канала мобильности с точки зрения его преемственности с трудовой карьерой. Следуя теоретическому дискурсу Питирима Сорокина, индивидуальной образовательной (вузовской) мобильностью является такое использование образовательного канала развития, которое в случае успешного его прохождения предоставляет индивиду неоспоримые и гарантированные преимущества.

В ситуации, когда карьерное понимание образования[2] является ведущим в рациональном сознании россиян, необходимо критически рассматривать эффективность поствузовского механизма распределения выпускников в социально-профессиональной пирамиде.

Возросшая массовость (или «всеобщность» по Сорокину) прихода молодежи в вузы и, часто избыточная, интенсивность его получения в виде пролонгированных горизонтально и вертикально образовательных карьер, стали одной из причин неправильных вузовских механизмов: тестирования, селекции и дистрибуции. В результате появились многочисленные контингенты молодых людей, неспособных адекватно реализовать своё образование. Возникла острейшая социальная проблема, касающаяся не столько репутации высшего образования, сколько несостоятельности молодежного рынка труда, на котором гарантированное трудоустройство и понятная карьерная мобильность стали редким явлением.

Конечно, нисходящая мобильность самих вузов и продолжительное состояние неустойчивости обусловлены синхронными социально-экономическими изменениями, породившими высокий уровень социального неравенства и стремление молодежи к обретению высших статусов любой ценой – на свой страх и риск. Высшее образование перестало быть надёжным общим «элеватором» (метафора П.Сорокина), поднимающим выпускников на должный уровень интеллектуального рынка труда, где отнюдь не всех принимают и признают их квалификационный потенциал.

Интеллектуальный сегмент молодежного рынка можно назвать «рынком покупателей» рабочей (интеллектуальной) силы, нежели «рынком продавцов»,

---

[1] Канаева Л.В. Образовательная мобильность в России: исправление дефективности // Питирим Сорокин и перспективы глобального развития XXI века (к 125-летия со дня его рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г.: сборник научных трудов / редкол.: И.Е. Фадеева, отв. ред. В.А. Сулимов, Л.В. Гурленова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. С. 582.

[2] Истиховская М.Д., Куликова Н.В., Михальченкова Н.А., Сулимов В.А. Реализация социокультурного подхода в высшем университетском образовании // Питирим Сорокин и перспективы глобального развития XXI века ( )к 125-летия со дня его рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г.: сборник научных трудов / редкол.: Е.И. Фадеева, отв. ред. В.А. Сулимов, Л.В. Гурленова. – Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2014. С. 55.

требующих для себя достойные условия. Однако, любой дисбаланс, в том числе и этот, не может быть постоянным и долгим, поскольку тоже имеет изменчивую мобильность. И уже давно нуждается в новой регуляции.

В России сложились несколько сценариев профессиональной самореализации молодых специалистов с высшим образованием – от головокружительной карьеры до безработицы и неквалифицированной занятости. Наряду с повышающей постобразовательной мобильностью присутствует и понижающая, на долю которой приходится всё больше обладателей дипломов высшего образования. Что указывает на нерентабельность накапливаемого в стране образовательного капитала (индивидуального и общественного), на очевидный сбой мобильности канала высшего образования.

Он уже не работает как лифт, распределяющий «по верхним этажам социальной пирамиды». Но приобрёл разные модификации: от толерантности к частным «отверстиям» и «лазейкам» (в виде протекции, непотизма), до «поля чудес» из трамплинов в виде рекрутинговых агентств, ярмарок и конкурсов вакансий. При этом виноватой оказывается исключительно система высшего образования, как нечувствительная к потребностям экономики и выпускающая невостребованных специалистов.

Прошедший либеральный период развития высшего образования ассоциируется с его возросшей демократизацией и увеличением доступности, хотя рынок труда оказался не готовым к таким демократическим изменениям, а также, коммерциализацией или академической капитализацией, которые минимизировали отбор контингента. Экономическая либерализация внесла в вузы хаос рыночных противоречий и эклектические ценности, которые Питирим Сорокин однозначно связывал с системным кризисом. Он оценивал эклектический период как финал завершающегося цикла, но одновременно и переход к новой идеациональной стадии следующего цикла.

Нынешний кризисный период, переживаемый российским обществом и системой высшего образования в частности, содержит то эклектическое смешение тенденций, моделей, норм, ценностей, поведенческих паттернов, понять и оценить которые помогает теоретическая рамка социокультурной динамики П. Сорокина. Согласно её логике, финальный этап каждого цикла демонстрирует усталость и спад творческой энергии, прогрессирующий релятивизм и разрушение всех ценностей.[1]

Объяснима тупиковость поддержания академических традиций, деградация мотивации студентов к старым форматам обучения, рассогласование качества высшего образования с ожиданиями общества и девальвация дипломов на рынке труда, а также непартнёрские настроения работодателей как эгоистических покупателей молодёжной рабочей силы.

[1] Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество /общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. С. 494

П. Сорокин, представляя особенности вертикальной мобильности, обозначил её количественные параметры – интенсивность и всеобщность[1], которые сегодня при рассмотрении образовательного канала в российском обществе требуют актуальной операционализации. Как на понятийном уровне, так и аналитическом, с целью выявления разнообразных факторов влияния на мобильную функциональность высшего образования в России. И ниже предпринимается такая попытка.

1. Современный контекст понятия всеобщность мобильности

Первый количественный критерий всеобщности (или массовость) при экстраполяции на образовательную мобильность превратился в критерий международной конкуренции среди государств по качеству человеческих ресурсов, что не могло не отразиться на ослаблении фильтров в вузы. Так, одним из трех показателей индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) является индекс образования, рассчитываемый как среднее значение индексов средней продолжительности обучения населения и ожидаемой продолжительности обучения населения. Россия год от года улучшает этот показатель, занимая 36 позицию[2]. Но чтобы подняться ещё выше, придётся всё население страны учить как можно дольше на всех ступенях, не стремясь к улучшению качества и интенсивности образования. Это конечно абсурдно и указывает на отсталость мониторинга международных индексов, проводимого ООН.

Поскольку социально-экономические последствия такого соревнования чреваты перепроизводством специалистов, его структурными диспропорциями и низким качеством подготовки. Поэтому рост количественного показателя по наличию высшего образования в стране стал тревожным симптомом социально-экономического напряжения и неэффективного использования человеческого потенциала в экономике.

Об опасности ориентации на количественные показатели, «болезни колоссальности» пророчески предупреждал Питирим Сорокин. Он критически высказывался о количественной мании величия, в том числе относительно несоразмерно большого числа колледжей в США по сравнению с Англией и Францией[3]. В описании кризиса в искусстве, он метко охарактеризовал, чем заканчивается подавление количеством качества и внутреннего содержания: «Чем больше и разнообразнее масса материала, тем труднее её обработать и тем труднее интегрировать её в единую устойчивую гармонию ... В то же время акцент на размерах означает выбор пути наименьшего сопротивления. Любой может взгромоздить массу на массу, количество на количество, но только гений

---

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество /общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. С. 376.

[2] Рейтинг стран мира по уровню образования. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info (дата обращения: 18.03.2015).

[3] Сорокин П.А. Социокультурная динамика // Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. С. 458.

с максимальной экономией средств может создать шедевр.»[1] Тоже самое можно сказать относительно неселектируемой избыточности в образовательной сфере.

Любая мобильность не возникает сама по себе, она всегда имеет социальную целесообразность, направленность, организованность. Лишь в особые разбалансированные периоды, которые П. Сорокин назвал эклектичными, функциональность мобильности дезорганизуется, сопровождается рисками, сбоями. Пример тому массовая «миграционная болезнь», охватившая мир, и ввергшая в хаос государственные системы, нормы, ценности и поведенческие практики. Другой печальный пример – всеобщее стремление к получению *высшего* образования сразу после школы, минуя профессиональную стадию среднего образовательного уровня.

Принято считать, что массовость образовательной мобильности возникла вследствие прогрессивной демократизации общества, которая лишь открыв новые возможности, стала превращаться в свою противоположность – высокую иерархизацию общества. Именно реакция на возрастающее социальное неравенство стимулировала массовую образовательную активность молодежи, во имя хорошего карьерного старт-апа.

Нынешний профессиональный выбор молодых людей со всей наглядностью отражает ценности «кризисного» эклектического периода. Что прослеживается в стремлении молодежи:

- во-первых, к комфортным условиям труда, что свидетельствует о возрастании гедонистических настроений;

- во-вторых, к финансовым синекурам, где главный профессиональным результатом считается высокий доход;

- в третьих, к профессиям публичным, что отражает коммуникативные качества молодых и ориентацию на общественное внимание, сопровождающиеся нарциссизмом самоутверждения и властно-иерархическое доминирование;

- в четвертых, к профессиям творческим, что продиктовано страхом перед однообразной рутиной, подчинением жестким инструкциям,

- в пятых, к профессиям героическим в военно-силовом сегменте, где странным образом сочетаются романтизм, патриотический идеализм, физическое самоутверждение и финансовая обеспеченность.

Описанные ведущие мотивы выбора профессий, отражают ментальные установки весьма стратифицированного общества, где вузовский диплом перестаёт быть надёжным «социальным элеватором», доставляющим *всех* на высокие статусные уровни, как было в советские времена. Университетский лифт социальной циркуляции развозит теперь не только по высшим этажам социальной пирамиды, как было во времена П. Сорокина, но практически по *всем этажам,* непредсказуемо градуируя и дифференцируя группы выпускников. Ранговая дифференциация их статусов зависит от достаточно постоянных критериев:

- статуса профессии – о межпрофессиональной стратификации П. Сорокин блестяще описал ещё в ранней работе[1], в современной же России профессио-

[1] Там же.

нальная стратификация сохраняется достаточно высокой, периодически меняя положение приоритетных групп;

- статуса территории – уровня её социокультурного и экономического развития как среды благоприятной или нет для реализации образовательно-квалификационного потенциала

- статуса семьи – поскольку в неустойчивом обществе канал семейной мобильности часто продвигает образовательную и профессиональную мобильность детей. Родители влияют и на их профессиональный выбор, и особенности учебной мотивации, и поиск рабочего места через протекционизм, непотизм, вплоть до наследования своих должностей;

- статуса вуза в иерархизированной образовательной системе, с целью подтверждения которого созданы вузовские рейтинги как институты ранжирования и квазирегуляции общественного мнения,

- личного статуса образовательной успешности.

Очевидно, что массовые потоки носителей высшего образования закономерно дифференцируются. Но приобретённый личный образовательный статус и соответственно мобильность очень зависимы от уровня статусов и мобильности внешней среды. В российском высоко стратифицированном обществе, молодые люди в большинстве своём ограничены слоем своего происхождения, где связи и родительское попечительство обретают всё большее значение при трудоустройстве, карьере, способности проникать в элиту, наращивать семейные богатства.

Естественно, носители высшего образовательного ценза более притязательны в требованиях и к рабочему месту, и оплате труда. Разрастающееся статусное неравенство вузов и престижа дипломов молодых людей становится причиной раздуваемой стратификации молодёжного рынка труда, диктующей свои нормы регуляции работодателям.

Понятно, что чем выше разрыв рейтинговых позиций вузов, успеваемость и уровень диплома (или количество дипломов), тем выше амбиции и риск их не удовлетворить. Это подрывает в глазах низко статусных групп привлекательность высшего образования, и может в ближайшее время обернуться противоположной тенденцией – его возрастающей массовой непопулярностью среди молодёжи. По закону циркуляции социальных ценностей.

Вузовский конвейер, запущенный коммерциализацией социальной сферы, перенасытил экономику дипломами разного качества. Что повлекло их девальвацию и повысило ценность более дефицитных низших образовательных статусов, куда и выпускникам с ВПО приходится опускаться. Продолжением сложившейся ситуации могут быть следующие сценарии развития:

1) деградирующая пирамида высших образовательных статусов начнёт переворачиваться в пользу низших, как некий циклический синхрон социалистической революции 1917 г., поощрявшей пролетарские профессии;

---

[1] Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество /общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. С. 353-359

2) вся пирамида образовательных статусов всё-таки отрегулируется, в том числе выработав надёжные механизмы отбора и распределения интеллектуальной элиты;

3) возможны разные вариации объединения первых двух сценариев, в зависимости от отрасли.

2. Современный контекст понятия интенсивность мобильности

Второй количественный критерий вертикальной мобильности, выдвинутый П. Сорокиным, – интенсивность, которую автор понимал как вертикальную дистанцию или количество слоёв, проходимые индивидом в восходящем или нисходящем движении за определенный период времени. Это классическое понимание в современном контексте проявляется при сравнении: во-первых, скорости попадания в вуз, в результате конкурсного отбора, во-вторых, затраченных усилий при прохождении отдельными индивидами или группами основных и дополнительных программ.

Однако этот классический взгляд, оценивающий общие временные затраты, уже недостаточно информативен, поскольку работодателей при найме молодых специалистов интересует не только скорость обучения, но и образовательное качество. А оно моделируется через такие образовательные характеристики как:

а) завершение обучения с отличной успеваемостью, инновационной выпускной работой, ярким личным портфолио;

б) обучение в престижном, «селективном» вузе;

в) использование возможностей зарубежной академической мобильности или обучение на иностранных платформах МООК;

г) получение «двойных дипломов» и дополнительных сертификатов вместо «пролонгированной» образовательной траектории;

д) совмещение образования, работы и общественной деятельности.

Эти «сигналы» образовательной интенсивности гораздо более презентируют способности их обладателя, конкретизируя его образовательную производительность и успешность. Хотя, конечно, данные характеристики трудно анализировать на больших массивах, чтоб понять состояние образовательной интенсивности сегодня.

Интересны зарубежные исследования, проводимые Д. Биллсом, Р. Кларком, С.Томасом, Р. Румбергером, Е. Паскареллой, П. Терензини, Б. Хершбейном,[1] которые пристально изучают влияние дополнительных параметров: академической успеваемости, селективности вуза, совмещения обучения и работы – на успешность трудовой карьеры. В России в этом направлении успешно работает лаборатория исследований рынка труда НИУ ВШЭ, в которой в 2016 г. провели эмпирическую проверку влияния успеваемости на заработную плату

[1] См. обзор в В.Н. Рудаков, И.С. Чириков, С.Ю. Рощин, Д.С. Дрожжина Учись студент? Влияние успеваемости в вузе на заработную плату выпускников. Препринт WP15/2016/01 Серия WP15 Научные труды Лаборатории исследований рынка труда ВШЭ. – М., 2016. С.5-7. URL: http://www.hse.ru/org/hse/wp

выпускников ВШЭ через полгода после окончания университета. В результате было констатировано отсутствие однозначной корреляции между успеваемостью и заработной платой – у девушек она отрицательная (-8,2%), а у юношей не имеет статистической значимости. Но выявлена положительная связь совмещения учебы и работы на заработную плату в виде условной 30% премии за опыт работы.[1]

Однако, чтобы доказать эффективность той или иной модели образовательной интенсификации, нужны не локальные исследования отдельных университетов, а организованный на постоянной основе мониторинг профессиональной реализации молодых специалистов. Только с помощью адекватного инструмента электронного учёта, например, единой БД всех студентов страны (их портфолио), можно понять и отрегулировать целесообразность образовательной интенсивности для отдельных индивидов, групп, профессий и территорий.

Кроме измерения интенсивности, встаёт и другая проблема – сформировавшаяся квазиинтенсивность, подменяющая образовательную напряженность избыточно долгим пребыванием на этапе образования. Тогда дипломы и сертификаты превращаются в самоцель для поддержания квази-высокого статуса и спасения от неинтересной занятости, безработицы. Это провоцируется с одной стороны, несогласованностью рынков труда и образовательных услуг, а с другой – эгоистической предпринимательской деятельностью вузов, игнорирующей сигналы рынка труда и воспроизводящей дисбаланс спроса и предложения.

Понятно, что всякое постшкольное образование уже не самоценный образовательный процесс, а подготовительный к личностной, трудовой и общественной самореализации. Отсюда и повышение образовательного статуса или «горизонтальная» его пролонгация не могут быть сколь угодно долгими, а тем более непрерывными, даже при заочной форме обучения. Поскольку профессиональные знания и компетенции без оперативного применения быстро теряются и замещаются новыми, обесценивая все затраты на их приобретение. Возможно, получаемые общесоциальные знания и компетенции несколько иначе используются при «застревании» в вузе. Инфантильный студент может их академически закреплять, актуализировать и применять в социальной жизни, но не приучится добывать их самостоятельно.

Данный феномен «пролонгированной» вузовской мобильности можно назвать *застревающей* мобильностью, которая противоположна интенсивному прохождению образовательной стадии. Конечно, Питирим Сорокин не мог наблюдать подобные феномены в процессе работы над своей теорией. Тогда образовательный цикл XX века только начинался, носители высшего образования были малочисленны и не сталкивались с системными болезнями высшего образования, накопленными к концу векового социально-образовательного цикла.

[1] Рудаков В.Н., Чириков И.С., Рощин С.Ю., Дрожжина Д.С.Учись студент? Влияние успеваемости в вузе на заработную плату выпускников. Препринт WP15/2016/01 Серия WP15 Научные труды Лаборатории исследований рынка труда ВШЭ. – М., 2016. URL: http://www.hse.ru/org/hse/wp

Но сегодня во времена развитого академического капитализма и нерационального информационного потребления, вузовский канал мобильности провоцирует «зацикленность» на образовании в ущерб трудоотдачи, порой честно признавая полезность вузов в роли сейфов, сберегающих от безработицы[1].

Столь сомнительная социальная ценность *застревающей* мобильности возможна в переходный неустойчивый период, но, безусловно, не может существовать в стабильном, регулируемом обществе. Понятно, что подлинная интенсивность образовательной эффективности может быть достигнута только в режиме согласованного перехода на новую стадию социального партнёрства – вузов, трудовых организаций, государственного управления и молодежь.

Сегодня, когда возникают альтернативные каналы получения социальной и профессиональной информации, классические образовательные траектории будут трансформироваться. Традиционное «пакетное» академическое форматирование образовательных программ, минимизирующих индивидуальный выбор и настройку на рациональную образовательно-профессиональную перспективу, скорее снижает, чем увеличивает эффективность образовательной мобильности.

В ближайшем будущем под образовательной интенсивностью придётся понимать факт получения компактных, практикоориентированных и инновационных образовательных программ, экономичных по времени, затратам сил и средств, дающих ощутимые преимущества их получателю. Такой подход к обучению отчасти содержит формат массовых образовательных онлайн-курсов (МООК), создающий пространственно-временные и элективные свободы для дистанционного обучения. Там возможно решение проблемы личной образовательной интенсификации, как при выборе формального платного сертификата, так и неформальном, бесплатном прохождении выбранных курсов.

Если в ближайшее время клиентам образовательных услуг, работнику и работодателю будет важно не документальное, а фактическое подтверждение знаний и компетенций, например, через разработанную на организационном уровне систему регулярного тестирования и аттестации, то традиционные вузовские программы станут ещё более элективными и подвижными в сроках освоения программ. Откроют возможности достижения индивидуальной интенсивности и ожидаемого качества в образовании. Но закроют ставшие бессмысленными международные индексы образования населения, как уже непоказательные в измерении человеческого потенциала.

В стабильном и нестабильном обществе мобильность имеет разный характер, отличающийся по функциям, результатам и масштабу девиаций – понижающих, неудачных попыток обрести достойный статус. В стабильном обществе доминирует мобильность групповая, в нестабильном – индивидуальная. Мобильность только тогда функциональна, когда она продумана на индивидуальном уровне и поддержана на управленческом. Иначе риски, нивелирующие всю образовательную мотивацию и успешность, ведут к квалифицированной молодежи, которую нельзя как прежде связать с «кризисом молодого специалиста», это уже «кризис несостоявшегося специалиста».

[1] Аузан А.А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 274

Институт высшего образования в России, реформируясь, переживает не самую эффективную стадию мобильности. Причём градус её траектории – вверх или вниз – у каждого вуза может быть разным. Разрастающееся неравенство вузовской системы указывает на социальную нестабильность, разрегулированность образовательной политики. Когда маловероятно единое стандартов качество образования и согласованная преемственность образовательной и профессиональной мобильности для всех выпускников, а не отдельных групп.

Избыточная массовость контингентов и их застревающая квазиинтенсивность образовательной мобильности, поддерживаемая стремлением приобретать множество дипломов, сертификатов, приобретают всё более негативный социальный смысл. На прошедшем этапе реформирования высшего образования неселектируемые потоки поддержали экономическое развитие вузов, но сейчас их предпринимательский эгоизм подрывает основы и стабильность молодёжного рынка труда.

Либеральный взгляд на темпы и эффективность прохождения россиянами этапа высшего образования, когда каждый его проходит в соответствии с индивидуальными возможностями и латентными задачами, привёл к общественному консенсусу о непредсказуемости рентабельности высшего образования даже в краткосрочной перспективе.

Наличие теневых «отверстий» и «лазеек» при трудоустройстве, неэффективные механизмы послевузовского распределения, указывают на достаточно высокую непроницаемость высших страт. Молодые люди часто ограничены слоем своего происхождения – не обладая ресурсами протекции, обречены на низкие шансы в карьере. Это подтверждает не только квазидемократичный характер российского общества, но и квазидемократичную мобильность по каналу высшего образования.

Несмотря на то, что в стране последние годы количественные показатели всеобщности и интенсивности получения высшего образования росли, они не привели к кардинальным сдвигам в экономике. Напротив, превратились в фактор структурного дисбаланса интеллектуального рынка труда и высокой молодежной безработице. Чтоб ускорить завершение финального эклектического этапа социокультурного цикла с его неиссякаемыми противоречиями, рисками, девиациями, нужно кардинально изменить старую вузовскую практику коммерческого набора студентов и не подтверждаемого механизмами справедливого распределения бюджетного заказа.

Любая количественная избыточность свидетельствует о завершении цикла, когда накладываются, суммируются импульсы и накопления предыдущих периодов развития. А их инерционное существование неконтролируемо усложняет социальную систему (сферу), снижает способность управления ей. Неудивительно, что резко выросшая массовость обладателей высшего образования, стала фактором множественных рисков: для людей, общества, экономики и вузовской системы.

И.В. Прошина,
аспирант
Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Данная статья посвящена анализу целей влияния образования на личность, а также задачам формирования ментальности как отдельной личности, так и общества в целом.

Ключевые слова: *образование, личность, мобильность.*

Нами предпринята попытка рассмотрения содержания теории социальной стратификации и социальной мобильности русско-американского социолога и культуролога Питирима Александровича Сорокина и вывить факторы её влияния на настоящее развитие профессионального образования в современной России, и на формирование социальной структуры современного российского общества в целом.

Проблема поколений привлекала внимание социолога, Питирима Александровича Сорокина[1]. В ранних работах П.А. Сорокина мобильность рассматривалась как инструмент анализа, способный облегчить понимание глобальных социальных тенденций. Именно благодаря Питириму Александровичу Сорокину мы можем проследить, как происходил переход от общества традиционного к обществу индустриальному, как менялась социальная структура и соотношение тех или иных социальных слоев, какие факторы способствовали подобной трансформации и как действовали индивиды, адаптируясь к новым условиям. В дальнейшем Питирим Александрович Сорокин расширяет границы понимания мобильности и рассматривает ее как социальное движение не только каких-либо социальных объектов, но и как поток мыслей и идей, определяющих в некотором смысле сущность социальных изменений[2]. По мнению Питирима Александровича Сорокина, всякое перемещение индивида или любой социальной группы из одной социальной позиции в другую и есть социальная мобильность. Названные социальные движения могут носить горизонтальный характер (означающий перемещения социальных объектов в пределах одного статусного уровня) и вертикальный (предполагающий качественное изменение статусных характеристик с переходом индивида с одного социального пласта в другой)[3] Заметим, что вертикальная мобильность подразделяется на восходящую и нис-

[1] Sorokin P.A. The crises of our age. – New York: Oneworld Publications, 1992.
[2] Сорокин П.А. Социальная мобильность / Питирим Сорокин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. – М.: Academia: LVS, 2005. 588 с.
[3] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / ред., сост., авт. предисл. А.Ю. Согомонов, ред. И.И. Жиброва, пер. С.А. Сидоренко, пер. А.Ю. Согомонов. – М.: Издательство политической литературы, 1992. С.297-307.

ходящую. Следует отметить, что восходящая мобильность может осуществляться как индивидуально (переход индивида из нижнего пласта в более высокий пласт), так и коллективно (образование новой социальной группы и передвижение в более высокий социальный пласт). При этом общества, в которых преобладает индивидуальная мобильность, гораздо стабильнее и устойчивее тех обществ, где преобладает коллективная мобильность. Следующее основание для выделения типов мобильности – сравнение позиций индивидов во временной перспективе: с одной стороны, возможно сравнение позиций конкретного индивида с положением его родителей (это так называемая интергенерационная или межпоколенческая мобильность), с другой – такое сравнение можно провести для позиций, которые занимал индивид на различных этапах своей жизни (этот тип мобильности получил название интрагенерационной или внутрипоколенческой). При этом вполне очевидно, что такие перемещения индивидов могут происходить на совершенно различные расстояния, т.е. для одних переход может быть незначительным (например, между соседними или близкорасположенными позициями – близкая мобильность) или более значительной дальности, когда уровни достаточно сильно друг от друга удалены (дальняя мобильность). В этом смысле, количество слоев, которые преодолевает индивид за определенный период времени (вертикальная социальная дистанция), определяют интенсивность социальной мобильности, а под числом людей, переместившихся вверх по социальной лестнице, Питирим Александрович Сорокин понимает всеобщность вертикальной мобильности. При исследовании процессов социальной мобильности значение имеют и такие показатели, как «объем мобильности», т.е. число индивидов, продвинувшихся по социальной лестнице в том или ином направлении за определенный промежуток времени, а также «дистанция мобильности», обозначающая количество «шагов», совершенных человеком на шкале социальных позиций. При этом изменения в социальном положении значительного числа людей, вызванные не индивидуальными усилиями, а трансформацией самого общества, связывают со структурной социальной мобильностью. Такие показатели социальной мобильности часто используется как индикаторы степени открытости и подвижности общества. Данные понятия, по мнению ученого, становятся важными показателями степени открытости или закрытости общества и определяют тип его стратификации[1].

В теории социальной мобильности Питирима Александровича Сорокина подчеркивается, что между различными социальными слоями в той или иной степени непременно существуют такие «мембраны», «отверстия», «лестницы» или «лифты», обеспечивающие перемещения индивидов из одной социальной страты в другую[2]. Таким образом, обеспечение функции социальной циркуляции берут на себя социальные институты общества, представляющие собой специфические механизмы, с помощью которых оцениваются, отбираются и распределяются индивиды в соответствии с талантами и возможностями в системе социальных позиций. По мнению Питирима Александровича Сорокина,

[1] Там же, с. 375.
[2] Там же.

важнейшими из этих социальных институтов являются семья, школа, церковь, армия, политические, экономические и профессиональные организации[1].

С помощью категории социальной мобильности личности и профессионального образования можно выявить перемещения вверх (вниз), происходящие вследствие образования. Личность обретает принадлежность к той социальной страте, которой соответствует накопленный ею потенциал. Исторический пример вертикальной социальной мобильности в этом смысле могут представлять такие выдающиеся личности, как Михаил Васильевич Ломоносов, первый русский ученый-естествоиспытатель, литератор, историк, художник, упоминаемый уже нами Питирим Александрович Сорокин, крупнейший социолог и культуролог, Дмитрий Владимирович Цветаев, педагог-историк, тайный советник. Данные знаменитые личности убедительно подтверждают теорию социальной стратификации и мобильности[2]. Эти мысли актуальны к 128-летнему дню Рождения П. Сорокина.

Переход в вертикальную мобильность или депривированные страты происходит при наличии высокой или низкой адаптации. Актуальными являются возможности для социально-профессиональной мобильности, в достижении материального благосостояния, в приобретении нового социального статуса. Выявляется модель рационального поведения, которая включает факторы социальной профессиональной мобильности, изменения уровня благосостояния и ориентир на карьеру. Детерминант воздействия на мобильность социальной структуры региона выражается в: социально-экономическая ситуации в регионе, статусе и престиже профессии, поле, возрасте, образование, профиле и квалификации уровне заработной платы, в отсутствие условий карьерного роста. Серьезная проблема при трудоустройстве заключается в том, что приоритет отдается специалисту, имеющему опыт практической работы по специальности. Выпускники с высоким уровнем образования, без трудового опыта испытывают трудности при устройстве на работу. В итоге ограничивается профессиональный рост. Таким образом, анализируя современную специфику профессионального образования и его воздействие на уровни социальной структуры современного российского общества. Наблюдаем, что общество отходит от сложного, тяжелого труда и стремится к посильному, умственному. Индивиды из среднего класса, интеллигенция вытеснили других индивидов, не обладающих навыками свойственных им. Наблюдаем вертикальную мобильность, т.е. повышение социального статуса и открытую общественную систему. Фактор международной мобильности в профессии заключается в уровне общей и профессиональной культуры общества; формирование картины мира, адекватной уровню современных программ образования, интеграцию личности в национальную и мировую культуру, формирование человека и гражданина, интегри-

[1] Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. С. 317

[2] Прошина И.В. Образование и социальная мобильность в современном обществе // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (К 125-летию со дня рождения)»: сборник материалов Всероссийской научно-практ. конф., г. Сыктывкар 2014 г. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, С. 50-65.

рованного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества, формирование духовно-нравственной личности, воспроизводство и развитие кадрового потенциала общества.

Особенности государственного регулирования трудовых миграционных процессов на территории Российской Федерации заключаются в требовании нового распоряжения Правительства[1], в котором перечисляются: наименование иностранных образовательных организаций, которые выдают документ об образовании и квалификации признаваемых на территории Российской Федерации, образование и квалификация, получаемые в Российской Федерации, которым соответствует образование или квалификации, получаемые в иностранной образовательной организации[2]. В целом же негативное влияние глобализации заключается в фундаментальном изменении мирового порядка, основанного на стирании национальных границ, а значит, она влечёт за собой цепь негативных последствий: массовизацию культуры, навязывание интернациональных цивилизационных моделей поведения, маргинализацию культурных и образовательных образцов, связанных с исторической памятью народов. В этом смысле глобализация, с одной стороны, способствует культурному обмену, сближению народов, а с другой - размывает социокультурные основы национальной идентичности, подготавливая почву для национальных конфликтов. Общество, в свою очередь, защищаясь от разрушительного глобального влияния, стремится к возрождению национального сознания, в связи с чем образовательная политика становится фактором национальной безопасности, т.к. она обеспечивает полноценное развитие и независимость личности, общества и государства.

Анализ сущности социальной мобильности в институциональном контексте позволяет объяснять изменения в социальной структуре общества, а также выступает надежным инструментом понимания различных тенденций и процессов трансформирующейся реальности. В настоящее время идет поиск способов адаптации к меняющимся условиям, которые могли бы быть действительно полезными. Стратификационная модель современного российского общества объективно не позволяет большинству выпускников совершить желаемый акт социального перехода из страты в страту. Что является следствием межпоколенного конфликта, который ведет к резким падением значения норм и ценностей общества, так как они по разному удовлетворяют потребности поколений. Старшему поколению россиян в будущем предстоит интегрироваться в новую систему социальных ценностей, когда современная молодежь займет место в социальной структуре.

Становится очевидным, что социальная мобильность способна оздоровить структуру современного российского общества, она может дать шанс и всему

[1] Перечень иностранных образовательных организаций, которые выдают документы об образовании признаваемые на территории Российской Федерации: Распоряжение правительства РФ ОТ 19 сентября 2013 № 1694-р.

[2] URL: http://www.fmsmoscow.ru сайт Миграционной службы

человечеству. В свою очередь, человечество распорядится этим шансом на свое усмотрение и воспользуется оно им или нет, покажет время[1].

В заключение хочется отметить, что идеи Питирима Александровича Сорокина, пожалуй, именно сегодня актуальны как никогда ранее и для российского интеллектуального сообщества, и особенно для тех, кто призван подвергнуть глубокому анализу причины кризиса современности и разработать столь необходимую ныне нашей стране идеологию, способную стать надежной опорой для дальнейшей ориентации государства и общества.

О.В. Уваровская,
канд. пед. наук, доцент кафедры общей и специальной педагогики
СГУ им. Питирима Сорокина

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА НА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ – ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье представлена технология проектирования воспитательной системы жизнедеятельности студенческого сообщества академической группы. Сделана попытка обосновать ее необходимость на направлениях бакалавриата, где готовят педагогов как одно из условий готовности выполнения трудовой функции «Воспитательная деятельность» профессионального стандарта педагога.

Ключевые слова: *проектирование, студенческое сообщество, профессиональный стандарт педагога.*

Гуманизм – это одна из основных проблем научного познания, которая актуальна всегда. В начале XXI в. в условиях глобализации, интеграции, модернизации образования, реформирования всех сфер жизни общества центральной проблемой педагогической науки становится изучение самого человека. Гуманизация и демократизация российского общества предполагают изменение отношения к личности, признание её высшей ценностью. Это находит отражение в нормативно-правовой базе, концептуальных основах педагогической науки и образовательной практики. В Законе РФ «Об образовании» (1992, 1996, 2012 гг.), Национальной доктрине образования в РФ (1999 г.), Концепции и

[1] Прошина И.В. Образование и социальная мобильность в современном обществе // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (К 125-летию со дня рождения): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. С. 50-65.

Программе модернизации системы образования РФ (2000 г.) на период до 2025 г., где в качестве ведущего принципа государственной политики в области образования утверждается его гуманистический характер, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, уважения его прав, свободное развитие личности.

«Современный период в российской истории и образовании – время смены ценностных ориентиров. В период смены ценностных ориентиров нарушается духовное единство общества, размываются жизненные ориентиры молодежи, происходит девальвация ценностей старшего поколения, а также деформация традиционных для страны моральных норм и нравственных установок. Образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, в его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, в укреплении социальной солидарности, в повышении уровня доверия человека к жизни в России, к согражданам, обществу, государству, настоящему и будущему своей страны»[1].

Процесс смены ценностей представляет большие трудности в организации педагогического процесса, воспитания и социализации детей и молодежи.

Следует отметить, что главными особенностями современного образования являются его гуманизм, демократизм, опережающий характер содержания и направленности образовательных процессов по отношению к нуждам общественной практики, гибкость и многообразие используемых средств, способов и организационных форм, открытость образовательной системы по отношению к дальнейшему самосовершенствованию и развитию.

Ценности личности формируются в семье, неформальных сообществах, трудовых, армейских и других коллективах, в сфере массовой информации, искусства, отдыха и т. д. Однако системно, последовательно и глубоко это происходит в сфере общего образования, где развитие и воспитание обеспечено всем укладом школьной жизни.

В проекте Программы развития воспитательной компоненты в общеобразовательных учреждениях отмечено, что «новая российская общеобразовательная школа должна стать важнейшим фактором, обеспечивающим социокультурную модернизацию российского общества»[2].

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России отмечено, что «именно в школе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и гражданская, духовная и культурная жизнь школьника. Отношение к школе как единственному социальному институту, через который проходят все граждане России, является индикатором ценностного и морально-нравственного состояния общества и государства.

Это требует перехода от сложившегося типа образования, ориентированного на получение человеком определенного объема знаний и умений, к обра-

[1] Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России [Электронный ресурс]. URL: http:/standart.edu/ru|catalog.aspx?CatalogLg=985

[2] Профессиональный стандарт педагога. [Электронный ресурс]. URL: http://rg.ru2013/12/18/ptdagog-dok.html (дата обращения: 1.09.2016)

зованию, которое формировало бы способность человека к саморазвитию как личности, как субъекта творческой деятельности и общения»[1].

Изменение социокультурной ситуации в нашей стране предполагает новые требования к человеку, такие как:

- мобильность;
- умение сотрудничать;
- самостоятельно принимать решения в ситуации выбора;
- чувство ответственности за судьбу страны;
- умение не только жить в гражданском обществе и правовом государстве, но и создавать их[2].

Приоритетность решения воспитательных задач в системе образовательной деятельности закреплена в Законе Российской Федерации «Об образовании», а также в законе РФ «О высшем и послевузовском образовании», которые определяют образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества и государства. Система воспитания студентов в вузе должна акцентировать внимание на развитии потребностей личности в достижении успеха, реализации своих целей и самоутверждения, формировать качества личности, обеспечивающее ей включенность в различные сферы жизнедеятельности общества. Говоря другими словами, в качестве главной интегральной цели воспитания можно считать формирование культурной, разносторонне развитой личности студента, жизнеспособной и социально-активной в условиях изменяющейся социальной среды. Воспитание студентов в вузе определяется значимыми для студента личными и общественными проблемами, опыт решения которых он приобретает на основе получаемого им профессионального образования. Решение стоящих перед вузом воспитательных задач на современном этапе может быть успешным только в том случае, если постоянно вести поиск путей инновационных подходов к воспитательной работе со студентами.

Следует учесть и тот факт, что социокультурная среда вуза (формирование которой обозначено во ФГОС ВО) – это один из ведущих механизмов общественного развития, формирования культуры, реализация всего спектра личностных и профессиональных интересов и потребностей, а также тех профессиональных трудовых действий в функции «воспитательная деятельность», обозначенных в профессиональном стандарте педагога. Естественно, что для того, чтобы решить поставленные задачи, необходимо подготовить учителя, который бы умел их решать практически.

Анализ литературы, наблюдения и опыт автора показывает, что при подготовке педагогов превалирует теоретическая педагогика. Воспитательная практика чаще всего функционирует без учета потенциальных возможностей и реальных достижений каждого из этих видов деятельности (научной и практической).

Исходя из вышесказанного, вузу необходимо готовить будущих педагогов,

---

[1] Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России [Электронный ресурс]. URL: http:/standart.edu/ru|catalog.aspx?CatalogLg=985

[2] Педагогика высшей школы: учебное пособие / под общ. ред. О.В. Уваровской. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2012. С.51-56, 149-151.

которые готовы осуществлять трудовые действия трудовой функции «воспитательная деятельность» профессионального стандарта педагога. По мнению автора, это возможно, если по направлениям, где идет подготовка будущих учителей, организовывать воспитательную деятельность, используя современные педагогические технологии воспитания, в частности проектирование воспитательных систем жизнедеятельности студенческого сообщества и их практическую реализацию в студенческой среде, что позволит прежде всего формировать гуманистические ценности у будущего учителя.

Для готовности будущих учителей к выполнению вышеназванной функции, по мнению автора, есть необходимость проектирования и реализации воспитательных систем жизнедеятельности студенческого сообщества, прежде всего в академической группе. Проектирование воспитательной системы жизнедеятельности студенческого сообщества позволяет соединить теорию и практику и при реализации этой системы развивать студентов как личности и готовить к выполнению трудовых профессиональных действий профессионального стандарта педагога.

Анализ современных научных работ, посвященных проблемам воспитания студентов, позволяет определить воспитательную систему вуза как сложное социальное психолого-педагогическое образование, неравнозначное, саморегулируемое и управляемое.

Реализация воспитательной системы вуза предполагает тесную взаимосвязь с микро- и макросредой, где в качестве первой выступает среда, освоенная учебным заведением, а в качестве второй – общество в целом. При этом эффективная воспитательная система вуза способна во многом подчинить своему влиянию окружающую среду, стать реальным центром воспитания в социуме, что является очень важным в современных условиях.

На взгляд автора, только совместное (куратор, студенты) проектирование воспитательных систем жизнедеятельности студенческих сообществ академических групп является одной из основных деятельностей, ведущей к формированию готовности выполнения не только профессиональных трудовых действий профессионального стандарта педагога, позволит развивать студента как личность.

Воспитывать студентов в вузе значит:

- развивать у молодежи способность самим при содействии преподавателей, других социальных партнеров организовывать свою жизнь на основе общечеловеческих нравственных ценностей и сотрудничества с разными людьми;
- создавать условия для формирования у молодежи способности к продуктивному действию – созиданию – путем включения их в решение значимых для них личных и социальных проблем совместно с разными социальными партнерами, учить их при этом проявлять инициативу, самостоятельность, толерантность и ответственность.

Проектируя структуру воспитательной системы академической группы, прежде всего следует опереться на мнения целого ряда авторов (В.А. Караковский, Н.Е. Щуркова, Е.Н. Степанов и др.), которые определили воспитательную систему как *единство цели (совокупности идей ради которых организована си-*

стема); деятельности по достижению поставленных целей; субъекта деятельности (организаторов и участников деятельности); объекта воспитательных воздействий; отношений (рождающихся в деятельности и интегрирующих субъект и объект; среды (освоенной субъектом); управления (интегрирующего компоненты и целостную систему, обеспечивающую ее развитие), а также ее структуру, которая представляет собой единство нескольких *компонентов:*

1) цели, ради реализации которых создается система;

2) субъекты воспитательного процесса, воспитатели и воспитанники;

3) отношения, рождающиеся в деятельности и общении;

4) среда, в которой разворачивается деятельность и общение;

5) управление, которым обеспечивается целостность и развитие системы.

В основу проектирования воспитательной системы жизнедеятельности студенческого сообщества академической группы может быть положена следующая ее структура.

Структура воспитательной системы жизнедеятельности студенческого сообщества академической группы:

1. Название факультета.
2. Специальность.
3. № группы.

4. Анализ особенностей студентов группы, отношений, общения и деятельности в группе.

5. Концепция воспитательной системы группы (Может быть представлена образом жизнедеятельности студенческого сообщества или моделью жизнедеятельности студенческого сообщества).

- В концепцию могут войти:

1) Приоритеты молодежной политики, принципы реализации молодежной политики в РФ, цели, задачи, принципы организации воспитательной деятельности в группе, основные походы, уровни организации воспитательной деятельности.

2) Модель компетентности первокурсника.

3) Модель компетентности второкурсника.

4) Модель компетентности бакалавра или специалиста.

5) Системообразующий вид деятельности студенческого сообщества, определяющий лицо группы.

6) Основные направления воспитательной деятельности в группе:

6. План действий по реализации жизнедеятельности студенческого сообщества:

- Годовой круг традиционных воспитательных дел вуза;
- Систематизация дел по направлениям;
- Тематические программы;
- Социальные студенческие проекты.

7. Календарный план воспитательной работы в группе

Направление, задача	мероприятие	сроки	ответственный	Ожидаемый результат

8. Пути, формы и способы совершенствования общения членов студенческого сообщества:

9. Пути и способы создания более комфортного и защищенного положения для каждого студента.

10. Внутренняя и внешняя среда как жизненное пространство студенческого сообщества, в котором осуществляется процесс воспитания членов сообщества и их деятельность

11. Друзья группы ближайшего социального окружения, чем они интересны для класса:

12. Место и роль группы на факультете

13. Ожидаемые результаты от реализации воспитательной системы группы.

14. Индикаторы результативности воспитательной системы студенческого сообщества.

В качестве *критериев результативности* воспитательной системы студенческого сообщества (выработаны совместно с кураторами) можно предложить следующие:

1. Репутация студенческой группы на факультете.

2. Защищенность и комфортность каждого студента в группе.

3. Удовлетворенность студентами жизнедеятельностью группы.

4. Проявление индивидуальности (лица) студенческой общности данной группы на факультете.

5. Уровень интереса студентов к обучению в университете и выбранной профессии.

6. Уровень сформированности компетенций студентов, которые определены в образе жизнедеятельности группы.

7. Готовность студенческого самоуправления к самостоятельной деятельности[1].

Данная структура неоднократно обсуждалась на курсах повышения квалификации преподавателей вузов и получила их одобрение, так как ее реализация поможет сформировать готовность будущих педагогов к следующим трудовым действиям профессионального стандарта педагога: реализация современных, в том числе интерактивных, форм и методов воспитательной работы, использование их как на занятии, так и во внеурочной деятельности, проектирование и реализация воспитательных программ, реализация воспитательных возможностей различных видов деятельности ребенка (учебной, игровой, трудовой,

[1] Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: www.momos.ru./srustrategia2015 (дата обращения: 1.09.2016); Научно-методическая поддержка кураторов студенческого самоуправления: учебное пособие / под ред. О.В. Уваровской. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ. 2012. 209 с.; Педагогика высшей школы: учебное пособие / под общ. ред. О.В. Уваровской. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2012. С.51-56, 149-151.

спортивной, художественной и т. д.), создание, поддержание уклада, атмосферы и традиций жизни образовательной организации, сотрудничество с другими педагогическими работниками и другими специалистами в решении воспитательных задач и целый ряд других. Готовность будущего учителя к выполнению трудовой функции «воспитательная деятельность» позволит практически и качественно реализовывать гуманистическую парадигму образования.

Е.Н. Чупрова
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры культурологии и педагогической антропологии
СГУ им. Питирима Сорокина

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ ПИТИРИМА СОРОКИНА

В статье раскрыты основные положения социологии культуры Питирима Сорокина. П.А. Сорокин постулирует определенные типы культурной ментальности как основу систем культуры; выявляет отсутствие универсальной последовательности и единообразия в историческом развитии различных видов искусства, в том числе в различных культурах; доказывает определенного рода обусловленность поведения носителя культуры ее доминантным типом; диагностирует кризис чувственной системы западной культуры.

Ключевые слова: *Питирим Сорокин; социология культуры; ментальность культуры; культурная интеграция; идеациональная, чувственная, идеалистическая и смешанная системы культуры.*

Питирим Сорокин дает определение[1] культуры как результат деятельности – сознательной или бессознательной – взаимодействующих или оказывающих своим поведением друг на друга влияние индивидов (двух и более). Культура состоит из элементов, вступающих в разного рода взаимоотношения: от не имеющего внутренней логики скопления до логико-смыслового единства. Рациональное постижение бесконечного множества социокультурных явлений возможно благодаря использованию методов причинно-функциональной («устанавливает единообразие между рассматриваемыми переменными») и логико-смысловой интеграции (выявляет «тождество смысла или логическое соединение»)[2].

[1] «В самом широком смысле слова культуру можно трактовать как некую совокупность, которая создана или модифицирована в результате сознательной или бессознательной деятельности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением». См.: Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика : Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. – СПб. : РХГИ, 2000. – 1056 с. : ил. С. 19.
[2] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 27.

Логико-смысловая интеграция – сверхинтеграция, высшее единение элементов культуры – может использовать законы логики (тождества, противоречия, последовательности), может являться не поддающимся вербализации ощущением «предельной гармоничности». «Сущность логико-смыслового метода познания состоит…в нахождении основного принципа («основания»), который пронизывает все компоненты, придает смысл и значение каждому из них и тем самым из хаоса разрозненных фрагментов создает космос»[1].

Причинное или функциональное единство (различной степени) характеризуется наличием внутренних объединяющих факторов и зависимостью элементов взаимоотношений от системы или друг от друга. Так, функционал и структура синтеза претерпевают изменения при устранении одного из элементов. С другой стороны, извлеченный из функционального единства элемент культуры не может существовать в иной комбинации, не претерпевая изменения. «При изучении культурных синтезов, составные части которых связаны причинно или функционально, целесообразно использовать причинно-функциональный метод с его более или менее общими казуальными формулами»[2].

Степень интенсивности связей может колебаться от достоверно атрибутируемых до переходящих в объединения низшего уровня, когда элементы культуры сорасполагаются в физическом либо социальном пространстве, не имея иной объединяющей основы, кроме пространственного или механического соседства («пространственное или механическое соседство, скопление»), либо объединены между собой связью с внешним по отношении к ним фактором («ассоциация под воздействием внешнего фактора»).

По мнению П.А. Сорокина, функционально и логически интегрированным системам культуры присущи следующие фундаментальные свойства: в различной степени выраженные внутренняя саморегуляция и автономия; вариативность в процессе взаимодействия со внешними факторами; определение судьбы системы «не только и не столько внешними обстоятельствам (за исключением катастрофических случайностей), но и самой ее природой и отношением между ее частями»[3]. При этом методически неверно интерпретировать систему культуры «как игрушку внешних условий», а также изменения внутри системы с опорой на один из элементов[4].

Питирим Сорокин настаивает на необходимости постижения «культурной ментальности» или «ментальности культуры» как обозначения сферы внутреннего опыта[5], смысла, ценности, разума, в том числе опосредованно через пред-

---

[1] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 34.
[2] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 34.
[3] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 38.
[4] «В определенный момент своей истории (темпы могут быть слегка ускорены или замедлены внешними обстоятельствами) культурная система должна пережить свое внутренне предопределенное изменение. Когда оно начинается, все главные составляющие этой культуры изменяются». См.: Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 39.
[5] Бессвязные и хаотические по своему характеру образы, идеи, стремления, ощущения, эмоции либо упорядоченные системы мышления.

меты, события, процессы как формы внешнего воплощения. «Психологическое» понимание внутренней стороны культуры будет «правильным» при условии точного совпадения «с тем пониманием, которое было у ее творцов или реформаторов»[1], что положительно возможно. Социально-феноменологическое понимание включает выявление причинно-функциональных связей, логики. При использовании метода логической интерпретации культуры должно применять дедукцию и индукцию, должно учитывать, что «б**о**льшие посылки различных культур могут быть разными», и беспристрастно к ним относиться. Верное выяснение специфических посылок культуры даст «постижение ее души, тела, ее социокультурной физиогномики»; второй этап – «показать, в какой степени данная культура интегрирована с точки зрения этих посылок, исходя из непререкаемых канонов логической достоверности».

Б**о**льшие посылки ментальности культуры включают природу реальности (воспринимаемая и не воспринимаемая органами чувств); природу требующих удовлетворения целей и потребностей (плотские, чувственные и духовные); степени (минимальная и максимальная) и способы (изменение окружающей среды, изменение себя, изменение окружающей среды и себя одновременно) их удовлетворения.

Различными б**о**льшими посылками обладают идеациональная, чувственная и идеалистическая (как сбалансированное соединение двух чистых типов) системы интегрированных культур. Б**о**льшие посылки идеациональной культуры следующие: реальность мыслится как Бытие; духовные цели и потребности удовлетворяются максимально способом минимизации физических потребностей. Различные способы удовлетворения целей и потребностей позволяют выделить аскетический (растворение чувственного в сверхчувственном) и активный (минимизация физических потребностей соединяется с преобразованием чувственно воспринимаемого мира) идеационализм. Поскольку аскетическая идеациональная ментальность стимулирует развитие внутренних процессов психологического и мыслительного плана, то в периоды преобладания идеациональной ментальности в истории культуры превалируют области знания, решающие нематериальные проблемы, тогда как естественные науки находятся в состоянии стагнации. Моральные ценности соотносятся с абсолютными. Искусство по стилю символично, по целеполаганию ориентировано на служение Абсолюту.

Б**о**льшие посылки чувственной культуры следующие: реальность как процесс (эволюция, течение, изменение, преобразование, прогресс, становление при важной роли категории времени и временной перспективы); цели и потребности – физические, требующие максимального удовлетворения за счет эксплуатации или изменения внешнего мира. Способы реализации целей и потребностей позволяют выделить активную (преобразование внешней среды), пассивную («паразитическая эксплуатация и утилизация внешней реальности в том виде, как она есть») и циничную («своеобразная техника попеременного надевания тех идеациональных масок, которые сулят принести материальную выго-

[1] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 41.

ду») чувственную культурную ментальность («эпикурейство»). Чувственная ментальность в истории культуры связывается с развитием естественных наук, научно-техническим прогрессом, как следствие – развитием цивилизации. Моральные ценности чувственной ментальности, преимущественно материальные, эмпирические, подвержены изменениям в зависимости от обстоятельств, так как не апеллируют к Абсолюту; сверхчувственные и трансцендентные ценности служат поводом обоснования собственных моральных принципов. Стиль искусства тяготеет к чувственности, натурализму, цель состоит в «увеличении чувственного счастья человека». Общественные отношения детерминированы поиском наиболее эффективного средства максимального удовлетворения чувственных потребностей. В таком случае материальное богатство, сила могут стать «высшими атрибутами ценности».

Смешение идеациональной и чувственной форм дают в результате логически слабо интегрированные, эклектичные, внутренне противоречивые смешанные типы ментальности и культуры[1]. Примером может служить псевдоидеациональная ментальность с неопределенным характером реальности; умеренно удовлетворяемыми преимущественно физическими целями и потребностями; навязанным извне в результате неумения оказать сопротивление способом реализации.

Логически интегрированной представляется идеалистическая культурная ментальность, синтезирующая во внутренне гармоничное и согласованное единство идеациональные и чувственные элементы: реальность многогранна; материальные цели и потребности подчинены духовным; способы реализации включают преобразование внутреннего и внешнего.

Масштабные социологические исследования[2] позволяют Питириму Сорокину настаивать на неравномерности распределения типов и характерных черт культурной ментальности среди различных социальных групп, а также в системах интегрированной культуры. Так, активно-чувственные и пассивно-чувственные ментальности чаще встречаются в среде привилегированных классов; в периоды культурного подъема превалирует активная форма; на этапе упадка – пассивная. Псевдоидеациональный тип распространен в среде угнетенных общественных групп. Аскетически-идеациональная и активно-идеациональная ментальности – наиболее часто характеризующие духовную элиту общества – минимизируются в периоды кризиса системы морали и получают определенного рода замену (идеалистический, смешанный тип ментальности либо активное или пассивное «эпикурейство»). В системе интегрированной культуры аскетически-идеациональная ментальность – один из наиболее устойчивых, распространенных типов культурной ментальности – существует в «выработанной, подтвержденной и включенной в вероучения и обряды большинства мировых религий прошлого и настоящего и бесконечного множества более мелких групп и сект» форме; в определенный момент исторического существования (на стадии институционализации или организации) преобразуется

[1] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 50.
[2] Там же. С. 65-68.

в активно-идеациональную. Активно-идеациональная ментальность может не иметь первой фазы в виде аскетически-идеациональной.

П.А. Сорокин исследует флуктуации[1] идеациональной, идеалистической и чувственной форм искусства, отмечая отсутствие универсальной последовательности[2] и единообразия[3] в развитии различных видов искусства, в том числе в различных культурах.

Идеациональный стиль искусства в чистейшем варианте, символический по форме, имеет своим предметом сверхэмпирическое и нематериальное. Неоднородный идеациональный стиль может сочетать сверхэмпирический предмет и визуальные образы либо эмпирический предмет и символическую форму. Идеациональное искусство «всегда старое по форме и новое по содержанию, которое оно вбирает и может вобрать, потому что имеет дело с бесконечностью». Этим определяются традиционность и условность.

Визуальный (чувственный) тип искусства в чистейшем варианте имеет эмпирическую тему в импрессионистском исполнении; отличительными чертами являются динамика, живописность. Нечистый визуальный стиль дает сочетание эмпирической темы и рассчитанного на зрительное восприятие исполнения («характерная живопись» с неким скрытым смыслом) либо отчасти эмпирического предмета и визуального исполнения («натуралистическое» решение духовных тем). Визуальное искусство лишено стремления стать средством выражения чего-либо «помимо самого себя». По сути, освобождаясь от подчинения от религии, нравственности, гражданского долга и иных подобных внешних факторов, удовлетворяя «эвдемонистические, гедонистические, утилитаристские потребности чувственных эпикурейских фантазий, богатства, власти», становится непрерывно изменяемым сугубо индивидуалистическим «искусством для искусства»[4].

Примером смешанного стиля является идеалистический, идеациональность которого проявляется в идеализации, типизации неэмпирических либо полуэмпирических по характеру предметов наблюдаемой реальности в соответствии с идеалами. Идеалистическое искусство является «средством выражения и распространения идеала и его ценностей, которые находятся вне искусства». Данный фактор становится объединяющим: получает распространение анонимное коллективное творчество. Характер идеалистического искусства неподвижный, спокойный, безмятежный, поскольку реальность идеала – суть Бытие.

---

[1] Флуктуации – «процессы, время от времени повторяющиеся в социальной и культурной жизни и в человеческой истории». Под процессом П. А. Сорокин понимает «любое изменение данного логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве, или речь идет о модификации его количественных или качественных аспектов». Процесс включает следующие компоненты: единица; временные отношения (длительность, последовательность); пространственные отношения; направление (направление во времени, направление в пространстве, качественное направление, количественное направление). См.: Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 80.

[2] Там же. С. 99-104.

[3] Там же. С. 105-110.

[4] Там же. С. 119.

Кубистский смешанный стиль включает радикальные течения искусства, стремящиеся изобразить идеациональную форму предметов эмпирического мира. История искусства дает также примеры иных смешанных стилей.

Качественный и количественный анализ фактов истории искусства позволил П.А. Сорокину вывести основные флуктуации идеационального, идеалистического, визуального, смешанного стилей в греко-римской[1], западноевропейской[2] живописи и скульптуре, архитектуре[3], музыке[4], литературе и критике[5], системах истины и знания, нравственно-правовом сознании[6], системах социальных отношений[7], войн[8] и внутренних беспорядков[9] в системе межгрупповых отношений.

Количественный и качественны анализ «религиозной, философской, научной мысли» убеждает Питирима Сорокина в наличии флуктуации идеациональной, идеалистической и чувственной систем истины и знания[10]. При этом каждая из систем согласуется с б**о**льшими посылками ментальности, внутренне последовательна. При изменении характера ментальности претерпевают изменения как система истины и знаний, так и фундаментальные теории внутри научной системы, категориальный аппарат, общие положения, предмет и объект изучения, методология ведения научного исследования.

В культуре с идеациональной ментальностью превалирует система истины, основывающаяся на критериях отличающейся от рассудочного доказательства истины: либо система истинной веры[11] со сверхлогическим и сверхъестественным образом данной истиной, либо независимая от органов чувств «система рациональной и логической истины человеческого разума». В качестве предмета выступают сверхчувственные реальности и проблемы, чувственно воспринимаемые предметы суть «видимые знаки невидимого мира». Истина излагается аподиктически и символически.

В культуре с чувственной ментальностью система истины основывается на показаниях органов чувств; достоверность теорий проверяется согласованием с ощущениями. Сверхчувственные реальности признаются несуществующими, нерелевантными, непознаваемыми. Истина излагается экспериментально и индуктивно. Подобные периоды истории культуры отмечены научно-техническим прогрессом. Истина чувств и истина веры могут сосуществовать механически, без интегрирования и приведения в систему в смешанных мен-

---

[1] Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С.128-140.
[2] Там же. С. 141-167.
[3] Там же. С. 168-179.
[4] Там же. С. 180-186.
[5] Там же. С. 211-248.
[6] Там же. С. 477-500.
[7] Там же. С. 503-616.
[8] Там же. С. 619-658.
[9] Там же. С. 661-698.
[10] Там же. С. 257-473.
[11] «Для чисто идеационального образа мышления истина веры должна казаться более надежной, чем человеческий разум и логика». См.: Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 258.

тальностях и культурах. Пассивной и цинической формам чувственной ментальности соответствует система скептицизма.

Основа системы истины и знаний идеалистической ментальности – это «истина человеческого разума и логики»[1]. Предмет изучения сверхчувственного характера признается ценностно более значимым по сравнению с чувственно воспринимаемым. Истина излагается диалектически. Методом обоснования выступает логическое рассуждение со ссылкой на показания органов чувств.

Тип сознания людей определяется типом культуры. Избегают воздействия культуры среды обитания не являющиеся частью культуры или не имеющие с культурой психосоциального контакта социальные группы и отдельные индивиды. Таким образом, сознание личности чисто идеационального или чувственного характера будет соответственно идеациональным или чувственным. Контакт с разными по типу культурами даст смешанный тип ментальности. Контакт с неинтегрированными или противоположными по характеру культурами определит неинтегрированное сознание индивида.

П. А. Сорокин выявил определенного рода обусловленность поведения носителя культуры (форма поведения, разрешение либо табуирование поступков и реакций, удовлетворение биологических потребностей) типом доминантной культуры[2].

Войны, революции, голод, эпидемии оказывают на социокультурную жизнь определенное влияние: разработка культурой злободневных тем[3]; «разнообразие и поляризация воздействий бедствия на общество»[4].

Питирим Сорокин диагностировал кризис достигшей состояния перезрелости и исчерпавшей созидательный потенциал чувственной по своему характеру культуры западного общества. Кризис заключается в разрушении основной сверхсистемы, сопровождающийся кризисом изящных искусств[5], кризисом в системах истины[6], кризисом этики и права[7], кризисом семьи, системы управ-

---

[1] В качестве примера приводится схоластика XII-XIV вв.

[2] «Поведение носителей любой культуры обусловлено ею и находится в неразрывной и явной связи с нею». См.: Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 705.

[3] «Бедствие придает всей культуре свой образ и подобие». См.: Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий : влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Питирим Сорокин; пер. с англ., [вступ. ст. и примеч.] В.В. Сапова; МГУ им. М.В. Ломоносова, Социол. фак. – СПб.: Міръ, 2012. – 334, [1] с. С. 123-125.

[4] «“Реакции”, оказываемые им на одну часть населения, всегда уравновешиваются “ответными реакциями” со стороны другой его части. Деструктивность бедствия проявляется наряду с его творческими стимулами. Это порождение разных и противоречивых реакций позволяет данному обществу и культуре, на которые обрушилось бедствие, избежать полного разрушения, сохранить отчасти свое единство и равновесие и быстро оправиться после того, как бедствие закончится ». Сорокин П. А. Человек и общество в условиях бедствий. С. 126.

[5] Сорокин П. А. Кризис нашего времени ; Россия и Соединенные Штаты : [социально-культурный очерк] / Питирим Сорокин; [сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова; редакционная коллегия: А.К. Конюхов и др.]; Центр "Наследие" имени Питирима Сорокина [и др.]. – Сыктывкар : Анбур, 2018. – 638, [1] с. : ил., портр., факс. С. 27-58.

[6] Сорокин П. А. Кризис нашего времени. С. 59-92.

[7] Там же. С. 93-115.

ления, экономической организации, свободы и построенных на договорных принципах международных отношений[1]. Признавая распространение социологических знаний как практическое средство преодоления «нестроений и плохой общественной жизни»[2] и основываясь на «глубоких социологических размышлениях», П. А. Сорокин предлагает в качестве путей выхода из кризиса «широкое, глубокое и быстрое» осознание «экстраординарного характера кризиса»; признание идеациональной и идеалистической форм культуры альтернативными чувственной; осуществление «сдвига к другой главной форме культуры» на основе «глубочайшего пересмотра главных посылок и ценностей чувственной культуры, отказ от ее устаревших псевдоценностей и восстановление подлинных ценностей, от которых она отказалась» и в сопровождении «соответствующей трансформации социальных отношений и форм социальной организации»[3].

[1] Там же. С. 116-141.
[2] Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1994. – 560 с. С. 6.
[3] Сорокин П. А. Кризис нашего времени. С. 214-222.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В.С. Авдонин
д-р полит. наук, в.н.с., ИНИОН РАН

Д.И. Васильев
канд. мед. наук, доцент, Медицинская Академия
постдипломного образования врачей, Санкт-Петербург

О РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРЕПИСКИ ЗЕМСКОГО УЧИТЕЛЯ ИВАНА ПАНОВА С ПИТИРИМОМ СОРОКИНЫМ

Статья посвящена ранее не исследованным обстоятельствам жизни Питирима Сорокина, связанным с его общением и перепиской с его крестным отцом – земским учителем Иваном Пановым, в доме которого он родился. Статья выполнена в жанре реконструкции возможного содержания переписки и возможного общения Питирима Сорокина и Ивана Панова и его родственников. Основаниями реконструкции выступают материалы и воспоминания родственников Панова и объективные обстоятельства жизни Питирима Сорокина и самого Панова. В статье реконструируются три сюжета досоветского периода: во время начала учебы Питирима; во время его переезда в Санкт-Петербург; во время участия Сорокина в выборах в Учредительное собрание в Вологодской губернии. Также реконструируются три сюжета периода советского режима: во время ареста Питирима Сорокина в Великом Устюге в 1918 году; во время его возвращения к научной работе в университете; и, наконец, в период после высылки за границу.

Ключевые слова: *Питирим Сорокин, биография, Вологодская губерния, село Туръя, земское образование, Иван Алексеевич Панов, переписка.*

В большинстве биографий Питирима Сорокина указывается не только село, где он родился (с. Туръя, Яренского уезда, Вологодской губернии, ныне – Княжпогостского района, Республики Коми), но также и дом в этом селе – дом учителя земской школы Ивана Алексеевича Панова, в котором семья Сорокиных жила в тот период. В более подробных биографических публикациях также обычно сказано, что крестным отцом (восприемником) Питирима при крещении был все тот же земский учитель – Иван Алексеевич Панов (1866–1939). Об этом в автобиографии, написанной много позднее, говорит и сам Питирим Со-

рокин[1]. Но в дальнейшем ни сам ученый, ни другие его биографы больше о Панове не упоминают. Это выглядит несколько странно, так как Сорокин, рано оставшийся без матери, а потом и без отца, в своей автобиографии, как правило, достаточно подробно пишет о своих родственниках и знакомых, с которыми он общался в детском и подростковом возрасте. Роль и значение крестного отца в то время было весьма существенно, поэтому логично предположить, что какое-то общение Панова со своим крестником в тот период все-таки было. К тому же Панов в детские годы Питирима мог быть фактически единственным образованным человеком (интеллигентом) из близких ему людей, так как круг общения семьи Сорокиных составляли, по свидетельствам автобиографии, в тот период почти исключительно крестьяне, крестьянские дети и церковные старосты. И в этом смысле он мог как-то влиять на стремление Питирима к образованию, которое тот неосознанно чувствовал в детские годы скитаний по окрестным деревням.

Еще один момент, говорящий в пользу возможного общения Панова с юным Питиримом, – земляческие связи. Известно, что отец Питирима Александр Прокопьевич был родом из Великого Устюга, он там родился и даже был приписан к сообществу местных ремесленников. Знакомство с биографией Панова также приведет в Великий Устюг. Выходцем оттуда был его отец Алексей Егорович Панов. Он служил в пограничной страже при таможне на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, где в 1866 году и родился его старший сын Иван. Он был крещен в церкви Св. Екатерины там же на Васильевском острове[2].

После службы семья Пановых вернулась в родную Вологодскую губернию, поселившись в Никольском уезде. Образование Иван Панов получил в учительской семинарии в Тотьме, откуда и был распределен в 1886 году в земскую школу в Туръя. Так что пребывание семьи Сорокиных в доме Панова и рождение там Питирима в 1889 году могло быть связано с земляческими (по Великому Устюгу) отношениями Ивана Панова и отца Питирима Сорокина. Последний не просто квартировал у Панова, но проживал у своего земляка, который и стал крестным отцом его среднего сына.

Предположения о связях и общении Ивана Алексеевича Панова с Питиримом Сорокиным находят фактическое подтверждение при знакомстве с биографическими материалами семьи Панова. По свидетельствам его дочери – Екатерины Ивановны Шестаковой (1904–1999) – отец не только общался со своим крестником в детстве, но и долгое время находился с ним в довольно активной переписке. Эта переписка продолжалась и после высылки ученого за границу и была прекращена лишь в середине 30-х годов по требованию советских властей. По свидетельству родственников, Панов написал всем своим зарубежным корреспондентам (а среди них были не только Питирим Сорокин, но и его собственная дочь), что прекращает переписку. Все письма и другие присланные материалы были

[1] Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. – М.: Московский рабочий, 1992. 303 с. http://e-libra.ru/read/234905-dalnyaya-doroga.-avtobiografiya.html (дата обращения: 20.06.2016)
[2] Биографические материалы семьи И.А. Панова

изъяты властями.[1] Данное обстоятельство, возможно, объясняет, почему Питирим Сорокин упоминает о Панове и его семье в своей автобиографии всего один раз – в связи с обстоятельствами своего рождения и крещения. От упоминания других связей и контактов он мог отказаться, памятуя о просьбе самого Панова больше ему не писать и понимая, что в условиях советского режима это может создать угрозу для семьи его крестного отца.

Итак, если допустить, что общение и переписка между крестным отцом и его крестником имели место, в чем мы, познакомившись с материалами семьи Панова, практически не сомневаемся, то можно попытаться реконструировать хотя бы в общих чертах ее примерное содержание. На этой основе можно получить более полное представление об обстоятельствах жизни Питирима Сорокина, особенно, тех, которые были прямо или косвенно связаны с тогдашней Вологодской губернией (куда входила и часть нынешней Республики Коми). Разумеется, конкретное содержание переписки реконструировать невозможно, не имея в распоряжении самих писем, изъятых и, возможно, уничтоженных властями. Исследование в этом плане должно обратиться к архивам спецслужб, значительная часть которых пока остается закрытой. С другой стороны, возможен поиск в американских архивах Питирима Сорокина, где могли сохраниться письма Панова.

Все это может быть дальнейшей задачей исследования. Пока же мы предлагаем некую косвенную реконструкцию, опираясь, с одной стороны, на свидетельства родственников Панова, с другой, – на объективные биографические данные и самого Панова, и Питирима Сорокина.

Мы обращаемся к реконструкции нескольких сюжетов. Во-первых, это сюжет, относящийся к периоду детства и отрочества Питирима Сорокина. Здесь обращает на себя внимание то, что Питирим Сорокин в получении образования сначала шел явно по стопам своего крестного отца: он, также как и Панов, поступил в учительскую семинарию и мог стать в будущем земским сельским учителем. Судьба, впрочем, распорядилась по иному, Питирим семинарию не закончил, а уехал в столицу и получал дальнейшее образование уже другим способом. Но на начальном этапе можно предположить какое-то влияние крестного. Панов, получивший образование в учительской семинарии в Тотьме, хорошо знал этот тип учебных заведений, хорошо представлял себе специфику работы земских учителей после его окончания, а также хорошо знал среду земского сельского учительства Вологодской губернии в целом. В автобиографии Питирим Сорокин пишет, что решающую роль в его поступлении в новую учительскую семинарию, которая открылась в с. Хреново в Костромской губернии, сыграли учителя из сельской школы второго класса в с. Гам, где он учился[2]. Панов к этому не имел прямого отношения, так в это время уже был переведен из Туръи в Никольский уезд. Там он занимался открытием новой сельской школы, в которой стал директором. Но, имея многочисленные связи среди

[1] Биографические материалы семьи И.А. Панова

[2] Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. – М.: Московский рабочий, 1992. 303 с. http://e-libra.ru/read/234905-dalnyaya-doroga.-avtobiografiya.html- (дата обращения: 20.06.2016)

сельских учителей губернии, он, конечно, не мог не знать о судьбе своего крестника, поступившего, как и когда-то и он сам, в учительскую семинарию.

Второй сюжет реконструкции может быть связан с переездом Питирима Сорокина в Санкт-Петербург. Сам ученый в автобиографии подробно описал, как он осуществлял этот переезд[1]. Конечно, главным было его собственное намерение продолжить образование в столице. Что-то ему могли подсказать в этом плане коллеги из Хреновской учительской семинарии, откуда он был «автоматически» отчислен за революционную деятельность, но отношение к нему там, судя по биографическим свидетельствам, было сочувственным и положительным. Какую-то роль могли играть связи в партийной эсеровской среде, которая имела в тот период выходы на столичных деятелей науки и культуры. Но определенную роль в «вызревании» решения Сорокина ехать в Петербург в 1907 году мог сыграть и его крестный Панов. Он, напомним, был уроженцем этого города, имел там родственников, друзей, знал особенности тамошней жизни. И это могло каким-то образом учитываться молодым Сорокиным при переезде.

Как известно из многих воспоминаний и других биографических данных, переезд Питирима Сорокина в Петербург был довольно успешным. Он смог быстро адаптироваться к столичной жизни, найти средства на проживание и образование, расширить круг знакомств. В 1909 году он успешно сдал экстерном гимназический курс в Великом Устюге и, вернувшись в Петербург, поступил в Психоневрологический институт. В 1910 году он перевелся на юридический факультет Петербургского университета.

И здесь мы опять находим пересечения судьбы Питирима Сорокина с судьбой Панова и его семьи. Старший сын родственника и близкого друга Панова вологодского лесопромышленника Ивана Прокопьевича Сергеева Николай, именно в этот период с 1906 по 1911 гг. учился в Петербурге на юридическом факультете университета. А старший сын самого Ивана Панова Александр в то же самое время учился в Инженерном институте. Они вполне могли общаться в Петербурге со своим «крестным братом». Нельзя исключить и того, что сам Панов мог как-то содействовать сдаче Сорокиным гимназического курса. Из материалов семьи Панова известно, что в тот период он занимался вопросами гимназического образования в Вологодской губернии. В том числе принимал участие в делах женской гимназии в Никольском уезде, где училась его дочь. Возможно, что и в деле гимназического экстерната он мог чем-то помочь своему крестнику.

Интересно отметить еще одну параллель. Вскоре после Питирима Сорокина ровно таким же путем прошел еще один выдающийся в дальнейшем российский ученый – экономист Николай Кондратьев. То, что он повторял путь Сорокина, действуя по его советам, вполне очевидно. Они были хорошо знакомы по учебе в Хреновской учительской семинарии. Сорокин в автобиографии называет Кондратьева младшим товарищем, который учился на год младше и также проявлял большой интерес к науке. Хорошо известна фотография, на которой

[1] Там же.

Сорокин и Кондратьев изображены в тот период. Кондратьев тоже покинул учительскую семинарию, не закончив ее, и переехал в Петербург. Потом также сдал гимназические экзамены экстерном и поступил в университет. Сорокина и Кондратьева сближали и политические взгляды: оба были эсерами и активными деятелями в период Временного правительства, оба были избраны членами Учредительного собрания России и выступали против большевистского режима. Но в дальнейшем их пути разошлись: Сорокин был выслан из страны и сделал карьеру в Америке, а Кондратьев остался в Советской России, продолжал работать, но в 30-е годы был арестован и расстрелян в сталинском ГУЛАГе.

Третий сюжет нашей реконструкции связан преимущественно с политической деятельностью Питирима Сорокина. Ее пик приходится, как известно, на период Февральской революции и Временного правительства. Питирим Сорокин становится одним из ведущих идеологов крупнейшей российской партии того периода – эсеров. Он публикует десятки политических статей, входит в ближайший круг председателя Временного правительства Александра Керенского, принимает участие во всех важнейших политических мероприятиях. Осенью 1917 года он избирается членом Учредительного собрания от родной Вологодской губернии, в которой партия эсеров получила очень высокий результат – более 72 % голосов, что значительно превосходило средние показатели партии по России (около 54 %).

Панов в этот период продолжал директорствовать в земской школе в Никольском. Его социальный статус в уездном и даже в губернском сообществе, учитывая многие годы плодотворной работы в земском образовании, был весьма высок. Особенно тесно он сотрудничал с крупным местным лесопромышленником Иваном Сергеевым, который был фактическим основателем и постоянным благотворителем земской школы, в которой директорствовал Панов. Известно, что на средства Сергеева был даже построен большой добротный дом для директора школы. В дальнейшем Панов и Сергеев породнились через брак детей и их связи еще более укрепились[1].

Как все это могло быть связано с политической судьбой Питирима Сорокина? Дело в том, что по биографическим данным, Потомственный почетный гражданин И.П. Сергеев был не только бизнесменом/купцом, председателем Никольской уездной Думы, но и проявлял большой интерес к политике. Он участвовал в думских избирательных кампаниях; особенно активно в кампании 1906 года. Он имел связи с думскими и даже правительственными политиками. Есть свидетельства и о спонсировании им политических партий (возможно, и эсеров), не говоря уже о земской благотворительности. Незадолго до Февральской революции, в 1916 году его даже проверяли на благонадежность в связи с подозрениями в контактах с политическими ссыльными в Вологодской губернии.[2] Трудно себе представить, чтобы такой человек, как Сергеев, не проявлял активность на выборах в Учредительное собрание в Вологодской губернии,

[1] Биографические материалы семьи И.А. Панова

[2] Мишенев В.Б. Сергеевы и потомки. 350 лет на благо России. – Димитровград: ЮНИПресс, 2016. С. 47–48.

особенно, учитывая, что одним из главных кандидатов на них был крестник его свояка Панова. Возможно, что он мог как-то содействовать избранию в губернии Питирима Сорокина, вовлекая в это и Панова. Пока это наша гипотеза, которую еще предстоит подтвердить фактами.

Еще один, четвертый сюжет реконструкции также связан с политикой и относится к одному из самых драматичных эпизодов в судьбе Питирима Сорокина. Речь идет о его аресте в Великом Устюге осенью 1918 года в период «красного террора». Как известно, почти два месяца ученый находился в камере смертников в местной ЧК, ежедневно ожидая расстрела. Страницы автобиографии передают пережитый им в этих условиях ужас[1]. Но расстрела не произошло, в конце 1918 года Питирим Сорокин был перевезен в центральную ЧК в Москву и затем выпущен на свободу. В связи со своим чудесным избавлением сам он упоминает двух знакомых по Петербургскому университету – Льва Карахана и Георгия Пятакова, ставших в тот период видными большевистскими функционерами. Они, по его словам, просили за него перед Лениным, который и отменил расстрел[2]. Еще он упоминает некоего местного большевика, давшего знать о нем его знакомым в центре. Биографы считают, что это был Шалва Элиава. Он также знал Сорокина по университету, а в 1918 году был председателем Вологодского совета и местным комиссаром.

Наша реконструкция позволяет рассмотреть эти события под несколько иным углом зрения. Весьма вероятно, что большевики решили сохранить жизнь Питириму Сорокину не просто в силу заступничества его знакомых, а, прежде всего, по политическим соображениям. Расправа над ним могла осложнить для большевиков политическую ситуацию в Вологодской губернии. Об этом мог знать и докладывать в центр, как раз Элиава. В губернском Совете сохранялись сочувствующие эсерам, было там и сильное влияние местных земцев. Они могли ходатайствовать за Сорокина или, по крайней мере, объяснять местным большевикам, что его дело должен решать центр. Не исключено, что в организации таких ходатайств мог участвовать и Панов, обладавший в губернии определенным авторитетом, а также Сергеев, в свое время помогавший ссыльным большевикам[3]. Это, впрочем, также требует подтверждения в ходе дальнейших изысканий.

В конце концов, Сорокина освобождают и даже разрешают вернуться в университет. Но взамен он делает заявление об осуждении политики эсеров, разрыве с партией и переходе к занятиям чистой наукой и просветительством. Ленин использовал эти заявления в одной из своих работ, назвав их «ценными признаниями Питирима Сорокина». По мысли Ленина, они свидетельствовали об отходе «мелкобуржуазного сознания от эсеровской политики», что способствовало укреплению «пролетарской власти»[4].

---

[1] Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. – М.: Московский рабочий, 1992. 303 с.
[2] Там же.
[3] Наумов А.Н. Кемская земля в послереволюционном десятилетии 1917–1928 гг. – Вологда, 2012. С. 70.
[4] Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина. ПСС. Т. 37. С.188-197.

Два последних сюжета нашей реконструкции касаются возможного общения/переписки Панова и его родных с Питиримом Сорокиным в период его жизни в и работы в Петрограде в 1919–1922 гг. и после высылки за границу. Анализ и сама реконструкция здесь становится особенно сложной. Дело в том, что общение и переписка, даже на бытовые и родственные темы с такими людьми как Питирим Сорокин могла представлять опасность. Он рассматривался большевистским режимом как враг или, по крайней мере, как идейный противник, за связь с которым могли последовать санкции. Это не могло не отражаться и на взаимоотношениях с ним, которые, вероятно, могли отличаться теперь большей осторожностью и скрытностью.

По свидетельствам родственников, в начале 1920-х годов Панов не раз бывал в Петрограде у дочери, куда она переехала после замужества. Там он мог встречаться и со своим крестником. Но сам ученый в автобиографии об этом не упоминает. В их переписке, возможно, могли затрагиваться вопросы продовольственного положения в Вологодской губернии, так как Питирим Сорокин в 1921–22 гг. активно занимался изучением проблем голода. Возможно, что они могли обсуждать близкие им обоим темы земского учительства, положение которого по мере развертывания советской образовательной политики осложнялось. Возможно, обсуждались и просто новости о жизни родственников и знакомых. Такой новостью, например, мог быть отъезд дочери Панова Александры Моргенштерн за границу. Ее мужем был коммерсант немецкого происхождения, в 1921 году ее семья переехала в Германию и обосновалась в Берлине[1]. И снова пересечение судеб – через несколько месяцев в Берлине после высылки оказался и Питирим Сорокин.

Итак, в 1922 году Питирим Сорокин навсегда покидает Россию. Но его переписка с Пановым не прекращается, а продолжается еще более 10 лет. Понятно, что ученого продолжало интересовать то, что происходило на его малой родине – в Вологодской губернии, о чем мог поведать его крестный. Реконструкция этой переписки может быть привязана к научным интересам Сорокина, который вскоре после отъезда за границу начинает работу над фундаментальным трудом «Социология революции». Какие-то сведения, почерпнутые из переписки с Пановым, он мог использовать в своей работе в плане осмысления постреволюционной ситуации в России. Также переписка могла быть важна для Сорокина с точки зрения оценки перспектив тех изменений, которые были связаны с новой экономической политикой большевиков. В автобиографии Сорокин упоминает о разговоре с Пятаковым незадолго до высылки. Тот якобы говорил, что через 2–3 года ситуация в России может измениться, и Сорокин сможет вернуться[2]. Такие надежды в период НЭПа питали многих. Были они и в окружении Панова. Например, упоминавшийся выше его свояк и бывший лесопромышленник Сергеев даже писал в это время письмо в Советское правительство, надеясь на поддержку большевиками начатого им строительства железной дороги, и даже предлагал использовать для этого десятую часть конфискованного у него капитала. Надежды, вероятно, были и у друга Питирима Сорокина Николая Кондратьева, которого он не смог убедить остаться за границей.

[1] Биографические материалы семьи И.А. Панова

[2] Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. – М.: Московский рабочий, 1992. 303 с.

Но реальность в постреволюционной России была другой, и Сорокин как выдающийся социальный мыслитель это хорошо понимал. В чем-то ему могли помогать здесь и письма Панова. Несмотря на послабления в экономике, большевики усиливали в обществе политическое и идеологическое давление. В середине 20-х годов прошла чистка учительского корпуса в Вологодской губернии. Власти увольняли и ограничивали работу учителей «старой формации» и заменяли их новыми пролетарскими кадрами. Попал под эту кампанию и Панов – он лишился директорства и был переведен на рядовую должность[1]. Постепенно изменялась вся система земского образования, создававшаяся в России в предшествующие полвека. И Панов, и Сорокин ее очень хорошо знали и, по существу, являлись выходцами из этой системы. Разумеется, они прекрасно знали ее недостатки, но также и неоспоримые достоинства. Возможно, они что-то обсуждали в этом плане и в последние годы своей переписки. Здесь для них особенно интересными могли быть сравнительные моменты. Сорокин хорошо знал русскую систему образования, в том числе и земскую, и университетскую, и мог ее сравнивать с западной, прежде всего, с американской. А Панов, досконально разбиравшийся в земской модели, видел перед собой становление новой модели образования тоталитарного государства и тоже мог это сравнивать. Для Сорокина могли быть важны эти наблюдения. Разумеется, для его исследований могли представлять интерес настроения и какие-то новые реалии в общественной среде вологодского крестьянства и учительства в период сворачивания политики НЭПа в конце 20-х годов и перехода к «великому перелому» (коллективизации), о чем также мог рассказать, возможно, и используя эзопов язык, его крестный. Наверняка в ней могло быть и множество других, самых разнообразных сюжетов.

Таким образом, представленная реконструкция позволяет привлечь к исследованию новые обстоятельства, имевшие место в жизни Питирима Сорокина, и одновременно наметить пути их дальнейшего изучения и подкрепления соответствующими источниками и материалами. И еще одно соображение хотелось бы отметить в связи с предложенной реконструкцией. Во многом она демонстрирует, насколько важной в жизни выдающегося социолога Питирима Сорокина была связь с российским земством начала XX века, прежде всего, с земством серверных губерний, а конкретно – Вологодской губернии, в которую тогда входила и часть Республики Коми. Его личная связь с земскими традициями, земской интеллигенцией, земскими умонастроениями того периода – периода социального, экономического и политического подъема российских северных земств, на наш взгляд, существенным образом определяла не только политическую, но и научную деятельность Питирима Сорокина как в российский период, так и в дальнейшем. И сегодня, говоря на нашей конференции о его роли в глобальном развитии XXI века, надо помнить и продолжать изучать земские истоки его жизни и творчества.

[1] Биографические материалы семьи И.А. Панова.

В.В. Василенко,
д-р ист. наук доцент, зав. кафедрой, профессор кафедры
культурологии и искусств, Гуманитарный институт
Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О П.А. СОРОКИНЕ И ИНТЕГРАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Память и забвение российско-американского ученого, выдающегося мыслителя XX в. П.А. Сорокина рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные. Анализируются причины конструирования забвения и запоминания имени П.А. Сорокина. Автор, исходя из концепции Ю.М. Лотмана, классификации памяти на «информативную» культурную память и «память креативную» (творческую) описывает процесс мемориализации памяти о П.А. Сорокине в России (вторая половина XX – начало XXI вв.). Освещает разные формы репрезентации памяти о П.А. Сорокине (научные труды, памятные места, музеи, сетевые ресурсы, кино, фольклор и др.). Показывает роль индивидуальной памяти в сохранении наследия ученого.

Ключевые слова: *мемориализация, память, информационная память, творческая память, П.А. Сорокин, интегральная концепция, интегральная методология, социогуманитарная область знания, созидательный альтруизм.*

Установка памятника П.А. Сорокину в Сыктывкаре в августе 2014 г. стала важным событием, итогом многолетней деятельности авторитетных ученых, организаторов науки и молодых исследователей, общественных деятелей и политиков, писателей, художников, деятелей культуры и др. Памятник был сооружен по инициативе Правительства Республики Коми и Сыктывкарского государственного университета. Его открытие приурочено к 125-летию со дня рождения П.А. Сорокина, оно состоялось при финансовой поддержке крупных компании («Лукойл Коми», «Монди», «Северные магистрали», «Газпромпереработка», «Газпроммежрегионгаз», «Ростелеком», «Северная нефть», «Ситек», «Северный народный банк», и др.) и частных пожертвований.

Одно из положений П.А. Сорокина о созидательной силе альтруизма гласит: «Альтруизм соединяет людей». Его подтверждением стал позитивный пример консолидации государственной власти, бизнеса и образование в целях социального инвестирования.

Автор скульптуры – А.Н. Ковальчук, заслуженный художник России, член Совета при Президенте РФ по культуре и искусстве, лауреат Государственной премии. Он создал целый ряд образов исторических персонажей и деятелей культуры России (Петра Великого, А.С. Пушкина, Ф.Ф. Ушакова, семьи А. Ахматовой – Гумилевых, Ф.И. Тютчева, И.А. Бунина, А.Т. Твардовского, А.А. Зиновьева и др.). На церемонии открытия памятника он произнес: «Мы должны

быть благодарными таким людям как Питирим Сорокин: политические изменения помешали ему остаться в России, но он стал знаковой фигурой в науке и культуре всего мира, внес огромный вклад в развитие всей цивилизации».

Профессор Гарвардского и Бостонского университетов Сергей Сорокин, сын П.А. Сорокина, рассказал, что когда в 1998 г. был объявлен конкурс, из десятка предложенных эскизов он выделил проект А. Ковальчука. С его точки зрения, «эта скульптура изображает простого человека, который смог добиться высоких результатов благодаря своему усердию и трудолюбию». Удачно, с его точки зрения, было выбрано и место расположения памятника у главного здания Сыктывкарского государственного университета. Оно подчеркивает роль просвещения образования в жизни отца.

В масштабах страны целый ряд юбилейных мероприятий для широкой общественности в отличие от относительно узкого круга научного сообщества прошел не замеченным, что и заставило задаться вопросом о сложившейся практике мемориализации памяти о П.А. Сорокине. Каким образом формируется образ запоминания выдающегося ученого XX в.?

Ю.М. Лотман считал «празднование юбилеев … одновременно ключом к пониманию духовных устремлений и идеологии времени». Юбилеи являются своего рода лакмусом культурной памяти. Следуя идеям Ю.М. Лотмана, различающего «информативную» культурную память и «память креативную» (творческую), памятник П.А. Сорокину как произведение искусства отнесем к акту творческой памяти. Он был задуман еще в 2009 г. и, следовательно, создавался, пользуясь терминологией Ю.М. Лотмана, не в настоящем срезе культуры, а в ее прошлом.

Как отмечает П. Нора, места памяти – это «высокопродуктивные генераторы значений». Места памяти П.А. Сорокину создавались к юбилею и памятным датам. Первая мемориальная доска памяти П.А. Сорокину была установлена в 1990 г. к 100-летию со дня рождения ученого на фасаде Музея народного образования Усть-Вымского района с. Гам (архитектор Дружинин). В этом здании располагалась Гамская второклассная школа, которую в 1904 г. П.А. Сорокин окончил с отличием.

В феврале 1999 г. к 110-летию со дня рождения в с. Турья был открыт памятный знак. Барельеф изображает молодого П.А. Сорокина в простой крестьянской одежде с книгой в руке и содержит надпись на русском и коми языках: «23 января 1889 года в селе Турья родился всемирно известный социолог, философ Питирим Александрович Сорокин».

К 120-летию со дня рождения П.А. Сорокина в апреле 2009 г. в Санкт-Петербурге по проекту архитектора В.Б. Бухаева на фасаде дома 31[1], располо-

[1] В 1910–1911 гг. Доходный дом Долгополова, построенный по проекту В.И. Ван-дер-Гюхта. Сорокин жил в квартире знакомой М.Н. Дармолатовой, где часто гостил у брата О. Мандельштам. О жизни в этом доме упоминал и сам П.А. Сорокин[1], и брат О. Мандельштама Е.С. Мандельштам, муж Надежды Дормалатовой. Е.С. Мандельштам оставил следующую запись: «В одной из пустых комнат огромной квартиры Дармолатовых» жили друзья Надюши: известный социолог Питирим Сорокин и его жена Лена Братынская, близкая подруга

женного на 8-линии Васильевского острова, фондом имени Д.С. Лихачева и Санкт-Петербургским госуниверситетом при поддержке фонда «Константиновский» также была установлена мемориальная доска. Идея надписи, высеченной на мемориальной доске: «Здесь с 1918 по 1920 год жил великий мыслитель XX века социолог Питирим Сорокин», принадлежит писателю Д. Гранину. Еще при жизни П.А. Сорокина А. Тойнби подчеркивал его роль как пионера и интеллектуального первопроходца, преодолевшего конвенциональные барьеры между «дисциплинами», для того чтобы подойти к «делам человечества как к целостности», изучать их «со всех перспективных точек зрении посредством любых перспективных методов»[1]. Несмотря на то, что А. Тойнби высказывал сомнения в отношении оценок творчества П.А. Сорокина будущими поколениями, в то же время он выражал уверенность в том, что «его творческие интуиции войдут в основной поток мысли в этой сфере и сохранят там своё место»[2]. Об интегрализме П.А. Сорокина на церемонии открытия говорил декан факультета социологии Санкт-Петербургского госуниверситета, профессор Н.Г. Скворцов: «Питирим Сорокин заложил основы нового взгляда на мир, на его сущность и закономерности развития, обосновал приоритет гуманистических принципов в жизнедеятельности общества. Его идеи очень современны, и именно в этом состоит величие ученого».

Генеральный консул США Ш. Гуолтни отмечала роль наследия П.А. Сорокина в налаживании диалога между странами: «Питирим Сорокин был ученым, который своей научной деятельностью связал Америку и Россию. Он доказал, что нас вами гораздо больше объединяет, чем разъединяет».

Действительно, вслед за открытием социологии П.А. Сорокина в России в начале XXI в. произошло открытие многогранности его теоретического наследия. Началось осмысление его интегральной методологии, вклада ученого в разные дисциплины социогуманитарной области знания (философия, этика, антропология, культурология, педагогика, история, политология и др.). Было установлено, что П.А. Сорокин последовательно проводил глобальное объединение всех аспектов культурной и социальной жизни в одну объяснительную модель, а основополагающие идеи интегральной концепции были не только теоретическими положениями, но и элементами мировоззрения ученого, его жизненными принципами.

В канун 120-летия со дня рождения ученого, в 2009 г. проявлением еще одного акта творческой памяти стал документальный фильм «Антитеза Питирима Сорокина» (ТРК «Цивилизация»), премьера которого состоялась на российском канале «Культура». Создатели фильма, автор сценария А. Бедеров и режиссер А.М. Капков, неоднократно возвращались к теме забытых имен российских ученых (Н.И. Вавилова, В.В. Леонтьева и др.). В фильме, посвященном П.А. Сорокину, они создают многогранный образ его личности, показывают, как в экстре-

---

Нади по Бестужевским курсам, Питирим Александрович был сильным, крепким человеком, с умным выразительным лицом, немногословным, как многие северяне…»

[1] Тойнби А. Философия истории Сорокина // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 14, 22.

[2] Там же.

мальных условиях менялось его мировоззрение, как он был изгнан из страны, как проходила жизнь в США. Съемки проходили на родине и в США, были использованы уникальные кадры из семейного архива Сорокиных. П.А. Сорокин предстает не только как политический деятель и видный российско-американский социолог, но и как гуманист XX в. Фильм получил диплом XIV Международного фестиваля кинофильмов и телепрограмм «Радонеж» (2009).

Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить и как, а также, что придавать забвению. Прежде чем переходить к анализу информативной памяти о П.А. Сорокине в настоящем времени, вырабатываемой в результате познавательной деятельности исследователей, необходимо вспомнить причины его забвения в СССР.

Как известно, в условиях НЭПа большевики опасались активизации участия представителей «старой интеллигенции» в общественной жизни, превращения их в самостоятельную политическую силу. «Открывшиеся шлюзы для творчества инакомыслящих»[1] заставляли советскую власть предпринимать усилия, направленные на моноидеологизацию общества. В июне 1922 г. Л.Д. Троцкий призывал: «Заставить айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь, к которому они принадлежат»[2].

В июле 1922 г. В.И. Ленин в письме ЦК ВКП (б) обосновывал необходимость «искоренения», «безжалостной высылке за границу нескольких сот контрреволюционно настроенной интеллигенции» и рекомендовал внимательно пройтись по питерской профессуре, которая «сеет буржуазную заразу в аудиториях студенчества». В августе 1922 г. В.И. Лениным был утвержден список лиц, подлежащих высылке в первую очередь. В заключении по делу № 15962, составленном помощником начальника четвертого Северного отдела ОГПУ Шешкеном, указано, что «Сорокин не только не примирился с существующей в России в течение пяти лет Рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних для России затруднений свою контрреволюционную деятельность усиливал»[3]. Как известно, П.А. Сорокин подвергся гонениям не только по политическим причинам, но и в связи с его системой социологии как альтернативы марксизма. Резкую критику и недовольство вызывали его труды о влиянии голода на общество[4].

История эмиграции П.А. Сорокина подробно описана им в автобиографическом романе[5]. Тема «покаяния» П.А. Сорокина в связи со статьей В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина» подробно раскрыта Ю.В. Дойко-

[1] Троцкий Л.Д. Диктатура, где твой хлыст? // Правда. 1922. 2 июня. № 121.
[2] Там же.
[3] ЦОА ФСБ РФ. Д. 47804. С. 1-3.
[4] Сапов В.В., В.С. Сычева. Судьба книги – судьба автора // Сорокин П. Голод как фактор. – М., 2003. С. III–XII.
[5] Сорокин П.А. Долгий путь. – Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР; Шыпас, 1991. С. 158.

вым[1]. После эмиграции имя П.А. Сорокина если и вспоминали, то только как реакционного буржуазного мыслителя. Академик Г.В. Осипов, вспоминая свои годы обучения в МГИМО МИД СССР, пишет: «Я действительно ни слова ни сказал о критике В.И. Лениным П. Сорокина, так как в этой критике многое мне было не понятным, хотя в ее справедливости в то время сомневаться я не мог»[2].

На взаимозависимость коллективного запоминания и забвения указывал М. Халбвакс, полагая, что они конструируют друг друга[3]. В определенных исторических условиях забвение сменяется запоминанием. Такова закономерность.

Впервые после долгих лет забвения в 1960-х гг. к трудам П.А. Сорокина обратился И.А. Голосенко. К сожалению, в последние годы все реже вспоминают о вкладе И.А. Голосенко (1938–2001) в изучение биографии и творчества П.А. Сорокина. Еще при жизни П.А. Сорокина он первым в СССР начинает изучать сначала его труды российского периода, а затем и американского. В годы хрущевской оттепели отечественные социологи только начинали осваивать опыт буржуазных социальных мыслителей. По совету научного руководителя профессора И.С. Кона И.А. Голосенко проявил интерес к концепции российско-американского социолога. Результатом стали сначала дипломная работа по философии истории и социологии П.А. Сорокина, а затем, в 1968 г., кандидатская диссертация, представленная к защите в Ленинградском госуниверситете[4], с которой собственно и началось введение трудов и теории П.А. Сорокина в научный оборот.

Следует отметить, что в формировании культурной памяти существенную роль играет индивидуальная память. Профессор Санкт-Петербургского университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН И.А. Голосенко вспоминал, как он, взяв несколько книг Сорокина и штудируя их, обратил внимание на расхождение взглядов раннего и позднего периодов творчества. Он увидел, как «в более поздних книгах Сорокин ядовито критиковал позиции, на которых стоял когда-то и сам. Для авторитетного подтверждения вектора его духовной эволюции обратился к нему самому» [5].

В своей первой публикации, посвященной философии истории П.А. Сорокина, И.А. Голосенко[6] указывал на справедливость теоретических положений российско-американского социолога. На гражданское мужество И.А. Голосенко в одном из своих интервью обратил внимание Б. Докторов. Молодой исследователь осмелился высказать идеи, не совсем укладывающиеся в существующую советскую традицию марксистской критики творчества П.А. Сорокина 1920-х

---

[1] Дойков Ю.В. Где было написано отречение? (Неизвестное письмо Питирима Сорокина) // Газета сыктывкарского университета. № 27. 10 февраля 1998. С. 13.

[2] Осипов Г.В. Три встречи с Питиримом Сорокиным // Встречи с Питиримом Сорокиным. Из архива Г.В. Осипова / под ред. И.Б. Орловой. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.

[3] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007.

[4] Голосенко И.А. Критика историко-философской и социологической концепции П. Сорокина: дис. …канд. фил. наук. 09.00.07. – ЛГУ,1967.

[5] Интервью с профессором И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 9.

[6] Голосенко И.А. Философия истории П. Сорокина // Новая и новейшая история. 1966. № 4.

гг. Оттиск статьи А. Голосенко был отправлен в США научным руководителем профессором И.С. Коном. Далее последовал ответ П.А. Сорокина, в котором он благодарил И.А. Голосенко за статью, высоко оценивая её содержание. П.А. Сорокин писал: «Она представляет серьезный подход к моим теориям и, за исключением ряда пунктов неправильного понимания моих теорий, обнаруживает хорошее знакомство и знание моих работ. Не менее важными являются также критические замечания Голосенко по ряду важных пунктов моих теорий. Его критика серьезная и как таковая сердечно и благодарно приветствуется мною. С моей стороны, я постараюсь в моей будущей статье ответить на его критические замечания, как и на критику моих теорий многих «буржуазных» ученых. Возможно, я сделаю это в моей будущей статье о советской социологии и теории истории»[1].

По свидетельствам И.А. Голосенко, в университетской библиотеке Ленинградского университета в начале 1960-х гг. многие книги, написанные П.А. Сорокиным в российский период, выдавались на дом. Также И.А. Голосенко подтверждал, что с П.А. Сорокиным переписывались многие ленинградские социологи, но часть корреспонденции пропадала. Сам же П.А. Сорокин никогда не упоминал об этом, хотя материалы личной переписки с И.С. Коном и И.А. Голосенко с 1965 по 1967 гг. существуют[2].

По просьбе И.А. Голосенко всемирно известный на тот момент ученый почтой пересылает свои труды в Ленинград. Существует предположение, что именно эти труды и попали в Государственную публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Российскую национальную библиотеку). В начале 1990-х гг. автору этих строк пришлось преодолеть ряд формальностей для того, чтобы получить специальный допуск в спецхран, где находились эти издания.

В письме П.А. Сорокина И.С. Кону от 8 ноября 1965 г. сообщалось, что он высылал в Ленинград оттиски своих статей и статьи проф. Циммермана, дающие характеристику его системы социологии и философии истории. В том же письме П.А. Сорокин сообщал: «Советская Академия наук недавно выслала мне ряд книг советских социологов в обмен с моими книгами. Так как я не могу включить их анализ в мой печатающийся том, я, вероятно, напишу статью о советской социологии»[3]. В другом письме от 13 декабря 1965 г. П.А. Сорокин ставил в известность И.С. Кона о том, что в ЛГУ высланы четыре тома книги «Социальная и культурная динамика», «Социальная и культурная мобильность», отчеты о Гарвардском исследовательском центре творческого альтруизма и другие[4]. И если раньше в письмах в Москву П.А. Сорокин высказывал

[1] Из эпистолярного наследия Питирима Сорокина. Переписка с И.С. Коном // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 31.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Главным управлением по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР книга П. Сорокина «пути проявления любви и сила ее воздействия», выпущенная на английском языке американским издательством «Генри Регнери Компании» и отправленная на домашний адрес профессору И.С. Кону была изъята.

сожаление, что до сих пор ни один из его томов не переведен на русский язык, в то время как книги его учеников Т. Парсонса, Р. Мертона и других переведены и изданы, хотя они являются более «буржуазными» и консервативными, чем его «идеологии и теории»[1], то теперь растущий интерес к его трудам его обнадеживал. П.А. Сорокин высказывал соображения по поводу возможного диалога с советскими учеными в журнале «Вопросы философии» с целью прояснения собственной концепции, уточнения положений формационного подхода и др.

Сохраняя исследовательский интерес к творчеству П.А. Сорокина в течение всей своей жизни, И.А Голосенко создал целый ряд оригинальных научных трудов[2], «написал о Сорокине – лучшее из того, что было сделано в мире»[3].

В одном из последних своих интервью И.А. Голосенко сделал неожиданное признание: «Все меня покорило в экзотической фигуре Сорокина – философский ум, многоплановое социологическое творчество, глубочайшая культура русского века, красиво названного «серебряным»…и потом, я лично предвзят, даже кое-какие его заблуждения по-человечески мне симпатичны»[4].

Не менее важен вклад И.А. Голосенко в популяризацию теорий П.А. Сорокина. Впервые о российско-американском социологе автор этих строк услышала в 1992 г. на лекциях профессора И.А. Голосенко, которые он читал в Российском гуманитарном институте при Санкт-Петербургском государственном университете (на ул. Декабристов). Запомнилось, как увлекательно он рассказывал о жизни и деятельности П.А. Сорокина, о сути его теории мобильности, стратификации, социокультурной динамики и др. Тогда, в условиях кризиса марксистской методологии, нахлынувшего, как вихрь, методологического плюрализма, система координат, заданная П.А. Сорокиным, оказалась способной заменить материалистическое понимание истории, формационный подход[5].

Своим единомышленникам И.А. Голосенко, так же как и ему П.А. Сорокин, почтой отправлял новейшие издания книг. Так, в одном из своих последних писем (16 октября 2000 г.), адресованном автору этих строк, И.А. Голосенко писал: «вот и пролетел Всероссийский социологический конгресс… имя Питирима Александровича носилось в воздухе часто и обильно. Даже всуе». И.А. Голосенко сообщал о двух новых книгах. О книге, вышедшей под редакцией А.О. Бороноева «Заметки

---

[1] Мертон Р. Фрагменты из воспоминаний // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 133.

[2] Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. – Сыктывкар: Истоки, 1991; Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина. Русский период деятельности. – Самара: Социологический центр «Социо», 1992. Голосенко И.А. Питирим Сорокин как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.I. Вып. 4.

[3] Кон И.С. Памяти И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т.V. № 1. С. 211.

[4] Интервью с профессором И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропоологии. 1998. Т.1. № 2. С. 8-9.

[5] Василенко В.В. Интеллектуальная биография П.А. Сорокина: опыт нового исследования формирования «интегральной» методологии социально-исторического познания: дис. доктора ист. наук. 07.00.02, 07.00.09. – Ставрополь: СГУ, 2006.

социолога. Социологическая публицистика»[1] и о своей работе «О русской общественной мысли», которую и сопровождало это письмо. Завершал он письмо напутствием: «Пишите статьи, не ленитесь и посылайте в наш журнал».

В дальнейшем автора этого материала жизнь сводила с В.И. Добреньковым, В.В. Саповым, А.О. Бороноевым, М.В. Ломоносовой и др. людьми. Что объединяет этих людей разных поколений? «Интеллектуальная любовь» к П.А. Сорокину[2]. Как она формируется? Быть может, чувство эмпатии усиливает познавательный интерес исследователя?

Возвращаясь в 1960-е гг., необходимо отметить, что П.А. Сорокин с интересом наблюдал за развитием советской гуманитарной мысли, сравнивал её с послереволюционной. Он отмечал: «Хотя советская официальная социология ещё остается социологией диалектического материализма, фактически под этим именем советские социологи развивают теории, которые в некоторых аспектах бывают более идеалистическими, чем многие господствующие теории Запада. Внимательно читая многие публикации советских социологов, я обнаруживаю, что по существу согласен с некоторыми из их теорий, принципов, методов и оценок. Будучи всегда очень критичным по отношению к основным принципам всех видов материалистической философии, я обнаруживаю сегодня в советской социологии, под прикрытием официальной социологии диалектического материализма, целый ряд направлений «интегральной» или «идеалистической» социологической мысли»[3].

В ходе переписки и сотрудничества с советскими учеными он приходит к пониманию того, что больше нет «глупых разговоров о «пролетарской» и «буржуазной» науках и технологиях … ученые, инженеры и изобретатели Запада и России говорят на одном и том же научном языке, хорошо понимают друг друга, и если их правительства предоставляют такую возможность, искренне сотрудничают друг с другом в развитии научных знаний и технологического прогресса» [4].

Теперь уже известно о переписке П.А.Сорокина с заместителем председателем Научного совета АН СССР по истории мировой культуры профессором В.А. Карпушиным. В письме от 4 января 1967 г П.А. Сорокин выразил надежду «до своей кончины» посетить СССР и сослужить службу русским ученым». В феврале 1967 г. В.А. Карпушин обращается в ЦК КПСС с заявлением, подписанном председателем Научного совета АН СССР по истории мировой культуры академиком П.Ф. Юдиным. Необходимость приглашения поясняется тем, что «в связи с разработкой проблем критики буржуазных теорий культуры и культурно-исторического процесса между сектором философских проблем культуры института философии АН СССР и президентом американского социологического общества Питиримом Сорокиным возникла переписка по науч-

[1] Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика / сост. А.О. Бороноев. – СПб.: Алетейя, 2000.

[2] Кон И.С. Памяти И.А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т.V. № 1. С. 211.

[3] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 137-138.

[4] Там же. С. 134.

ным проблемам и происходил обмен книгами… На протяжении последнего десятилетия П. Сорокин воздерживался от каких-либо выпадов против СССР и мировой системы социализма, проявлял интерес к успехам своей родины и следил за советской социологической литературой». Подчеркиваются антиамериканские настроения социолога, указывается, что он осуждает холодную войну, критикует американский образ жизни, выступает против американских колониальных войн, экспансии во Вьетнам и др. и предлагает пригласить П.А. Сорокина с двухнедельным визитом в Ленинград, организовать пресс-конференцию в Доме ученых.

Делопроизводство о возможном приглашении П.А. Сорокина в СССР было завершено в марте 1967 г., когда заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В. Чехарин поставил на документе визу о признании визита «нецелесообразным»[1].

Начатое дело своего отца, инициировавшего перевод трудов П.А. Сорокина, продолжила его дочь С.В. Карпушина, которая в 1982 г. защитила диссертацию «Критический анализ культурологической теории концепции П.А. Сорокина»[2], а в 1992 г. перевела на русский язык «Социологические теории современности[3].

Небывалый всплеск интереса к имени П.А. Сорокина и его трудам в России начался в годы перестройки, что вполне объяснимо. «Напряженные переговоры с прошлым» – так охарактеризовал этот период П. Нора. Обращение к традиции российской дореволюционной социогуманитарной мысли влекло за собой изменение культурных кодов, парадигмы памяти-забвения.

Существенный вклад в эти годы в изучение биографии и теоретического наследия П.А. Сорокина внесли В.В. Сапов[4], С.Н. Канев[5], А.В. Липский, П.П. Кротов[6], Ю.В. Дойков [7], А.Ю Согомонов[8], Н.Н. Маулина[9] и др.

---

[1] Кривоносов Ю.И. Несбывшаяся надежда Питирима Сорокина; Таскаева А.А. По следам Питирима Сорокина // Возвращение Питирима Сорокина: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. – М.; СПб.; Сыктывкар, 4-9 февраля 1999 г. – М: Московский общественный научный фонд; МФК, 2000.

[2] Карпушина В.А. Критический анализ культурологической концепции П. Сорокина: дис… канд. фил. наук. 09.00.01. – М., 1982.

[3] Сорокин П.А. Социологические теории современности. – М., 1992.

[4] Сапов В.В. «Зырянский проповедник» // Социологические исследования. 1991. № 8; Сапов В.В. Годы учений годы скитаний // Свободная мысль. 1992. № 8; Сапов В.В. Моментальный снимок на фоне России и Америки // Социологические исследования. 1996. № 2; Сапов В.В. Сдержанный оптимизм Питирима Сорокина // Человек. 1998. № 6.

[5] Канев С.Н. Путь Питирима Сорокина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.

[6] Липский А.В., Кротов П.П. Зырянский след биографии Питирима Сорокина // Социологические исследования. 1990. № 2.

[7] Дойков ю.В. Материалы П. Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995. № 6.

[8] Согомонов А.Ю. Забытая рукопись Питирима Сорокина // Социологические исследовании. 1998. № 4.

[9] Маулина Н.Н. культурно-историческая концепция П.А. Сорокина: автореф. дис… канд. ист. наук. – Казань, 1991.

В 1992 г. в издательстве «Политиздат» вышел сборник трудов П.А. Сорокина «Человек. Цивилизация. Общество»[1]. В него вошли фрагменты разных сочинений, в том числе впервые переведенные на русский язык отрывки из «Социальной и культурной динамики» и др.[2] Теперь, спустя годы, становится очевидным, что не очень удачно составленный сборник в большей степени ставил вопросы, чем давал ответы на поставленные ранее проблемы. Переводы на русский язык Т.С. Васильевой «Главные тенденции нашего времени» (1997 г.)[3] и В.В. Саповым «Социальная и культурная динамика» (2006 г.)[4] позволили широкому кругу отечественных исследователей приступить к детальному изучению интегральной концепции П.А. Сорокина.

В 1990-е гг. интерес к трудам социолога возрастал. С 1991 г. в Сыктывкаре выходит альманах социальных исследований «Рубеж» (гл. редактор В.И. Ильин), на страницах которого публикуются сочинения П.А. Сорокина[5], научные статьи, посвященные биографии и теоретическому наследию ученого[6]. Под эгидой альманаха в 1991–1992 г. переиздается фундаментальный труд «Система социологии». И вновь сталкиваемся с примером личного энтузиазма и увлеченности делом. Член редакционной коллегии Л.М. Макарова пересылает в Ставрополь профессору А.А. Аникееву номера альманаха для его аспирантки, исследующей теорию социокультурной динамики П.А. Сорокина.

В 1992 г. в Сыктывкаре впервые была организована Международная научная конференция, посвященная П.А. Сорокину[7]. Однако поистине знаковым событием стал Международный научный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения Питирима Сорокина (1999 г.). Организаторами выступили не только солидные российские учреждения (Российская академия государственной службы при Президенте РФ, Международный фонд Н.Д. Кондратьева, Российская академия наук (Отделение философии и права, Институт социологии), Российская академия естественных наук (Отделение исследования циклов и прогнозирования, Секция экономики и социологии), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Русское общество социологов им. М.М. Ковалевского, Российское общество социологов и демографов, Профессиональная социологическая ассоциация), но и зарубежные (Гарвардский университет, Между-

---

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992.

[2] Там же.

[3] Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. – М., 1997.

[4] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с анг. , вст. статья и комм. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006.

[5] Сорокин П.А. Страницы из русского дневника. 1917 г. // Рубеж. 1991. № 1; Сорокин П. Русская социология в XX в.; Сорокин П. Амнезия и новые клумбы // Рубеж. 1992. № 4.

[6] Голосенко И.А. Становление: ранний этап биографии П. Сорокина; Несанелис Д.А, Семенов В.А. Традиционная этнография народа коми в работах П.А. Сорокина // Рубеж. 1991. № 1.

[7] Социологические идеи П.А. Сорокина и современное общество: Международная научная конференция. 8-10 сентября 1992:тТезисы докладов. – Сыктывкар 1992.

народный институт социологии, Международная социологическая ассоциация). Заседание проходило в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. В его работе принимали участие 700 ученых из 144 стран (США, Канады. Италии, Франции, Греции, Египта и др.).

Тогда, после распада СССР, новая России была интересна зарубежным социальным мыслителям. В симпозиуме участвовали авторитетные зарубежные ученые, гарвардские ученики П.А. Сорокина. Президент Международной социологической ассоциации профессор А. Мартинелли говорил о развитии российско-американского сотрудничества и о том, что реальные социологические сообщества могут играть благородную роль в мире.

В обращении участников симпозиума П.А. Сорокин признавался «одним из крупнейших социологов, мыслителей, гуманистов XX века, автором десятков книг, проложивших новые пути в мировом обществоведении», подчеркивалось основополагающее значение его научного наследия для понимания перспектив развития общества в XXI в., формирования постиндустриальной парадигмы обществоведения», отмечалась «необходимость более глубокого использования этого наследия как в научных исследованиях, так и в преподавании для формирования мировоззрения поколений XXI в.» [1]

Протяженность в пространстве и относительная длительность во времени научного мероприятия (4-5 февраля в Москве, 6 февраля в Санкт-Петербурге, 8-9 февраля в Сыктывкаре) принесли интеллектуальные плоды. Симпозиум ознаменовал официальное возращение имени ученого на Родину. Один из вдохновителей симпозиума академик Ю.В. Яковец, говоря о значении симпозиума, отмечал: «…признание подлинного величия … научного подвига, значимости… идей для понимания прошлого, настоящего, будущего развития общества», выражал надежду, что «публикуемые материалы – лишь один из первых этапов к подъему российского обществоведения на плечах таких гигантов российской и мировой общественной мысли, какими были Питирим Сорокин…»[2].

Запомнилось выступление профессора университета Северной Каролины Г. Брауна о прогностической сути учения П.А. Сорокина. Он подчеркивал, что Россия выгодно отличается от США своей устремленностью в будущее, наличием достаточного количества людских и природных ресурсов. Профессор Дюкского университета и Сорбонны Э. Тирикян провозглашал: «Сорокин жив и выступает как учитель и интерпретатор критических аспектов современности – будь то в России, США и где-либо еще».

Особый эмоциональный настрой симпозиуму придало выступление сына П.А. Сорокина Сергея Сорокина. Его индивидуальная память сохранила воспоминания о человеческом облике отца, о том, как он любил природу, как выращивал азалии, рыбачил и как мечтал вернуться на родину. В дальнейшем тема П.А. Сорокина, простого человека из глубинки, была развита в документальном

[1] Там же. С. 3.

[2] Возвращение Питирима Сорокина: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. – М.; СПб.; Сыктывкар, 4-9 февраля 1999 г. – М.: Московский общественный научный фонд; МФК, 2000.

фильме, о котором речь шла выше. Приезд Сергея Сорокина в Россию в совокупности с ранее переведенным (1991 г.) П.П. Кротовым и А.В. Липским автобиографическим романом «Долгий путь»[1] дали импульс активному развитию биографистики П.А. Сорокина[2].

В последующие годы в образовательных и научных учреждениях страны организовывались разного статуса и масштаба научные мероприятия, связанные с именем П.А. Сорокина. В МГУ им. М.В. Ломоносова с 2005 г. по настоящее время проходят ежегодные Сорокинские чтения[3].

В 2009 г. состоялся цикл юбилейных мероприятий. В Президиуме Академии наук РФ Институтом социально-политических исследований РАН, Институтом социологии РАН, Международным институтом Питирима Сорокина-Николая Кондратьева, социологическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова, социологическим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета была организована Международная научная конференция «Научное наследие Питирима Сорокина и перспективы динамики цивилизации в XXI веке».

В апреле 2009 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошла Международная научная конференция – Первые Санкт-Петербургские социологические чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.А. Сорокина и 20-летию факультета социологии СПбГУ[4].

В августе 2014 г. в Сыктывкаре состоялась Международная научная конференция «Питирим Сорокина и парадигмы глобального развития XXI в.». Мероприятие было приурочено к 125-летию со дня рождения П.А. Сорокина, организовано Правительством Республики Коми, Центром «Наследие» имени Питирима Сорокина, Сыктывкарским государственным университетом, Коми научным центром УрО РАН.

Современник П.А. Сорокина М. Хальбвакс ввел понятие «публичной памяти» (официальной)[5]. Дж. Баклер и Э. Д. Джонсон в предисловии к сборнику «Ритуалы места: публичная коммеморация в России и Восточной Европе» (2013 г.) отмечают: «Меняющееся время требует новых символов, ритуалов и публичных пространств»[6]. Торжественное открытие состоялось в Большом зале Госсовета Республики Коми. Председатель государственного совета Республики Коми И.В. Ковзель в приветственном слове обратил внимание на то, что возвращение на родину трудов и мыслей П.А. Сорокина происходит «в том,

---

[1] Сорокин П.А. Долгий путь. – Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР; Шыпас, 1991.

[2] Василенко В.В. П.А. Сорокин. Опыт интеллектуальной биографии. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2005; Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография: в 2-х т. Т. 1. 2. – Архангельск: б/изд., 2009. и др.

[3] В 2016 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова состоялись X Сорокинские чтения.

[4] Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии. К 120-летию со дня рождения П.А. Сорокина и 20-летию факультета социологии СПбГУ: материалы Международной научной конференции – Первых Санкт-Петербургских социологических чтений 16-17 апреля 2009 года / отв. редакторы: А.О. Бороноев, Н.Г. Скворцов: в 2 т. Том 1 и 2. – СПб., 2009.

[5] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое изд-во, 2007.

[2] Васильев А. Память в поисках памятников // НЛО. 2015. № 6(136).

числе, и в стенах регионального парламента… это очень символично, потому, что судьба Питирима Александровича связана с историей законодательного органа нашего края. В 1917 году он являлся депутатом Всероссийского учредительного собрания от Вологодской губернии».

Днем раньше автор этих строк у трапа самолета стала очевидцем торжественной встречи Сергея Сорокина главой республики В.М. Гайзером. Внимание со стороны региональной власти навело на мысль, что именно в этот момент происходит что-то очень важное и значимое, то о чем всю свою жизнь после изгнания в США мечтал П.А. Сорокин.

Организаторам конференции удалось многое. Создать еще одно место памяти П.А. Сорокину, консолидировать на Коми земле почти всех ведущих отечественных исследователей творчества П.А. Сорокина.

Помимо сохранения мест памяти, создания жизнеописаний, издания трудов о выдающейся личности[1] в процессе мемориализации существенное место занимает издание собрания сочинений. Еще в 1999 г. на Международном симпозиуме было принято решение об издании полного собрания сочинений П.А. Сорокина. Долгие годы идея оставалась нереализованной. В марте 2012 г. на Всероссийской научной конференции «Питирим Сорокин и современный мир» (Сыктывкар) идея была повторно озвучена В.В. Саповым и получила поддержку. В 2014 г. республиканский Центр «Наследие» при поддержке Правительства Республики Коми приступил к осуществлению грандиозного проекта[2], который был представлен на упоминаемой выше юбилейной конференции в 2014 г. в Сыктывкаре. Достойный продолжатель традиций дореволюционных русских ученых-энциклопедистов, составитель первых трех томов собрания сочинений В.В. Сапов считает этот проект (30 томов) делом всей своей жизни. На презентации первых томов В.В. Сапов делился: «Сорокин заражает… он заставляет полюбить социологию… нельзя, любя П. Сорокина, не любить Коми землю». И вновь чувственно-эмоциональное отношение к объекту исследования занимает далеко не последнее место? Почему? Отчасти ответ находим у университетского учителя П.А. Сорокина А.С. Лаппо-Данилевского в содержании понятия аксиологического анализа в историческом познании. Это процесс выбора ценности и придания фактору значения посредством отнесения его к ценности, включая переживание как субъективный коррелят ценности. Не возможно полностью отказаться от переживания той действительности, которая

[1] Липский А.В., Кротов П.П. Зырянский след в биографии Питирима Сорокина // Социологические исследования. 1990. № 2; Сапов В.В. Зырянский проповедник // Социологические исследования 1991. № 8; Дойков Ю.В. Питирим Сорокин. Страницы жизни. – СПб.: Архангельск, 1992; Зюзев Н.Ф. Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций: возможности синтеза // Философия и общество. 2004. № 3; Зюзев Н. Американские горки Питирима Сорокина. – Сыктывкар: Эском, 2009; Ломоносова М.В. Питирим Сорокин в политике России и о политике в Америке // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. –Т. IX. № 1 (34) и др.

[2] Сорокин П. Ранние сочинения: 1910 – 1914 годы / сост., вст. ст. В.В. Сапов. – СПб.: Міръ, 2014; П. Сорокин голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. – Сыктывкар: Анбур, 2014.

познается, «от попытки воспроизводить, что… интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т. п.» [1]

Размышляя о процессе мемориализации памяти, нельзя не затронуть институциональный аспект. Функции хранения и распространения информации о П.А. Сорокине выполняют музеи. В Республики Коми было сделано много за прошедшие годы. Так, в 1991 г. в школьном музее с. Турья была создана экспозиция, посвященная П.А. Сорокину. Сегодня это Дом-музей Питирима Сорокина. В начале 2000-х организованы экспозиции в Национальном музее Республики Коми, Музее истории просвещения Коми края при Сыктывкарском университете[2] и др.

Более широкие задачи по консолидации исследователей наследия ученого, сохранению и изучению его трудов, популяризации теорий ставили такие организации, как Российско-американский институт имени Николая Кондратьева и Питирима Сорокина[3] (Москва, 1999 г.), Научно-образовательный центр теоретических проблем истории имени П.А. Сорокина при в Ставропольском госуниверситете (Ставрополь, 2008 г.), Центр социологических исследований имени Питирима Сорокина при Сыктывкарском госуниверситете (Сыктывкар, 2009 г.), республиканский Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина[4] (Сыктывкар, 2011 г.) и др.

Культурная память – это хранилище информации с определенными механизмами трансляции. Одним из самых популярных каналов сегодня является медиапространство. В 2009 г. в Саскачеванском университете (Канада) Сергеем Сорокиным был представлен проект сетевого ресурса Интернет-коллекции архива ученого[5] с целью стимулирования изучения и сохранения наследия П.А. Сорокина. В апреле 2011 г. в Винчестере (США) Сергеем Сорокиным при поддержке П.П. Кротова был создан Фонд Питирима А. Сорокина[6]. Фонд успешно функционирует, обеспечивая информационное взаимодействие организаций, исследователей и всех тех, кто интересуется жизнью и творчеством П.А. Сорокина.

В 2008 г. по инициативе декана социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессора В.Н. Добренькова был создан портал «Фонд имени Питирима Сорокина»[7]. В настоящее время существует информационный портал «Питирим Сорокин»[8].

Совершенно неожиданным, удивительным способом хранения и передачи памяти о П.А. Сорокине стало устное народное творчество. Сергей Сорокин всегда подчеркивал, что хранил родство с Коми народом. Немногочисленные факты

---

[1] Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. – СПб., 1910. Вып. 1. С. 7.

[2] Питирим Александрович Сорокин (1889–1968): альбом-каталог из фондов Музея истории просвещения Коми края / ред.-сост. М.И. Бурлыкина. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014.

[3] URL: http//www.psorokin.newparadigm. ru

[4] Постановление Правительства Республики Коми от 12.11. 2010.

[5]URL: http//www. library2.usask.ca/sorokin

[6] URL: http//www.sorokinfoundation.org

URL: http: //www. pitirm.org

[7] URL: http//www.sorokшnfond.ru

[8] URL: http//www.pitirimsorokшn.org

говорят о том, что и народ коми не забывал земляка. Преподаватель гимназии искусств при Главе Республики Коми А.А. Таскаева в 1999 г. сообщала о том, что жительница села Гам М.В. Отева исполнила в редком фольклорном жанре «бордодчан кыв» (плач, причинания) «Плач по Питириму Сорокину»[1].

В августе 2014 г. в Центре «Наследие» редактор журнала «Арт» П.Ф. Лимеров упоминал о лирических причитаниях по Питириму Соркину, обнаруженных в 1970-хгг. в с. Турья. П.В. Лиманов вспоминал, что в годы его обучения в Печорском речном училище В.А. Манохин рассказывал им о легендарном П.А. Сорокине. Сохранение памяти через разные жанры устного народного творчества позволяют предположить, что переживания, размышления о тяжелой судьбе земляка передавались из поколения в поколение даже в период официального забвения.

Таким образом, мемориализация памяти о П.А. Сорокине представляет собой живой пульсирующий процесс, усиливающийся в юбилейные годы и годовщины. Он неравномерен и невсеохватывающий, протекает с большим или меньшим участием локального научного сообщества. Социально-политические условия и индивидуальный исследовательский интерес, индивидуальная память и личная инициатива – основные детерминанты процесса мемориализации памяти о П.А. Сорокине.

Существенный вклад в сохранение памяти о П.А. Сорокине внесли ученые, общественные деятели, деятели культуры, политики Республики Коми. Здесь, на малой родине ученого, культурная память о нем закреплена в устойчивую традицию, которая поддерживается.

Информативная память (научные труды) дала импульс к формированию творческой памяти, получившей формы репрезентации (памятник, памятные места, музеи, кино, премии и др.). Основные зарубки уже сделаны. Основная задача современного этапа – наполнение коллективной памяти о П.А. Сорокине смыслами и их актуализация.

Наука и мораль у П.А. Сорокина были неразделимы. Когда в конце жизни в одном из интервью ученого спросили, кем бы он хотел остаться в глазах последующих поколений, он ответил: «Моралистом». Своей главной задачей он считал осуществление культурного творчества через совершенствование человеческой природы и воплощение в жизнь идеальных ценностей. Надо внимательно присмотреться трудам П.А. Сорокина по созидательному альтруизму, материалам Гарвардского исследовательского центра. В США эту часть интегральной концепции (теорию альтруистической любви) сочли «странностями в стиле Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского». Возможно, в России они будут более понятны и полезны, так как соответствуют нашему культурному коду. Даже если только с терапевтической точки зрения как средство преодоления стресса.

Он считал, что «…без увеличения «производства, накопления и распространения» энергии неэгоистической любви, никакие другие средства не смогут ни предотвратить будущие самоубийственные войны, ни установить гармонич-

[1] Таскаева А.А. По следам Питирима Сорокина // Возвращение Питирима Сорокина: Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. М.; СПб.; Сыктывкар, 4-9 февраля 1999 г. – М.: Московский общественный научный фонд; МФК, 2000.

ное устройство человеческого универсума». Эти идеи надо распространять в обществе, репрезентировать в творческую память, через искусство (театральные постановки, художественные фильмы и др.).

Необходимо продолжать создавать места памяти, связанные с биографией П.А. Сорокина, в том числе в США. Тема забвения П.А. Сорокина в Америке – это отдельная проблема, которую в последние годы успешно разрабатывает Н.Ф. Зюзев[1]. П.А. Сорокин стоял у истоков создания первого в США социологического факультета, «заложил основы гарвардской социологической школы», воспитал учеников… Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис, Дж. Рейли. Благодаря П.А. Сорокину Гарвард стал одним из главных центров теоретической социологии в США»[2]. Вместе с тем до последнего времени памятный знак в честь выдающегося российско-американского социолога в Гарварде так и не появился.

М.И. Бурлыкина
профессор кафедры культурологии и педантропологии
СГУ им. Питирима Сорокина

МУЗЕЙ В ЖИЗНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

В статье отражено приобщение Питирима Сорокина к культурным ценностям через его увлечение прикладным искусством, изучение коллекций российских музеев. Даны сведения о музейно-выставочной работе, посвященной П.А. Сорокину.

***Ключевые слова**: П.А. Сорокин, прикладное искусство, музейно-выставочная работа.*

В своей автобиографической книге «Долгий путь» Питирим Сорокин тепло отзывался о своем отце Александре Прокопьевиче Сорокине, уроженце Великого Устюга, золотых, серебряных и чеканных дел мастере, который приобщил детей к ремеслу. Питирим с детских лет настолько увлеченно рисовал иконы, чеканил ризы из медной или серебряной пластин, что вскоре обогнал в мастерстве отца и брата Василия, стал лучшим декоратором, художником и чеканщиком. Будущий ученый получил лестное предложение от одного выдающегося мастера ремесла стать его подмастерьем для дальнейшего развития таланта[3].

Интерес к прикладному искусству, к музеям художественного и этнографического профиля сопровождал Питирима Сорокина на протяжении всей его жизни.

---

[1] Зюзев Н.Ф. Американские горки Питирима Сорокина. – Сыктывкар: Эском, 2009.

[2] Ломоносова М.В. Российский вклад в мировую социологию: осмысление и актуализация научного наследия П.А. Сорокина в XXI в // Credo New. 2015. № 2 (82).Т. 1.

[3] Питирим Сорокин. Долгий путь. Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР; Шыпас, 1991. С. 15.

Когда судьба привела Питирима в 1907 году в Санкт-Петербург, он прежде всего побывал во всемирно известных музеях – Эрмитаже, Русском музее, Кунсткамере. П.А. Сорокин писал: «Мое умственное и культурное развитие шло… благодаря приобщению к великим культурным ценностям, собранным в Санкт-Петербурге»[1]. В 1909 году Питирим Сорокин оказался на родине своего отца, где экстерном окончил Великоустюгскую мужскую гимназию. В этот период в Великом Устюге шла работа по созданию первого музея – Древлехранилища, который открылся при православном Стефано-Прокопьевском братстве и хранил древние церковно-исторические памятники: древние рукописи, старопечатные церковные и другие старинные книги, бытовые памятники, рисунки, фотографии, скульптуры, иконы, изделия из серебра, кресты, деревянные скульптуры. Все эти экспонаты живо интересовали молодого человека.

В 1910 году Питирим поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, по окончании которого в 1914 году был оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. Он активно пользовался для пополнения своих научных знаний материалами единственного среди университетских музеев страны Музеем уголовного права, открытым в Санкт-Петербургском университете в 1891 году. Его созданию предшествовала выставка, организованная к Международному пенитенциарному конгрессу в Санкт-Петербурге. После завершения работы выставки экспонаты, пожертвованные русскому государству иностранными экспонентами, поступили в распоряжение главного тюремного управления. Однако преподаватель Питирима Сорокина, профессор юридического факультета в 1881–1913 годах, известный российский учёный-юрист, криминолог, товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, тайный советник Иван Яковлевич Фойницкий (1847–1913) вышел с ходатайством о передаче ценной коллекции Санкт-Петербургскому университету в интересах «научной разработки и успехов преподавания» истории тюрьмоведения. «В современных тюрьмах, – писал он, – есть много черт и явлений, которые, конечно, пройдут без следа, но уловить и сохранить ныне было бы вполне возможно при существовании общественного хранилища, ими интересующегося, и это было бы немаловажною заслугой для науки... Весьма важно не пропустить этого благоприятного момента, а умно и с пользою для науки вообще и для университета в частности ими воспользоваться»[2].

Просьба профессора получила поддержку с неожиданной стороны. Министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново обратился с письмом к министру народного просвещения Ивану Давыдовичу Делянову, в котором просил не препятствовать передаче этих ценных экспонатов в Санкт-Петербургский университет, т.к. предметы, «относящиеся до тюрьмоведения и ссылки могут несомненно представить для учащей молодежи более практического интереса, чем помещение тех же предметов в другом месте»[3] .Таким образом, в распоря-

[1] Там же. С. 50.
[2] РГИА. Ф.733, оп.150, ед. хр.780, л.2-3.
[3] РГИА. Ф.733, оп.150, ед. хр.780, л. об.

жение университета поступило 925 предметов. 24 июня 1891 году последовало разрешение со стороны министерства народного просвещения на открытие музея. Тотчас были приняты меры к приспособлению для музея уголовного права соответствующих помещений[1]. Это было «громадное по площади и высоте помещение», могущее вместить одновременно до 1000 человек[2]. В 1896 году в музее находилось 1062 предмета. Состав коллекций носил несколько случайный характер, не все стороны тюрьмоведения были представлены с одинаковой полнотой, существовали пробелы в историческом отделе, отделе русских мест заключения и русских исправительно-воспитательных заведений для малолетних. Однако в целом музей представлял замечательные собрания уникальных экспонатов, среди которых были модели Санкт-Петербургского городского арестного дома, Томского тюремного замка, кельи Абосской тюрьмы, парохода «Н. Новгород» для перевозки каторжных, золотопромывальные машины, орудия, образцы платья, обуви, гончарных изделий, изготовленных заключенными, и т. д. К 1902 году количество предметов возросло до 1332. Музей пользовался популярностью публики, проводил исследовательскую деятельность, издавал каталоги[3].

П.А. Сорокин активно сотрудничал с Архангельским обществом изучения Русского Севера (основан в 1908 году), публиковался в его журнале. В декабре 1910 года было создано Усть-Сысольское отделение АОИРС во главе с Андреем Андреевичем Цембером (1874–1959), которое выступило организатором Усть-Сысольского музея археологии и этнографии (открылся в 1911 году) – будущего Национального музея Республики Коми. С А.А. Цембером П.А. Сорокин был знаком: его визитную карточку он дал одному из своих попутчиков во время путешествия на Удору – Давиду Рафаэлю Фуксу, венгерскому ученому, который изучал Зырянский край.

Будучи профессором Петроградского университета, П.А. Сорокин в 1921 году отправился в регионы России для исследования голода на человеческое поведение. Побывал он также в Саратове, где в том же году был открыт единственный в стране Музей голода. Его основатель – ровесник Питирима Александровича, музеевед и профессор Саратовского университета Борис Матвеевич Соколов (1889–1930), собиравший материалы во время экспедиций по губернии. В музее были представлены фотографии, книги, брошюры, кинопленки, суррогаты пищи, предметы, отражающие быт и жизнь голодающих. Теме голода П.А. Сорокин посвятил цикл работ[4]. К слову, Б.М. Соколов был знаком также с другом П.А. Сорокина Алексеем Семеновичем Сидоровым (1892–1953), написал отзыв на его книгу «Знахарство, колдовство и порча у

[1] Каталог кабинета уголовного права при Петербургском университете. СПб.,1896. С.1
[2] РГИА. Ф.733, оп.153, ед. хр.446, л.136.
[3] Кабинет уголовного права при Имп. Петербургском университете. Каталог музея. – СПб.,1902. 151с.
[4] Голод и убеждения человека // Артельное дело. 1921. № 9-14; Голодания и психические переживания // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922. Вып. 1; др.

народа коми» (Л., 1928). Алексей был уроженцем села Палевицы, где Питирим окончил школу грамоты, позднее неоднократно там бывал.

Через своего земляка, профессора Санкт-Петербургского психоневрологического института Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866–1926), а затем и самостоятельно П.А. Сорокин познакомился со многими деятелями культуры. Одним из них был сотрудник художественного отдела Русского музея, скульптор, искусствовед Сергей Александрович Ухтомский (1886–1921) – выпускник Санкт-Петербургского университета и Академии художеств в Париже. Он написал статью по музейному делу, которая была опубликована в зарубежной прессе. Она стала основанием для будущего приговора. В июне 1921 года С.А. Ухтомский арестован и привлечен к следствию по делу «Петроградской боевой организации». Он был отправлен в Москву, заключен в Бутырскую тюрьму, а затем расстрелян за то, что сообщал за границу сведения о русских музеях. 1 сентября 1921 года в газетах было опубликовано официальное сообщение «о раскрытии в Петрограде заговора против Советской власти». П.А. Сорокина глубоко возмутила расправа советских функционеров с С.А. Ухтомским, Н.С. Гумилевым и другими деятелями культуры. Он писал с негодованием: «Расстрелять за информацию о положении в музейном деле! Расстрелять за подготовку нового избирательного закона! За монархические настроения! Ни то, что Гумилев был одним из величайших поэтов России, ни храбрость, проявленная на войне, не спасло его»[1].

В 1922 году П.А. Сорокин эмигрировал и более не вернулся в Россию. За границей его имя получило признание. На Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 году фамилия П.А. Сорокина была высечена на «Стене Славы». Таким образом американская общественность оценила П.А. Сорокина как иностранца, внесшего выдающийся вклад в американскую культуру.

В годы советской власти Питирим Александрович Сорокин был известен как оппонент Владимира Ильича Ленина, статью которого «Ценные признания Питирима Сорокина» изучали во всех вузах страны. На родине Питирима Сорокина изучение творческого наследия началось только с его 100-летнего юбилея – в 1989 году. В настоящее время музеи Республики Коми традиционно к юбилейным датам П. А. Сорокина организуют тематические выставки. В 1999 году, к 110-летию ученого, на его родине в с. Туръя Княжпогостского района создан музей имени П.А. Сорокина.

Большая работа по увековечению памяти П.А. Сорокина проводится в Музее истории просвещения Коми края. В основной экспозиции экспонируется живописный портрет ученого кисти народного художника России Энгельса Козлова, представлен моноблок. В 2014 году издан альбом-каталог личного фонда П.А. Сорокина, включивший около 500 экспонатов[2]. Часть их была подарена профессором Бостонского университета Сергеем Питиримовичем Сорокиным, трижды побывавшем в Сыктывкарском университете. Регулярно орга-

[1] Питирим Сорокин. Долгий путь. С. 152.

[2] Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) / автор проекта, ред.-сост. М. И. Бурлыкина. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 156 с., ил.

низуются выставки, отражающие разные стороны деятельности П.А. Сорокина. Студенты на музейных материалах пишут рефераты о его творчестве. Музеи являются хранителями и трансляторами научного наследия великого земляка, его жизни и творчества.

Научное издание

Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века

Международная научная конференция

9–10 сентября 2016 года
г. Сыктывкар, Республика Коми

Сборник материалов

Отв. редактор Л.В. Гурленова

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word

Системные требования:
ПК не ниже Pentium III; 256 Мб RAM; не менее 1,5 Гб на винчестере; Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2); Microsoft Office 2003 и выше; видеокарта с памятью не менее 32 Мб; экран с разрешением не менее 1024 × 768 точек; 4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше; мышь.

2,1 Мб. 1 компакт-диск, пластиковый бокс, вкладыш.
Подписано к использованию 14.12.2018 г. Тираж 100 экз. Заказ № 246.

Адрес типографии:
Издательский центр ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25
Тел. (8212)390-472, 390-473.

E-mail: ipo@syktsu.ru
http://www.syktsu.ru/

Титул Об издании Производственно-технические сведения Содержание